

Победитель российского конкурса
краеведческих периодических изданий
фонда Д.С. Лихачева

ОРЕДЕЖ

литературно-краеведческий альманах

Санкт-Петербург
Издательство «ЛЕТОПИСЬ»

2012

26.89
О-65

Фотография на обложке: Лариса Киселева

Кураторы проекта: Людмила Николаевна НЕЩАДИМ,
заместитель главы администрации
Гатчинского муниципального района

Даниил Арменович МКРТЧЯН,
начальник отдела культуры
администрации Гатчинского муниципального района

Составители: Елена Леонидовна БАБИЙ,
заслуженный работник культуры РФ,
директор муниципального казенного учреждения
«Межпоселенческая центральная районная библиотека им. А.С. Пушкина»

Светлана Александровна ТОПОРИКОВА,
заведующая инновационно-методическим отделом
муниципального казенного учреждения
«Межпоселенческая центральная районная библиотека им. А.С. Пушкина»

Ольга Леонидовна СОКОЛОВА,
заведующая отделом библиографии муниципального казенного учреждения
«Межпоселенческая центральная районная библиотека им. А.С. Пушкина»

Оредеж: Литературно-краеведческий альманах: Вып. 9. — СПб.: ЛЕТОПИСЬ, 2012. — 318 с.: ил., —12 л.цв.ил.

ISBN 978-5-904545-27-7

2012 год богат на исторические даты. Это 1150 лет Российской государственности, 200-летие Победы над Наполеоном, изменившей ход истории, 85-летие со дня образования Ленинградской области и Гатчинского района. В девятом номере литературно-краеведческого альманаха «Оредеж» этим событиям посвящены краеведческие очерки, архивные исследования, путевые заметки, публикации, которые знакомят читателей с историческим и культурным наследием края, историей становления и развития местного самоуправления Гатчинского района, героями Отечественной войны 1812 года, чья судьба связана с нашим краем.

В альманахе представлены материалы, рассказывающие о пребывании на Гатчинской земле выдающихся деятелей искусства и культуры. На страницах издания вы встретитесь и с нашими современниками — директорами предприятий, учителями, музейными работниками, художниками, которые живут и работают среди нас.

В новой рубрике выпуска «Морская слава Гатчины» вы узнаете о военно-морской истории Гатчины и выдающихся адмиралах, чья жизнь была связана с городом.

Найдете публикации местных писателей и поэтов. Материалы сопровождаются уникальными фотографиями, некоторые из них публикуются впервые. Цветные вкладки традиционно познакомят с основными событиями года.

Литературно-краеведческий альманах «Оредеж» № 9 адресован широкому кругу читателей: педагогам, историкам, краеведам, библиотекарям, молодежи и всем тем, кто изучает, любит и ценит историю своей Родины.

Дорогие друзья!

2012 год — год юбилеев значимых событий в истории нашей страны, в истории Ленинградской области и нашего Гатчинского района. Это 1150 лет Российской государственности, 340 лет со дня рождения Петра I, 200 лет Победы в Отечественной войне 1812 года, 200 лет со дня рождения Натальи Николаевны Гончаровой, 85 лет со дня образования Ленинградской области и Гатчинского района.

Несомненно, эти великие исторические даты ко многому обязывают всех нас. Переосмысление, понимание их величия, значение в исторической ретроспективе и сохранение в памяти поколений. Отчетливо видно, что для авторов альманаха «Оредеж» № 9 именно эти понятия стали системой координат незыблемых ценностей. В исторических, документальных, архивных материалах, в литературно-художественных публикациях, краеведческих заметках, поэтических зарисовках и даже в фотохрониках, — всюду прослеживается личностная причастность авторов, осмысленное представление Истины. Добра. Подвига. Красоты. Веры. Надежды и Любви.

В нашей быстроменяющейся жизни особенно ценно умение увидеть и запечатлеть происходящее, будь то большой красивый праздник или трудовая повседневность, обеспечивающая комфорт и успешность каждого жителя района.

На страницах альманаха появились статьи, которые вызывают полемику, значит он «живой», читаемый, обсуждаемый в обществе, то есть нужный, и это хорошо.

Думается, что каждый читатель найдет в нем строки, которые порадуют его гражданской зрелостью, масштабностью мыслей и чувств, окрыленностью, новизной, свежестью и энергией слова.

Спасибо авторам литературно-краеведческого альманаха «Оредеж» № 9 и его создателям. Но истинная оценка каждого издания приходит со временем, по мере прочтения и осмысления, когда чувства приходят в согласие с разумом. Этот альманах продолжает летопись жизни, труда и творчества жителей Гатчинского края, восстанавливает картины исторического прошлого, рисует портреты современников, достойно представляет наш район в литературно-краеведческом сообществе области и России.

Читательских вам открытий!

Елена Викторовна Любушкина,
глава администрации Гатчинского
муниципального района

Андрей Иванович Ильин,
глава Гатчинского
муниципального района

ISBN 978-5-904545-27-7

© Администрация Гатчинского муниципального района, 2012
© Редакционная подготовка. ООО «Издательство «ЛЕТОПИСЬ», 2012

*Излучина реки и донник с мятой,
Какой простор, какая благодать!
И лучше лугового аромата,
И полевых цветов не отыскать!
К реке бегущей наклонилась ива.
Волну целует страстно, горячо.
А ветерок, так нежно и игриво,
Вспорхнул небрежно на мое плечо.
Я наберу букет из трав душистых,
Коснусь цветов несмелою рукой.
Их аромат и ширь полей росистых
Оставят в сердце радость и покой.*

Евгения Корниенко

НАРОДНАЯ ПУШКИНИАНА

*О Пушкин, Пушкин! Кто тебя
Учил пленять в стихах чудесных?*
Ф. Глинка

ДОРОГИ ПУШКИНА, ДОРОГА К ПУШКИНУ

Виктория Кайкова

27-ой пушкинский праздник «Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет» прошел на Гатчинской земле. Традиционной была остановка на Вырской почтовой станции, где участников праздника встречали Самсон Вырин и Дуняша. В этом году гости Вырской почтовой станции познакомились с картой путешествий А.С. Пушкина. Более 34000 км проехал он по дорогам России, куда его только не заносила судьба... Из двадцати лет взрослой жизни — восемь провел в путешествиях.

Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин.

И немудрено, что слово «дорога» упоминается в пушкинских произведениях 393 раза. Нам сегодня интересно не только меткое слово поэта, но и каждый штрих его короткой, но ослепительно яркой жизни.

Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя все, меняя нас...

Проходят года, десятилетия, столетия ... Существует современная пушкинская карта России, которая повторяет маршруты путешествий поэта 200-летней давности. Там где жил, останавливался, бывал великий поэт, открывались музеи. Музеи большие и маленькие, расположенные в крупных городах и маленьких деревнях, усадьбы, мемориальные дома, заповедники.... В них хранятся материалы, связанные с жизнью и творчеством Александра

Сергеевича Пушкина, его эпохой, историей литературы и пушкиноведения.

Дороги к Пушкину пролегали по всей европейской России: из Москвы в Царское село, Болдино; из Петербурга в Пушкинские горы, Крым, Молдавию, Одессу, на Кавказ, в оренбургские степи... Мы вспоминаем заповедные места и идем «вслед за Пушкиным, вместе с Пушкиным»:

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я».

В 2006 году пушкинские музеи объединились в Сообщество, целью которого стало:

— изучение памятников истории и культуры, связанных с именем великого поэта,

— укрепление творческих связей между пушкинскими музеями.

В Сообщество пушкинских музеев входят: г. Санкт-Петербург, Вяземы-Захарово, Болдино, Михайловское, Каменка, Лопасня-Зачатьевское, Одесса, Гурзуф, Вильнюс, Берново, Калуга, Оренбург. Осенью 2011 года к ним присоединился музей «Дом станционного зрителя».

За годы совместного сотрудничества:

— издан путеводитель «Пушкинские музеи России и зарубежья»;

— открываются совместные выставки;

— разработаны туры по пушкинским местам — «Литературы»;

— проводятся ежегодные выездные заседания.

«... пушкинские музеи не могут осуществлять свою работу без взаимо-

действия. Это наследие — единое пространство: научное, культурное, мемориальное. Пушкинское наследие, являясь частью национального достояния, объединяет не только нас, но и всех людей, кто знает русскую культуру» (из доклада Е.А. Богатырева, директора Государственного музея А.С. Пушкина).

Учредителем Сообщества пушкинских музеев стал Государственный музей А.С. Пушкина — московский дом Пушкина, где он родился, провел детские годы, обрел семью, друзей. Первый музей в Москве, посвященный жизни и творчеству великого русского поэта, занимает старинную городскую усадьбу Хрушевых-Селезневых.

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горестей и бед.

В Вяземах-Захарово прошли детские годы А.С. Пушкина до поступления в лицей. Здесь Александр впервые увидел красоту русской природы, здесь он начал писать свои первые стихи. Детские впечатления сыграли огромную роль в творчестве поэта.

Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами в реке волнистой,
С мостом и рощей тенистой
Зерцалом вод отражено.

19 октября 1811 года в окрестностях Петербурга — Царском селе был открыт Императорский Лицей. Среди первых учеников был юный Александр. Здесь родился Пушкин-поэт, обрел своих друзей.

Моя студенческая келья
Вдруг озарилась: музе в ней
Открыла пир младых затей,
Воспела детские веселья,

И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

В сохранившейся до наших дней даче Китаевой в Царском Селе поэт провел с молодой женой первое лето семейной жизни.

Пушкинское Болдино — одно из посещаемых литературных мест России. Туда накануне свадьбы отправляется поэт.

Тоска, тоска!
Он в Нижний хочет,
В отчизну Минина...

Осенью 1830 года на южной окраине Нижегородской губернии — вотчине предков, Пушкин пережил взлет творческого вдохновения. «Маленькие трагедии», «История села Горюхина», «Сказка о попе и его работнике Балде», «Бесы», «Элегия» ... За 3 месяца было создано около 50 произведений.

Ярополец — древнейшее село Волокамского района на берегу реки Ламы, где расположена усадьба Гончаровых — родителей Натальи Николаевны.

Полотняный завод — уникальный усадебно-фабричный комплекс, посвященный истории рода его владельцев — Гончаровых. Афанасий Абрамович Гончаров в 1732 году стал компаньоном купца Тимофея Филатова на заводе «для деланья парусных полотен». Полотняный завод переходит по наследству. Поместья Гончаровых отличались великолепием, в них текла жизнь, полная увеселений: крепостной оркестр, гончие охоты, прогулки верхом. В этих местах родилась красавица Наталья Николаевна, и Александр Сергеевич Пушкин просил у родителей ее руки.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец».

Мемориальная квартира А.С. Пушкина на Арбате г. Москвы. Сюда 18 февраля 1831 года Пушкин привез молодую жену Наталью Николаевну Гончарову.

В усадьбе Лопасня-Зачатьевское, построенном во второй половине 18 века, бывали Н.Н. Пушкина-Ланская, ее дети, внуки, правнуки. В 1860 году одна из дочерей владельца усадьбы — Екатерина Николаевна Васильчикова вышла замуж за брата Натальи Николаевны Ивана Николаевича Гончарова.

На псковской земле находится известный всему миру уголок «спокойствия и тишины». В Святогорском монастыре, у алтарной стены Успенского собора нашел свой последний приют А.С. Пушкин.

Дворянские усадьбы «Михайловское», «Тригорское», «Петровское», где Пушкин «провел изгнанником два года незаметных», погружают нас в атмосферу «спокойствия, трудов и вдохновенья».

В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь буйный,
Иль иволги напев живой,
Иль шепот речки тихоструйной»

Остафьево — русский Парнас. С 1807 по 1865 г. владельцем усадьбы был князь Петр Андреевич Вяземский. Сюда в гости к своему другу приезжал Александр Сергеевич. Согласно одной легенде, Пушкин дал название липовой аллее, ведущей от дома вглубь парка — «Русский Парнас». Впоследствии так стала называться вся усадьба.

В усадебном доме И.И. Вульфа в Бернове в 1828-1833 годах бывал А.С. Пушкин.

В Торжке экспозиции музея посвящены путешествиям Александра Сергеевича по «государевой дороге», его дорожным впечатлениям и отра-

жением их в творчестве поэта.

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай
И отправься налегке.

Впечатления от путешествий, запавшие в память с ранних лет, нашли отражение во многих произведениях поэта. Наиболее точно передает особенности почтово-дорожного быта повесть «Станционный смотритель», на основе которой была воссоздана Вырская почтовая станция. Первый в нашей стране музей литературного героя — «Дом станционного смотрителя».

Долго ль мне гулять по свету
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком.

В оренбургские степи отправился Пушкин собирать материал к историческим произведениям «История Пугачева» и «Капитанская дочка». Наиболее ценным экспонатом музея в Оренбурге является посмертная маска поэта, привезенная В.И. Далем. Гипсовый слепок с лица Пушкина снял скульптор С. Гальберг и формовщик Академии художеств Балин.

Дорога увлекает Пушкина все дальше и дальше. Теперь он едет не как путешественник, а «по казенной надобности», то есть в ссылку.

В Гурзуфе, в доме генерал-губернатора Новороссийского края герцога Ришелье экспозиции раскрывают крымский период жизни поэта.

Киевский музей А.С. Пушкина посвящен южной ссылке поэта, его пребыванию в Крыму, на Кавказе, в Киеве. Без этого сентиментального путешествия никогда бы не было «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана».

Забытый светом и молвлю,
Далече от берегов Невы,
Теперь я вижу пред собою
Кавказа гордые главы.

Эту же тему раскрывает литературно-мемориальный музей А.С. Пушкина в Одессе.

Я жил тогда в Одессе пыльной.
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильный
Свои подъемлет паруса...

На берегах реки Тясмин в Черкасской области расположен городок Каменка, в котором любил бывать Александр Сергеевич.

Тебя, Раевских и Орлова
И память Каменки любя...

Примечателен Зеленый домик, находящийся в живописном парке. Здесь, по воспоминаниям декабриста И. Якушина, Пушкин стал свидетелем обсуждения вопроса о создании тайного общества. В этих местах написаны стихотворения «Нереида», «Редет облаков летучая гряда», «Я пережил свои желанья» и окончание поэмы «Кавказский пленник».

И вот судьба вновь возвращает его в Северную столицу.

Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз.

В квартире на набережной реки Мойки прошли последние дни Александра Сергеевича. Здесь 29 января 1837 года в 2 часа 45 минут пополудни скончался от смертельного ранения на дуэли Пушкин.

«Солнце русской поэзии закатилось...»

Богатейший материал, связанный с литературными предшественника-

ми поэта, участниками литературных кружков, лицейским окружением, жизнью и творчеством Александра Сергеевича, собран в Пушкинском доме города Санкт-Петербурга.

«За каждым упоминанием того или иного памятного места стоят разнообразные события, сложный мир пушкинских чувств, мыслей, поступков, взаимоотношений с разными людьми...»

Любовь к родине, красота русской природы, образы и поступки земляков вдохновляли на творчество. Проходят года, меняются поколения. Среди наших соотечественников много талантов — композиторов, поэтов, певцов, художников, актеров, музейщиков, работников сферы культуры ..., которые сохраняют по крупицам историю, возрождают все, что связано с именем Александра Сергеевича Пушкина.

«...МАЛЕНЬКАЯ ЛИТОГРАФИЯ С МОЕЙ ОСОБЫ...»

А.С. Пушкин

Елена Киселева

Именно так в письме к В.Ф. Вяземской за три дня до крестин своей первой дочери Маше Пушкиной написал поэт: «Представьте себе, что моя жена имела неловкость разрешиться маленькой литографией с моей особы».

31 мая 2012 года исполнилось 180 лет со дня рождения Марии Александровны Пушкиной.

Старшей дочери повезло больше других детей поэта, она прожила с отцом 4 года и 8 месяцев. Как мало это в обычной жизни и как неумно много в оборванной навсегда. С неизбывной нежностью Александр Сергеевич писал жене о своем первенце: «Целую Машку... и заочно смеюсь ее затеям. Она умная девочка, но я от нее покамест ума не требую, а требую здоровье... что-то моя беззубая Пушкина? Уж эти мне зубы!.. Что ты мне про Машеньку ничего не пишешь? Ведь я, хоть Сашка и любимец мой, а все люблю ее затеи... Целую Машу и прошу меня помнить».

В мае 1833 года поэт писал П.А. Осиповой, своей хорошей знакомой: «Моя дочь в течение последних пяти-шести дней заставила нас поволноваться. Думаю, что у нее режутся зубы. У нее до сих пор нет ни одного. Хоть и стараешься успокоить себя мыслью, что все это терпели, но созданы эти так хрупки, что невозможно без содроганья смотреть на их страдания». 14 сентября 1835 года из Михайловского Пушкин пишет жене: «Целую ручку у Марьи Александровны и прошу ее быть моею заступницей у тебя».

Машка... Мария... Машенька Пушкина...

В тот трагический зимний вечер девочка душой почувствовала беду и, не отдавая себе отчета, выбежала на лестницу. Дядька Пушкина Козлов нес тяжелораненого поэта

на руках в его кабинет. Что мог испытать ребенок, которому не было и пяти, увидев папеньку — бледного и беспомощного?!

Боль, всеохватывающая боль поразила ее. Она услышала горький крик матери и заплакала. Наверное, на всю жизнь она и запомнила его таким. Ужас проник во все поры ее детского сознания, да так и застыл, обозначая весь трагизм ее будущей долгой и жестокой судьбы.

Ужас вечер выплеснул в сознание
И беспечность холодно убил.
И схватило взрослое рыданье,
Отнимая радость детских сил.

И оставил на года скитанья
До ее тяжелого конца —
Яд в душе январского прощанья
С примесью кровавого свинца.

В детские годы Маша Пушкина, как и остальные дети поэта, получила хорошее домашнее воспитание. Уже в девять лет она свободно говорила по-немецки, по-французски, писала и читала на этих языках, впоследствии вместе с младшей сестрой Натальей изучала итальянский и английские языки.

Затем Мария училась в столичном Екатерининском институте — привилегированном женском учебном институте. По окончании его в декабре 1852 года была принята ко двору — фрейлиной императрицы.

К 17 годам Маша Пушкина превратилась в стройную и красивую девушку.

П.И. Бартенев, биограф А.С. Пушкина, писал, что дочь поэта «...выросши ... заняла красоты у своей красавицы матери, а от сходства с отцом сохранила тот искренний смех, о котором, А.С. Хомяков говаривал, что смех Пушкина так же увлекателен, как его стихи».

Теперь уже мать всерьез стала задумываться о том, чтобы вывезти в свет старшую дочь. В письме 28 августа 1849 года писала своему второму мужу (П.П. Ланскому) о Маше: «...она ... произвела впечатление у Строгановых. Графиня сказала, что ей понравилось и ее лицо, и улыбка, красивые зубы, и что вообще она никогда не подумала, что Маша будет хороша собою, так как она была некрасива ребенком. Признаюсь тебе, что комплименты Маше мне доставляют в тысячу раз больше удовольствия, чем те, которые могут сделать мне».

Красота Маше и ее фрейлинское положение не радовали, а тревожили мать. Ведь как-никак, а дочери уже было за двадцать. В ту пору такой возраст невест вызывал сожаление. Однако достойной партии не было.

Наконец в конце 50-х годов в ее жизни появился красавец-офицер лейб-гвардии конного полка Леонид Николаевич Гартунг.

Наталья Николаевна любила свою старшую дочь, и как когда-то тетя Загряжская дарила ей украшения, так потом и она старалась подарить дочери все, что могла, чем дорожила в молодости. В 1856 году

Мария Александровна Пушкина (1850-ые годы).
Художник И.К. Макаров

Марии Пушкиной по семейному разделу досталось 28571 рубль 50 копеек серебром. Марии Александровне было также представлено право один раз издать сочинения ее отца.

Трудно сказать, любила ли и до какой степени 28-летняя дочь поэта Леонида Гартунга? Во всяком случае, ей несомненно нравилось, что он близок к ее братьям. Выбор был сделан, и 6 апреля 1860 года Мария Александровна вышла замуж. И 6 апреля 1860 года Наталья Николаевна в письме к невесте брата Екатерине Николаевне Васильчиковой напишет: «...Маша... очень сильно изменилась к лучшему. Дай Бог ей счастливой семейной жизни...».

Выйдя замуж, Мария Александровна переехала в имение мужа Федяшево, расположенное под Тулой. После шумных балов столичного бомонда ей пришлось привыкать к провинциальной жизни. Однако Гартунги жили в имении относительно недолго и вскоре перебрались в Тулу.

Здесь же в начале 1868 года Мария Александровна Гартунг познакомилась с Л.Н. Толстым. Это произошло в Туле, в доме генерала А.А. Тулубьева. Вот что рассказывает об этой встрече свояченица

Толстого Т.А. Кузьминская:

«...Дверь из передней отворилась, и вошла незнакомая дама в черном кружевном платье. Ее легкая походка несла ее довольно полную, но прямую и изящную фигуру.

Меня познакомили с ней. Лев Николаевич еще сидел за столом. Я видела, как он пристально разглядывал ее.

— Кто это? — спросил он, подходя ко мне.

— М-те Гартунг, дочь поэта Пушкина.

— Да-а, — протянул он, — теперь я понимаю... Ты посмотри, какие у нее арабские завитки на затылке. Удивительно породистые.

Когда представили Льва Николаевича Марии Александровне, он сел за чайный столик около нее; разговора их я не знаю, но знаю, что она послужила ему типом Анны Карениной, не характером, не жизнью, а наружностью. Он сам признавал это».

Известно, что в черновиках имя этой героини первоначально значилось как Пушкина.

В 1933 году музей Л.Н. Толстого в Москве приобрел портрет известного художника И.К. Макарова у Е.С. Макаренко. Газета «Известия» 6 октября 1934 писала: «На портрете изображена дама в черном платье, отделанном тюлем. На голове у нее — черная, спадающая на округлые плечи, кружевная косынка. В ушах — жемчужные серьги, на шею нить жемчуга, в черных волосах — красный цветок». Портрет художника совпадает с описанием Анны Карениной до деталей одежды. Интересно, что портрет, переданный в музей, был портретом Пушкиной-Гартунг, которая подарила в начале 1900-х гг. его своей соседке в Москве Е.С. Макаренко. Родственники Марии Александровны, хорошо ее знавшие, тоже были уверены, что Толстой воспроизвел внешний облик дочери поэта в своем романе. Дочь старшей внучки поэта Натальи Александровны Воронцовой-Вельяминовой Софья Павловна Кологривова говорила: «Я хорошо помню тетю Машу на склоне лет; до самой старости она сохранила необычайно легкую походку и манеру прямо держаться. Помню ее маленькие руки,

М.А. Гартунг.
Портрет работы И.К. Макарова

живые блестящие глаза, звонкий молодой голос. Однако характером тетя Маша не походила на Анну Каренину». Племянница Марии Александровны, внучка поэта Анна Александровна Пушкина, подчеркивала, что Толстой в романе сохранил не только походку, энергичное пожатие маленькой руки Пушкиной-Гартунг, но и ее черное бархатное с черным кружевом платье и гирлянду анютиных глазок в волосах.

Хорошо ли поступил Толстой, изобразив в печальном облике своей героини старшую дочь поэта, которая и так с детства была под гнетущим впечатлением разгравшейся трагедии в ее семье? Говорят, нельзя накликать беду, ибо в конце концов это может случиться. Кто знает — пути Господни неисповедимы.

... 13 октября 1877 года в семье М.А. Гартунг произошло трагическое событие

— покончил жизнь самоубийством ее муж Леонид Николаевич, опутанный интригами бесчестных людей и отданный под суд. Человек доверчивый и крайне неопытный в подобных делах, Л.Н. Гартунг имел неосторожность взять на себя обязанности душеприказчика ростовщика В.К. Занфтлебена, вскоре умершего. Родственники ростовщика обвинили Леонида Николаевича в краже вексельной книги, долговых обязательств и других бумаг покойного Занфтлебена.

Время показало, что муж дочери Пушкина не был ни в чем виноват. Об этом скандальном судебном деле знал, безусловно, и Лев Николаевич Толстой. В драме «Живой труп», в сцене самоубийства Федора Протасова, писатель воспроизвел детали гибели генерала Гартунга, с которым был знаком более четверти века.

Как и муж старшей дочери Пушкина, Федор Василевич Протасов, отказывается от последнего слова в суде, не делает никакой попытки защитить себя, сохраняет высокое человеческое достоинство до конца. Как и Гартунг, герой Толстого «вынимает пистолет и стреляет себе в сердце». Подобно Гартунгу, Протасов кончает жизнь самоубийством в помещении окружного суда перед вынесением несправедливого судебного приговора.

Положение Марии Александровны после смерти мужа оказалось ужасным. В свои 45 лет дочь поэта оказалась без средств к существованию. Она обратилась с письмом к Александру II, но небольшую пенсию назначили ей лишь много лет спустя. И только в мае 1899 года, к 100-летию со дня рождения ее отца А.С. Пушкина, размер пособия был увеличен до 3000 рублей в год.

Можно представить отчаяние Марии Александровны. Но в отличие от героини Толстого, которая была внешне так похожа на нее, Пушкина-Гартунг нашла в себе силы и мужество бороться и жить, несмотря ни на что. И в этом ей помогли близкие родственники, которые поддерживали ее в трудную для нее минуту жизни. Теперь у нее не было личной жизни. Все оставшиеся дни она посвятит другим — детям своих родственников, детям своего рано овдовевшего брата Александра.

«Не знаю, знаешь ли ты, что у меня с осени гостит сестра Маша, — писал А.А. Пушкин брату Г.А. Пушкину. — Для меня это такая благодать, что ты и вообразить не можешь. Есть с кем душу отвести, и для девочек моих это большое счастье, что она у меня». После смерти жены на руках у брата осталось одиннадцать детей.

В последние годы жизни брата Мария Александровна нередко — особенно зимой — проводила вечера в его московской квартире. Собирались обычно в кабинете Александра Александровича, играли в карты, пили чай. Вспоминали детство... Сестру и брата связывали не только теплые родственные чувства, которые оба сумели сохранить до конца жизни, но и большая, искренняя дружба.

Настоящим праздником стал для Марии Александровны 1880 год. 26 мая в Москве состоялось торжественное открытие памятника А.С. Пушкину.

6 июня к 10 часам назначен был съезд в Страстном монастыре. Интересно, что с раннего утра пошел небольшой дождь, но за полчаса до начала богослужения погода прояснилась. По всей площади, от памятника до рельсов конной дороги, развесили флаги разных цветов с надписями обществ и учреждений, принимавших участие в открытии памятника. За канат могли пройти лишь люди, удостоенные этой чести, по особым билетам.

Праздник начался. Наконец под звуки марша, исполненного военным оркестром, с памятника снято покрывало, и творение рук мастера Опекушина засияло во всей красе. В вышедшей в 1880 году в Санкт-Петербурге книге «Венок на памятник Пушкину» этот торжественный момент описывается так: «... сняты были веревки с парусиновой пелены, окутывавшей памятник; она заколебалась под ветром, вся площадь замерла в ожидании. И вот пелена падает сперва к ногам поэта, потом совсем с памятника... Как живой предстал пред ними знакомый нам по портретам, бюстам дорогой и родной образ поэта. Трудно передать впечатление, овладевшее всеми. Звон колоколов, стройное пение народного гимна, площадь, по-

крытая разнообразными массами всякого люда, начиная от воспитанников учебных заведений, знамена, венки, перевитые лентами. И, наконец, эта чудная статуя, — все это представляло невообразимое очаровательное зрелище. Тут только можно оценить произведение Опекушина. За первую минуту общего оцепенения громкое «ура» огласило площадь. У одного из сыновей поэта, присутствующих при торжестве, градом, в три ручья лились слезы».

Можно себе представить состояние той, кого отец называл своей «маленькой литографией». Мария Александровна до конца дней своих общалась с памятником, как символом живого отца. Такова была волшебная сила искусства. Искусство слова перешло в искусство камня и, ожив, застыло на века!

Конечно, в центре внимания всех торжеств были дети и внуки поэта.

Но торжества проходят, а жить необходимо каждый день. Известно, что Мария Александровна очень бедствовала в 80 — 90 годы. Пенсии ей не хватало, а гордость не позволяла пользоваться услугами близких родственников. Она вела, по сути, полускитальческий образ жизни.

Помогло опять приближение очередного юбилея — 100-летия со дня рождения поэта. В январе 1898 года ее сестра Александра Петровна Арапова писала в Михайловское брату Григорию: «Для Маши удалось добыть прибавки к ее пушкинским пенсиям 1400 рублей, так что с мая она будет получать круглой цифрой 3000 рублей, что, конечно, поправит ее обстоятельства».

В 1899 году Московская городская Дума в ознаменование 100-летия со дня рождения великого русского поэта постановила открыть «бесплатную библиотеку-читальню имени А.С. Пушкина». Библиотека была открыта 15 мая 1900 года в небольшом помещении на бывшей Немецкой улице (ныне ул. Баумана).

20 февраля 1912 года «городом приобретено владение наследника Ф.М. Мухина на Елоховской площади за 180 000 рублей для нужд городских просветительских учреждений имени А.С. Пушкина». Здание библиотеки является памятником архитек-

туры 18-19 вв.. Первые дошедшие до нас документы, касающиеся участка, на котором в настоящее время расположено здание библиотеки, относятся к 1774 году. В ту пору владение принадлежало надворному советнику Чонжину. Деревянный дом сгорел в 1812 году. В 1814 году владелицей дома стала генерал-майорша Настасья Ивановна Нечаева, которая продала владение купцу второй гильдии Михайле Андрееву сыну Крашенинникову.

«В 1834 году владение принадлежит московской купечкой жене Авдотье Егоровне Соколовой». В 1854 году владельцем дома является почетный гражданин Николай Федорович Мамонтов. Дальнейшие владельцы дома неизвестны.

Первой попечительницей библиотеки стала старшая дочь поэта Мария Александровна Гартунг, которая выполняла эти обязанности в течение десяти лет.

Гартунг завела маленькую книжечку и написала на ней: «Пушкинская читальня». В блокнот Мария Александровна записывала деньги, отпускаемые на приобретение книг для читальни. 2 мая 1900 года читальня открылась для посетителей. Сейчас это Пушкинская библиотека в Центральном округе Москвы.

Не только детей умела к себе располагать старшая дочь Пушкина, но и те, кто общался с нею, отзывались о ней с теплотой. Макаренко, которая в начале века знала ее и отдала в 1933 году в толстовский музей портрет Гартунг, вспоминала: «С дочерью Пушкина я познакомилась в 1900 году у Гончаровых. Жила тогда Мария Александровна на Арбате, в Николо-Песковском переулке. Мы с мужем жили рядом, она в доме 13, а, мы — в доме 11. Встречались часто. Заходил к нам на огонек и живший поблизости А.А. Пушкин, сын поэта. Мария Александровна всегда была в окружении молодежи. «Не люблю старух», — шутила она. В обществе изъяснялась по-французски, нужно сказать, как истая парижанка, но русская речь ее была особенно хороша: чисто московская, с острыми народными словечками. Мне нравилась Мария Александровна: остроумная, ироничная, всегда подтянутая, тщательно причесанная. Она всегда

следила за собой — постоянно в элегантном черном платье, в туфлях на высоком французском каблучке...».

С наступлением эпохи безвременья и приходом советской власти Мария Александровна оказалась в тяжелейших условиях: лишенная пенсии, не имея крыши над головой, она вынуждена была скитаться.

Голодающая Пушкина-Гартунг вынуждена была обращаться с просьбой в народный комиссариат просвещения, которым руководил А.В. Луначарский.

Что же было делать несчастной Марии Александровне, когда началась волокита с вопросом о назначении пенсии? Каждое утро она ходила к своему бронзовому отцу на Тверской бульвар. И там, сидя у подножия грустного памятника, часами размышляла обо всех превратностях судьбы ее. Став радостью молодых Пушкиных, она пережила гибель всей своей семьи. И вот теперь одна у края открывающейся бездны.

В один из таких походов она упала и очень сильно ударилась. 7 марта 1919 года, так и не получив ни разу советскую пенсию, Мария Александровна Пушкина-Гартунг, бывшая фрейлина Двора Ее Императорского Величества, дочь свободолюбивого великого поэта в голодном состоянии скончалась.

Последний приют дочь Пушкина нашла в Донском монастыре. На могиле установлена серая гранитная доска, на ней — надпись и небольшой овальный портрет Марии Александровны с известного ее изображения кисти И.К. Макарова.

*В строгом платье траурного цвета
Через бури пагубных невзгод
К памятнику бронзового света
По Тверскому женщина идет...*

*Взгляд высок! ... Надежды прахом мимо,
Будь ты проклят, разоренья год!
«Здравствуй, Пушкин!*

*Папенька любимый!
Как тебя, родной, недостает!»*

*Помнят эти сухонькие руки
То тепло не бронзовых высот.
Как унять души разбитой муки,*

Как открыть печально сжатый рот?

*Выпрямилась гордая старуха,
Осенила памятник крестом,
И пошла, стуча по камням глухо,
Думая о Пушкине живом...*

*... Думаю и я порой ночами,
Почему так наша жизнь крива:
О поэте пафосно кричали,
Наплевав на дочери права.*

*Пушкина стихи приговорили,
В этом не виновен был никто?
Но за что же дочь его убили,
Заморили голодом за что?...*

В. Полушин. «Мария Пушкина у памятника отцу в 1918 году».

Когда-то А.С. Пушкин писал: «Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?»

Литература:

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 9-ти томах. - 4-е изд. — Л., 1977.
2. Моя родословная. Предки, семья, потомки А.С. Пушкина. — М., 2009.
3. Полушин В.Л. Потомки великого древа. Записки нестороннего наблюдателя. — Красноярск, 1999.
4. Русаков В.М. Рассказы о потомках Александра Сергеевича Пушкина. Сельцо Михайловское. — Псков, 2009.
5. Черкашин А.А. Тысячелетнее древо А.С. Пушкина: корни и крона. — М.: Либерия, 1998.

НЕВОЛЬНИК ЧЕСТИ

Поэтическая хроника в одном действии для театра

Михаил Лейкин

Пролог «Прошлое рядом»

Музыка. Танцы — мазурка.

Балы! От шпор до штукатурки
От люстр до коков — все дрожит...
Вон — Пестель, он летит в мазурке.
Вон — с дамой Вяземский кружит.

Трещат вошьенные паркетки.
Солдаты дуют, молодцы!
Кружат сановники, поэты,
Тираноборцы, мудрецы.

Стихи — в альбомах женщин милых,
Трактаты в дружеском письме...
Как все легко! Мазурка в жилах,
В душе мазурка. И в уме.

Всего каких — то полтора
Иль двести продержалось лет...
О, мир танцующий дворянства,
Тебя уже в помине нет!

Музыка мазурки смолкла.

Твои подметки отстучали...
Ты был так яростно спален,
Что средь псковских болот торчали
Лишь камни эллинских колонн.

Не здесь ли тот писал когда — то,
Что был лишь истиной влеком,
В шелку тяжелого халата,
Дымя янтарным чубуком?

Звучит трагическая музыка.

А ведь от вольтерьянских максим
Не так уж долг путь к тому,
Чтоб пулемет системы «максим»
С тачанки полоснул во тьму...
(Е. Винокуров)

— Тяжкие размышления наваяло стихотворенье...

— Конечно. Но это эпиграф к театральному действию в честь Кондратия Рылеева, славного человека, благодаря которому село Батово не затерялось на карте и в истории государства Российского... Наоборот, верим, что возродится оно... И во многом, опять благодаря Рылееву...

— Уверены? В представлении многих — Рылеев главарь смутьянов. Они замыслили государственный переворот, революцию! А нам ли не знать, что революция сделала с Россией?

— Как можно говорить такое? Декабристы — благороднейшие дворяне, которые выступили против рабства. Против позора крепостничества! Они стремились вывести Россию в ряд передовых европейских стран!

— Кстати, выступая против привилегий правящего класса — они выступали против своих материальных благ — дворцов, усадеб, свободного, обеспеченного быта... Не случайно их называли «невольниками чести»...

— Страдальцами стали! Пятеро казнены, десяткам — каторга, сотням — ссылка. Женам — испытанья, детям — бесправье, родителям — позор! Разве нельзя было прожить без этого?

— Нельзя! Если совесть и честь главенствуют, а Бог истинно в душе — прожить во лжи невозможно...

Взросление

(музыка — лейтмотив «Декабристы» И.И. Шварца из фильма «Звезда пленительного счастья»)

— Они еще мальчишки были.
Из чубуков дымы клубили,
В мазурках двигались легко!
Так мчать бы им сквозь поцелуи,
Сквозь перезвон бренчащей сбури.
Сквозь струи света и Клико!
— Но шпор заманчивые звоны

Не заглушали чьи-то стоны
В их опозоренной стране.
И быстро мальчики мужали,
И по мужски глаза сужали,
И шпагу шарили во сне.

— Кто же он — Рылеев Кондратий Федорович?

— За какие заслуги восставшие избрали его главой Северного общества, а затем диктатором всей России? И почему Рылеев отказался от этого поста?

— Странные отношения были у него с Пушкиным?

— Пусть говорят документы...

(Динамичная музыка. Чиновники выносят папки).

— Сведения о воинской службе артиллерийского прапорщика Рылеева.

— Архивные материалы уголовной комиссии и русско-американской компании, где тот служил, документы следственного комитета.

— Переписка с друзьями, с Пушкиным Александром Сергеевичем.

— Стихи, поэмы, журналы, которые он издавал.

— Перечтем искренне... И помним — мы не судьи. Все еще время рассудит!

— Много написано, а сколько пережито...

— Из миллиона букв — выбери шесть — РЫЛЕЕВ.

— И еще шесть — БАТОВО.

В руках каждого исполнителя папка — «Дело». Это единственная деталь оформления. Из раскрывающихся страниц появляются буквы образующие слова, зеленые и красные кленовые листья, звенья кандалной цепи — на протяжении всего спектакля.

Стоят двенадцать букв.

Песня Н. Смирновой и Л. Ждановой:

Современницы —
Век вертопрахов и кокеток,
Лорнетов, тростей, вееров,
Икры зернистой и креветок,
Лосин. Лампасов, киверов,
Вольтерьянцев, франкмасонов,

Камелий, астр и орхидей,
Английских стриженных газонов,
Декабрьских гулких площадей.
Тень женщины и звуки вальса.
Стреляются, теряя ум.
И катят в долгих дилижансах
Кто в Тагеран. А кто в Эрзрум
Иль в Пятигорск... Их убивают...
Красавица возьмет альбом,
А в нем стихи... пустяк... на память...
«Что в имени тебе моем...»

Мать — Мать его Анастасия Матвеевна родила сына в Батово. Супруг служил управляющим делами князя Голицына. Был деспот истинный. Господи, сколько раз порол малолетнего Кондратия розгой — не счесть! За малейшее непослушание отцу — тот наказывал, да со смаком особенным. Особый позор — отец жену свою и детей — Кондрата и дочь Аннушку в сырой погреб запирали.

Потому, когда возможность сложилась, поспешила бедная матушка своего шестилетнего сына в кадетский корпус отдать, на казенное содержание.

Право на это было — мать была урожденная Эссен, дворянка...

Крестьянка — дворяне — голь благородная... Из сорока восьми душ крепостных в деревне Батово, все-то ничего работников — семнадцать!

Звучит военный марш

Офицеры — Кондратию повезло! В девятнадцать лет выпущен из столичного военного корпуса подпоручиком. Сразу в действующую армию попал! Поход недолог, а впечатлений море — Дрезден, Швейцария... Триумфально армия российская в Париж вступила!

— Ну и насмотрелся в Европе на людей вольных... Полковые друзья — офицеры Рылеева уважали, — ни сабли, ни пули не боялся!

— А начальство — не любило! Не может лизать следы сапог командирских?!... А у нас для продвижения по службе — это качество важнейшее!

— Ничего! Служба не стог, офицер ни булава, отыщешь себя, подпоручик, в отставке!

Мать — Ну, зачем? Для чего, Кондратий ушел со службы воинской? Говорит, буду

добиваться справедливости на гражданском поприще.

Русская лирическая музыка — балалайка. Платок — венец. Затем платок — ска-терть.

Девушка — Он счастье мое и горе... Совсем юна была Наташа Тевяшова, тихая барышня из Воронежской провинции, когда Кондратия встретила. Ни на кого не похож! В глазах его искры вспыхивали, а какие стихи писал! Любовь золотая... Сыграли свадьбу, дочь Настя родилась. И когда Кондратий вернулся в Петербург — жить стали в старорусском стиле — на обед гречневая каша и щи, всегда огурцы да квас. Ложки подавали к столу расписные, чем немало гостей удивляли. В клетке канарейки пели.

Что делать — жили бедно. В Петербурге все дорого, так он матери в Батове писал, чтобы она прислала «на первый случай посуды какой-нибудь, хлеба ... и все, что она найдет нужное для дома, дабы не за все платить деньги».

Мать — Но много ли могла прислать мать? Звала Наташу с Настенькой в Батово, здесь проживем...

Современник — С чем сравнить любовь женскую? На высоком холме над Оредежем стоит памятник Анастасии Матвеевне Рылеевой. «Мир праху твоему, женщина добродетельная» — значит в эпитафии, вероятно составленной сыном.

Наташа — А служить Кондрат стал в Палате Уголовного суда. Все заговорили о его честности, неподкупности. Службу обществу он считал «самою лестною, самою приятною для каждого гражданина».

— Однажды Иван Пущин сказал: «Кондратий Федорович, а ведь про тебя в Петербурге уже анекдоты ходят. Я на днях слышал один — презабавный: одного мещанина по какому-то подозрению притащили к губернатору. Тот грозил ему всякими наказаниями и в конце концов пообещал от-дать его под уголовный суд. Мещанин упал ему в ноги и поблагодарил за милость: «Вы меня отдали под уголовный суд, стало быть я буду оправдан. Там служит Рылеев — он не дает погибать невинным».

— Рылеев улыбнулся, но тотчас же лицо

его сделалось снова серьезным.

— Я служил отечеству и ушел, когда уви-дел, что буду служить только для прихотей самовластья. Я желал лучше служить че-ловечеству и избрал звание судьи. Я буду бороться за свободу отечества и счастье на-рода».

От выборов на новое трехлетие Рылеев от-казался, поступив на службу в Российско-Американскую компанию, а его обществен-ная деятельность приняла иные формы: увлечение масонством сменилось полити-кой.

Наташа — Все бы хорошо — да он, ведь, поэт был! А это страсть сильнее любой ока-залась...

Современник —

Поэт в России — больше чем поэт.

В ней суждено поэтами рождаться
лишь тем, в ком бродит

гордый дух гражданства,
кому уюта нет, покоя нет.

Поэт в ней — образ века своего
и будущего призрачный прообраз.
Поэт подводит, не впадая в робость,
Итог всему, что было до него.

(Е. Евтушенко)

Крестьянка — Окна его комнаты в Батове клен старый заслонял. Так через ли-ству этого клена поэт на мир Божий смотрел. Немало написано Рылеевым. А мало кто знает, что одна из самых любимых песен народных «Смерть Ермака»!

*Исполняется песня К. Рылеева
«Смерть Ермака»*

Ревела буря, дождь шумел,

Во мраке молнии сверкали,
И непрерывно гром гремел
И ветры в дебрях бушевали и т.д.

— В 1820 году каким-то чудом в журнале появилась сатира на всесильного Аракчеева «К временщику», автором которой был до-селе неизвестный двадцатипятилетний поэт.

— Сатирой восторгались, переписывали, читали вслух на дружеских вечеринках, ко-торые становились сразу похожими на под-польные собрания.

Надменный временщик,
и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец
и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Внесенный в важный сан
пронырствами злодей!

Перепуганный чиновник — Господа, вы поняли о ком речь? Этот смутяня пи-шет о самом... Втором лице в государстве Российском! — И в какой-то степени о...

Твои дела тебя изобличат народу;
Познает он — что ты стеснил его свободу,
Налогом тягостным довел до нищеты,
Селения лишил их прежней красоты...
Тогда вострепещи, о временщик надменный!
Народ тиранствами ужасен разъяренный!
Но если злобный рок, злодея полюбя,
От справедливой мзды и сохранит тебя,
Все трепещи, тиран! За зло и вероломство
Тебе свой приговор произнесет потомство!

— Еще больший успех поэмы «Война-ровский»:

Прими ж плоды трудов моих,
Плоды беспечного досуга;
Я знаю, друг, ты примешь их
Со всей заботливостью друга.
Как Аполлонов строгий сын,
Ты не увидишь в них искусства:
Зато найдешь живые чувства, —
Я не Поэт, а Гражданин.

Офицер — Всем у кого есть разум, ста-новится понятно, кто он — Рылеев. Ружье заряжено!

Наташа — Считаю минуты до его возвра-щения. Молю Бога за мужа...

— Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа, —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной, —
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!
(музыка песни смолкла)

Пятна красного цвета.

Современник — Когда случилась траге-дия, и в результате разгрома восстания, Рылеев заточен в каземат Петропавловской крепости... оказалось, что около окна каме-ры растет клен. Рылеев пишет стихи, нака-лывая их иглой на кленовые листья и пере-сылая на волю...

Музыка. Пантомима — сужаются клено-вые листья до размера тюремного окна. Рука срывает лист, скрывается, выбра-сывает лист красного цвета.

Тюрьма мне в честь, не в укоризну,
За дело правое я в ней,
И мне ль стыдиться сих цепей,
Коли ношу их за отчизну.

— Но это будет после 14 декабря 1925 года, а пока — свобода!

Звучит счастливая танцевальная музы-ка. Пластическая танцевальная сцена.

Современник — Как ему было хорошо в Батове! Бегут дорожки и тропинки по пар-ку. Одна из них ведет к берегу, к большому замшелому валуну.

— «Камнем Рылеева» до сих пор называют в народе этот камень. Поэт любил сидеть на этом камне, мечтать... С обрывистого бере-га Оредежа открывается прекрасный вид». Сюда он приводил друзей — Кюхельбекера, Бестужева, говорят и Пушкина.

— Пушкина?

— Конечно. Из Выры, где Пушкин был проездом в Михайловское, можно напрямик попасть в усадьбу Рылеева.

Танцы — кадрили.

— К.Ф. Рылеев имел необыкновенное вли-яние на всех: говорил горячо и ладно, лицо его преображалось, темные глаза горели. Вся оредежская молодежь им была увлече-на: и Константин Чернов, и молодой Михаил Малютин, и юный Левушка Витгенштейн — члены Северного тайного общества... «в дружбе Рылеев был чрезвычайно пылок ... честь друга для него была выше всяких со-ображений». Он не хотел молодые годы ле-

нивым сном убить».

— Среди тех кто его отметил, был Пушкин. Отношения сложились непростые. Рылеев, как старший, не стеснялся учить, подсказывать таланту российскому темы важнейшие...

Пушин привез от Рылеева письмо Пушкину в Михайловскую ссылку. Что?

Пушкин (читая письмо) — Обнимает, поздравляет с написанием «Цыган». «Они совершенно оправдали наше мнение о твоём таланте. Ты идёшь шагами великана и радуешь истинно русские сердца. Я пишу к тебе: ты, потому что холодное вы не ложится под перо; надеюсь, что имею на это право и по душе и по мыслям. Пушин познакомит нас короче. Прощай, будь здоров и не ленись: ты около Пскова: там задушены последние вспышки русской свободы; настоящий край вдохновения — и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы»...

— Им было легко и радостно общаться. Каждый имел свое мнение и умел слушать. Пушкин не напишет поэмы политического характера. Нет, он уже создает величайшую трагедию — «Бориса Годунова»!

— А Рылеев вместе с Бестужевым пишет песни для солдат.

*(Исполняется песня.
Музыка Н. Смирновой):*

Ты скажи, говори,
Как в России цари
Правят.

Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят.

Как капралы Петра
Провожали с двора
Тихо.

А жена пред дворцом
Развезжала верхом
Лихо.

Как курносый злодей
Воцарился по ней.
Горе!

Но господь, русский бог,
Бедным людям помог
Вскоре.

Заговор

Рылеев был принят сразу в разряд «убежденных» и был избран директором общества. Дух и направление Северного общества, собрания которого происходили на квартире Рылеева — созданы им.

*Музыка «Тема декабристов» И. Шварца.
Веселье прекращено. Перестроение. Исполняется зримое стихотворение Н. Асеева
«Синие гусары».*

Хор — Раненым медведем мороз дерет.
Санки по Фонтанке летят вперед.
Полоз остер — полосатит снег.
Чьи это там голоса и смех?

*(на фоне массовой сцены
поспешный диалог)*

— Руку на сердце свое положи,
я тебе скажу: Ты не тронь палаша!
Силе такой становясь поперек,
ты б хоть других — не себя — поберег!

Хор — Белыми копытами лед колотя,
тени по Литейному дальше летят.

— Я тебе отвечу, друг дорогой,
Гибель не страшная в петле тугой!
Позорней и гибельней в рабстве таком
голову выбелив, стать стариком.
Пора нам состукнуть клинок о клинок:
в свободу — сердце мое влюблено.

Женщины — Розовые губы, витой чубук,
синие гусары — пытай судьбу!
Вот они, не сгинув, не умирав,
снова собираются в номерах.
Мужчины — Скинуты ментики, ночь глубока,
Ну-ка, запеньте-ка полный бокал!
Нальем и осушим и станем трезвей:
За Южное братство, за юных друзей.

— Глухие гитары, высокая речь...
— Кого им бояться и что им беречь?
В них страсть закипает, как в пене стакан:
впервые читаются строфы «Цыган».

Хор — Тени по Литейному летят назад.

Брови из-под кивера дворцам грозят...
— Кончена беседа, — гони коней,
утро вечера мудреней!

*Музыка И. Шварца из кинофильма
«Звезда пленительного счастья». В руках
исполнителей папки с документами.*

— Южное общество, во главе с Пестелем стояло за диктатуру, Северное — за демократию! Рылеев настаивал на принятии в общество купцов и мещан, предлагал освобождение крестьян непременно с наделением их земель.

— Рылеев выступал против кровавых мер, которые вошли в план действий декабристов.

— В 1823 году Павел Пестель вел напряженные переговоры по поводу соединения сил российских и польских повстанцев. Председательствовал на переговорах — князь Сергей Трубецкой. Павел Пестель категорично излагал позицию южан: избрание одного верховного правителя, совершенное ему повиновение. Принятие общей конституции и программа действий: низвержение царя, создание временного республиканского правительства.

— Был поставлен и самый щекотливый вопрос: об истреблении всех членов царской фамилии, в том числе вдовствующей императрицы Марии Феодоровны, государыни Елизаветы Алексеевны, всех великокняжеских жен и детей.

— Присутствующие на заседании ужаснулись хладнокровию и спокойствию, с которым обо всем этом говорил Пестель. В умах многих собравшихся тогда промелькнула мысль о его полном сумасшествии и даже сходстве с Бонапартом, который вначале своих шагов к имперскому трону, расстрелял царственных отпрысков!

— Трубецкой попытался возразить Пестелю: «Но ведь это злодейство!» Какой ужас произведет сие действие в народе! Какое вызовет отвращение к цареубийцам!»

— Но генерал сухо твердил свое: грозные перемены уже начались в Европе, всюду брожение умов от Португалии и Англии, до России и Турции.

— Спорили долго, сравнивали конститу-

цию Никиты Муравьева и конституцию Пестеля, вчитывались в листы.

— Никита Муравьев осторожно вынул из портфеля карту Российской республики...

Собирается карта.

— И затихший было спор, вспыхнул с новой силой и горячностью. На карте были обозначены новые границы Российской республики со столицей в Великом Новгороде. Польша находилась за рубежом.

— И тут Кондратий Рылеев внезапно закричал: «Никому не позволю играть судьбою моей Родины! Кромсать Россию?! Чертям вашу республику! Предатели! Враги отчества! Долой Пестеля — второго Бонапарта!»

— Пылкое выступление Кондратия Федоровича внезапно поддержали многие. Возбужденный Кюхельбекер вскочил на стул и разорвал пресловутую карту.

Карта рассыпается.

— Князь Трубецкой, стремясь водворить порядок на заседании, как можно спокойнее возразил шумевшим товарищам:

— Отторжение исконно русских территорий, многим будет не по душе...

— Слово уже дано полякам: на то была воля «Южного общества», — резко и холодно отрезал Пестель. К общему согласию на том вечернем собрании прийти так и не удалось..

— Участники его подавленно разошлись... Начало брожению духа было положено именно тем вечером... Приведшее мятежников к поражению.

(музыка смолкла)

— Перед 14 декабря Рылеев сложил свои полномочия; «диктатором» был избран Трубецкой, но Рылеев все-таки был на Сенатской.

— На следующую ночь он арестован и заключен в каземат. Рылеев вместе со своими четырьмя соратниками приговорен к четвертованию, замененному повешением.

— А что Пушкин?

— 12 декабря 1825 года, за сутки до восстания, Пушкин получил письмо Пушина, который призывал его в Петербург. Дурные приметы помешали Пушкину уехать. Не вернись Пушкин с дороги, говорил впоследствии Вяземский, «он бухнулся бы в кипяток мятежа у Рылеева в ночь с 13 на 14 декабря».

Об этом Пушкин смело сказал царю: «Все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не быть с ними. Одно лишь отсутствие спасло меня».

(трагическая музыка)

Что ж это, что ж это, что ж это за песнь?
Голову на руки белые свесь.
Тихие гитары, стыньте, дрожа:
синие гусары под снегом лежат!

(Н. Асеев)

Начинается новая картина — Пушкин в ссылке.

Ни близких, ни друзей, ни слуг.
Ночь ломится. И звезды тьму прогрызли.
И две свечи горят остро, как мысли,
Раскрыто зренье, и разомкнут слух.
И вновь в тиши ознобной пять голов,
Все неотступней наваждение мрет:
... веревки рвутся — Муравьев, Рылеев,
Каховский заживо упали в ров.
Как истерично генерал кричит:
«Скорей их вешайте! Скорее!»
О, палачом поддержанный Рылеев, -
Твой голос окровавленный звучит
Сквозь барабан и сквозь кандалы лязг:
«Так дай же палачу для арестантов
твои — взамен веревок — аксельбанты,
что нам не умирать здесь в третий раз».
Ни жить, ни петь, ни говорить, ни спать...
К рисункам со строки перебегают
Перо — и виселица проступает,
И петли — окна в смерть... Их пять, их пять
Повешенных, и рядом, словно вздох,

Приписка — шепотом: «И я бы мог...»
(Сергей Поделков)

— Сценарий казни декабристов сочинил царь, он настаивал на повешении, чтобы избежать пролития крови.

— Приговор, написал Сперанский, которого декабристы хотели назначить одним из членов правительства. Он так усердствовал от страха, что требовал четвертования.

— Виселица оказалась высокой — послали за скамьями. Вережки были разной толщины и явно ненадежны. Три веревки оборвались — Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и Рылеев упали в ров живые. Осужденные были слишком тяжелы от

неснятых кандалов.

— Вы, генерал, вероятно, приехали посмотреть, как мы умираем, — бросил генерал-губернатору Рылеев с лицом, залитым кровью. — Обрадуйте вашего государя, что его желание исполняется: вы видите — мы умираем в мучениях. — Вешайте их скорее снова...», — закричал генерал. — Подлый опричник тирана, — перебил его Рылеев. — Дай же палачу твои аксельбанты, чтобы нам не умирать в третий раз.

— Проклятая земля, где не умеют ни составить заговора, ни судить, ни вешать! — прохрипел Сергей Муравьев-Апостол.

Музыка — пантомима — пять висящих листьев.

Современник —

А что случилось бы, Рылеев,
когда бы свергнули царя
и расстреляли, не жалая,
на льду того же декабря?
Потом была бы схватка спесей,
и Вас бы, пряча торжество,
назвал врагом народа Пестель
или, быть может, Вы — его?
Ну а в Михайловском потеху
устроили бы мужики,
впустив свиней в библиотеку
и дав жевать черновики.
И няню Сашеньки орава
тех, кому нож да ночь к лицу,
поволокла бы на расправу
как барскую доносицу.
А Пушкин бы скакал, врезаясь
в сивушный строй дубья и вил,
и никакой бы, к черту, заяц
его бы не остановил.
И Пушкин проклял бы, неистов
власть, не смягченную добром,
и разбессмертил декабристов,
брезгливо брызгая пером...

(Е. Евтушенко)

— Полегче на поворотах! История не знает сослагательного наклонения!

Звезда надежды

— Смерть Рылеева на виселице и четверть его товарищей случилась летом. Другие участники получили каждый свое — кому ссылка, кому каторга... Но оказалось, — царь не победил! Сопротивление благород-

ства произволу продолжилось. И кто посмел выступить против могучего царя? Те, от кого менее всего ожидалось... Женщины!

Звучит новая музыкальная тема.

— Жены декабристов... Они не были членами тайных обществ, не принимали участия в восстании, но их имена в истории политической ссылки.

Они отказались от всех благ и последовали в край каторги за своими мужьями.

— Европа поражена! Это не только подвиг любви и верности, это поступок огромного общественного звучания! Сам факт добровольного следования жен за «государственными преступниками», — потрясает сознание!

— Узнав о желании женщин ехать в Сибирь на каторгу, Государь поставил условие — детей оставить в европейской России. Это препятствие самое жестокое. Шести женам пришлось пережить муки расставания с детьми.

— О, каким тягостным был переезд в забайкальские «каторжные норы»... Откуда взялись энергия у хрупких аристократок? Кто дал им силу преодолеть расстояние в 7 тысяч верст, притом в зимнюю стужу? Они мчались в край отверженных, обгоняя партии арестантов и каторжников.

Из звеньев цепи на страницах образуется цепь, перегораживающая сцену.

— Первой выехала Трубецкая. В Иркутске она задержалась на полгода. Местный губернатор, делал все, чтобы заставить Трубецкую вернуться обратно. Он объявил, что может отправить княгиню к мужу лишь по этапу, плечом к плечу с каторжниками.

Преодоление цепи — пантомима.

Но Трубецкая осталась непреклонной в своем решении, и иркутский губернатор разрешил ей отправиться к мужу в собственном экипаже.

— За несколько дней до Нового 1826 года в Москве дан прощальный вечер в честь Волконской, дочери генерала Раевского...

Да, той самой Машеньке Раевской, которой когда-то давно в Гурзуфе посвящал свои стихи Пушкин.

Волконская смотрит в зеркало. Появляется вторая исполнительница роли Волконской — юная...

И Пушкин тут был. Я узнала его...
Он другом был нашего детства,
В Гурзуфе он жил у отца моего.
В ту пору проказ и кокетства.

Те красные дни! Я не буду скрывать,
Что Пушкин в то время казался
Влюбленным в меня... но,
по правде сказать,
В кого он тогда не влюблялся!
Но, думаю, он не любил никого
Тогда, кроме Музы: едва ли
Не больше любви занимали его
Волненья ее и печали...

(Н. Некрасов)

— Пушкин читает гостям — «Во глубине сибирских руд».

— Но Волконская уехала тайно, в ту же ночь... Мария писала, что она ехала, не останавливаясь ни днем, ни ночью, не вылезая из кибитки, ей подавали «кусоч хлеба или что попало, или же стакан молока ...».

— Пушкин передал стихотворение отъезжавшей Александре Муравьевой.

Снова цепь перегораживает сцену. Борьба с цепью Муравьевой и Волконской. Совместное преодоление.

- Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.
— Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора...

(А. Пушкин)

Исполняется зримая песня М. Лейкина и С. Мироновой «Кибитка».

Летит в Сибирь твоя кибитка —
Едва видна, слышна едва.

Ты мне из той страны открытка,
Где вера в искренность жива,

Полозья лед сомнений режут,
пусть не круша. А лишь кроша —
они сверкают блеском прежним —
декабрьским блеском палаша.

Никак судьбу не разделить вам,
одна пред Господом вина —
ты для него сейчас молитва,
а не молитва так жена.

Летит в Сибирь — откуда силы,
гори в ночи твоя звезда,
летит Надежда по России
в сугробах горя и стыда.

Мы не забудем эту службу
и звон охрипших бубенцов.
Потомкам тоже очень нужно
В надежду верить и любовь.

Действие во время песни — выход массовки, падение на колени; молитва Трубецкой и ее отъезд; Муравьева поднимает женщин с колен, Волконская — пантомима — преодоление, Гебль — с белым платком, как птица — призыв, платок — фата. Массовка уходит.

— Когда Трубецкая увидела впервые мужа в кандалах, подпоясанном веревкой, обросшего, она упала в обморок.

— А Волконская, приехав, подкупила часового и спустилась в сам рудник, в подземную шахту! Она бежала наугад, впотьмах, и вдруг замелькали огни... Люди!

— «Волконская!» — вдруг закричал Трубецкой
(Узнала я голос). Спустили
Мне лестницу, я поднялась стрелой!
Все люди знакомые были:
Сергей Трубецкой, Артамон Муравьев,
Борисовы, князь Оболенский...

(Н. Некрасов)

Цепи разрываются.

— Осенью приехали в Читу Елизавета Нарышкина и Александра Ентальцева

Начинается и далее продолжается пантомима — прорастание зеленых листьев.

Шестой женщиной была Полина Гебль, парижанка. Она, считая себя невестой

Ивана Анненкова, добилась разрешения ехать за женихом в Сибирь и в Чите с ним обвенчалась. Очаровательная французская Полина Гебль превратилась в русскую подданную Прасковью Анненкову... Счастье супругов было неизмеримо! Их поздравляли, читали стихи, в том числе незабвенного Рылеева:

Твое отрадное участие
Твое вниманье, милый друг,
Мне снова возвращает счастье
И исцеляют мой недуг.

— Позже других присоединялись к ссыльным женщинам Наталья Фонвизина, Александра Давыдова, Анна Розен и Мария Юшневская...

— Женщины отправляли мужьям супы и каши.

— Наладилась связь декабристов с родными.

Развернулось зеленое дерево.

— За то что Александра Муравьева привезла стихи Пушкина ей грозила тюрьма... Но Александра простудилась и вскоре умерла.

— На поселении умерли Ивашева и Трубецкая. Три женщины овдовели в Сибири; но вдовам вернуться в Россию запретили! И только после смерти царя Николая I, через 30 лет было разрешено вернуться домой.

Пленительные образы — едва ли
В истории какой-нибудь страны
Вы что-нибудь прекраснее встречали.
Их имена забыться не должны!

— Розен и Нарышкина последовали за мужьями из Сибири на Кавказ, на войну.

— Фонвизина, Волконская и Анненкова вернулись с мужьями домой после амнистии.

И Князь Волконский читал Маше стихи...
Кого? Рылеева!

Исполнитель срывает лист с дерева и читает с него.

Исполнились мои желанья,
Сбылись давешние мечты:
Мои жестокие страданья,
Мою любовь узнала ты!
Так окроплен росой отрадной,
В тот час, когда горит восток,

Вновь воскресает ночью холодной
Полузавадший василек...

— Но все это будет потом, а пока год 1826 — ой! Год после восстания.

— А что же Пушкин?

Музыка чопорного бала.

— Пушкин приближен ко двору. Он камер-юнкер. Его личный цензор — царь! За границу — нельзя! Да какая граница? В любую сторону — только по разрешению шефа жандармов. Что это — золотая клетка? Объятия, которые все больше похожи на петлю. Ту самую — шестую...

Исполнители по очереди сжигают белые листы.

Звучит зонг «Пушкина не пустят за границу» А. Городницкого.

А Пушкина не пустят за границу —

От «А» до «Ю»:

Ни в Лондон, ни в Венецию, ни в Ниццу,

Ни в Падую.

Не даст ему гулять по белу свету

Империя,

Поскольку у жандармов к нему нету

Доверия.

Ах, Пушкина нельзя сильнее ударить.

Тоска сильна.

И пишет Пушкин письма государю

Искательно.

Окрестные губернии убоги —

Сойти с ума!

Шлагбаумы, размытые дороги —

Чума, чума...

Друзей твоих уведут по этапу.

Эх, визу бы,

Покуда к Бенкендорфу тебя в «лапу»

Не вызвали!

Заслужишь ты, лишь стоит постараться,

Прощение,

И власть тебе устроит с иностранцем

Общение.

Финал «Век пробует нас»

— Мне кажется — они, в чем-то похожи — Пушкин и Рылеев... Недоласканным детством.,

— Короткой памятью близких и долгой, увеличивающейся с годами памятью потомков.

— Жена Кондратия Феодоровича,

Наталья Михайловна Тевяшова, несколько лет спустя после казни несчастного супруга своего, вышла замуж вторично, за безвестного помещика, лишившись тем самым государственной пенсии... До конца своих дней, по некоторым сведениям, она предавала тихой анафеме имя первого супруга. Жизнь ее во втором браке была не очень счастлива и не очень длительна, но это уже совершенно другая история...

— Памятью о двух великих сынах России — Пушкине и Рылееве — отзывается в сердцах слово Ба-то-во!

Удары колокола.

— Здесь они встречались, и сидя у прибрежного валуна любовались ледоходом на Оредеже. — Сегодня в Батово только название напоминает нам об этом.

— Давняя мечта о восстановлении усадьбы и создании в ней музея К.Ф. Рылеева так и осталась мечтой. А ведь, возможности есть.

— И все же память о Рылееве жива. Каждый год 18 сентября и 2 июня на могилы сына и матери ложатся цветы, туда приходят люди, которым не безразлична судьба своего Батова, своего народа и России.

— Кондратий Рылеев... Он сам написал о себе:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа, —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной, —
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!

Песня Б. Окуджавы «Святое наше воинство».

Совесь, Благородство и Достоинство —
вот оно святое наше воинство.
Протяни ему свою ладонь,
За него не страшно и в огонь.
Лик его высок и удивителен.
Посвяти ему свой краткий век.
Может, и не станешь победителем,
Но зато умрешь, как человек.

Конец

Ирина Андриянова

Пушкинский праздник

В Гатчине праздник, Пушкинский праздник,
Едут со всех областей.
В Сиверской, Кобрине, в Выре, Рождествено
Снова встречают гостей.

Здесь по тенистым аллеям Пушкина сказки живут,
Видишь, Онегин с Татьяной тихо беседу ведут,
А чуть подальше Людмила вместе с Русланом идет,
Кот под раскидистым дубом им свои песни поет.

Припев: Ах, Александр Сергеевич!
Сколько б веков ни прошло,
Ваши творенья нести будут вечно
Добро и любовь, и тепло.

А под развесистой липой вздыхает седой Черномор,
Как потерял он Людмилу, не может понять до сих пор,
Там, за цветочной поляной, звонкие песни поют —
Это толпою цыгане Алеко к Земфире ведут.

Припев: Ах, Александр Сергеевич!
Сколько б веков ни прошло,
Ваши творенья нести будут вечно
Добро и любовь, и тепло.

Дед отпустил свою рыбку, вышел на берег Гвидон,
От Старца с довольной улыбкой петушка получил Додон,
Всех этих чудных героев можем мы видеть лишь раз —
В Пушкинский праздник, в Пушкинский праздник,
Который проходит у нас.

Припев: Ах, Александр Сергеевич!
Сколько б веков ни прошло,
Ваши творенья нести будут
Вечно добро и любовь, и тепло.

В Пушкинский праздник, в Пушкинский праздник
Едут со всех областей.
И в Воскресенской, и в Суйде, и в Гатчине
Снова встречают гостей.
В Сиверской, Кобрине, в Выре, Рождествено
Снова встречают гостей.

ПИСАТЕЛИ НА ГАТЧИНСКОЙ ЗЕМЛЕ

*Мы десять дней живем уже на даче,
Я не скажу, чтоб очень был я рад,
Но все-таки...*

*Мы занимаем симпатичный флигель
С скрипучими полами, с сквозняком;
Мы отдыхаем сердцем и умом;
Естественно, теперь до скучной книги ль...*

И. Северянин

*«Наша дача этим летом, небольшой старый дом,
целинный, в имени Кобрин»*

Видно Thompsonsky - 222 V. H. 24. T.

29-3-983. 32. no pomy m...

.... Мне дарят бог - но не могу любить
Хочу любви - и не могу любить!..

Станислав

положил начало духовному союзу, которому в истории литературы вряд ли можно подыскать какие-либо аналогии. Уже на исходе жизни З. Гиппиус писала: «Мы прожили с Д.С. Мережковским 52 года, не разлучаясь со дня нашей свадьбы в Тифлисе ни разу, ни на один день».²

1898 г. — имение Дылицы,
 близ ст. Елизаветино;
 1899 г. — село Орлино,
 близ ст. Сиверской;
 1903 г. — имение Дылицы,
 близ ст. Елизаветино;
 1904 г. — Гатчина, Мариенбург;
 1905 г. — имение Кобрино,
 близ ст. Суйда;
 1908 г. — имение Монплеизир,
 близ ст. Суйда;
 1914 г. — Сиверская, Кежево;
 1917 г.-1918 г.г. — имение Дружноселье,
 близ ст. Сиверской.

— это, скорее всего, следствие революционных катаклизмов. Многие стихи З. Гиппиус имеют пометки: «Дылицы», «Гатчина», «Дружноселье». В письме В.С. Миролюбову из Мариенбурга 17 августа 1904 года поэтесса сообщала: «Редкое обстоятельство: я написала целых три стихотворения и спешу послать их вам».³ Плодотворно работал и Д. Мережковский...

В тот год З. Гиппиус и Д. Мережковский снимали дачу у владельца Кобринской усадьбы Николая Андреевича Марковича. Что же представляло собой в то время это старинное дворянское гнездо? Вот какую характеристику дают усадьбе авторы книги «Сиверская дачная местность по Варшавской железной дороге», изданной в 1910 году, А. Лучинский и Н. Никитин: «В двух верстах от полустанка Карташевская по левую сторону полотна расположено имение Кобрино. Подъезжая к Карташевской, можно видеть вдали в лесной просеке белый господский дом громадных размеров. Это и есть барский дом в имении Кобрино.

| фермой...

Нынешний владелец Кобринио Н.А. Маркович продает это старинное барское имение, не желая дробить его на участки. Не доезжая Карташевской, полотно дороги пересекает красиво извивающаяся у опушки леса река — это и есть Кобринка».⁴

Рядом с господским домом, на окраине парка, стояла «Белая дача» — деревянный одноэтажный дом. Именно в этой даче и поселились Мережковские. Усадьба в ту пору славилась своим гостеприимством. Особым хлебосольством отличалась супруга Кобринского помещика Любовь Николаевна Маркович, урожденная Кармалина. Ее мать — замечательная русская певица Любовь Ивановна Кармалина (1834 — 1903 гг.) провела здесь последние годы своей жизни. Ее могила сохраняется на Суйдинском кладбище. Часто приезжали в Кобрино композитор, руководитель творческого объединения «Могучая кучка» Милий Алексеевич Балакирев, философ Лев Платонович Карсавин, сестра композитора М.И. Глинки — Людмила Ивановна Шестакова и другие. Вместе с Н.А. и Л.Н. Марковичами в имении подолгу жили их дети. Среди них сын — Дмитрий Николаевич Маркович — талантливый поэт, художник и композитор. По сообщению гатчинского краеведа Лбовского, в 1905 — 1916 годах он написал в Кобрине несколько своих стихотворений. В послереволюционное время Д.Н. Маркович работал научным сотрудником Пушкинского Дома. Умер он в 1925 году.

До наших дней дошло описание дачной жизни Мережковских. «Наша дача этим летом, небольшой старый дом, уединенный, в имении «Кобрино» была очень приятна, — рассказывала З. Гиппиус в своих «Воспоминаниях». — Жили мы там втроем с Ф./

илософовым/. Это лето мне особенно памятно общим поворотом нашим и разговорами о делах общественно-политических».⁵

1905 год был особенно тяжелым: события 9 января, поражения в русско-японской войне, — все это предвещало грядущий революционный пожар. Д. Мережковский работал в то лето над завершающей частью трилогии «Христос и Антихрист», в которой упоминается село Рождествено, где находилась мыза царевича Алексея. Действие романа накладывалось на фон происходящего в России. Об этом говорит запись, сделанная З. Гиппиус в дневнике после одной из бесед с Д. Мережковским: «Сегодня, 29 июля, мы долго спорили с Д.С. в березовой аллее. Очень интересно. В конце концов, он с нами согласился и сказал: «Да, самодержавие — от антихриста!» Я ж, чтоб он помнил, тотчас, вернувшись, записала это на крышке шоколадной коробки». Тут же острая на слово поэтесса с горькой иронией замечает: «Но торопиться записывать не было нужды...»⁶

Березовая аллея, в которой происходил спор, сильно поредевшая, сохранилась в Кобринском парке до сих пор. А вот «Белая дача», в которой жили Мережковские и Филосовы, давно утрачена. В фондах музея-усадьбы «Суйда» имеется копия фотографии с изображением этой дачи, выполненная в конце XIX столетия петербургским фотографом В.Б. Беловым.

С Кобринской дачи З. Гиппиус вела переписку с поэтами, писателями, литераторами. В Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге хранится ее письмо, адресованное поэту Андрею Николаевичу Белому, который в то лето гостил у Блоков в имении Шахматово под Москвой. Вот небольшой его фрагмент:

«Мал /ое / Кобринно. 13 июня / 19/05.

...Не очень там увлекайся блочьей женой, не упускайте во времени главного, — важен, очень важен ваш приезд сюда теперь? А про Софию-премудрость я вам расскажу настоящего, реального, прекрасного.»⁷

Неизвестно, воспользовался ли А. Белый приглашением З. Гиппиус, и побывал ли он тогда в Кобрине. Но достоверно установлено, что супругов Мережковских и уже упомянутого их ближайшего друга и единомышленника, публициста и критика Дмитрия Владимировича Филосова навещал здесь Евгений Павлович Иванов, который приходил в Кобринно пешком из Сиверской, где он отдыхал в то время на даче. В 1905 году он, будучи студентом юридического факультета столичного университета, был близким приятелем поэта Александра Блока. «В Петербурге есть великолепный человек: Евгений Иванов, — писал А. Блок А. Белому 7 апреля 1904 года. — Он юродивый, нищий духом, потому будет блаженным».⁸ Е. Иванов находился под влиянием философских идей Д. Мережковского. Он обладал хорошим литературным вкусом и впоследствии оставил интересные воспоминания об А. Блоке.

С именем А. Блока связан также весьма примечательный эпизод из поэтического наследия З. Гиппиус кобринского периода. На даче она написала ряд стихотворений и среди них стихотворение «К ней», помеченное «Июль, 05 М /алое/ Кобринно». Впоследствии многие свои произведения она щедро раздаривала друзьям и знакомым. Так случилось и со стихотворением «К ней». Его черновой автограф 6 ноября 1915 года З. Гиппиус преподнесла в дар А. Блоку. Сейчас оно хранится в Блоковском архиве Института русской литературы (Пуш-

кинский Дом).

Уже много лет спустя, отдыхая на даче, в излюбленном дачном районе Сиверской, дачной местности — в Кезеве, Мережковские ходили на прогулку в окрестный Карташевский лес, расположенный по соседству с имением Кобринно. В письме от 15 июня 1914 года З. Гиппиус сообщала Д. Филосову: «Дм/итрий/ торжественно повел в «лес». Что ж, правда лес, и сухой, и бывают просеки Карташевские. Очень только далеко идти по дачам и «пришпектам» прощальным».⁹

Сегодня Кобринно и его окрестности известны только как ганнибаловские и пушкинские места. А жаль. Сколько знаменитых имен и не только поэтических, связано с этим краем! Мы так и не научились беречь свои национальные святыни: погибает старинная усадьба, вырубаются парк, застраиваются современными дачами «новых

русских» долина реки Кобринки, господский дом (уникальный памятник прошлого) уже давно превратился в руины...

Примечания:

1. З.Н. Гиппиус. Вступит. Статья А.В.Лаврова. СПб., 1999, с. 7.
2. Там же, с. 8.
3. З.Н. Гиппиус. Вступит. Статья А.В. Лаврова. СПб., 1999, с. 484.
4. Лучинский А., Никитин Н. Сиверская дачная местность по Варшавской железной дороге. СПб, 1910, с. 39-40
5. Гиппиус З.О бывшем. — Возрождение. 1970, № 219, с. 71
6. Гиппиус З.О бывшем. — Возрождение. 1970, № 219, с. 71-72
7. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1982, кн. 3, с. 225
8. Турков А. Блок. М., 1969, с. 73.
9. РНБ, архив Мережковских, ф. 481, д. 162.

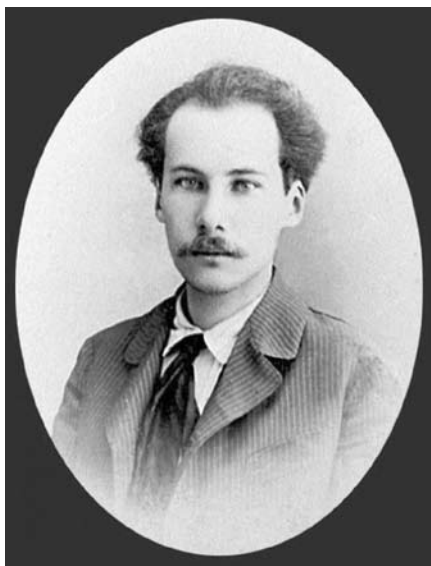
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ:

«Мережковские, приехавшие из Парижа и проводящие лето под Петербургом, — зовут меня: еду к ним, в Суйду...»

Перелистывая страницы сборников стихотворений известного поэта-символиста русского серебряного века Андрея Николаевича Белого (настоящее имя и фамилия — Борис Бугаев), можно заметить, что некоторые его произведения помечены топонимическим названием «Суйда». Среди них четыре стихотворения и одна статья. Все они были написаны в августе 1908 года, когда поэт гостил на даче у Зинаиды Николаевны Гиппиус и Дмитрия Сергеевича Мережковского. В это время А. Белый состоял в хороших

дружеских отношениях с супругами Мережковскими. В феврале 1908 года З. Гиппиус писала о нем: «...он нам тоже был близок, у нас жил, приезжая из Москвы, и на четвергах бывал. Мы любили его...»¹

Дачная местность вокруг железнодорожной станции Суйда всегда привлекала многих знаменитых людей. В конце XIX — начале XX столетия одним из лучших районов дачной Суйды считалась деревня Мельница и ее окрестности. Много прекрасных дач располагалось вдоль берега реки

Суйды на «прибытковском» берегу. В прошлые времена здесь находилась усадьба с романтическим названием «Монплеизир» (в переводе с французского — «мое удовольствие»). В 1888 году владелица этой усадьбы Екатерина Степановна Каменская начинает распродавать свои земли под дачные участки. Среди покупателей были преимущественно люди, профессионально связанные с деятельностью Мариинского императорского театра: Василий Репин (брат великого художника И.Е. Репина) — музыкант оркестра, Николай Иванов — декоратор, Карл Керт — настройщик музыкальных инструментов... Один из участков приобретает машинист (механик монтировочной части) данного театра Николай Александрович Бергер.

Сейчас уже невозможно установить, купил ли он тогда пустой участок земли или какое-либо имеющееся здесь дачное строение. Но документально известно, что в 1907 году Н.А. Бергер вышел на пенсию и с тех пор безвыездно, как вспоминали местные старожилы, жил в Суйде. Ему принадле-

жали здесь две первоклассные дачи: собственная и «гостевая», а вокруг них десять десятин земли с участком роскошного соснового бора.

Летом 1908 года именно у Н.А. Бергера снимали дачу супруги З. Гиппиус и Д. Мережковский. В августе они приглашают в гости А. Белого, который только что приехал в Санкт-Петербург, после более чем двухлетнего проживания за границей. Суйдинская земля вдохновила поэта на создание стихотворений: «Поля», «Из окна вагона», «Предчувствие» и «Старинный дом». Здесь он пишет статью «Каменная исповедь» (по поводу статьи Н.А. Бердяева «К психологии революции»). Всего А. Белый провел на даче около десяти дней, но это время было очень плодотворным в его творчестве. Одним из самых лучших его произведений суйдинского периода является стихотворение «Старинный дом», которое он посвятил поэту Владиславу Ходасевичу. Вот небольшой фрагмент этого стихотворения:

Все спит в молчании гулком.
За фонарем фонарь
Над Мертвым переулком²
Колеблет свой янтарь.

Лишь со свечою дама
Покажется в окне: —
И световая рама
Проходит на стене;

Лишь дворник встрепенется; —
И снова головой
Над тумбою уткнется
В тулуп бараний свой.

Железная ограда;
Старинный барский дом;
Белеет колоннада
Над каменным крыльцом.

До наших дней дошли воспоминания А. Белого, в которых есть и записи о его

временипровождении на суйдинской даче: «Мережковские, приехавшие из Парижа и проводящие лето под Петербургом, — зовут меня: еду к ним, в Суйду, я в августе, — сообщал поэт. — Здесь дней десять мы — вместе. Но нет прежнего пафоса в отношениях. Многое в Мережковских — мне ясно. И — тем не менее: под их влиянием я пишу здесь статью «Каменная исповедь», (против Бердяева, с которым меня связывает уже дружба): статья нравится очень Д.С.; он берет ее для журнала. Здесь же, в Суйде, — живут: Д.В. Философов, Т.Н. Гиппиус, А.В. Карташев³, и я замечаю: растущий протест в Карташеве против абстрактности Мережковского; раз, когда Мережковские уехали в Петербург, а мы трое (я, Т.Н. Гиппиус, А.В. Карташев) поехали по реке в малой лодочке, я стал жаловаться на абстракции Мережковских; А.В. Карташев с удовольствием подхватил мои жалобы; не забуду: пения Карташева — на тихой вечерней заре под плеск весел.

С первыми сентябрьскими днями я трогаюсь...».⁴

Сохранившаяся метрическая книга Суйдинской церкви Воскресения Христова сообщает, что Н.А. Бергер скончался 8 августа 1918 года и был похоронен на Мельницком кладбище. С этого времени хозяйкой дач становится его дочь — театральная актриса Еле-

на Николаевна Бергер. Впоследствии одна дача национализируется, а другая продается. В 1938 году Н.А. Бергер переезжает на жительство в Ленинград. Ее дальнейшая судьба известна. Она умерла от голода в блокаду. О семье Бергеров вспоминала старожил суйдинской земли Софья Николаевна Зязюля, урожденная Черепова (1907 — 1993 гг.): «В 1917 году мой отец Николай Васильевич Черепов купил в дачной местности, которая называлась «Монплеизир», дом. Раньше он принадлежал княгине Каменской. Этот дом когда-то проектировал архитектор Бенуа. До покупки дома наша семья два лета с 1915 года снимала дачу у Бергера, бывшего механика Мариинского театра, в то время уже солидного старика... Впоследствии Бергер стал нашим соседом. Он жил вместе с дочерью Еленой Николаевной — певицей. Девчонкой я не раз бывала у Бергеров в гостях вместе с родителями. В «Монплеизире» у них было две дачи. Они отличались от других местных жителей особым гостеприимством. Бергеры жили богато и открыто. У них часто бывали в гостях артисты. Может быть, поэтому у Елены Николаевны имелось очень много альбомов с фотографиями и открытками актеров петербургских театров. Дачи Бергера были заполнены дорогой мебелью, музыкальными инструментами и картинами известных мастеров. Перед самой революцией один летний сезон у Бергера снимал дачу художник Ефим Ефимович Волков...».⁵

Бывшая «гостевая» дача Бергера уцелела до наших дней. Административно она находится на территории поселка Прибыtkовo (улица Речная, дом 4). Сейчас здесь жактовский дом (малоэтажный многосемейный дом — прим. ред.), которым владеют несколько хозяев. Строение сильно обветшало и давно требует ремонта. О том, что

бывшая дача имеет историческую ценность, никто не знает.

Еще один забытый адрес

В поселке Прибыtkовo, на Пушкинской улице, в глубине сада стоит старинная дача довольно причудливой архитектуры. Местные старожилы, ныне уже покойные, издавна называли ее дачей Гиппиус. Можно долго и упорно перечитывать дневники и письма Зинаиды Николаевны Гиппиус, пытаюсь найти в них хоть какое-нибудь упоминание о ее даче в Прибыtkовe. Ваш труд будет напрасным. Дача под № 10 в прошлом принадлежала не самой поэтессе, а ее сестре

Татьяне Николаевне Гиппиус. Она была замечательным художником редкого дарования. Удалось установить, что участок под строительство дачи в Прибыtkовe она приобрела в 1912 году. Однако проводить здесь свой летний отдых Татьяне Николаевне и ее родным пришлось недолго. О бывшей даче Гиппиус, ее владелице и гостях вспоминает Татьяна Константиновна Лапьер (1912 – 1993 гг.), которая провела в Прибыtkовo свои детские годы. Ее повествование представляет огромный интерес для краеведов: «Мой дед (по отцовской линии) Эмилий Лапьер, француз по происхождению, был приглашен в Петербург во второй половина XIX века. Здесь он женился на Елене Морозовой, прожил недолго,

скончался, оставив после себя вдову с 4-мя детьми без средств к существованию. Чтобы дать образование своим детям, моя бабушка вынуждена была работать белошвейкой. Один из ее сыновей, мой отец Константин Эмильевич Лапьер, чтобы помочь матери, поступил учеником на Путиловский завод револьверщиком (в то время это была высокая квалификация рабочего). Его сестра Евгения училась в Крестовоздвиженской общине на хирургическую сестру. Это община была в ведении вдовствующей императрицы Марии Федоровны. В 1914 году, будучи сестрой милосердия, Евгения ушла на фронт в полевой госпиталь. Хирург госпиталя был убит, и ей самой приходилось делать операции раненым солдатам. Ее труд был отмечен наградами. Вторая сестра Елена работала стенографисткой-машинисткой. Брат Георгий Эмильевич блестяще окончил институт путей сообщения и стал инженером-путейцем. Под его руководством строились железнодорожные мосты. По существовавшим правилам инженер должен был первым проехать по воздвигнутому им мосту. Однажды он стоял на подножке паровоза, ведущего тяжеловесный состав. Пройдя мост, машинист резко набрал скорость, и Георгий Эмильевич сорвался с подножки и скатился вниз по откосу. В результате падения он сломал руку и отбил легкие. Врачи предсказывали скоротечную чахотку и рекомендовали срочно выехать из Петербурга. В семье для этого средств не было. За потерю здоровья при исполнении служебных обязанностей государство выделило единовременную помощь на покупку участка и строительство дома в лесной зоне. Так был приобретен участок земли в Прибыtkовe и вскоре построен там дом. Георгий Эмильевич пожелал, чтобы мой отец жил вместе

с ним в этом доме в знак благодарности за то, что Константин Эмильевич своим трудом помогал ему учиться. И мой отец с семьей переехал в его дом в Прибыtkовo.

Моя мама, Анна Ивановна Лапьер, в девичестве Леонидова, училась в рисовальной школе барона Штиглица, а впоследствии продолжала обучение в Академии Художеств в классе Репина. Вместе с ней там учились сестры Зинаиды Николаевны Гиппиус – Татьяна Николаевна и Наталья Николаевна. Все они дружили. Моя мама рассказывала, что сестры Гиппиус были умные, образованные, талантливые, интеллигентные и добрые женщины. В 1912 году, когда я родилась, меня крестили, и моей крестной матерью была Татьяна Николаевна. Таким образом, я стала родственницей этой семьи. В том же году мы переехали из Петербурга в Мариинский поселок на станцию Прибыtkовo Варшавской железной дороги.

В то время здесь был уже обетованный уголок: около тридцати дач, окруженных с трех сторон лесом. В поселке на больших участках, окруженных красивыми заборами, стояли добротные разнообразной постройки 2-х этажные дома, сверкающие среди зелени застекленными террасами первых этажей и балконами вторых этажей. В поселке были спланированы шесть прямых и широких улиц. Жители и дачники ходили на станцию по дорожкам между заборами и дренажными канавами, а проезжей дороги практически не было (все улицы летом зарастали травой и полевыми цветами.). Наш дом был самым непримечательным (одноэтажный с мезонином). Всех прохожих привлекал роскошный цветник, выращенный моей мамой. Двадцать сортов цветов росли и благоухали на клумбах. Дачники приходили с просьбой продать

цветы, но мама делала художественные букеты и дарила их гостям, ни один цветок из сада не был продан.

К нам на дачу часто приезжали Татьяна Николаевна и Наталья Николаевна Гиппиус. Здесь им очень нравилось. Вскоре Татьяна Николаевна приобрела участок земли по соседству с нашим. Примерно в 1913 году началось строительство дачи. Пока дача строилась, в летние месяцы сестры Гиппиус жили в нашем доме. Несколько раз наблюдать за строительством дачи приезжали З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский. Они также останавливались у нас. В доме был рояль. Моя мама, будучи гимназисткой, училась музыке у Рубинштейна. У нас всегда звучала музыка, и все любили петь. С началом войны 1914 года дача оставалась недостроенной. Зинаиде Николаевне очень нравился мамин цветник перед домом, она стремилась устроить такой же на даче сестры. Кто-то из писателей привез в подарок З.Н. Гиппиус маленькие саженцы лиственницы и кедра. Зинаида Николаевна лиственницу посадила рядом с дачей сестры, а кедр подарила моей маме.

В детстве я много раз бывала с родителями на даче Татьяны Николаевны. У нее был план внутреннего размещения комнат. Я помню его по памяти: на первом этаже планировалось устроить столовую, гостиную, комнаты для гостей и хозяйственные помещения, на втором этаже – комнаты сестер Гиппиус, комнату З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского, а также мастерскую.

После революции дача все еще стояла недостроенной, и Татьяна Николаевна с Наталией Николаевной бывали здесь редко. Какое-то время здесь жили их дальние родственники. Т.Н. Гиппиус не имела возможности закончить строительство дачи. А в двадца-

тых годах дачу вообще пришлось заколотить. Так до войны она и стояла заколоченной, но все жители поселка знали, что это дача Гиппиус.

О том, что З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский вскоре после революции уехали за границу, хорошо известно. О мотивах их отъезда от взрослых ничего не слышала, но знаю от мамы, что сестры Гиппиус очень ждали их возвращения.

В 1920 году мы переехали из Прибытково в Петроград. После нашего отъезда часть дома занимала сестра отца, другую часть — сестра мамы. После смерти маминой сестры, эта часть дома, как квартира, сдавалась родственникам композитора Римского-Корсакова.

В дальнейшем в Прибытково я приезжала на летние каникулы в 1923, 25, 27, 28, 31, 35 годах. В последний раз я побывала в Прибыткове в 1937 году. Тогда я уже была сломленным человеком...».⁶

Воспоминания Т.К. Лапьер были написаны незадолго до ее смерти в городе Сухуми, где она в то время проживала. Они хранятся в музее-усадьбе «Суйда» и публикуются в сокращенном варианте. К ее рассказу можно добавить, что в доме Лапьер впоследствии жили ее родственники, племянница Людмила Николаевна и ее потомки. Рядом с домом и сейчас по соседству находится бывшая дача Гиппиус, которая уже много раз перепродавалась и в настоящее время поделена нынешними хозяевами на две

части. Близ дачи растет красивая, раскидистая лиственница, посаженная когда-то З.Н. Гиппиус. А вот кедр, благополучно прижившийся, до наших дней не уцелел. Он погиб от сильной бури, которая пронеслась над поселком Прибытково в шестидесятых годах.

Все старожилы, помнившие семейство Гиппиус, уже давно ушли из жизни. Последним из них скончался Фаддей Марцелинович Козловский (1907 — 1993 гг.) — сын потомственного дворянина, потомок знаменитого рода Козловских. В детстве вместе с родителями он не раз бывал в гостях на даче Т.Н. Гиппиус, с которой дружила его мать. Примерно в 1915 году кто-то из родственников Татьяны Николаевны подарил его отцу щенка спаниеля. Этот пес потом жил у Козловских семь лет, пока не умер.

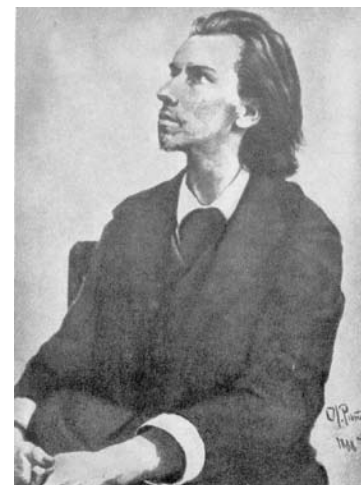
Удивительную историю имеют старинные дачи и их именитые владельцы. Но как мало мы еще знаем о них!

Примечания

1. З.Н. Гиппиус. Вступит. Статья А.В. Лаврова. СПб., 1999, с.485.
2. Переулок в Москве.
3. Карташев Антон Владимирович (1875 — 1960 гг.) — историк, профессор Духовной Академии.
4. Андрей Белый о Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997, с.337 — 338, гл. XIII.
5. Воспоминания С.Н. Зязюли, урожденной Череповой. Музей-усадьба «Суйда». 1989 г.
6. Письма Т.К. Лапьер к А.В. Бурлакову. Сухуми — Суйда. 1991 г.

ВСЯ ЖИЗНЬ - ПОЭЗИЯ

Наталья Юронен

Константин Фофанов

В мае 2012 года исполнилось 150 лет со дня рождения Константина Фофанова и 125 лет со дня рождения Игоря Северянина. Творчество двух поэтов, учителя и ученика, чьи судьбы причудливым образом переплелись, пережило за эти годы взлеты и падения интереса читательской публики. Поэзия Фофанова явилась своеобразной связующей нитью, мостиком, соединившим богатейшее культурное наследие золотого века русской литературы с грядущими поисками поэтов эпохи Серебряного века, чьим ярким представителем стал Игорь Северянин.

Константин Михайлович Фофанов (1862-1911) — талантливый русский поэт, широко известный в 80-90-х годах XIX века, яркий представитель русской классической лирики. В то же время поэт — художник переходного периода — стал одним из предшественников русского символизма. Лидерство поэта было признано многими авто-

Игорь Северянин

ритетными критиками и писателями, такими, как В. Розанов, Д. Мережковский, С. Надсон, А. Майков, Н. Лесков, Л. Толстой, А. Измайлов и В. Брюсов. Находилось (и немало) не менее авторитетных противников. Тем не менее, в период примерно с 1887 года до середины 90-х гг. XIX столетия, фигура Константина Фофанова являлась центральной в русской поэзии.

Первое упоминание о посещении поэтом нашего города относится к лету 1887 года. Стихотворение «На поезде» написано в Гатчине и помечено 28 июля 1887 года.

Мы мчимся, как стрела,
— все мимо нас летит,
В глазах бесследно исчезая,
А поезд все вперед стремится и стучит,
Броней железной громыхая.
Вдали синее лес неровною стеной,
Над ним кудряво вьются тучи,
Мелькает телеграф решеткою стальной
И зеленеющие кручи...

Стихотворение было положительно оценено Я.П. Полонским в отзыве, рекомендуемом Фофанову на соискание Пушкинской премии. Оно вошло во второй сборник поэта — «Стихотворения», вышедший в 1889 году. Конец 80-х годов — наиболее счастливый период в жизни Фофанова: женитьба на Лидии Константиновне Тупыловой (Туполевой), выход первых сборников произведений.

В марте 1890 года Константин Михайлович переносит тяжелое психическое заболевание. После длительного лечения Фофанов по совету врачей переселился в Гатчину. Но и до этого времени он посещал наш город, а летом 1888 года он с семьей жил в Гатчине на даче. Об этом свидетельствуют стихотворения «За городом», «Одуванчик», «Кончается», «Меланхолия» с датами под текстом, относящимися к маю и июню 1888 года. Об этом упоминает в записях дневника от 22 мая того же года его друг, литератор А.В. Жиркевич: «Был вчера в Гатчине у Фофановых <...> Застал их обоих в тревоге, особенно Лидию Константиновну, так знакомые им сообщили, что Фофанова за его «Таинство любви» Святейший Синод хотел будто бы предать анафеме <...> Я успокаивал их, насколько мог...». По поводу публикации стихотворения «Торжество любви (Таинство любви)» Святейший Синод не вынес никакого решения, но этот вопрос широко обсуждался в литературных кругах того времени.

Фофанов жил в Гатчине до 1903 г. Затем на короткий срок он переехал в Старую Руссу. Позднее, в самом конце 1905 года, он снова приехал и жил в Гатчине до 1909 года. Здесь он сменил более 20 адресов, вынужденный менять жилье, за которое не всегда был в состоянии заплатить. Установлены адреса проживания семьи Фофанова в

Гатчине: на улицах Госпитальной, Мариинской, Александровской, Ольгинской, Елизаветинской, Багговутовской. Дома до настоящего времени, к сожалению, не сохранились, фотографии жилищ не найдены, остались воспоминания современников поэта, которые воспроизводят обстановку жизни Фофанова в нашем городе. Среди них воспоминания Г. Иванова, В. Брюсова.

«Еще лучше его знали в Гатчине, где он был «обывателем». И его все и ежедневно видали на улице в одних и тех же привычных улицах, в привычном печальном состоянии. <...> я посетил его в Гатчине. Он жил на просторной, великолепной, уединенной улице, «уже близко к полю», — занимая неглавный дом и в пристройке неглавную часть. Сейчас не помню подробностей положения дома: только все было просторно на улице, на дворе, «пахло полем». <...>

«А вот дальше — комнатка мужа». Я вошел. В ней все было придумано, избрано, чтобы оберечь вдохновение поэта. В противоположность другим комнатам, где было довольно беспорядка, эта была в безукоризненном порядке и чистоте. Чистые занавески, на окнах цветы, недорогие и свежие, в бутонах и расцвете, хорошие стулья, кушетка, горка, полки с книгами, стол с бумагами и письменным прибором, нигде пятен, пыли. И выходила комнатка на лужайку или в сад: только она вся была в свежести и чистоте и давала положительно изящное впечатление». Это воспоминания Василия Розанова «Из житейских встреч. К.М. Фофанов».

Записи в мемуарах Федора Фидлера «Из мира литераторов: характеры и суждения» относятся к 12 марту 1896 года: «Фофанов живет теперь в Гатчине, напротив кладбища, и пребывает в неизменно мрачном настроении. У него пятеро детей; жена его более не содер-

жит школу; она получает пятьдесят рублей в месяц от «Рептильного фонда» и столько же от Суворина. Своего мужа отпускает в город крайне редко, поскольку он тут же пропивает весь гононар, полученный в разных редакциях. Он пьет и в Гатчине — но относительно мало».

Гатчинский период жизни Константина Михайловича (особенно вначале) совпадает со временем творческого расцвета, наибольшего успеха его поэзии. Гатчинские парки, любимое место прогулки, вдохновляли поэта на множество лирических строк.

В парке

Вхожу я в темные, печальные аллеи,—
Угрюмых сосен ряд повис передо мной,
Их ветки желтые, как выгнутые змеи,
Сквозят под мрачной бахромой.

Меж ними высятся, как свечи восковые,
Развесистых берез веселые стволы,
И липы бледные, и клены молодые
Свежи и холодно светлы.

Живет забвением, живет печалью мира
Природа кроткая, идущая ко сну;
И падает, шумя, древесная порфира,
И будит тишину!

Аллеи хвойные глядят с улыбкой сонной,
Как будто в трауре мерцающий венец,
И в тихом озере белеет отраженный
Мальтийских рыцарей дворец.

Люблю я красоту развенчанной картины,
Искусство, смятое природою живой,
И гроздь спелые алеющей рябины
Над зеленеющей скамьей, —

Извилистых дорог красивые пригорки,
И камни мшистые у лестниц вековых...
Все тихо, все мертво... но сквозь вершины
Зорки

Просветы пятен голубых.

О, свет, о, небеса в дни осени смущенной!
Не вы ли колыбель готовите весне?
Свой пир готовите, свой праздник благовонный

И птицам, и любви, и мне!

В Гатчине были написаны многие стихотворения, под текстами произведений: «Морозною ночью», «Грешница», «Посвящение», «Акварель», «Пророк Илья», указана Гатчина. В это время выходит третья книга Фофанова «Тени и тайны», издатель А.С. Суворин в 1896 году выпускает сочинения Фофанова в пяти частях: «Маленькие поэмы», «Этюды в рифмах», «Снегурка», «Майский шум», «Монологи».

В литературном кругу Фофанов сложился как отличный импровизатор, автор эпиграмм. Живя в Гатчине, он писал злые и остроумные эпиграммы на гатчинских градоначальников, на полицмейстера Кавторадзе, на гатчинского пристава Антонова, на врача Ольдерогге. В своей поэтической шутке-экспромте поэт вспоминает об Александре III, променявшем «крамольную столицу» на гатчинский дворец:

Здесь город, чуждый от заразы,
Здесь каждому свои грехи,
Здесь царь писал свои указы
И пишет Фофанов стихи.

В январе 1907 года Фофанов был арестован, и он провел около двух недель в гатчинской тюрьме по обвинению в политической неблагонадежности. За это время были написаны стихотворения, составившие цикл «Песни в заключении».

В нашем городе Фофанов отпраздновал свой двадцатилетний юбилей литературной деятельности в 1901 году и двадцатипятилетний — в 1906.

С Гатчиной поэта связывало многое — творчество, общение с друзьями, рождение детей. Всего в семье Фофанова родилось 11 детей, из которых двое умерли в младенчестве. У Фофанова было три сына — Борис, Константин и Григорий, шесть девочек — Ольга,

Екатерина, Лидия, София, Анастасия, Варвара. Их детство и юность связаны с Гатчиной. Старший сын Борис учился в Гатчинском городском училище. Судьбы многих из них не нашли подробного изложения в имеющейся литературе.

Екатерина Константиновна (умерла в 1979 году) сохранила небольшой архив отца и сборники стихотворений, которые она передала в Государственный архив литературы и искусства. К 100-летию со дня рождения поэта, в 1962 году, в Гатчине в краеведческом музее, располагавшемся в Приоратском дворце, прошли Фофановские чтения, на которых присутствовали многие поэты, музыканты. Приезжала на юбилейные торжества и дочь поэта Е.К. Фофанова-Устинова. В музее-усадьбе П.Е. Щербова хранятся мемориальные вещи поэта, переданные ею в музей.

Константин Константинович Фофанов (1889-1940), более известный как поэт Константин Олимпов, чтит творчество своего отца, но принадлежал к новому направлению в поэзии — эгофутуризму. С Гатчиной судьба его связала еще однажды. В своей «Автобиографии» он писал: «В 1920 г. я был мобилизован в Красную Армию и откомандирован в полевую почтовую контору Лит. Б., которая стояла в Гатчине. Там я написал «Третье Рождество». В начале 30-х годов К. Олимпов был арестован по делу «Об антисоветской группировке среди части богемствующих писателей, журналистов и артистов города Ленинграда». За «контрреволюционное» стихотворение «Моим хулителям» он был приговорен к десяти годам заключения в лагере. Умер Константин Константинович 17 января 1940 года в семье своих родственников в Сибири.

Самоотверженная преданность жены Фофанова — Лидии Константиновны — обеспечивала зыбкое материальное

равновесие и уют домашнего очага всей семье. Сразу после переезда в Гатчину она организовала школу для детей, которая просуществовала недолго. Своей жене Фофанов посвятил много стихотворений и самый крупный сборник «Иллюзии» (1890).

Мне нужен свет любви твоей, —
Не омрачай меня сомненьем!
Живешь ты жизнью моей,
А я живу твоим волненьем.

Над мрачной бездною скользя,
Я не ищу земного счастья,
Но жить без твоего участия —
Как жить без сердца — мне нельзя!

Последние годы жизни Фофанов провел в нищете и болезни. Константин Михайлович Фофанов скончался 17 мая 1911 года в Петербурге. В Гатчине в 1976 году на доме № 11 по улице Достоевского была установлена мемориальная доска.

«Мистической и жуткой загадкой прошел по земле этот человек, так причудливо сочетавший в себе землю и небо. Этот заколдованный злыми чарами царевич, этот ангел, порою пугавший людей лаской дьявола. Пламенеющим факелом вспыхнула его жизнь и погасла. Темное все сгорело. Остались бессмертные светлые песни». Это высказывание литературного критика А. Измайлова («Заколдованный царевич») наиболее точно отражает итог жизни поэта. Остались стихи, книги, к которым обращаются все новые поколения почитателей таланта Фофанова. В Центральной городской библиотеке им. А.И. Куприна хранится прижизненный сборник стихов поэта «Иллюзии», на страницах которого сохранился библиотечный штамп «Троцкая уездная центральная библиотека». Так называлась библиотека в 20-е годы. В литературе остались его

ученики, в первую очередь — самый известный — Игорь Северянин.

20 ноября 1907 года в Гатчине состоялось знакомство Константина Фофанова и Игоря Лотарева. Эту встречу и образ своего наставника И. Северянина хранил в памяти всю жизнь, считая, что в этот день он родился как поэт. Константину Фофанову и дню встречи он посвятил несколько стихотворений. Именно Фофанов внушил ему веру в свой поэтический талант и предложил взять литературный псевдоним Игорь Северянин.

На пустынной дороге, у старой часовни,
Где старушка-зима в белой шубе брела,
Где скрипучий мороз
забирался под дровни, —
Наша первая встреча, учитель, была.

*И. Северянин «Великому современнику.
День 20 ноября 1907 г.»*

Игорь Северянин — один из кумиров читающей публики 1910-х годов, поэт, для которого Гатчина стала местом его поэтического вдохновения. С Гатчиной связаны первые поэтические удачи — стихотворение «Весенний день» и один из лучших сборников «Громокипящий кубок». Здесь написана большая часть его дореволюционных стихотворений.

Весенний день горяч и золот, —
Весь город солнцем ослеплен!
Я снова — я: я снова молод!
Я снова весел и влюблен!

В декабре 1903 года он впервые приехал в Гатчину, где поселился у матери — Натальи Степановны Лотаревой. В их доме часто бывали литераторы, художники, музыканты, и Северянин не раз вспоминал эту пору как время восторгов и музыки, время поэтических опытов. Позже он опишет гатчинскую дачную жизнь в стихотворении «Злата»:

Мы десять дней живем уже на даче,
Я не скажу, чтоб очень был я рад,
Но все-таки... У нас есть тощий сад,
И за забором воду возят клячи;
Чухонка нам приносит молоко,
А булочник (как он и должен!) — булки;
Мычат коровы в нашем переулке,
И дама общества — Культура — далеко.
Как водится на дачах, на террасе
Мы «кушаем» и пьем противный чай;
Смежаем взор на травяном матрасе
И проклинаем дачу невзначай.
Мы занимаем симпатичный флигель
С скрипучими полами, с сквозняком;
Мы отдыхаем сердцем и умом;
Естественно, теперь до скучной книги ль.
У нас весьма приятные соседи
Мапап в знакомстве с ними и в беседе...

Летом 1905 и 1907 гг. его мать вновь снимает дачу в Гатчине, а в последующие годы местом отдыха становятся окрестности города. Красота пейзажей и достопримечательности гатчинских парков, озера и небольшие реки служили ему источником вдохновения. По стихам и поэмам Северянина, в которых часто упоминается Гатчина и ее окрестности, можно проследить за его жизненными перипетиями и узнать источники вдохновения поэта.

Я Гатчину люблю: ея озера —
Серебряное, с чем тебя сравню? —
И Приорат, и ферма, и зверинец,
И царский парк, где «Павильон Венеры»,
Не нравиться не могут тем, кто любит
Действительно природу.

«Падучая стремнина»

По словам Игоря Северянина, Гатчина была «музеем его весны». Здесь он встретил первую любовь — Евгению Гуцан (в стихах он называл ее Златой), которой посвящены около трех десятков стихотворений: «Ты ко мне не вернешься», «Портниха», «Спусти пять лет», «Евгения», «Сонет», «Лепестки роз жизни», «Ушедшая весна», «Дуэт душ» и др.

Ей тоже восемнадцать лет. Блондинка, Высокий рост и чудный цвет лица. Она вернулась вечером с работы И, поклонясь слегка, прошла в каморку К себе. Я мельком на нее взглянул. Но все-же различить успел и свежесть Ея лица, и красоту походки, И общее изящество.

«Падучая стремнина»

В Гатчине жили друзья И. Северянина по поэтическому цеху. «В фофановский поэтический кружок входили: П.Г. Гаврилов-Лебедев, садовник дворцовых оранжерей, Петр Ларионов, работник птицефермы, Игорь Васильевич Лотарев, вскоре ставший известным всей России Игорем Северяниным, Павел Кокорин, рабочий, два сына поэта Фофанова — Борис и Константин и я, начинающий поэт, еще учившийся тогда в Гатчинском реальном училище.

Собирались мы в летнее время в одной из комнат гостиницы, принадлежащей купцу Веревкину, на поэтические вечера. Лучше всех читал свои «поэзы» Игорь Васильевич. Да и его внешний облик привлекал к себе общее внимание: красивое лицо, высокий рост, добротная визитка и звонкий, правда, несколько носовой, оттенок голоса», — вспоминал бывший гатчинский реалист, поэт и журналист Федор Грошиков.

Многие из этого кружка писали стихи и выпускали их отдельными изданиями в 1910-1920-е годы. Петр Гаврилов-Лебедев выпустил сборники стихов «Первые лучи» (1909) и «Голубые дали» (1910). Кокорин Павел Михайлович, поэт-крестьянин, автор сборников «Песни и думы» (1909), «Фантастическая явь» с посвящением Северянина (1910), «Песни девушек» (1912), «Музыка рифм» (1913). Он участвовал в эгофутуристическом альманахе «Орлы над пропастью» (1912).

Петр Ларионов — поэт, также автор нескольких сборников. Он был заведующим Гатчинским птичником. Ему, как и многим друзьям по «фофановскому кружку», И. Северянин посвятил несколько стихотворений.

Я хочу, чтобы знала Россия,
Как тебя, мой Перунчик, люблю,
Чтобы очи твои голубые
Осветляли улыбку мою!
В тихой Гатчине, в парке дворцовом,
У форелей, цветов и лисиц.
Ты живешь молодым, бестолковым,
Весь пронизанный трелями птиц.

«Перунчик»

Поэт и издатель Иван Васильевич Игнатьев оставил воспоминания о Ларионове: «Умел делать он и поразительную водку, которую мы называли «Махорка» за странное свойство благоухания именно этим сортом табака. Но этот напиток поглощал в невероятном количестве преимущественно Перунчик, приходивший под утро от него в своеобразный транс, когда он, косноязычный от рождения, не выговаривавший большинства букв алфавита, приобретал вдруг способность потрясаяще и захватываяще читать стихи Фофанова. Вдохновенность его делала чудеса, и тогда недостатки речи вовсе не замечались. Он сам рыдал, читая, и часто заставлял плакать слушателей».

В 1916, 1917 годах И. Северянин вновь приезжает в Гатчину, где пишет стихи, вошедшие в книгу «Миррэлия», в частности — «Рифмодиссо», «Пора кончать», «Гастрономические древности», «Поэза октябрьского полдня», «Поэза Дмитрию Дорину», «Поэза разъяснения», «На смерть Верхарена», «Гирлянда триолетов», «Опечаленная поэза», «Миньонет», «Белая фиалка», «Бесстрастие достижения», «Мне плакать хочется», «Гатчинский весенний

день», баллады из цикла «Револьверы революции». Предположительно, жил он по улице Кирочной, 7, кв. 3. В одном из писем, написанных поэту и другу Георгию Шенгели через много лет в Эстонии, он заметит: «С нежностью вспоминаю иногда Гатчину, когда Вы сидели в моем вишневом кабинетике, пуская голубые кольца, такой внешне спокойный, уравновешенный, мудрый, кипящий внутренне. Я тогда знал, что Вам большой и прямой путь предначен. А помните зайца моего? А лилию в красной узкой вазе?». Живет он в Гатчине постоянно, выезжая только на поэзоконцерты в Петроград и другие города, находя тут покой и вдохновение.

Бывают такие мгновения,
Когда тишины и забвения, —
Да, лишь тишины и забвения, —
И просит, и молит душа...

Приведены строки из стихотворения «Бывают такие мгновения», написанного 19 апреля 1916 года в Гатчине. В этот день были написаны несколько произведений: эстляндская легенда о белых ночах «Койт и Эмарик» и стихотворение «Музей моей мечты».

О милый тихий городок,
Мой старый, верный друг,
Я изменить тебе не мог
И, убежав от всех тревог,
В тебя въезжаю вдруг!

Северянин неоднократно приезжал на отдых в окрестности Гатчины. Чаще всего он останавливался на мызе Ивановка, где отдыхал с 1906 по 1914 год, поэт называл это место «Идеальной Идиллией». Приглашая К.М. Фофанова в гости, в письме от 16 июля 1909 года он пишет: «Погостите недельку-другую на июльском воздухе, погуляйте версту-иную по пестрой зелени.

Я написал здесь больше 50-ти вещей. <...> Живем мы теперь во дворце Павла; приехала мама с прислугой. Комнат много (17), и мы можем удобно устроиться; мы же пока занимаем две комнаты. Перевожу Бодлэра (при помощи тапана); есть уже 8 сонетов из него. Вообще здесь хорошо, а с Вами лучше!..»

Многие стихотворения имеют пометки «Мыза Ивановка», «Пудость». Лето 1908 и 1909 годов — время интенсивного поэтического творчества.

Глушь, северная глушь —
как скорби изваянье —
Способна вдохновить немало гордых душ
И залечить порыв душевного страданья.
Глушь, северная глушь.

«Ландшафт»

Все вдохновляло поэта: природа, лес, река, ячменные поля, старая мельница, милые дачницы и жительницы близлежащих деревень, и, конечно же, охотничий дворец. Стихотворения «Когда ночами», «Ведь в двенадцать часов», поэма «Белая улыбка» написаны непосредственно в охотничьем дворце в Ивановке, ему же посвящены строки многих других произведений:

Государя домик низкий —
Пункт во дни его охоты —
Спит у быстрой речки близкой,
Мрачно хмурясь отчего-то.

«Гатчинская мельница»

Где в парк ворота — словно призрак,
Стоит заброшенный дворец.
Он обветшал, напоминая
Без драгоценностей ларец.

«Моя дача»

Дворец безмолвен, дворец пустынен,
Беззвучно шепчет мне ряд легенд...
Их смысл болезнен, сюжет их длинен,
Как змея черных ползучих лент...

«Когда ночами»

В Дылицах Игорь Северянин снимал дачу летом 1911 года. «Здесь — чудно, упоительно! Ежедневно много гуляю, пишу». В этот период было написано более трех десятков стихотворений. Среди них — «Стансы» («Простишь ли ты мои упреки»), «Кин-Като», «Каретка куртизанки», «Нелли», «Песенка Филины», «Сонаты в шторм», «И рыжик, и ландыш, и слива», «Nocturne», «Каприз царя», «Мельница и барышня», «Промельк» и др. Сюжеты некоторых из них навеяны историей, природой, достопримечательностями этих мест. А стихотворение «Елизаветино Кикерино» можно назвать своеобразным поэтическим путеводителем от станции Елизаветино до монастыря, расположенного в окрестностях старинной помещицкой мызы Пятая Гора:

Елизаветино! Налево,
От станции в одной версте,
Тоскует дылицкая дева,
По своему, о красоте...

Дыша Оранской Изабеллой,
Вступаю в лиственный покой,
Молчит дворец меж сосен белый
И парк княгини Трубецкой.

За Дылицами — Вераланцы.
За Пятигорьем — Озера.
Какие девичьи румянцы!
Жасминовые вечера!

Через Холоповицы прямо
Я прихожу к монастырю
И, на колени, встав у храма,
Пою вечернюю зарю.

В моем порыве — глубь бездонья!
Я растворяюсь в тишине
И возвращаюсь чрез Арбонье
При новоявленной луне.

Упоминание о последнем пребывании поэта на гатчинской земле относится к началу осени 1917 года. В 1918 году

Северянин переехал в Эстонию, но не забыл гатчинскую землю и вспоминал о жизни здесь в письмах и стихах. В это время он работает над автобиографичным романом в стихах «Падучая стремнина». Появляются стихи, посвященные А.И. Куприну, «тенистой Гатчины домовладельцу». Стихотворение «Рассказ княгини» — воспоминание о княгине Ольге Федоровне Имеретинской, с которой он встречался у нее на даче в Гатчине.

То было в Гатчине, лет десять
Тому назад, но до сих пор
Отрадно мне тем летом грезить
И вспоминать наш разговор.

И вот, я помню: мы, княгиня,
Сидим в столовой. Ночь близка.
Вы говорите мне о сыне,
И в Вашем голосе — тоска...

Надеюсь, что творчество Константина Фофанова и Игоря Северянина не забыто в Гатчине и гатчинские жители читают их книги. Об интересе к стихам поэтов свидетельствует молодежный конкурс чтецов — учащихся учебных заведений Гатчины, который прошел в Центральной городской библиотеке им. А.И. Куприна 12 апреля 2012 года. А также литературно-краеведческие чтения «Гатчинские голоса Серебряного века», где выступили музейные работники и краеведы Гатчины, представители Северянинского общества культуры в Эстонии.

2012 г.

КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ ФОФАНОВ В ГАТЧИНЕ

Любовь Куляхтина

18 мая 2012 исполняется 150 лет со дня рождения К.М. Фофанова, замечательного поэта-самородка, поэта-лирика, которого своим учителем считал поэт серебряного века Игорь Северянин. К.М. Фофанов родился в небогатой купеческой семье. Отец поэта был купцом 3-ей гильдии, имел свой лесной двор и все время с рождения и до своей смерти жил в Петербурге. Дом отца, небольшой, деревянный, на 16-й линии Васильевского острова с яблоневым садом вокруг — первые впечатления детства будущего поэта.

«Мой младенческий рай», — так вспоминал К.М. Фофанов. В раннем детстве он был окружен любовью и заботой своей кормилицы, а потом и няньки — Софьи Алексеевны Нехтур, которая была с ним до 5 лет.

Отец его, человек тихий, спокойный, не вступавший ни в какие тяжбы, в конце жизни разорился, и семья жила в постоянной нужде, из-за которой Константин Михайлович смог получить только начальное образование, однако восполнял его постоянным чтением книг и журналов. Стихи сочинять он начал уже в раннем возрасте 8-10

лет. Первые публикации поэта появились в издательстве Суворина, когда Фофанову было 19 лет.

Целый период — с 1887 по 1895 год — в поэзии можно было назвать Фофановским, настолько было популярно его творчество. Его стихотворение «Звезды ясные, звезды прекрасные», опубликованное в 1885 и посвященное его жене Лидии Константиновне Тупылевой, сделало его знаменитым.

Наиболее плодотворный период творческой жизни поэта связан с Гатчиной, хотя Фофанов родился и умер в Петербурге, жил в Киеве, Москве, Новгороде, Старой Руссе, а также в других пригородах северной столицы — Царском Селе, Сергиевом посаде, Стрельне, но милее всего для него была Гатчина. С Гатчиной у К.М. Фофанова был связан 21 год жизни. Он то приезжал, то уезжал из Гатчины. Постоянным жителем Гатчины К.М. Фофанов стал осенью 1890 года. В Гатчине он прожил безвыездно 13 лет до 1903 года. С Гатчиной связано рождение семерых детей. В Гатчине Фофанов подготовил к изданию наиболее значительные поэтические сборники «Тени и тайны», «Иллюзии».

В Гатчине Константин Михайлович Фофанов отпраздновал свой 20-летний юбилей литературной работы в 1901 году, и 25-летний — в 1906. В Гатчине Константин Михайлович Фофанов жил по многим адресам — на Госпитальной, 11; Мариинской, 7; Александровской, 13, 33, 35; Ольгинской, 24; Елизаветинской, 9. Дома, в которых

жил поэт, не сохранились. В Гатчину к поэту приезжали Брюсов, Северянин, Илья Репин. Знаменитый художник Репин был крестным отцом Константина и Григория — детей поэта, с глубокой нежностью и заботой относился к поэту. В своих воспоминаниях о Фофанове Репин сказал про него: «... в нем было что-то вулканическое, горел он всегда собственным, вечно невероятным, вечно новым огнем. Стоило ему только начать чтение своих стихов, все преображалось. Он был неузнаваем, куда девалась эта манера одичалости, застарелой бедности. Голос поэта гремел властно, увлекая слушателей». Репин в 1887-1888 годах написал портрет К.М. Фофанова — это одно из лучших изображений поэта, передающее одновременно душевную тонкость, внутреннюю одухотворенность и в то же время его болезненную надломленность. Портрет был представлен на выставке в залах Петербургской Академии Художеств в феврале 1888 года и вызвал много различных толков, особенно недоброжелательных завистников поэта.

Этот портрет был куплен миллионером Рябушинским на передвижной выставке за пять тысяч рублей, находился в его московском собрании картин, в годы революции был вывезен за границу, теперь его местонахождение неизвестно. Жизненный путь поэта был очень тяжелым. Болезнь жены, многочисленная семья, постоянные материальные невзгоды, постоянная нужда — все это надломило его здоровье. По трагическому совпадению, свою последнюю зарю поэт встретил в местах счастливого детства, проведя последние, самые тяжелые десять месяцев жизни в Сергиевской пустыни, в доме по Петергофскому шоссе, откуда его увезли уже смертельно больным в Петербург, в лечебницу. Умер К.М.

Фофанов 17 мая 1911, накануне своего дня рождения, в возрасте 49 лет от крупозного воспаления легких.

В 2010 году в издательстве Пушкинского Дома «Новая библиотека поэта» вышла книга молодого ученого-литературоведа Сергея Сапожкова «Константин Фофанов», в которой сделана замечательная подборка стихотворений поэта, а в разделе «Примечания» — подробный анализ творчества поэта и биографические сведения о К.М. Фофанове.

А в музее-усадьбе П.Е. Щербова, в зале «Историческое прошлое Гатчины», представлена небольшая выставка, посвященная Константину Михайловичу Фофанову — на выставке личные вещи поэта, переданные в музей по желанию дочери поэта Екатерины Фофановой-Устиновой. Это прижизненный томик стихотворений поэта, трость, с которой он любил гулять по Приоратскому парку «и слушать музыку дождя», шкатулка с его монограммой, бювар, с которым он ходил по редакциям, рецепты лекарств и очки.

Константин Михайлович Фофанов был похоронен на Новодевичьем кладбище Санкт-Петербурга. Игорь Северянин принимал самое деятельное участие в похоронах поэта, в сборе денег для покупки места погребения, и на могиле поэта со слезами прочитал свои стихи:

Вижу вашу улыбку,
Сквозь гроб меня озаряющую,
Слышу, как божьи ангелы
Говорят вам:
Добро пожаловать.
Господи, прими его душу.

На снимке: экспозиция в музее-усадьбе П.Е. Щербова.

ИВАН ЕФРЕМОВ — УЧЕНЫЙ-ПАЛЕОНТОЛОГ, ПИСАТЕЛЬ-ФАНТАСТ

*«Следовать мыслям великого человека
есть наука самая занимательная».*
А.С. Пушкин

Наталья Давыдова

В одно мгновение видеть вечность,
Огромный мир в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность,
И небо — в чашечке цветка

У. Блейк

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.

Ф.И. Тютчев

Энциклопедист, путешественник (участник 31 экспедиции), в 19 лет совершил свое первое открытие в палеонтологической поездке в Прикаспий. Результаты работ были изложены в первой научной статье об условиях захоронения остатков лабиринтодонт в прибрежных морских отложениях. В 28 лет одновременно с окончанием биологического факультета ЛГУ и Горного института получил диплом кандидата наук, в 30 лет стал доктором наук. Один из ведущих палеонтологов страны, заведовал кафедрой низших позвоночных в Палеонтологическом институте (Москва). Основоположник научного направления, учения о закономерности формирования геологической летописи, которое он назвал тафономией. Он входит в число крупнейших палеонтологов мира. Его работы по многоплановости, научному значению и практической направленности служат фундаментом палеонто-

логических и геологических знаний и являются настольными книгами специалистов.

С именем Ефремова связан более чем 30-летний этап в развитии палеонтологии. Наука во многом обязана ему современными представлениями о фауне древнейших наземных позвоночных России, ее значении для установления геологического возраста отложений и межконтинентальной корреляции древнейших материковых толщ. С его именем связаны и первые отечественные экспедиционные исследования по ископаемым позвоночным в Монголии, проложившие дорогу дальнейшему планомерному изучению мезозойских и кайнозойских отложений Центральной Азии. Научное наследие И.А. Ефремова поражает объемом проделанной работы и глубиной проникновения в различные аспекты науки. Его именем названы несколько вымерших древнейших животных, новый минерал — ефремовит, одна из малых планет Солнечной системы — Ефремиана.

Иван Антонович Ефремов — легендарная фигура советской фантастики второй половины XX века, удачно совмещавшая ипостаси ученого и писателя. Трудно сказать, где он оставил более яркий след — в науке или литературе? Среди выдающихся писателей-фантастов ему, несомненно, принадлежит особое место.

О его творчестве написано много статей, обзоров, рецензий, диссертаций, сняты фильмы «Откровения Ивана Ефремова», «Оседлавший дракона», «Два Вырицких пророка». В его честь учреждена литературная премия по фантастике; антология всемирной научной фантастики открывается его романом «Туманность Андромеды» (по которому снят художественный фильм); созданы клубы научной фантастики имени Ефремова в России и Болгарии; в отечественной фантастике существует направление «Школа Ефремова»; освоен литературно-краеведческий туристический маршрут «Тропой Ефремова»; один из гольцов Олекмо-Чарского нагорья был назван Подлунным по рассказу писателя «Гонец Подлунный». Произведения И.А. Ефремова издавались в России и за рубежом более 400 раз. Общий тираж произведений только в нашей стране (включая бывшие союзные республики) перевалил за 20 млн. экземпляров.(1)

Ефремов попытался смоделировать и людей, и общество будущего, наметил жизнеутверждающую перспективу подлинно гармонических отношений человека с человеком и человека с природой. В 21-м веке творчество Ефремова по-прежнему популярно среди молодежи. Оно приобретает неопределимое воспитательное значение и является интересным материалом для библиографического изучения.

В Вырице

Иван Антонович (есть предположение, что Ефремов сменил отчество в начале 30-х годов), родился 22 апреля 1907 года, в деревне Вырица под Петербургом, в семье купца — Антипа Харитоновича Ефремова — выходца из заволжских крестьян-староверов. Дед

Антип Ефремов с сыновьями

Харитон приводил своих десятерых сыновей, на редкость рослых и могучих, к особой присяге — никогда не участвовать в кулачных боях и драках. Отец Ефремова Антип Харитонович ходил на медведя с рогатиной. И Иван унаследовал от Ефремовых недюжинную силу и богатырское телосложение, но отцу в силе уступал и лишь с трудом разгибал подковы. Антип Ефремов после солдатской службы в лейб-гвардии Семеновском полку не вернулся в родное Заволжье. В Вырице он выстроил одноэтажный дом «пятистенку» и всю свою энергию и богатырскую силу вложил в нелегкую задачу «выбиться в люди».

Варвара Александровна с детьми — Василием, Надеждой, Иваном

Мать — Варвара Александровна, урожденная Ананьева, выросла в семье крестьян, старожилов одного из сел, неподалеку от Вырицы. Из раннего детства Иван Антонович запомнил недалекие поездки к бабушке и проживание в ее доме, наполненном запахами клея, кожи и пирогов. Мать Ефремова была очень красива, и Иван, особенно в юности, походил на нее: резко очерченные тонкие черты лица, разлет бровей, твердый взгляд серых, внимательных глаз.

В доме отца все было прочным и массивным. В окна смотрели вековые сосны и ели. В громадных, под потолок шкафах теснились кожаные переплеты книг. В комнатах стояла дубовая резная мебель. Общую картину могущества дома дополнял медведь. Цепь скользила по натянутой проволоке — это позволяло медведю передвигаться по широкому двору, вымощенному деревянным торцом. Отец обладал крутым и деспотичным нравом и перенес в дом привычный, патриархальный уклад. Его помыслы и заботы были подчинены лесоторговле, а сыновья особого внимания не привлекали. Слишком малы были для участия в делах. Младший брат Василий рос болезненным мальчиком и требовал постоянных забот матери. Иван в какой-то мере был предоставлен самому себе. В шестилетнем возрасте он сделался первым читателем отцовской библиотеки. Книга Ж. Верна «20 тысяч лье под водой» ввела его в мир фантастики и произвела прямо-таки оглушительное впечатление.

Бердянск

Вскоре болезнь младшего сына вынудила семью переехать на юг, в Бердянск. В этом небольшом городке прошли детские годы Ефремова и

начало учебы в гимназии. Позднее он воскрешал в деталях события детства. Так в 1916 году он с мальчишками раздобыл в порту селитру и зарядил чугунную пушку в городском сквере. Оглушительный выстрел прогремел вечером во время гулянья. Виновники переполоха, перепугавшись, разбежались по домам. Через два дня они с гордостью читали в местной газете, что полиция нашла на след злоумышленников, поиски продолжаются.

В Бердянске мальчик впервые увидел море. Оно навевало неясные мечты, притягивало шумной жизнью порта. Казалось, отсюда шли пути в неведомый мир дальних странствий. Но этот путь был пока закрыт. Другой, доступный и не менее интересный путь в неведомое, открылся через мир книг. Вслед за Ж. Верном пришли Г. Хаггард, Рони-Старший, Г. Уэллс, А. Конан Дойл и Дж. Лондон. Этих писателей он полюбил навсегда, особенно Г. Уэллса, который, как считал Иван Антонович, во многом определил его мировоззрение.

В 1917 году в результате разлада, возникшего в семье, родители Ивана развелись. В 1919 году мать с детьми переехала в Херсон, вышла замуж за командира Красной Армии и уехала с ним. Дети остались на попечении родственников. Вскоре оборвалась и эта связь. Какое-то время дети перебивались продажей вещей и вели самостоятельное полуголодное существование. Дальнейшую заботу о них взял на себя отдел народного образования.

Однажды при бомбардировке Очакова интервентами снаряд упал рядом с очередью за хлебом. Было много убитых и раненых. Иван чуть в стороне от очереди, примостившись на пожарной лестнице, читал книгу. Взрывной волной его сбросило вниз, контузило и засыпало песком. Легкое заикание

осталось на всю жизнь. По соседству с домом, где жили Ефремовы, квартировала автомобильная рота 6-й Армии, и Иван стал ее воспитанником. В автороте он до тонкости изучил устройство автомобиля и выучился вождению. В 1921 году воинская часть была расформирована, и воспитанник автороты был демобилизован. В Херсоне он узнал, что отец забрал детей и уехал в Петроград. Туда же с твердым желанием учиться отправился и Ефремов.

Петроград — Ленинград

Петроград встретил юношу неприветливо, вначале пришлось особенно трудно. Чтобы наверстать упущенное за время гражданской войны и получить возможность учиться в высшем учебном заведении, Ефремов поступил в школу 2-й ступени. Благодаря учителям ему удалось окончить школу за два с половиной года, осиливая за год двойную программу. Особое влияние на столь быстрое продвижение в учебе и на формирование его как личности оказал учитель математики Василий Александрович Давыдов. Он сумел увидеть в малообразованном, подчас невоспитанном мальчишке, задатки, за которые стоило бороться, вселил в него уверенность. Всю свою жизнь И.А. Ефремов трогательно относился к памяти своего учителя. Будучи в Ленинграде, он всегда ехал на улицу, к дому, где жил его учитель.

Школа давала возможность поступления в ВУЗ, но выбор пути отодви-

гался в будущее. Вспоминая тот период, Ефремов писал: «Но как бы ни были трудны занятия, надо было еще и жить. Лето, часть весны и осени, вообще всякое свободное время проходило в погоне за заработком. Мы были воспитаны в старинных правилах. Мало-мальски подросшие дети не могли быть в тягость родителям или родственникам...» (2) Работал в одиночку и в артелях. Потом повезло — устроился в гараж подручным шофера, а затем и шофером в ночную смену. Ночная работа оставляла время для дневной учебы.

Мечта о море не оставляла Ивана. В 1923 году юноша сдает экзамены на штурмана каботажного плавания при Петроградских мореходных классах. Весной следующего года он увольняется с работы и на последние скудные сбережения уезжает на Дальний Восток. До поздней осени 1924 года семнадцатилетний штурман без стажа ходил матросом на парусно-моторном судне «Третий Интернационал». В конце года Ефремов возвращается в Ленинград с намерением поступить в университет и заняться наукой.

О существовании палеонтологии — увлекательной науки о вымерших животных — юноша знал с детства, пройдя через «Затерянный мир» и «Путешествие к центру Земли». Позднее А. Конан Дойла и Ж. Верна сменили книги Р. Ланкастера «Превращения животного мира», а потом «Курс палеонтологии» А. Борисяка и толстые справочные руководства. Но глубокого увлечения наукой еще не было. Даже встреча с автором учебника А.А. Борисяком не стала решающим фактором. Молодому человеку трудно было сделать выбор между наукой и морем. И Иван обратился к автору «Морских рассказов» капитану Дм. Лухманову. «Я говорил, он слушал, вниматель-

но слушал, не перебивая, знаете, это большой дар — уметь слушать! И потом сказал: «Иди, Иван, в науку! А море, брат, что ж, все равно ты его уже никогда не забудешь. Морская соль въелась в тебя...». Это и решило мою судьбу». (3)

Итак, выбор был сделан в пользу науки. 18 марта 1923 года состоялась встреча И. Ефремова с Петром Петровичем Сушкиным, директором Северодвинской галереи ящеров, размещавшейся в Геологическом музее. (Позднее на базе Остеологического отдела и Северодвинской галереи Геологического музея создается Палеозоологический, впоследствии переименованный в Палеонтологический институт АН СССР). Глубокий интерес юноши к палеонтологии был очевиден, но в музее не было вакансий. Тем не менее, П.П. Сушкин настоятельно рекомендовал Ефремову поступить в университет. В 1924 году И. Ефремов поступает на биологическое отделение физико-математического факультета Ленинградского университета сначала вольнослушателем, а затем студентом.

Однако, на третьем курсе, в 1926 году, студенчество прервалось. Летом 1925 года Ефремов был в Ленкорани в зоологической экспедиции, выполнял задание П.П.Сушкина по сбору фауны. После выполнения задания он остался в Ленкорани, но уже в качестве командира лоцманской дистанции. Здесь осенью его нашла телеграмма П.П. Сушкина о вакансии препаратора в Геологическом музее Академии Наук. И. Ефремов возвращается в Ленинград.

Может показаться, что нашему герою все давалось легко. Действительно, он умел слесарить, держать в руках топор, пилу, водить автомобиль, все схватывал на лету и ничего не де-

лал впосилы. Несмотря на свою одаренность, физическую выносливость и природную сметку, он не успевал сделать всего, что хотел. «Казалось бы, мне оставалось только закончить университет. На деле получалось совсем не так. Разнообразная деятельность препаратора, сама наука так увлекли меня, что я часто засиживался в лаборатории до ночи. Все труднее становилось совмещать столь интенсивную работу с занятиями. К тому же, с весны до глубокой осени приходилось бывать в экспедициях». (4)

Для П.П. Сушкина главное в Ефремове определялось интересом к палеонтологии, именно это он и использовал в воспитательных целях. В конце каждой недели он призывал Ивана к себе в кабинет и «драил» за все недельные прегрешения. Работая у П.П. Сушкина, И. Ефремов пришел к началу биологического аспекта будущей тафономии (от греческого *taphos* — могила и *nomos* — закон), раздела палеонтологии, исследующего закономерности процесса захоронения организмов и образования местонахождений их ископаемых останков. (5)

В 1926 году И.А. Ефремов начинает работу палеонтолога поездкой в Прикаспий. Результаты были изложены в первой научной статье и стали начальным звеном в цепи наблюдений, которые через десять лет обозначились как «учение о захоронении», а в 1940 году были объединены под общим названием — тафономия. В 1927 году И.А. Ефремов по настоянию своего учителя отправился в самостоятельную палеонтологическую экспедицию. Как охотник за ископаемыми он был очень удачлив. Причина, как объяснял сам ученый, была проста: он верил в успех. В 1928 году умер академик П.П. Сушкин, и на плечи Ивана Антоновича легла забота о продолже-

нии дела учителя. Период 1931-1935 годы в биографии Ефремова особенно переполнен событиями. Это время накопления палеонтологического опыта, систематизации геологических знаний через учебу и экспедиции, экспедиции...

«Мне посчастливилось быть в рядах тех геологов, которые открыли путь ко многим важным месторождениям полезных ископаемых. Эта трудная работа так увлекла нас, что мы забывали все. Забыл я и о своем учении. Я то и дело «спотыкался», когда приходилось отстаивать свои взгляды, выставлять проекты новых исследований или «защищать» открытые месторождения. Наконец мне стало ясно, что без высшего образования мне встретится слишком много досадных препятствий. Будучи уже квалифицированным геологом, я ходатайствовал о разрешении мне, в порядке исключения, окончить экстерном Ленинградский Горный институт. Мне пошли навстречу, и в течение 2,5 лет удалось, не прерывая работы, закончить его».(6) В 1935 году Ефремову было присвоено звание горного инженера.

Сибирские экспедиции, помимо практической ценности, во многом определили судьбу Ефремова — писателя. Местный колорит, масса впечатлений, трудностей, опыта — все это обернулось для Ефремова своеобразным «Клондайком». Созвучно эпохе и своим представлениям Иван Антонович населил свой Клондайк обыкновенными людьми: геологами, учеными, рабочими. Первые геологические рассказы Ефремова, несомненно, автобиографичны.

Москва

1935 годом заканчивается определенный период биографии И. Ефре-

мова. Палеонтологический институт переезжает в Москву. Это окончание основных геологических экспедиций, присуждение звания научного сотрудника 1-го разряда, ученой степени кандидата биологических наук за совокупность работ по палеонтологии. В Москву И.А. Ефремов приехал уже сложившимся палеонтологом, опытным геологом, руководителем труднейших экспедиций, кандидатом наук, автором семнадцати палеонтологических и геологических трудов. Он полон энергии и творческих планов. В марте 1941 года И.А. Ефремов защищает докторскую диссертацию на тему «Фауна наземных позвоночных средних зон Перми СССР».

Начало войны застало ученого в Москве. Он просился на фронт, но его ввели в штаб по эвакуации научных ценностей Палеонтологического института. В те дни Ефремов с группой сотрудников жил в музее. В середине октября 1941 года было получено снаряжение для Уральской экспедиции, и ученый вместе с сотрудниками на спецсамолете вылетает в Свердловск, а в конце ноября выезжает в поселок Горный на экспедиционную базу. 1942 год приносит новые испытания. И.А. Ефремов заболел. Некоторое время ученый провел в Алма-Ате; у него повторился приступ тяжелой формы лихорадки, подхваченной еще в экспедициях по Средней Азии. Во время болезни Иван Антонович начал писать свои первые рассказы.

В первый послевоенный год в Палеонтологическом институте вплотную встал вопрос об организации экспедиции в Монголию. Три полевых сезона: 1946, 1948, 1949 проработала экспедиция в Монголии. «Гобийская одиссея» с ее подготовкой, проведением, обработкой материалов была важным, ответственным и длительным этапом в

жизни и научной биографии И. Ефремова.

Разнообразие своих впечатлений исследователя и путешественника Ефремов пытался выразить в виде воспоминаний. Однако, как он сам признавался: «Не было возможности отойти от окружающего, посмотреть со стороны глазами художника, иметь время для неторопливого и тщательного раздумья» (7).

Основной творческий потенциал поглощала занятость наукой. Только в 1956 году вышла художественно-документальная книга «Дорога ветров», написанная на материале путевых записей об экспедициях в Гоби. Ефремов познакомил читателя с до-

стижениями палеонтологической науки, дал ряд интересных пейзажных, географических и этнографических зарисовок, сочетая бытовые эпизоды из жизни ученых с размышлениями на разные темы. Книга прививает навыки научного мышления и проникнута романтикой исследовательского поиска.

Тем не менее, он не забывал своей «первой любви» — древнейших позвоночных. Ученый опубликовал около 100 работ у нас в стране и за рубежом, написал около 200 заметок, научно-популярных статей, отзывов, рецензий и рефератов.

Библиография (начало):

1. Ефремов И.А. Собрание сочинений в 5-ти т. — Т.1: Научно-фантастические рассказы. — М.: Мол. гвардия, 1986. — 574 с., ил.
2. Ефремов И.А. Собрание сочинений в 5-ти т. — Т.2: Дорога ветров: (Гобийские записки). — М.: Мол. гвардия, 1986. — 441 с., ил.
3. Ефремов И.А. Собрание сочинений в 5-ти т. — Т.3: Туманность Андромеды: роман; Звездные корабли: повесть; Сердце змеи: повесть; Пять картин: рассказы. — М.: Мол. гвардия, 1987. — 478 с., ил.
4. Ефремов И.А. Собрание сочинений в 5-ти т. — Т.4: Лезвие бритвы: роман приключений. — М.: Мол. гвардия, 1988. — 670 с.
5. Ефремов И.А. Собрание сочинений в 5-ти т. — Т.5, Кн.1: На краю Ойкумены: повесть. — М.: Мол. гвардия, 1989. — 366 с.
6. Ефремов И.А. Собрание сочинений в 5-ти т. — Т.5, Кн.2: Час Быка: научно-фантастический роман. — М.: Мол. гвардия, 1989. — 462 с., ил.
7. Ахметов С. Тридцать пять лет рядом с И.А.Ефремовым. // Сверхновая.- 2008.- № 41-42.- с.145 -164.

Продолжение следует

Елена Кройтор

В Суйге

И томик Пушкина в руках.
Аллея вновь ведет куда-то.
Поговорим же о стихах,
Вы будете мне вместо брата.

Как вечер тих, Луна полна.
Мечтать здесь хочется, скажите?
Нас обнимает тишина.
Здесь тишина. Вы не спешите.

И мысли вслух произнося,
Они не кажутся мне глупы.

Здесь не писать стихи нельзя,
Хотя они довольно скупы.

Но вы не смейтесь, как могу,
Свои я мысли выражаю.
Я так молюсь, я так пою,
Я так люблю и умираю.

Ночная близится пора.
Я уйду, но не прощаюсь.
Мы расстаемся до утра?
Я приглашаю утром к чаю.

Ирина Кройтор

Любимому Поэту — А. Блоку

Стихи, что вьюга кружевная,
Уносят ввысь.
А жизнь обычная, земная,
Посторонись!

Пусть суета и вожделение
Уходят прочь!
И только лишь стихотворенья,
И тишина, и ночь...

Лишь ночью встретятся сердца.
Днем — никогда.
И будут ночи без конца
Светлее дня!

85-ЛЕТИЮ ГАТЧИНСКОГО РАЙОНА

*Милый Гатчинский край,
Ты достоин сонетов.
Ты любовью и нежностью
Наполняешь меня.*

С. Винокурова

ОТ ТРОЦКОГО УЕЗДА ДО ГАТЧИНСКОГО РАЙОНА

Страницы истории развития местного самоуправления
Гатчинского района

Составители: Елена Серова,
Ольга Соколова

По постановлению ВЦИК от 01.08.27 была образована Ленинградская область и осуществлен переход от губернского, уездного территориального деления к областному, окружному и районному. Создано 9 округов и 140 районов.

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВЦИК И СНК РСФСР ОБ ОБРАЗОВАНИИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров РСФСР постановляют

I. Образовать Ленинградскую область с центром в Ленинграде из губерний: Ленинградской, Псковской, Новгородской, Череповецкой и Мурманской с переходом от губернского, уездного и волостного деления на окружное и районное и с соответствующим изменением наименования местных органов власти.

II. Утвердить нижеследующее распределение Ленинградской области на округа:

- 1) Ленинградский (центр город Ленинград);
- 2) Лужский (центр город Луга);
- 3) Лодейнопольский (центр город Лодейное Поле);
- 4) Череповецкий (центр город Череповец);
- 5) Новгородский (центр город Новгород);
- 6) Боровичский (центр город Боровичи);
- 7) Псковский (центр город Псков);
- 8) Великолукский (центр город Великие Луки);
- 9) Мурманский (центр город Мурманск).

1 августа 1927 г.

Одним из районов Ленинградского округа был Троцкий район. Территория Троцкого района занимала площадь в 1654 кв. км. В район входило 34 сельсовета, из которых самый удаленный лежал в 39 км от центра, в нем насчитывалось 297 населенных пунктов, в их числе один город — Троцк, рабочий поселок Дружная Горка, три дачных поселка: Сиверский, Николаевка (возле Елизаветино) и Тайцы.

Троцкий район образован из 4 волостей Троцкого уезда:

из Троцкого волости Троцкого уезда 15 сельсоветов: Воскресенский, Замостьский, Ковшовский, Коленский, Колпанский, Лукашевский, Лядинский, Никольский, Пендовский, Поселковский, Романовский,

Руссоловский, Сокколовский, Черницкий, Черновский.

из Венгесаровской волости Троцкого уезда 4 сельсовета: Ондровский, Елизаветинский, Миккинский, Туганицкий.

из Красносельской волости Троцкого уезда 4 сельсовета: Кезелевский, Пудостьский, Скворицкий, Таицкий.

из Рождественской волости Троцкого уезда 10 сельсоветов: Вырский, Даймищенский, Кургинский, Лядский, Меженский, Новосиверский, Орлинский, Островский, Рождественский, Старо-Сиверский.

Представительным органом власти в Троцком сельском районе был Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Исполнительным органом власти — исполнительный комитет Троцкого сельского района. (Исполнительный комитет вел общее руководство над исполкомами сельских Советов).

Троцкий Районный исполнительный комитет был избран 11 сентября 1927 года и приступил к своим действиям 12 сентября того же года.

Троцкий район образован из волостей бывшего Троцкого уезда и составляет в данное время примерно около трети его. Центр района остался в гор.Троцке, на месте бывшего уездного центра, расположенного на узле Варшавской и Балтийской линии Сев.-Зап. Железной дороги. В Троцке имеется еще город. Совет, подчиненный Районному Исполнительному комитету и тесно связанный с ним через председателя и секретаря Совета, кото-

В последний час. Постановление ВЦИК'а об образовании Ленинградской области.

МОСКВА, 2 (РОСТА). Президиум ВЦИК'а принял окончательное постановление об образовании Ленинградской области с центром в Ленинграде. Область будет образована из следующих губерний: Ленинградской, Псковской, Новгородской, Череповецкой и Мурманской с переходом от губернского, уездного и волостного деления на окружное и районное. Согласно принятому постановлению, Ленинградская область разбивается на следующие округа: Ленинградский, Лужский, Лодейнопольский, Череповецкий, Новгородский, Боровичский, Псковский, Велико-Лукский и Мурманский. По новому административному делению Ленинградский губернский совет будет непосредственно подчинен областному исполкому.

Крайние окружные и районные органы должны быть окончательно оформлены к 1 октября 1927 года. Ликвидация волостных, уездных и губернских аппаратов и организация районного и окружного аппарата, прием и сдача дел и имущества должны быть проведены в течение октября 1927 г. в соответствии со сроками выборов вновь организуемых исполкомов.

Ленинградскому областному Экзекутиву при ликвидации действовавших органов власти точно установить, что является в каждом отдельном случае противоправным ликвидированным органом по делам и обязательствам. Окружные органы должны немедленно образовать (по согласованию с уездными и губернскими исполкомами) в центрах будущих районов районные организационные комиссии для проведения районирования на территории района.

Окружные районные комиссии должны немедленно приступить к подготовке окружных и районных бюджетов на основе положения о местных финансах, а также подготовить к моменту организации новы

асполкомов список дел и имущества, обязательства и долги, переходящие к окружным и районным исполкомам от ликвидированных волостных, уездных и губернских исполкомов. В своей работе оргкомиссии пользуются аппаратом соответствующих исполкомов.

Общее руководство организацией и созывом с'ездов Советов на территории Ленинградской области принадлежит областному Экзос. Гельские и городские советы, как правило, не должны быть переизбраны.

Переизбираются лишь те сельские советы, район действия которых изменится в связи с районированием. Для проведения переизборов таких сельсоветов организуются сельские избирательные комиссии, работа которых идет под непосредственным руководством районных оргкомиссий.

Проведение окружных и районных с'ездов Советов возлагается на окружные и районные оргкомиссии.

рые одновременно являются председателем и секретарем райисполкома. Троцкий район, кроме молочного хозяйства и травосеяния, имеет довольно развитую сеть промышленных предприятий по металлургической, химической и лесной обработке. (Выводы и предложения, вытекающие из обследования результатов проведенного в минувшем году районирования, по материалам Троцкого РИКА. Ленинградский областной архив г. Выборга. Фонд Р-655, оп. 1, ед.хр.33)

По переписи населения 1926 г. проживали 70095 чел., в т.ч. 46. 284 чел. сельского. По национальному составу они распределялись следующим образом: русских — 38 195 чел., финнов — 25 273, эстонцев — 3093, поляков — 1666, латышей — 387, немцев — 287, евреев — 224, ижорцев — 107, прочих — 863. В сельской местности преобладало финское население — 24 115 чел., русских здесь насчитывалось 18 622 чел.

В первый год после организации в районе насчитывалось 11, 5 тыс. крестьянских хозяйств, из них 6730 общинных, 500 хуторских и 4270 отрубных. Им принадлежало 66 тыс. га земли (совхозам и др. с/х го-

сучреждениям — 4 тыс. га). В среднем на хозяйство приходилось по 5, 23 га земли. В отношении сельского хозяйства район делился на две части: северную с молочным направлением и южную с полеводческим. Наибольшее значение в посеве имеют кормовые хлеба и травы. Преобладание кормовых культур объясняется высокой коровностью северной части района и большим развитием извозного промысла (ломового и легкого) и найма с лошастью на лесные заготовки.

Чрезвычайно был развит в районе дачный промысел. Кустарная промышленность связана, главным образом, с распространенным в районе извозным промыслом (кузницы, колесные и экипажные мастерские). Кроме того, есть небольшие группы ремесленников по изготовлению дроби, добыче формовочной земли для металлообрабатывающей промышленности и добычи бутовой плиты.

В районе, кроме небольших заведений, обслуживающих г. Троцк, имеются следующие ценовые заведения: литейномеханический завод «Тромелит», торфоразработка «Гатчинская», песчаные разработки цементного завода т.Воровского, Володарский водопровод, меженский лесопильный завод, Сиверский стружечный и Сиверский деревообделочный заводы, большой стекольный завод «Дружная Горка» и при нем торфоразработка и небольшой лесопильный завод «Коллективист». Кроме того на железнодорожных станциях имеются мастерские и ремонтный пункт.

Торговых заведений за 1 пол. 1925/26 г. насчитывается 233 (из них 117 частных), с общим оборотом в 4 220 тыс. р. (оборот частных) — 772 тыс. р. Население обслуживали 46 кооперативных лавок, а также местные рынки в Троцке, Сиверском, Елизаветине и др.

В районе имеется 93 школы 1 ступени, 2 школы крестьянской молодежи, 7 школ повышенного типа, 5 учреждений профобра, 2 клуба, 3 избы-читальни, 15 библиотек и 10 учреждений охраны детства.

Врачебную помощь население получало из 3 больниц (городская на 125 коек и две участковые: Сиверская и Елизаветинская, 2 врачебно-амбулаторными пунктами (п.

Рошалья и ст. Скворицы, врачебным пунктом при заводе «Дружная Горка» и фельдшерским пунктом.

В районе было 8 почтово-телеграфных контор — в Троцке, пос. Рошалья, Загвоздке, Сиверском, Дружной Горке, Елизаветино, Выре, Тайцах.

С ноября 1928 года по август 1930 года в Троцкий (Красногвардейский) сельский район входило 2 поселковых Совета и 21 сельский Совет.

По постановлению Президиума ЦИК СССР от 2 августа 1929 года Троцкий

район Ленинградского округа был переименован в Красногвардейский сельский район с центром — городом окружного подчинения Красногвардейском.

В районе один рабочий поселок Дружная Горка, 4 дачных поселка и 350 населенных пунктов. Территория — 3 012 кв.км.

Всего населения — 114,1 тыс.чел., из них 66,0 тыс. — сельского. На один квадратный километр приходится 38,8 жителя всего населения и 21,1 — сельского.

В район входит 35 сельсоветов, в т.ч. 12 национальных:

	Наименование сельсовета	Центр сельсовета	Расст. от район. центра	Число насел. пункт.	Число хоз-в	Числ колх.
1	Антропшинский	д. Антропшино	20	1	430	1
2	Витинский	д. Витино	25	8	254	6
3	Вохоновский	д. Б. Вохово	20	25	618	15
4	Войсковы	д. Опелеево	18	20	412	10
5	Воскресенский	д. Воскресенское	10	7	341	5
6	Вырицкий	п. Вырица	25	1	67	1
7	Даймищенский	п. Даймище	31	7	346	5
8	Дивенский	п. Дивенский	30	7	323	2
9	Елизаветинский	д. Николаевка	23	16	503	8
10	Жабинский	д. Жабино	28	9	343	8
11	Ковшовский	д. Ковшово	16	7	423	7
12	Колпанский	д. Б. Колпаны	1	17	899	12
13	Луговской	с. Луги	43	10	216	3
14	Лукашевский	д. Лукаши	13	17	610	19
15	Меженский	д. Межно	30	9	517	6
16	Монделокакелевский	д. Гайколово	18	18	388	8
17	Минский	д. Мины	25	7	268	5
18	Никольский	с. Никольское	14	11	603	10
19	Орлинский	д. Орлино	35	13	913	9
20	Пендовский	д. Донно	11	8	338	8
21	Пехенецкий	д. Мхи	41	6	261	6
22	Покровский	д. Покровская	22	6	417	5
23	Прибытковский	д. Покровка	16	6	702	4
24	Пудостский	д. Пудость	3	21	654	19
25	Рождественский	д. Рождествено	30	5	541	5
26	Романовский	д. Романовка	6	6	288	7
27	Сиверский 1	д. Старо-Сиверская	23	4	737	4
28	Сиверская 2	д. Дерновский	22	-	-	-
29	Скворицкий	д. Скворицы	18	21	582	17
30	Слудицкий	д. Слудицы	40	8	221	7
31	Сусанинский	д. Сусанино	18	2	29	-
32	Таицкий	пос. Тайцы	12	11	421	9
33	Туганицкий	д. Б. Туганицы	20	12	243	5
34	Черницкий	д. Черницы	11	15	417	9
35	Ящерский	с. Ящера	35	9	339	6

Территория района делится на угодья: пашни — 38,2 тыс.га, сенокоса — 28, 9 тыс. га, леса и выгона — 197,8 тыс.га и болот — 4,8 тыс. га. Посевная площадь — 38, 724, из них: под пшеницей — 1, 588 га, картофелем — 7,874 га, овощами — 5,255 га, сеяными травами — 7,338. Основное направление сельского хозяйства — животноводство (молочный уклон) и овощные культуры. Общее число хозяйств на 1 января 1936 г. — 10, 384, из них 9 903 объединены в 259

колхозах. Коллективизировано 95% всех хозяйств. 210 колхозов обслуживаются 3 МТС (Красногвардейская, Сиверская и Елизаветинская).

В районе 39 совхозов и подсобных хозяйств. Наиболее крупные из них: «Красный маяк», «Суйда» — Молмясотреста и совхоз завода «Севкабель».

Цензовая промышленность в районе характеризуется следующими данными:

Промышленность	Число предприятий	Число рабочих	Валовая продукция в ценах 1926-27гг. в тыс.руб.
Электростанции	5	40	58
Топливодобывающая	2	1118	2282
Добыча минералов	6	410	2010
Силикатно-керамическая	4	1206	8795
Металлопромышленность	8	786	5640
Деревообрабатывающая	8	342	4506
Бумажная	3	742	7867
Полиграфическая	1	16	135
Прочие отрасли	1	910	4953
Итого	38	5570	36256

В районе 71 магазин сельпо, 29 — Облторга, 22 — ОРСов НКЛеса и 10 — кооперации инвалидов.

Район беден сплавными путями, в особенности его северная часть. В южной части протекает сплавная река Ящера с Лутенкой и Оредеж. Всего сплавных путей — 87 км.

По району пролегают линии Октябрьской ж/д. Ленинград-Псков, Ленинград — Дно, Ленинград — Кингисепп, Мшинская — Волосово и ветки: Лисино — Слуцк, Вырица — Поселок и Семрино — Владимирская, станции и разъезды: Гатчино Варшавская, Гатчино Балтийская, Гатчино тов.Балтийская, Тайцы, Пудость, Мариенбург, Войковицы, Борницы, Елизаветино, Соборы, Владимирская, Ижора, Мозино, Татьянино, Суйда, Прибыtkово, Карташевская, Сиверская, Строгоново, Дивенская, Низовская, Мшинская, Антропшино, Кобралово, Семрино, Сусанино, Семеноводская, Вырица, Слудца, Поселок, Кондакопшино, Липово.

Обслуживает население три почтово-телеграфных отделения (Красногвардейск,

Вырица, Сиверская) и 37 агентств.

В районе 119 начальных школ, 16 средних неполных, 6 средних полных, зоотехнический институт, педтехникум им. Крупской, Сиверский ветеринарный техникум. Культурно-просветительные учреждения — 25 изб-читален, 9 библиотек, 17 клубов и радиоузел. Издается газета «Красногвардейская правда».

В районе работают больницы, поликлиника, 11 амбулаторий, консультации, дом ребенка, 4 фельдшерских пункта, 8 яслей и др.

Бюджет на 1936 г. — 8 419, 4 тыс.руб. На здравоохранение ассигновано 2 059,1 тыс. руб., на просвещение — 3 441,0 тыс.руб. В районе — отделение Государственного банка, отделение сельхозбанка и 19 сберегательных касс.

С августа 1941 года по январь 1944 года территория Красногвардейского района находилась под немецко-фашистской оккупацией.

К началу Великой Отечественной войны в составе района было более 22 сельских Советов с 440 населенными пунктами.

Более 180 селений во время войны и оккупации совершенно разрушены и часть территории района не может быть хозяйственно освоена до настоящего времени. К 1947 г. число населенных пунктов — 260, колхозов 60 (вместо 170), наибольшая убыль населенных пунктов имеет место в сельских советах Дивенском, Колпанском, Никольском, Пехенецком и Пудостьском.

До войны население района составляло 97,4 тыс., на 1.01 1947 — 41,0 тыс. чел. Население Гатчины восстановлено на 60% (22 тыс. против 38,2 до войны). Плотность населения Гатчинского района на 1.01.1947 составляет 27,5 человека на 1 кв.км. (53,3 чел. — довоенная): плотность сельского населения 14,9 чел. На 1 кв. км. (61% ниже довоенной плотности сельского населения). Основная часть населенных пунктов и населения сосредоточена в северной части района — до ст. Дивенская.

Наиболее населенные сельсоветы с наиболее крупными населенными пунктами в центральной части района — сельсоветы Сиверский, Прибытковский, Меженский, Воскресенский, Рождественский, Орлинский, Никольский. Меньше всего заселены южные сельсоветы — Ящерский, Луговской, Пехенцкий и др. В 1947 году в гатчинском районе находился 1 Дом Культуры, 9 сельских клубов, 14 избы-читальни, 6 библиотек, 8 киноустановок. (Экономический обзор района за 1947 г. Ленинградский областной архив г. Выборга. фонд Р-655, оп.1, ед.хр.388а)

Указом Верховного Совета РСФСР от 23 января 1944 года Красногвардейску и Красногвардейскому сельскому району было возвращено историческое название — г. Гатчина и Гатчинский сельский район Ленинградской области.

Был образован рабочий поселок Кобринское (на базе торфопредприятия «Кобринское»). Из ликвидированного Павловского (ранее Слуцкого) района в Гатчинский сельский район были переданы рабочий поселок Вырица, Антропшинский, Минский, Покровский, Слудицкий и Сусанинский сельские Советы. К категории рабочих поселков был отнесен населенный пункт при бумажной фабрике «Коммунар».

На период освобождения района от немецко-фашистских захватчиков население оставалось 13312 человек, из них мужчин — 2938, женщин — 6341, детей — 4033, в том числе колхозного населения 4075 человек, из них трудоспособного 1060 человек.

В районе восстановлено 22 сельских и две поселковых советов депутатов трудящихся, через которых Исполком райсовета депутатов трудящихся производил всю работу по восстановлению хозяйственной жизни района.

В течение года восстановлено 42 колхоза, из них 37 уже в текущем году производили посевы овощей, зерна и картофеля, а 5 восстановлено в период осени и зимы 1944 года. Восстановлено и работают 8 трестированных совхозов, из них Лениноблсельхозтреста 1, треста молочного животноводства, птицетреста 4, две научно-опытных станции, 3 учхоза и свыше 140 подсобных хозяйств города Ленинграда и области.

До войны в районе было: средних школ — 5, начальных средних школ — 6, начальных школ — 7, с общим количеством учащихся 14740 человек. Политпросветучреждений было 85, из них клубов — 43, библиотек — 36, изб-читален — 6, книжный фонд района составлял 52 800 книг. Дошкольная сеть составляла 5 детских садов. В настоящий момент в районе осталось всего 28 школ, которые требуют капитального ремонта, остальные средние школы были сожжены и разрушены, из пяти детучреждений не осталось ничего.

В освобожденном районе восстановлено: 3 больницы на 120 коек (Сиверская, Дружногорская, Елизаветинская), 7 амбулаторий, 8 акушерско-фельдшерских, 1 детская консультация, 6 детских яслей, 1 средство конторы связи, 13 отделений, 2 коннопочтовых станций, оборудована 1 телефонная станция на 200 номеров, 32 бани, 5 сельпо, 18 магазинов и ларьков, 7 хлебопекарней.

По решению Исполкома Лениноблсоветта депутатов трудящихся 1 октября 1944 года начато строительство Рождественской ГЭС, которое было закончено 7 ноября 1944 года. Колхозы, приле-

гающие к ГЭС, получили электричество. (Отчет о работе Исполкома Гатчинского Райсовета депутатов трудящихся за 1944 год и плане восстановления хозяйства района на 1945 год. Ленинградский областной архив г. Выборг. Фонд Р-655, оп.1, ед.хр.267).

С мая 1954 года по июль 1959 года в Гатчинский район входили 317 населенных пунктов, из них — 5 рабочих поселков, 21 сельский Совет и город Гатчина (областного подчинения).

Создана крупная промышленность, которая в настоящее время производит — бумагоделательные машины, бумагу, мебель, стекло, строительные материалы, торф, различные товары широкого потребления (обувь, трикотаж). Главными отраслями промышленности являются машиностроительная и бумажная.

В районе насчитывается 19 колхозов, 15 совхозов, 29 подсобных хозяйств и две машино-тракторных станции (Сиверская и Елизаветинская). Сельское хозяйство специализируется на овощеводстве, картофелеводстве и молочном животноводстве. В районе 325 хозяйств, ферм. Отдельные передовики участвовали во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1956 г..

В Пудости находится месторождение известкового туфа — прекрасного строительного материала. К северо-востоку от Гатчины у ст. Антропшино находятся бумажные фабрики «Коммунар» и «Комсомолец». Около железнодорожной станции Дивенская добывается формовочная земля для литейных цехов машиностроительных заводов Ленинграда.

На живописной реке Оредеж выстроен каскад небольших гидроэлектростанций (Даймищенская, Рождественская, Сиверская, Белогорская и Вырицкая), снабжающих электроэнергией прилегающие колхозы.

С августа 1963 года по январь 1965 года в Гатчинский сельский район входило 27 сельсоветов.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 января 1965 года Гатчинский сельский район был преобразован в Гатчинский район.

По решению Лениноблсполкома от 13 января 1965 года из Гатчинского района в

состав вновь созданного Ломоносовского района были переданы 13 сельсоветов.

В состав Гатчинского района вошли 6 рабочих поселков: Вырица, Дружная Горка, Кобринское, Коммунар, Сиверский, Тайцы, ранее подчинявшиеся Гатчинскому Горсовету, и 14 сельских Советов: Антелевский, Большеондровский, Большетайцкий, Воскресенский, Елизаветинский, Минский, Никольский, Новинский, Орлинский, Пудостьский, Рождественский, Сиверский, Сусанинский, Чашинский.

Площадь района составляет — 2,9 тыс. кв. км. По средней плотности сельского населения 26 чел. на 1 кв. км.

Гатчинский район имеет значительную и разнообразную промышленность. Ведущую роль играют машиностроительная и бумажная промышленность. Наряду с этими основными отраслями имеются предприятия металлообрабатывающей, лесобрабатывающей, легкой, пищевой промышленности, а также промышленности строительных материалов. Они производят скобяные изделия, запасные части к с/х машинам, мебель, кирпич, строительные детали, обувь, трикотаж, посуду, игрушки, молочные продукты, комбикорм для скота и многое др.

В районе 11 совхозов, 4 птицефабрики, 5 колхозов и много подсобных хозяйств. Размеры посевных площадей в 1967 г. 34 тыс.га. Почти ¼ всех посевных занята под картофель и 8% — овощами. Развито парниково-тепличное хозяйство. Животноводство имеет молочно-мясное направление. Животноводство района базируется как на естественных лугах, так и на посевных кормах.

Наиболее освоена в сельскохозяйственном отношении Ижорская возвышенность, где располагается 8 совхозов.

Среди полезных ископаемых выделяются формовочные пески, пригодные для литейного производства. Для строительных нужд имеют значения известняки и известковые туфы, песок и гравий, а для производства кирпича — ленточные глины.

Среди многочисленных болот в районе, которые составляют 10,5% площади района, есть торфяные (в бассейне Суйды).

Большинство болот — низинные. Пло-

щадь лугов — около 20 тыс.га, что составляет 7% площади района: в основном они суходольные. Лесами в районе занято около 55% всей площади.

Согласно Конституции РСФСР 7 октября 1977 года Исполком Гатчинского районного Совета депутатов трудящихся переименован в Исполком Гатчинского районного Совета народных депутатов Ленинградской области, сельские Советы депутатов трудящихся переименованы в сельские Советы народных депутатов.

Решением Леноблисполкома № 156 от 17 апреля 1978 года был образован Вереvский сельсовет и ликвидирован Большеvтаицкий сельсовет (присоединен частично к Таицкому, Вереvскому и Пудостьскому сельсоветам).

Исполком Гатчинского районного Совета народных депутатов осуществляет руководство деятельностью исполкомов сельских и поселковых Советов, в его ведении находятся отделы, выполняющие жизненно важные функции, от которых зависит планирование и распределение финансов, развитие жилищно-коммунального хозяйства, улучшение быта населения, исполнение архитектурных замыслов по улучшению внешнего вида деревень и поселков района, улучшение работы культурно-просветительных и спортивных учреждений, обеспечение благосостояния трудящихся района. К таким отделам относятся: финансовый отдел, отдел коммунального хозяйства, отдел главного архитектора, плановая комиссия, комитет физкультуры и спорта, архив, отдел ЗАГС, отдел культуры, отдел кинофикации, комитет по делам молодежи, отдел социального обеспечения.

Исполком Гатчинского районного Совета народных депутатов руководит жизнедеятельностью района.

На основании распоряжения главы администрации Ленинградской области № 54 от 21 ноября 1991 года и постановления № 1 от 22 ноября 1991 года по Гатчинскому району была прекращена деятельность исполнительного комитета Гатчинского районного Совета народных депутатов.

На основании Указа Президента Российской Федерации от 26 октября 1993 года

№1760 «О реформе местного самоуправления Российской Федерации» с 30 октября 1993 года прекращена деятельность Гатчинского районного Совета народных депутатов до проведения выборов в представительные органы местного самоуправления.

Функции районного Совета народных депутатов возложены на администрацию Гатчинского района.

Администрация Гатчинского района является органом управления районом, который осуществляет исполнительно-распорядительные функции на основании Указов Президента РФ, постановлений правительства РФ и правительства Ленинградской области. Администрация Гатчинского района состоит из главы администрации, первого заместителя и заместителей главы администрации, управлений и отделов.

На территории Гатчинского района 18 волостей, 3 поселка: Вырица, Дружная Горка, Сиверский и город Коммунар.

Постановлением главы администрации Гатчинского района № 268 от 13 марта 1997 г. из состава Гатчинского района выделен г. Коммунар.

На основании постановления губернатора Ленинградской области от 17 января 1997 года № 14-пт, постановлением главы администрации Гатчинского района Ленинградской области № 64 от 21 января 1997 года назначена комиссия по ликвидации администрации Гатчинского района. Ликвидация объявлена 20 января 1997 года.

12 марта 2004 года поселок городского типа Кобринское преобразован в сельский населенный пункт, образована Кобринская волость с центром в Кобринском, в состав которого вошли населенные пункты, ранее находившиеся в подчинении администрации поселка.

Современные границы городских и сельских поселений, входящих в состав района, установлены областным законом от 16 декабря 2004 года № 113-оз. 1 января 2006 года район был объединен с двумя другими муниципальными образованиями - МО «город Гатчина» и МО «город Коммунар» под общим названием МО «Гатчинский

район». Административным центром района стал город Гатчина.

В разные годы Гатчинским районом руководили:

Назаров Георгий Петрович — председатель Троцкого Райисполкома с 15 сентября 1927 года (данных о нем нет).

Акт от 26-го марта 1928 года. Мы, нижеподписавшиеся, тов. Назаров, Георгий Петрович — председатель Троцкого Райисполкома, с одной стороны и вновь назначенный Председателем Троцкого Райисполкома тов. Филатов Алексей Михайлович — с другой стороны, на основании постановления Президиума Троцкого Райисполкома от 24 марта с.г., протокол № 28, составили настоящий акт в том, что первый сдал, а второй принял дела Троцкого Райисполкома, согласно прилагаемых описей, причем дела по Отделениям Финансов находятся под ответственностью зав. Райфинотделением тов. Семенова Вл.Сем., Райземотделения — тов. Рюттеля Ивана Петровича, секретариата — тов. Егорова Константина Ивановича, отдела соцкультуры тов. Богданова М.Я. (Акты обследования работы райисполкома и учреждений района. Списки членов сельсоветов и актива района. Государственный архив Ленинградской области г.Выборг. Фонд Р-655, оп.1, ед.хр.14)

Филатов Алексей Михайлович — председатель РИКа (Районного исполнительного комитета) с 26 марта 1928 года.

Год рождения 1896 г.. По национальности - Великоросс. Образование низшее. Социальное положение — рабочий. Член ВКП с 1918 г.. Работал слесарем, членом коллегии, зав.отделом упродкома, упродкомиссаром, председателем райпотребсоюза, инструктором УИКа, завед. орготделом райсоюза, старшим инструктором ЦИКа, председателем Петергофского Горсовета. (Списки членов Горсовета, райстолкомов, сельсоветов, райкомов. 1928-1929 гг. Государственный архив Ленинградской области г.Выборг. Фонд Р-3162, оп.2, д.11).

Абрамов И.В. — председатель исполкома районного Совета. (данных о нем нет)

Корешков Н.И. — председатель испол-

кома районного Совета с 1951 (данных о нем нет)

Шибалов Александр Никонорович — председатель исполкома районного Совета. Начало работы — апрель 1954 г..

Родился в 1913 г. в семье крестьянина

Шибалов Александр Никонорович

деревни Кашаево Новоторжского района Калининской области. Окончил Калининский сельхозтехникум, трудился в сельском хозяйстве: зоотехником, старшим зоотехником, заведующим опорным пунктом опытной станции по животноводству в Бурятии и Читинской области. По национальности — русский. Неоднократно избирался членом обкома КПСС, депутатом Ленинградского областного Совета. С 1942 по 1945 год воевал на Ленинградском и Калининском фронтах. Имеет орден Красной Звезды. Медаль за Победу над Германией. С 21 мая 1968 по 1980 год - председатель Исполнительного комитета Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся. Умер Александр Никонорович в 1987 году. (Список руководителей советских работников Исполкома Гатчинского райсовета депутатов трудящихся по состоянию на 1 января 1957 г. Отчет о составе руководящихся кадров Совета на 1 января 1957 г. Фонд Р-655, оп.2, ед.хр.№ 229)

Ковалев Иван Павлович — председа-

тель исполкома райсовета. Начало работы в данной должности с 23.10 1957 г..

Год рождения — 1917г. По национальности - русский. Член КПСС с 1943 г. Окончил 3 курса Карелофинского университета, 2-х годичную Ленинградскую областную партшколу. По образованию партработник (*Список руководящих работников исполкома Гатчинского райсовета депутатов трудящихся Ленинградской области, по состоянию на 1 января 1959 г. Государственный архив Ленинградской области г.Выборг. Фонд Р-655, оп.1, д.386*).

Фарафонов А.Ф. — председатель исполкома Гатчинского райисполкома 1963 г.. (данных о нем нет)

Механиков Иван Алексеевич — председатель исполкома с 17.01. 1968 г. по 1971 г..

Год рождения 1913 г.. Национальность — русский. Член КПСС с 1943 г.. Образование — высшее. Окончил Ленинградский политехнический институт им. Калинина, инженер-строитель промышленного транспорта. (*Список работников исполкома Гатчинского райсовета депутатов трудящихся по состоянию на 1 апреля 1968 г. Учет и отчетность по кадрам за 1968 г. Государственный архив Ленинградской области г. Выборг. Фонд Р-655, оп.2, ед.хр.720*).

Петров Геннадий Николаевич — председатель исполкома Гатчинского районного совета народных депутатов с 1971 по 1983 год.

Родился 25 мая 1934 г. в селе Большое Окулово Нижегородской области. Окончил Ленинградский инженерно-строительный институт по специальности инженер путей сообщения. Работал прорабом, главным инженером, начальником дорожно-строительного управления. С 1983 года занимает должность генерального директора ГУП «Леноблжилкомхоз». Академик транспорта РФ. Кавалер ордена Трудового Красного Знамени, ордена «Знак Почета». В 1995 г. указом Президента РФ присвоено звание «Заслуженный работник жилищно-коммунального хозяйства России». С 1971 по 1985 гг. избирался в районный и областной Советы народных депутатов.

Ледовских Анатолий Алексеевич

Ледовских Анатолий Алексеевич — председатель районного Совета народных депутатов, председатель исполкома Гатчинского района с 1987 по 1991 год. С 1991 по 2001 год — глава администрации муниципального образования «Гатчинский район».

Родился 8 апреля 1947 года в рабочем поселке Мучкап Тамбовской области. В 1970 году окончил Ветеринарный институт, в 1990 году — Ленинградскую высшую партийную школу. С 1976 по 1978 год был главным ветврачем Гатчинского совхоза, с 1978 по 1985 год — главным ветврачем, заместителем генерального директора ПО «Гатчинское», с 1985 по 1987 год — директором совхоза «Большевик». С 2001 по 2004 год - начальник Северо-Западного окружного управления Российского агентства по государственным резервам, г.Санкт-Петербург, заместитель генерального директора Российского агентства по государственным резервам, г.Москва.

23 марта 2004 г. — распоряжением Председателя Правительства РФ назначен руководителем Федерального агентства по недропользованию.

Худилайнен Александр Петрович — глава администрации Гатчинского района с 10 июня 2001 года. С января 2006 по декабрь 2011 года занимает должность главы администрации Гатчинского муниципального района Ленинградской области.

Худилайнен Александр Петрович

Родился 2 мая 1956 года в деревне Злобино Калязинского района Калининской области РСФСР. В 1961 года с родителями переехал в деревню Большая Ивановка Гатчинского района Ленинградской области. В 1979 году окончил Ленинградский Механический институт (ВОЕНМЕХ) по специальности инженер-механик. С 1987 по 1996 год — председатель исполкома Таицкого поселкового совета народных депутатов, затем глава администрации поселка Тайцы. С декабря 1996 года заместитель по вопросам экономической политики района.

В 1997 году получил второе высшее образование — окончил Северо-Западную Академию Государственной Службы при Президенте РФ по специальности менеджер-экономист. В 2004 году защитил диссертацию в Санкт-Петербургском государственном морском техническом университете и получил звание кандидата экономических наук.

С сентября 2007 по декабрь 2011 гг. являлся Председателем Президиума Совета муниципальных образований Ленинградской области. Указом Президента России от 29 декабря 2007 года № 1783 включен в состав Совета при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления.

27 мая 2011 года избран на должность секретаря регионального политсовета пар-

Любушкина Елена Викторовна

тии «Единая Россия». Председатель Законодательного собрания Ленинградской области.

24 мая 2012 года избран Главой Республики Карелия.

Любушкина Елена Викторовна — глава администрации Гатчинского муниципального района с 24 февраля 2012 года.

Окончила в 1983 году Ленинградский сельскохозяйственный институт, ныне Петербургский государственный аграрный университет. По специальности «бухгалтер». Работала по распределению в совхозе «Тайцы» Гатчинского района. Окончила Академию государственной службы, по специальности «менеджер административного управления». С 1999 года — заместитель главы администрации по экономике. По инициативе и при непосредственном участии Елены Любушкиной впервые в 2002 году была разработана Стратегия развития Гатчинского района. Этот проект в конкурсе среди муниципальных образований завоевал почетное второе место. 25 ноября 2005 года защитила диссертацию по теме «Стратегическое развитие сельского муниципального района». Первый заместитель главы администрации.

Источники:

1. В основу статьи вошли подлинные материалы Ленинградского областного

архива г. Выборга, подготовленные специалистами МКУ «МЦРБ им. А.С. Пушкина»: библиографом-краеведом Соколовой О.Л., зав. читальным залом Сорокиной Ю.С., библиотекарем детского абонемента Копаневой М.Г.

2. Историческая справка исполкома Гатчинского районного совета /И.П. Иванова //Архив Гатчинского муниципального района.
3. Административно-экономический справочник по районам Ленинградской области /Сост. Ф.И. Богомолов, П.Е. Комлев; Под ред. А.Ф. Нужного.- Л., 1936.- с.21-24, 148-150
4. В зеркале времен и судеб: Исторические очерки о руководителях Ленинградской области.- СПб.: ИПК «Вести», 1997.- 295 с.: ил.
5. Кто есть кто в Ленинградской области: Биографический справочник. 1997 /Сост. А.Ф. Бухтояров.- СПб.: ИИФ «Лики России», 1997.- 193 с.
6. Ленинградская область: Природа и хозяйство /Под ред. С.С. Голованова: А.Л. Биркенгоф, А.В. Даринский, С.Г. Кобяков и др.- Л.: Лениздат, 1958.- с.238-242.
7. Ленинградская область: Экономический обзор области, округов и районов и Карельской АССР /Под. Ред. С.Н. Нефедова, М.В. Рослякова.- Л.: Прибой, 1928.- с.148-149

Установка электричества в Рождествено. 1936

Кобралово. Первый послевоенный дом

Реконструкция путей между станциями Карташевская и Сиверская Октябрьской железной дороги. 1958

Совхоз Орлинский. Выборы в Верховный Совет СССР. 1937

Дружная Горка. фото 1975 г.

«ХОЧУ В ГАТЧИНУ!» к 85-летию Гатчинского района

Алена Тришина

Фраза о том, что «Гатчина — это культурная столица Ленинградской области», давно уже никого не удивляет. И это не нужно доказывать. Но удивление — одно из тех чувств, которые стимулируют положительные эмоции. Что для каждого из нас просто необходимо! Удивлением как для многих петербуржцев, так и для жителей нашего региона стала выставка «Хочу в Гатчину!», которая проходила в Центральном выставочном зале «Манеж» (Санкт-Петербург) с 5 по 22 мая 2012 года.

Впервые главный выставочный зал Петербурга был полностью предоставлен творческому музейному содружеству Гатчины и Гатчинского района. Сочетание но-

В. Панкратов, директор ГМЗ «Гатчина», глава администрации г. Гатчины А.Р. Калугин на церемонии открытия выставки 5 мая 2012 г.

вого и старины — вот что определено было дизайнерским решением размещения экспозиции на двух этажах здания. Тематически на первом этаже предлагалась прогулка по Гатчине, гатчинским паркам и Гатчинскому району. А второй этаж — это рассказ об интерьерах и владельцах Гатчинского Дворца: представление коллекций, фрагменты биографий.

Эта выставка дала повод задуматься о многих вещах, связанным как с реставрацией, так и с сохранением музейных коллекций. Эта выставка, оформленная очень современно и образно, в преддверии Ночи

музеев (т.е. 19 мая) стала эффективной рекламной акцией, которая стимулировала приток посетителей в Гатчину и Гатчинский район.

Я побывала в «Манеже» дважды: 5 мая (во время открытия) и 13 мая (в воскресенье, с 16 до 18 часов). Уточняю даты и время, так как это имеет значение для восприятия темы в ее деталях, мелочах и фактах. О выставке «Хочу в Гатчину!» написали все гатчинские СМИ, а также и многие петербургские издания, репортажи о ней были по радио и телевидению. А сколько фотографий сделано — на память! Фотографировала и я. Уходя с выставки, появилась Книга отзывов, в которой к 13 мая (фактически за 8 дней работы) исписано было уже 17 страниц. Причем на заданную и объявленную тему, т.е., мол «и я хочу в Гатчину!»

Хочу, хочу, хочу... Книга отзывов — большого формата, и на каждой ее странице от 3-х до 5-ти записей. Что означает не менее 70 отзывов за этот краткий срок! Конечно, я не прочитала их все. Не знаю, где будет храниться данный фолиант, но ознакомить-ся с мнением публики, посмотревшей выставку, мне было бы интересно.

Народное мнение... Не так много людей, кто пишет отзывы о выставках. А рассуждать и осуждать — пожалуйста. В зависимости от настроения, мы способны увидеть и оценить что-либо ТАК или ИНАЧЕ. Признаюсь, что и я отнюдь не завсегдатай выставок в «Манеже». Но две из тех, в которых экспонаты Гатчинского дворца-музея участвовали, я, конечно, посетила: выставку о Павле I (2004 г.) и об Александре III (2006 г.). Кстати, каталоги тех выставок (шикарные издания!) в «Манеже» до сих пор продают. Главная особенность организации тех персональных выставок, это участие в них МНОГИХ музеев, архивов и крупнейших библиотек, предоставивших действительно уникальные экспонаты эпохи: вещи, документы, книги...

Книга, как экспонат для выставки, является интереснейшим документом своего времени. Это касается и старинных, и современных изданий. Так вот, одним из «минусов» выставки «Хочу в Гатчину!» я считаю то, что на ней не были представлены книги из дворцовой библиотеки. Правда, этому был посвящен один из видеосюжетов, но... Не каждый посетитель у экрана здесь, то есть на выставке, сидеть будет.

Старинная книга — СОХРАНЕННАЯ! — наводит на размышления, она подсказывает и уточняет. Она ГОВОРИТ с человеком, и это — важно. А книгу нужно увидеть не только на фотографии. Например, библию, которая принадлежала Павлу I. Или книгу с автографом А. Аракчеева. Старинный настольный календарь, или Сонник, или Лечебник. Атласы, географические карты...

Все то бумажное, что сохранилось, а не погибло, напоминает и рассказывает — документально.

Каталога выставки «Хочу в Гатчину!» нет. И даже буклет не издан. А вот фото-вернисаж об этой выставке мог быть собран — методом народного конкурса, не так ли? И пусть бы она уже в стенах Дворца-музея рассказала о том, что это была за акция: представить Гатчину и Гатчинский район — в Санкт-Петербурге! Как заметил на торжественном открытии вице-губернатор Санкт-Петербурга Василий Кичеджи: «Гатчина — это настоящая жемчужина из нашего большого музейного ожерелья, чудо для Ленинградской области и для Санкт-Петербурга». «Выставка не только чрезвычайно насыщена, полна разнообразной информации, но и очень красива и рассчитана на самый широкий круг посетителей», — подчеркнул директор ЦВЗ «Манеж» Кирилл Кузьмин.

«Мы надеемся, что каждый, кто посетит в эти дни «Манеж», захочет в ближайшее время приехать в Гатчину», — об этом сказал директор музея-заповедника «Гатчина» Василий Панкратов. Майская Ночь музеев, июльская Ночь музыки... Повод побывать в Гатчине найдется, было бы желание.

Например, желание участия в Пушкинских праздниках, которыми давно уже славится наш район, также проявляют все новые и новые люди, что не является случайным. Именно потому, что «Пушкинское музейное кольцо» Гатчинского района существует не формально, а в живом развитии содружества Муз и различных видов творчества.

На выставке «Хочу в Гатчину!» можно было получить информацию о коллекциях и программах таких музеев Гатчинского района, как музей-усадьба «Суйда», музей-усадьба «Рождествено», «Домик няни А.С. Пушкина» (п. Кобрино), «Дом станционного смотрителя» (д. Выра), Сиверский историко-бытовой музей «Дачная столица», мемориальный музей композитора Исаака Шварца (п. Сиверский), музей «Красногвардейский укрепрайон» (п. Новый Свет).

Намеренно упоминаю названия поселений, где находится каждый музей, именно потому, что читателями журнала «Оредеж»

являются уже не только жители нашего региона. А наши небольшие районные музеи, которых по количеству год за годом на географической карте района можно обозначить все больше, это положительный факт исторической памяти. Музеи нужны. Музеи живут, развиваясь, людям разных поколений предоставляя возможность удивления, сопереживания.

В связи с этим мне особенно хочется подчеркнуть, что петербургская выставка «Хочу в Гатчину!» была комплексом мероприятий, творчески объединивших музейных работников с представителями современной культуры. Потому что концерты — это тот «десерт», который был ежедневным и бесплатным сюрпризом для посетителей выставки.

Каждый из дней выставки посвящен был какой-либо теме, в представлении которой участвовали лучшие творческие коллективы и исполнители Гатчины и Гатчинского района. Например, театральный коллектив Кобринского ДК представил музыкально-поэтическую композицию об А.П. Ганнибале. Поэты «Сиверского братства» А. Кряжев и Л. Сойту читали свои стихи, посвященные Сиверской и Великой Отечественной войне. Это происходило в день рождения композитора И.И. Шварца, в честь которого также звучали стихотворные строки.

Ежедневно из Гатчинского района и Гатчины в Петербург приезжали автобусы с участниками ансамблей, оркестров и хороших коллективов. И ни одно выступление не было отменено! В «Манеже» выступали районные хореографические коллективы: «Сюрприз», «Фантазия», «Карташевские жемчужинки»; вокальные коллективы: хор «Апрель», трио «Криницы», «Родничок», группа «Небо», Карташевский хор ветеранов.

Свое мастерство демонстрировали гатчинские коллективы: Молодежный камерный оркестр, ансамбль гусляров «Перезвон», ансамбль русской песни «Горница», муниципальный оркестр народных инструментов, эстрадно-духовой оркестр г. Гатчины. А также танцевальные коллективы «Снежинка» и «Эльдорадо».

Мы гордимся разнообразными талантами наших земляков, а их профессионализм

отмечен многими призами как российских, так и международных конкурсов. Перечислю лишь фамилии тех солистов, кто заранее был заявлен в концертной программе. Это участники студии сольного пения гатчинского ДК — Анжелика Галушко и Владимир Майер. Это Евгения Витенко, Виктория Огороднова, Нелли Мухортова, Анастасия Соколова, Жанна Корнеева, Иван Балашов. Участники выступлений в «Манеже» — это композитор Виктор Огороднов, Михаил Огороднов (рояль), Андрей Иванов (скрипка). Лауреаты вокального конкурса «Романса трепетные звуки», который впервые проведен был в этом году в музее-усадьбе «Рождествено», стали участниками гала-концерта, который завершал программу встреч-знакомств выставки «Хочу в Гатчину!»

Образно говоря, гатчинский культурный десант в Петербург был и зрелищным, и представительным. Участниками данной акции стало столько людей, что и не перечесть! Причем каждый с интересом прогуливался по двум этажам выставки, словно заклинание, вспоминая: «Хочу в Гатчину!»

Кстати, сценой для выступлений была мраморная белоснежная лестница, по бокам закрытая огромными фотопанно с изображением парадной лестницы Гатчинского дворца. Вспоминаю, что во время выставки, посвященной 250-летию со дня рождения Павла I (2004 г.), также именно на ступенях этой — в «Манеже» — лестницы прошел спектакль гатчинского театра «За углом», героем которого были два Павла: мальчик-Наследник и Император.

Вспоминаю... Если кинофестиваль «Литература и кино» стал тем магнитом, что «притянул» многих, не знакомых с историей Гатчины людей в наши края, и они этот край искренне полюбили, то... Выставка «Хочу в Гатчину!» образ Гатчины и окрестностей «привезла» в Санкт-Петербург. Что, оказывается, возможно, если очень постараться. А старались многие: личную инициативу Василия Панкратова поддержал коллектив ГМЗ «Гатчина», а также администрация Гатчины, Областное музейное агентство. И, естественно, коллектив ЦВЗ «Манеж». Свои экспонаты на эту выставку представили Эрмитаж, музей истории

Санкт-Петербурга, ГМЗ «Петергоф», ГМЗ «Павловск», Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Всех не перечислю, - об этом уже написали.

Скажу свое — зрительское мнение, которое совпадает с мнением тех петербуржцев, с которыми я разговорила на выставке. Специалисты — дизайнеры и художники — при помощи современных средств и технологий СОЗДАЛИ Гатчинский дворцово-парковый ансамбль, колонны превратив в деревья, на баннерах поместив фотографии (отличного качества!) скульптур и пейзажей. Огромные фотографии с портретами именитых владельцев Гатчины, размещенные на тонированных «стенах комнат», отделяют один дворцовый интерьер от другого. Продумана подсветка, для одежды и посуды — стеклянные, различного объема витрины.

На первый взгляд очень скромными по количеству представленных экспонатов кажутся размещенные «вокруг парка» экспозиции музеев Гатчинского района. Действительно, нам — зрителям — хочется увидеть, потрогать что-либо подлинное, раритетное. И таких предметов в каждом из музеев немало. Но они вписаны в интерьер СВОЕГО дома и своей экспозиции, они привыкли жить-дышать там! И увидеть их нужно на месте: в деревенской избушке няни, или на господской половине дома Рукавишниковых-Набоковых. В спальне Дуняши или на яшницкой половине дома станционного смотрителя; в комнате дачницы или в экспозиции, посвященной путешествующим, которые вдруг приехали в Сиверскую. Надо побывать — в доме И.И. Шварца, и в парке ганнибаловской усадьбы, и на конюшне Вырской почтовой станции. Фотографии интерьеров музейных помещений — это ведь приглашение в путешествие. Недолгое, но интересное и просветительно полезное для каждого. Я видела, как многие посетители, останавливаясь у стендов наших районных музеев, переписывали себе адрес, внимательнейшим образом изучив аннотацию о музее. Вот вам и плюсы рекламы!

Так же и видеосюжеты с комментариями о дворцово-парковом ансамбле Гатчины,

которые демонстрировались на мониторах. Подготовленные сотрудниками ГМЗ «Гатчина», это рассказы об экспонатах, видеопрезентации музейных программ и тематических экскурсий. В небольшом кинозале демонстрировали фильмы с гатчинской тематикой «Суворов» (1940 г.); «Бедный, бедный Павел» (2003 г.). А также фильм о судьбе Великой княгини Ольги Александровны — младшей дочери Александра III, чьи детские рисунки о жизни в гатчинском дворце также были размещены на стендах. Правда, в Гатчинском дворце-музее этих экспонатов нет, и здесь были представлены копии из частной коллекции.

Коллекции... Пригородным Эрмитажем называли бывшую императорскую резиденцию, расположенную в достаточном удалении от Ленинграда. Великая Отечественная война прервала деятельность Гатчинского музея-заповедника (который был открыт 18 мая 1918 г.) почти на полвека. После длительной реставрации первые три зала возрожденного дворца-музея были показаны посетителям 8 мая 1985 года; Приоратский дворец-музей начал работу всего 10 лет назад, т.е. осенью 2002 года.

Одна из важнейших целей выставки «Хочу в Гатчину!» — это комплексный рассказ как о блистательном прошлом, так и о трагической судьбе в XX веке, а также о сегодняшнем возрождении музея-заповедника. Не случайно при входе в «Манеж» на большом экране показывали фильм «Горящая Гатчина», документально рассказывающий о событиях освобождения города в 1944-м, и о пожаре Дворца. Фильм-свидетельство, фильм-напоминание.

Если ценнейшие экспонаты гатчинской коллекции вовремя были эвакуированы и потому сохранились (многие, правда, находятся не в Гатчине, а в других музеях!), то ущерб, нанесенный городу и нашим паркам, до сих пор наглядно чувствителен. А потому на реставрационные работы требуется значительное вложение средств. Ныне представить изначальный облик гатчинского дворцово-паркового ансамбля и его утраченных сооружений помогут макеты: «Птичник», «Ферма», «Оранжерея», «Горбатый мост», «Паромная переправа» и др.

На выставке в «Манеже» можно было

увидеть и макет знаменитого корабля «Эмпренабль», на воду Белого озера спущенного при Павле I и простоявшего там вплоть до середины XIX века. После окончания выставки все макеты и деревянная катальная горка (реконструкция) навсегда «переедут» в Гатчинский дворец-музей.

Инсталляции, фрагменты интерьеров... Естественно, что не все шедевры из гатчинского дворца нашли «свое» место в «Манеже». Однако, это были экспонаты из фарфоровой коллекции музея, эскизы военной формы и атрибутики, копии фотографий, мебель и предметы интерьера. Одежда: камзол Павла I и платье его супруги — императрицы Марии Федоровны; парадное платье императрицы Александры Федоровны.

Конечно же, рисунки и картины, работы М. Зичи («событийные»), акварели Э. Гау («интерьерные»), портреты Павла I и Марии Федоровны, Николая I и его супруги Александры Федоровны, портреты Александра III и его супруги Марии Федоровны (два последних — из ГМЗ «Петергоф»).

Мульт-проект «Шествие теней прошлого» (его также демонстрировали на одном из экранов) — это видео-рассказ о господах и о прислуге, о взрослых и о детях. Это напоминание об обитателях Дворца разных эпох, которые куда-то идут, бегут, и что-то делают. Сопровождение — «Симфония № 5 ре минор» Дмитрия Шостаковича.

Размышляя о прошлом, мы часто произносим: «Это было в старой Гатчине. Давно». Музей истории Гатчины — учреждение молодое. Однако, собранные там экспонаты и организованная коллективом музея работа, уже имеют известность, завоевали признание. Стенды, подготовленные этим музеем для петербургской выставки — «Храмы Гатчины», «Гатчинская авиация» и «Панорама города Гатчины, сделанная авиатором П. Нестеровым в 1913г.».

Гатчина и гатчинцы... Знакомясь с выставкой, можно было «зайти в гости» к художнику П.Е. Щербову — другу Ф. Шаляпина и А. Куприна. Кстати, тут — рядом — постоянно звучала классическая музыка — с видовыми картинами прогулки по парку. Репродукции со старинных фотографий, объединенных темой «Прогулка по горо-

ду», предоставил на выставку коллекционер В.П. Пестряк-Головатый.

Романтический образ нашей природы дает вдохновение поэту, музыканту, художнику. Картины с видами Гатчины и гатчинских парков выставили члены Гатчинского товарищества художников: А. Засидкевич, Ю. Кинцурашвили, Е. Жеребина, А. Гришанцев, Е. Калиновская, В. Данилов, М. Фазанова, В. Дьяконов, Ю. Гресь.

Тонко подмеченные детали, настроение: «Облако сирени» — акварель В. Серебрякова; «В ночном парке» — картина И. Радюкевича. «Лунная ночь» — так называется одна из работ графической серии В. Кустова, выполненной в тонах старинной фотографии. А на картинах В. Осипова «Морозное утро» и «Речка проснулась» — милые сердцу «будничные», узнаваемые пейзажи. Героическая страница Великой Отечественной войны отражена в картинах А. Кучерова «Победа пришла!» и «В день освобождения Гатчины», посвященных событиям 26 января 1944 года.

Обменявшись впечатлениями об этой выставке с посетителями, некоторые из которых пришли сюда уже во второй раз (!), я уходила из «Манежа», наполненная положительными эмоциями. И гордостью за наше достойное представительство в Петербурге! Все петербуржцы, с кем я случайно разговорила (а их оказалось более 10 человек), высказали интерес к данной выставке, отметили и концертные выступления. Все эти люди (разного возраста) когда-то уже были в Гатчине. И собираются побывать теперь! А один молодой человек, по моей просьбе фотографируя меня на фоне баннера с памятником Павлу I, посоветовал мне съездить в Гатчину, «где много интересного. Например, Березовый домик! И Приорат». Узнав, что я — из Гатчины, он не удивился, лишь усмехнувшись: «Здесь много ваших...». — «Не только наши», - возразила я.

Прощально оглядев знакомый силуэт Коннетабля, выстроенный из плитки, стилизованной под камень, я покидала Гатчину. (Возвращаясь к себе — в Гатчину!) Уходила по «площади Коннетабля», составленной из стендов, на которых размещена информация о строительстве и реставрации Гат-

чинского дворца. Уходила под звуки войны фильма «Горящая Гатчина». «Зачем нам это показывают? Мы — блокадники. Знаем. Пережили!!! Сюда пришли на жизнь царей посмотреть!» — возмутилась пожилая женщина. «Потому что для Гатчины годы войны и освобождение города — это очень важный период! Это — после немецкой оккупации, это — ПАМЯТЬ!» — в ответ парировала ей я.

Да, это было символично и значимо: май — месяц Победы! День музеев, День библиотек России...

Согласно программе, Ночь музеев в Петербурге начиналась именно с выставки «Хочу в Гатчину!». Я узнала об этом, заглянув в Интернет, где размещены были отзывы-восторги, наподобие таких: «А я раскрасила сову! Прикольно!», «А я прокатилась с горки!», «А мы из бумаги складывали птиц. Не получилось». В своих комментариях об этом журналисты подчеркнули, что Ночь музеев особенно популярна у молодежи, которым не экспонаты и фильмы интересны, а именно какое-то действие, представление. К тому же — и возможность порезвиться! Карандаши и бумага с рисунками для раскрашивания, на которых отпечатаны звери и растения (обитатели гатчинского парка), разложены были на втором этаже «Манежа» — в Детском уголке. Рядом — почтовый ящик, куда можно опустить письмо «На утверждение Е.И.В.», тут же — и катальная горка. Получается, что именно этот уголок выставки, предназначенный для интерактивной игры (в моменты моих посещений он был безлюдным!), особенно понравился именно молодым посетителям.

По пути сюда, наверняка и мальчишку-Ганнибала по голове погладили, и до белоснежной модели орла дотронулись, и с вырезной фигурой гусара в обнимку сфотографировались, покривлялись перед портретом императора Павла... Короче говоря, порезвились, «побывав в Гатчине». Что ж, каждому — свои впечатления. И свои воспоминания — о прошлом, и настоящем. Надеюсь, что хоть название, возможно, впервые кем-то услышанное, запомнили: «Гатчина».

Фотографии: Алена Тришина

Начало экспозиции (вид со 2-го этажа)

Инсталляция на 2-ом этаже

Платье супруги Николая I — императрицы Александры Федоровны

Камзол Павла I и платье императрицы Марии Федоровны

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СИВЕРСКОГО КРАЯ. 1917-1922 гг.

Люди, события, факты
К 85-летию образования Гатчинского района

Андрей Бурлаков

До 1917 года современная территория Сиверского городского поселения входила в состав Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии с административным центром в городе Царское Село. Сам уезд был разделен на десять волостей, среди которых в экономическом отношении, выделялась Рождественская волость с центром в селе Рождествено. В состав этой волости входили: станция Сиверская и окружающая ее дачная местность, деревни Старо-Сиверская, Куровицы, Ново-Сиверская, Межно, Большево и другие. Город Гатчина имел статус без уездного города и входил в состав Царскосельского уезда. Сразу же после победы большевиков в революционном перевороте 25 октября 1917 года в Царском Селе и Гатчине были образованы Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, деятельность которых распространялась и на волостные территории, а также центральный волостной военно-революционный комитет, располагавшийся в городе Гатчине, который приступил к работе 27 октября 1917 года. Однако, все важнейшие административные и партийные вопросы рассматривались и решались в Царском Селе.

Уже с первых дней после победы большевиков в волостях началось реформирование системы старой административной власти. Распускались волостные управы. Повсеместно создавались волостные Советы рабочих и крестьянских депутатов и волостные исполнительные комитеты, в которые выдвигались политически грамотные и авторитетные представители края. Председателем Рождественского волостного исполкома, созданного 24 декабря

1917 года, был избран местный крестьянин Иван Васильевич Лаков. В декабре 1918 года был создан Рождественский волостной Совет (центр — село Рождествено, а позднее — деревня Выра). В том же году из состава этой, самой большой по площади волости, были образованы две самостоятельные волости: Сиверская и Вырицкая. В них так же, были образованы волостные Советы. Территориальные изменения коснулись и других местностей Царскосельского уезда. Отдельные Советы рабочих и крестьянских депутатов создавались в 1918 году в ряде крупных населенных пунктов уезда, например, в деревне Куровицы. С образованием Советов одновременно были учреждены волостные исполнительные комитеты, а начиная с 1922 года, в ряде волостей — новые административные образования — сельские Советы.

В Сиверкой дачной местности, объединяющей несколько населенных пунктов, волостной Совет и исполком разместились в бывшем (национализированном) усадебном доме барона Владимира Борисовича Фредерикса, министра императорского Двора и Уделов. Первым председателем волостного Совета по рекомендации рабочих и служащих железнодорожной станции Сиверская, был избран местный житель, инженер Государственного контроля Северо-Западных железных дорог, титулярный советник Гуго-Франс Рудольфович Стурцель 1856 года рождения, проживающий в дачном поселке Новое Дружноселье. Он не состоял в партии большевиков, но пользовался большим доверием среди сиверских жителей и дачников. В состав волостного Совета исполкома вошли мест-

ные активисты Егоров, Прокофьев и Шилов. Уже в мае 1918 года они приступили к национализации помещичьих и дачных земель. Этими работами руководил член партии большевиков с 1917 года, бывший столяр-краснодеревщик Михаил Егорович Егоров, проживавший в поселке Новое Дружноселье. Летом 1918 года были национализированы отдельные дачные усадьбы. Среди них дачи Гольм-дорфа, Никитина, Розмыслова, Нагеля, Бегуновых, Дерновых и других владельцев, расположенные в центральной части Сиверской. По воспоминаниям внука М.Е. Егорова — сиверского дачника Всеволода Васильевича Егорова, первый волостной Совет и ревком размещались в доме барона В.Б. Фредерикса, а позднее, примерно с конца 1919 года, в одном из национализированных домов, расположенных на углу современных улиц Ленина и Кирова. Старинная постройка была снесена в середине девяностых годов XX века. В настоящее время на этом месте находится усадьба предпринимателя А.В. Правдина.

Широким был спектр деятельности волостных Советов и исполкомов первых лет советской власти. Примером может служить постановление Рождественского волостного земельного комитета, связанное с принятием экстренных мер против самовольных порубок леса. «Признать всякие массовые вырубki лесов волости недопустимыми», — сообщается в одном из документов за 1918 год. В том же году Сиверский волостной совет командировал молодых активистов, выходцев из крестьянских семей на пяти-недельные учебные курсы по социализации земли. Уже вскоре они участвовали в национализации помещичьих земель и дворянских имений, расположенных в окрестностях Сиверской.

На основе ленинского Декрета «О земле», на базе национализированных образцовых помещичьих имений, расположенных в окрестностях Гатчины, в ноябре — декабре 1917 года были созданы первые советские хозяйства с коллективным землепользованием. 8 ноября 1917 года сельскохозяйственная коммуна была организована в бывшей усадьбе «Суйда». Вслед за Суйдой коммуны появляются в нацио-

нализованных имениях Дружноселье, Белогорка, Орлино, Сиверская, Маргусы и других. Активисты-коммунары, сумели не допустить дробления бывших господских хозяйств, сохранили от грабежа имущество, инвентарь и скот. В имении «Сиверская», до революции принадлежавшем барону В.Б. Фредериксу, от помещичьего хозяйства коммуне перешло стадо из 180 коров «ангельской породы» и бык весом 110 пудов, а также образцовый фруктовый сад.

Были отстранены со своих постов все управляющие имениями дореволюционного периода. «Бывшему управляющему имением «Дружноселье» Г. Крумбергу, — читаем мы в одном из документов того времени, — к 15 февраля 1918 года освободить помещение и оставить имение. Комиссаром имения назначить тов. Мелешина».

Кстати, этому комиссару посвятила сатирическое стихотворение замечательная поэтесса Зинаида Гиппиус, которая вместе с Дмитрием Мережковским летом того же года отдыхала на даче в Дружноселье. Произведение называется «Мелешин — Вронский» и датируется 8 июня 1918 года. Вот фрагмент этого стихотворения:

Наш Дружносельский комиссар —
Кто он? Чья доблестная сила
Коммунистический пожар
В его душе воспламенила?

Зиновьев, Урицкий иль Он,
Сам Ленин, старец мудроголовый?
Иль сын Израиля — Леон,
Демоноокий и лукавый?

Исключение из общих правил, возможно, составлял только бывший управляющей усадьбой «Сиверская» Мартын Мартынович Дрейман. Латыш по национальности, получивший до революции звание личного почетного гражданина, он пользовался большим авторитетом руководителя и видимо, поэтому был назначен комиссаром сельскохозяйственной коммуны имения «Сиверская», ставшей в 1919 году совхозом. Сохранился мандат, выданный М.М. Дрейману Петроградским Губернским земельным отделом 1 февраля 1921 года, ука-

Сиверская сельскохозяйственная коммуна в бывшей усадьбе барона В.Б. Фредерикса. Фото начала 1920-х гг.

зывающий на то, что он (Дрейман — прим. ред.) «состоит групповым Заведующим Сиверской группы совхозов Детскосельского уезда, в который входят совхозы: Сиверское, Белогорка, Дружноселье, Красницы, Ящера, Орлино, Кузнецово, Выра». В нем же (мандате — прим. ред.) сообщалось, что все учреждения, организации и должностные лица обязаны «оказывать гражданину Дрейману законное содействие при исполнении им его служебных обязанностей». Позднее Дрейман был отстранен от занимаемой должности и был вынужден уехать из Сиверской.

Перспективно складывалась судьба коммуны имения «Белогорка», ставшей с 13 октября 1918 года советским культурным хозяйством, а с 3 января 1919 года — совхозом. Председателем рабочего комитета, образованного в ноябре 1917 года, был избран бывший сторож имения Михаил Иванович Старков. Вместе с Сиверским волостным земельным комитетом он проводил конфискацию помещичьей усадьбы. Основная часть земли была передана крестьянам деревень Ново-Сиверская и Изора, а 124 десятины пахотной земли закреплены за коммуной. Первым комиссаром совхоза «Белогорка» стал Александр Карлович Таммер.

В 1918 году в Гатчине был создан Комитет деревенской бедноты. Его работа сводилась в основном к проведению культурно-просветительной и образовательной деятельности. В волостях велась активная пропаганда советской власти. Организовывались новые партийные ячей-

ки большевиков. О том, как проводилась подобная работа, можно узнать из отчетного доклада представителя Сиверской партийной ячейки, созданной в том же году, крестьянина деревни Куровицы Александра Петровича Михайлова: «Коллектив только что организован, членов коллектива тридцать человек, работа налаживается, ведется просветительская работа среди крестьян как деревни Куровицы, так и других деревень. Коллектив ведет активную борьбу с местной буржуазией и кулачеством».

В партийной организации при железнодорожной станции Сиверская состояло в 1918 году 130 человек и около 80 сочувствующих. Здесь был организован Комитет бедноты и наложена хорошая культурно-просветительская работа.

В этот период свою деятельность заметно активизировали противники советской власти. В Царскосельском уезде недовольных было много, против партийных органов власти устраивались провокационные компании. Газета «Северная коммуна» 4 июля 1918 года сообщала о том, что в районе Сиверской «по окрестным деревням кулаки, мелкие торговцы, вспоминают старое время... В деревне Куровицы под влиянием такой агитации распустили Совет, призвав к исполнению обязанностей прежнего старосту. Распускаются здесь до ужасного нелепые слухи об организации дружин для сбора хлеба».

О нестабильном политическом положении информируют и сохранившиеся отчеты большевистских агитаторов за июль 1918 года: «Петроградская губерния, Царскосельский уезд, станция Сиверская: в волостных комитетах засилье кулаков и буржуазии, которые направляют крестьян против советской власти и имеют успех. Комитеты помощи бедноте ими игнорируются. Уездный исполком бездействует, необходимы его перевыборы. В уезде еще не произведены разделы помещичьей земли...».

В партийных рядах царил паник. Среди коммунистов в это время было немало случайных, малограмотных людей. Экономический кризис еще больше усиливал отрицательное отношение рабочих и крестьян к новым преобразованиям. Партий-

ное руководство уезда и волостных ячеек срочно пытались найти выход из тупика.

30 сентября 1918 года на уездной конференции гатчинский делегат, впоследствии секретарь райкома, Р. Лейтис докладывал: «Партийная дисциплина налаживается, между членами партии введена повинность по агитации и организации в деревнях. На деревню обращено самое серьезное внимание и ведется работа».

Решением Совета Комиссаров Союза коммун от 20 ноября 1918 года Царское Село было переименовано в Детское Село, соответствующим уезд стал называться Детскосельским.

В этот период в регионе особенно остро стоял продовольственный вопрос. Ответственность за распространение продуктов натурального хозяйства среди крестьян осенью 1918 года взяли на себя Уездный продовольственный отдел и комитеты деревенской бедноты. Было признано необходимым, отдать продукты «совершенно неимущему населению», согласно спискам, представленным сельскими комбедами. Весной 1919 года в волостях были открыты первые сельские потребительские общества, среди них упоминается и Сиверское. В ряде населенных пунктов бывшим владельцам частных торговых, ресторанных, гостиничных заведений было разрешено официально продолжать торговое или иное дело на кооперативных условиях. Особой известностью в первые годы советской власти, пользовались магазин и пекарня Петра Лукьяновича Лукьянова в деревне Старо-Сиверская, лавка Курниковых в Новом Дружноселье, лавка Михайловых на Меженском берегу, ресторан на станции Сиверская и другие.

На территории уезда в этот период открываются новые детские и подростковые учреждения, деятельность которых была направлена, прежде всего, на искоренение беспризорности. Мальчишки и девочки получали начальное образование, медицинскую помощь и бесплатное питание. В 1918 году в дачном районе Сиверской — поселке Кезево был открыт первый в России детский туберкулезный санаторий. В том же году в Сиверской недалеко от станции у Строганова моста была откры-

та начальная железнодорожная школа. Ее организатором и первым директором стал местный житель, бывший железнодорожный служащий Иван Васильевич Богданов, скончавшийся в 1928 году.

В июне 1919 года по распоряжению Петроградского отдела народного образования в Сиверскую из северной столицы прибыла большая группа петроградских беспризорников в количестве 295 человек. Для них на Церковной улице в национализированных дачах художника Гольмдорфа и инженера Никитина был открыт первый в регионе детский дом. Небольшой коллектив воспитателей сумел создать необходимые условия для жизнедеятельности детей в возрасте от 7 до 15 лет. Весной следующего года воспитанником передали еще две дачи, ранее принадлежавшие купцам Дерновым, на Мишуткиной улице. Организатор и первый директор детского дома, позднее преобразованного в школу-колонию, Вильгельм Вильгельмович Мешковский позднее вспоминал: «В прекрасный июньский день безлюдная тихая местность Сиверской непривычно огласилась звонкими детскими голосами. Высыпала из вагонов шумная, многочисленная ватага ребят, заскрипели подводы с посудой, бельем, провизией, малышками и слабыми... Это был колониальный пионер Сиверской, — отвоевавший ее потом в пользование ленинградских детей — Сиверская школа-колония.

В пустых дачах грязно, неприметно. С ехидной, затаенной угрозой глядят на пришельцев остатки буржуйской мебели с вырезанными спинками и сиденьями, черные рты печей, лишенные дверок и вьюшек, двери без ручек и замков... Но унывать некогда! К тому же улыбались ласково и ободряюще: — чудный солнечный денек, веселая красавица-речка в крутых берегах и зеленое раздолье леса».

Вместе с тем, по политическим мотивам в уезде происходит ликвидация всех церковно-приходских школ, а на их месте в ряде случаев создаются школы грамотности, ставшие позднее начальными школами первой степени обучения. В 1919 году Сиверская народная школа, основанная известным поэтом, местным дачником А.Н. Майковым, расположенная

на Церковной улице, была преобразована в начальную школу.

К 1919 году были закрыты почти все промышленные и кустарные предприятия региона, существовавшие с дореволюционного периода. Местным органом власти с большим трудом удалось удержать работу некоторых из них, например, бывшего меднопрокатного завода братьев А.И. и И.И. Чикиных, национализированного в 1918 году. Предприятие было передано в ведение губернского Совнархоза Северного района и стало называться Сиверским государственным механическим внекустовым заводом, а с 1921 года — Сиверским государственным медеообработывающим заводом Всероссийского треста по добыче и обработке цветных металлов.

В январе 1919 года с целью усиления партийной работы уезд был разделен на три партийных района: Колпинский, Детскосельский и Гатчинский, объединяющий 10 волостей. В связи с этим Гатчинский комитет РКП(б.) стал называться районным комитетом. Вместе с Гатчинским совдепом они курировали Сиверскую, Рождественскую, Гатчинскую и другие волости. Постановлением Детскосельского уездного исполкома от 15 августа 1919 года уезд был разбит на 5 экономических округов, среди которых отдельно был выделен Рождественский округ, объединяющий три волости.

Военные события, начавшиеся 13 мая 1919 года в связи с наступлением белых войск, непосредственно коснулись территории сиверского края, находившегося в осадном положении. На Пятой Детскосельской уездной конференции, проходившей летом 1919 года, один из делегатов докладывал: «Перед нашествием и главным образом после отступления белых Гатчинскому району много что пришлось перенести, особенно товарищам коммунистам. Все были мобилизованы, некоторые расстреляны белыми, некоторые попали в плен. В данный момент работа опять налаживается в разрушенных волостных организациях».

В 1919 году на всей территории Детскосельского уезда вместо волостных исполкомов действовали революционные ко-

митеты. В связи с военной интервенцией Гатчинский уездный военкомат, образованный 2 сентября 1918 года, мобилизовал в рабоче-крестьянскую Красную армию молодых юношей призывного возраста. В частности, из деревни Старо-Сиверская — двенадцать человек.

Осень 1919 года принесла этому региону новые испытания. В течение двух недель, с 16 октября по 3 ноября, часть уезда находилась в руках Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича, которая приняла решительные, но неудачные попытки захватить Петроград. 20 октября Белая армия вошла в Гатчину, во многих местностях уезда, в частности в дачных районах Сиверской, крестьяне и бывшие представители буржуазии встречали воинов-освободителей хлебом-солью.

Несмотря на принятые меры по укреплению обороны Петрограда, в мае 1919 года значительная группировка белогвардейцев перешла в наступление в районе южнее и западнее Гатчины. Для отражения атаки в уезд были переброшены красноармейские части 7-й армии, в том числе и бывший Семеновский полк, перешедший на сторону советской власти и в 1918 году переименованный в полк внутренней охраны Петрограда. 29 мая 1919 года в районе деревни Выра 3-й батальон этого пехотного полка в результате заговора, организованного бывшими офицерами царской армии В.А. Зайцевым и Н.К. Эссеном, перешел на сторону Белой армии. Мятежники застрелили командира 3-го полка П.П. Таврина, комиссара полка А.И. Купше, парторга полка Дорофеева и нескольких революционно настроенных красноармейцев, назначили командирами батальонов вместо прапорщиков более опытных офицеров. В деревне Выра, где располагался штаб полка, заговорщики вступили в бой с комиссаром 2-й Петроградской бригады особого назначения Александром Семеновичем Раковым, который забаррикадировался в штабном здании и огнем из пулемета пытался отбить атаку мятежников. Последним патроном из нагана, согласно общепринятой версии, он застрелил себя. Заговорщики сдали войскам Белой армии станцию Сиверская, которая вскоре была

освобождена красноармейскими частями 7-й армии. Значительная группировка белогвардейцев была вынуждена отойти на Нарвский участок фронта и некоторый период в июне — июле 1919 года удерживать в своих руках значительную территорию современной Ленинградской области. Местное население активно сотрудничало с «врагами революции» и вступало в ряды ополченцев Белой армии.

Жена А.И. Купше, член ВКП(б.) с 1918 года Евгения Михайловна Купше позднее вспоминала: «В мае девятнадцатого года, вскоре после того как он ушел на фронт, я получила от него письмо: он просил навестить его, привезти табак и сахар.

Приехала я к нему, а обратно выбраться не смогла: полк быстро передвигался из одной деревни в другую. Муж говорил: «Завтра я тебя отправлю». Так прошло несколько дней. Я рвалась назад, к ребенку, но и мужа жалко было оставить. Вечером 28 мая пришли в Выру...

Мужа белые расстреляли у меня на глазах. Расстреливали и меня, я случайно оказалась в живых. Они организовали погоню, меня искали, но не нашли».

А.С. Раков и его товарищи были похоронены в братской могиле на Марсовом поле в Петрограде 8 июня 1919 года. Впоследствии его имя было увековечено в ленинградской топонимике в названии одной из улиц. В 1970 году в деревне Выра, рядом с музеем «Дом станционного смотрителя», был открыт временный памятник героям Гражданской войны, ныне утраченный.

Известный советский поэт Николай Тихонов посвятил событиям 1919 года поэму «Выра». Впрочем, существует версия, что знаменитого боя, описываемого в ряде произведений и вовсе не было...

Во время нахождения белых войск был нанесен большой урон местным партийным организациям, были ликвидированы все советские органы власти, приостановлена деятельность сельскохозяйственных коммун и промышленных предприятий. Установив новые порядки, белогвардейцы совершили расправу над некоторыми активными представителями советской власти, не успевшими уйти в тыл. Так, 16 октября 1919 года (по другим сведениям

Г.Ф. Стурцель.
Фотография начала XX века

14 октября) был расстрелян председатель Сиверского волостного Совета Гуго-Франс Рудольфович Стурцель, который отказался подчиниться новой власти и на поселковом сходе в Сиверском театре выступил с критической речью в адрес белогвардейских войск. По сведениям старожилов он встал на защиту сельскохозяйственной коммуны, располагавшейся в бывшей усадьбе «Сиверская», которую белогвардейцы начали беспощадно грабить.

По воспоминаниям старейшего железнодорожника Алексея Васильевича Смирнова, жившего по соседству с местом расстрела, записанным в 1967 году, Стурцель был расстрелян на окраине поселка по дороге на Белогорку. Шесть дней белогвардейцы не разрешали его родным похоронить окровавленный труп, привязанный к ели. На седьмой день по ходатайству нескольких жителей, вдове Стурцеля разрешили похоронить тело на Ново-Сиверском кладбище. В семье его потомков, проживающих в Петербурге, сохранился интересный документ, выданный в 1935 году сыну председателя Евгению Францевичу Стурцелю: «Справка/Дана в том, что Стурцель Франц Рудольфович, проживающий ст. Сиверская, Дружносельский пос., Республиканский пр., д.№4 при наступлении на станцию Сиверскую белыми бандами Юденича в 1919 году, 14-го октября был убит белыми. Дана для представления сыну Стурцелю Е.Ф.

17 апреля 1935 года. Председатель п/с В. Бандура».

В настоящее время место его расстрела на окраине поселка рядом с Белогорским шоссе увековечено памятным знаком, установленным в 1975 году по инициативе Сиверского поселкового Совета и Гатчинского отделения Всероссийского общества по охране памятников истории и культуры. Его именем названа улица в Сиверской.

Сразу же после отступления войск Северо-Западной армии началось восстановление советской власти. Уже 4 ноября 1919 года приступил к работе Гатчинский революционный комитет, функции которого простирались и на волости Детскосельского уезда, где были созданы его ячейки. Комитету передавалась вся полнота гражданской власти. Представители ревкомов должны были в двухнедельный срок провести выявление общего количества граждан, «пострадавших от белогвардейского разгрома», составить списки семей красноармейцев для получения пособий и продовольственных пайков, а также списки лиц, добровольно ушедших с белыми войсками и оказавших помощь белогвардейцам. Проводилась регистрация трудоспособного мужского населения, домашнего скота и сельскохозяйственного инвентаря. Осенью 1919 года во всех волостях уезда были учреждены волостные комиссары продовольствия и созданы хлебно-учетные комиссии. Повсеместно создавались комитеты бедноты. Например, на территории Рождественской волости действовало 29 комбедов. Газета «Деревенская коммуна» в том же году сообщала: «В Рождественской волости на кулаков и спекулянтов наложена контрибуция, которая пойдет на содержание Комитетов бедноты и на обеспечение семей крестьян, уезжающих в Красную армию».

3 декабря того же года на собрании Гатчинской городской партийной организации ревком был распущен, его полномочия перешли к районному комитету РКП(б.), который в последствии заметно активизировал свои силы. В каждой волости были восстановлены или созданы вновь партийные организации, например, к весне 1920 года крупная организация уже имелась на железнодорожной станции Сиверская.

С конца 1919 года по уезду, как и по всей

губернии, прокатилась волна арестов и обысков «врагов» советской власти. Сильно пострадали и их ближайшие родственники. Так, например, в деревне Куровицы давление оказывалось на семьи, мужчины из которых воевали на стороне Белой армии. Достаточно сказать, что во время наступления Северо-Западной армии генералы Н.Н. Юденича в ряды бойцов вступило немало жителей уезда, преимущественно крестьян-старообрядцев.

В конце 1919 года после военных событий была расформирована Сиверская волость, а ее территория снова вошла в состав Рождественской волости.

Весна и лето 1920 года стали временем экономического подъема и этапом большой общественной работы как в Гатчине, так и в уезде. 1 мая состоялся Всероссийский субботник, в котором приняли участие сиверские железнодорожники.

В 1920 году при Гатчинском районном комитете РКП(б.) для борьбы с контрреволюцией был создан штаб местного отряда Части особого назначения. Командиром отряда был назначен Александр Иванович Смолин. Районное подразделение ЧОНа возглавил 18-летний рабочий-железнодорожник станции Гатчина-Балтийская Сергей Ефимович Степанов. «Штаб срочно поручил мне организацию агентурной разведки в районе, — вспоминал он в последствии. — И хотя, честно говоря, у меня не было в начале ни малейшего представления об организации подобной службы, вскоре с помощью коммунистов, комсомольцев и людей, сочувствующих советской власти, удалось наладить хорошо поставленную разведку. Часто случалось, что глубокой ночью раздавался стук в окно моей комнаты и какой-нибудь парень, прибежавший за 10-15 верст из глухой деревни, сообщал такие новости, после которых нужно было поднимать по тревоге чоновский отряд». В том же году С.Е. Степанов был назначен «наводить большевистские порядки» в Сиверскую. Об этом он рассказывал автору этого очерка в 1992 году. «Жил я в одной из комнат пустующего дома барона Фредерикса, — вспоминал гатчинский старожил. — Сиверская, незадолго до это-

го времени была освобождена от Юденича и представляла очень неблагонадежное место, здесь еще жили местные дачевладельцы и прочие богатеи. В Сиверской я создал местный отряд ЧОНа, наша работа носила чекистский характер, делали обыски и производили аресты врагов советской власти, занимались конфискацией оружия, несли охрану правопорядка. Работа была опасной. Помню, как однажды в меня стреляли из-за угла у Строганова моста, но промахнулись». Мандат, выданный С.Е. Степанову 8 июня 1922 года, в частности, давал право: «производить отборку как огнестрельного, так и холодного оружия и всякого рода взрывчатых вещей и предметов военного образца у всех лиц, находящихся или проживающих в выше означенном районе и не имеющих соответствующего разрешения на право хранения или ношения такового». Степанов, будучи сотрудником третьей особой назначения роты, мог также беспрепятственно «производить обыски у всех лиц, незаконно хранящих оружие, не сдающих такового или хранивших ранее ..., а также не выполняющих его распоряжения арестовывать». Он имел право «производить облавы на спектакли, сборища и т.п., устраивать засады на дорогах, железнодорожных путях и проч. с целью разоружения всех вышеозначенных лиц».

Однажды С.Е. Степанову вместе с чонавцами было поручено сопровождать гастролы Гатчинского народного театра в Сиверскую. «Мы приехали, объявили о предстоящем спектакле, и вскоре деревянное здание театра уже не могло вместить всех желающих, — вспоминал он впоследствии. — Примерно в середине спектакля вдруг раздались выстрелы. Мы выбежали на крыльцо и сразу же залегли в придорожную канаву, вокруг нас свистели пули. Пришлось открыть ответный огонь. Впоследствии выяснилось, что бандиты вначале напали на кассира театральной кассы. Когда они пытались сломать дверь и ворваться в кассу, милиционер, стоявший у входной двери, услышал шум и открыл огонь по бандитам, те ответили выстрелами».

По рекомендации Сиверской партий-

ной организации в 1921-1922 гг. Степанов также являлся заведующим отделом агитации и пропаганды, контролировал деятельность культурно-просветительских учреждений. В связи с этим он имел право «беспрепятственного и безденежного посещения всех театров, клубов и народных домов для наблюдения за ведением всей агитационно-пропагандистской и культурно-просветительной работы волости». Впоследствии С.Е. Степанов был начальником агентурной разведки штаба Гатчинского отряда ЧОНа.

В 1920 году впервые официально встал вопрос о выходе территории Гатчинского района из состава Детскосельского уезда в самостоятельную административную единицу. Однако административные преобразования затянулись до 1922 года, когда в связи с районированием Петроградской губернии был образован Гатчинский уезд с уездным центром — городом Гатчиной. 1 ноября 1922 года в честь пятилетнего юбилея Октябрьской революции постановлением Петроградского губернского исполнительного комитета город Гатчина был переименован в Троцк (в честь Л.Д. Троцкого), а Гатчинский уезд в Троцкий. Тогда же в честь октябрьского юбилея, специальным постановлением уездного начальства, улица Церковная в Сиверской была переименована в улицу Красную.

В 1922 году на карте Гатчинского уезда появились новые территориальные образования — сельские Советы, которые административно входили в состав волостей. В частности из состава Рождественской волости были образованы Рождественский, Вырский, Меженский, Старо-Сиверский, Ново-Сиверский и другие сельские Советы. Тогда же прошли первые публичные выборы в органы местной власти. Первым председателем Старо-Сиверского Совета был временно назначен 22-летний крестьянин из деревни Старо-Сиверская, член уездной комсомольской организации с 1918 года Андрей Павлович Хокконин. Впоследствии он вспоминал: «Работать было очень сложно, советская власть еще не укрепилась и большинство крестьян бойкотировали Советы. Я был очень молод и не опытен, деревенские старосты и

активисты, поддерживающие советскую власть, действовали осторожно, пытались угодить и нашим и вашим».

Через год председателем Старо-Сиверского сельского Совета был избран местный крестьянин Петр Иванович Теппонен, его заместителем — Абрам Андреевич Паянен, а секретарем — Петр Александрович Адамсон. Впоследствии П.И. Теппонена сменил на посту руководителя Совета его заместитель.

Деятельность руководителей и членов Советов, активистов органов местной власти находилась под бдительным контролем районного комитета партии. В начале двадцатых годов советская власть развернула большую борьбу с кулачеством — основной движущей силой российской деревни. Жестким способом искоренялись любые попытки массового сопротивления среди зажиточного крестьянства, строгие меры применялись к бывшим представителям буржуазного класса: дворянству, духовенству, мещанам, купцам и даже к интеллигенции... «Относитесь внимательно, чтобы руководящая партия выбросила из своих рядов всех примазавшихся шкурников, позорящих ряды партии. Райком Р.К.П.(б.)», — сообщала в передовице газета «РОСТА».

Весь период послевоенных событий 1919 года продолжалась работа по восстановлению и модернизации сельского хозяйства в уезде. В 1923 году совхоз «Дружноселье» был передан в подчинение Петроградского губернского отдела здравоохранения.

Росли темпы развития промышленного производства. В 1921 году в Гатчинском уезде существовало 10 предприятий, среди них Сиверский деревообделочный завод. Самым крупным был Дружногорский стекольный завод, на котором трудилось 500 человек.

Постановлением ВСНХ РСФСР от 25 марта 1920 года был национализирован Сиверский деревообделочный (бывший паркетный) завод. Предприятие перешло в ведение Деревообделочной секции Петроградского Совнархоза, а с 1921 года — Бюро обоевой промышленности ВСНХ РСФСР. В 1919-1921 гг. во время продовольственного кризиса на заводе активно

действовал Продовольственный комитет, который занимался закупкой и распределением продовольствия среди рабочих предприятия и семей рабочих, находящихся в Красной Армии.

В 1922 году был закрыт Сиверский государственный медеообработывающий завод, который в это время находился в подчинении Главного управления промышленности цветных металлов. Все его оборудование было перевезено на петроградский завод «Красный Выборжец». Вместе с семьями в город переехала и часть рабочих. На месте закрытого предприятия впоследствии был создан Сиверский древесно-стружечный завод, находившийся в 1927 году в подчинении Ленинградского окружного промышленного комбината.

Большая работа проводилась Всеобщем. Гатчинское отделение этой организации занималось не только вопросами обучения сельского населения грамотности, но и организацией культурного досуга, спортивных мероприятий, летних площадок для детей. Были открыты народные дома, клубы, избы-читальни. Образцовым и крупнейшим учреждением в регионе в этот период была Сиверская библиотека-читальня имени поэта А.Н. Майкова, основанная в 1900 году, некоторое время в начале двадцатых годов подчинявшаяся Петроградскому отделу Политпросвета. В 1920-1922 гг. заведующими здесь работали Николай Смирнов, а затем Руфина Смирнова. В последствии обслуживанием читателей занимались заведующая Сиверской школы 1-й ступени обучения Мария Кирилловна Къяндская и учительница София Александровна Любомирова. В собрании читальни имелось около 5 тысяч томов книг. С 1920 года существовали избы-читальни в Куровицах, Ново-Сиверской, Лампово, Межно, Выре и других окрестных деревнях.

В 1922 году Сиверская школа-колония переехала в помещения бывшего усадьбного дома барона В.Б. Фредерикса, в которых располагался местный волостной исполком. Тогда же это учебное заведение получило новый статус — школы второй ступени обучения с девятилетним сроком обучения.

В послереволюционный период продол-

жали свою работу почти все Сиверские театры. Особенно активно — Кезевский театр, деятельность которого возглавлял бывший местный дачевладелец, актер Николай Степанович Капралов (1888-1927 гг.). По его инициативе был создан передвижной театр, периодически гастролирующий в Петрограде и его окрестностях. «18-го апреля в доме на углу Садовой и Гороховой улиц открылся новый клуб «Красный милиционер», — сообщал в информационной хронике в 1920 году журнал «Жизнь искусства». — Для открытия труппой Сиверского передвижного театра поставлена была пьеса Карпова «Зарево».

В конце 1922 года Троицкий уездный исполнительный комитет приступил к изъятию произведений искусства из бывших помещичьих имений «Рождествено» Рукавишниковых, «Орлино» Васильчиковых, «Дружноселье» Витгенштейнов и «Кезево» Капраловых. Предметы, представляющие историческую ценность, были вывезены в Гатчинский дворец-музей, а часть — в Троицкий уездный финансовый отдел для

распределения по общественным организациям и на продажу населению.

В первой половине двадцатых годов довольно перспективно складывалась судьба совхоза «Белогорка», в 1924 году переведенного в ведение Северо-Западной областной сельскохозяйственной опытной станции. Ее первым директором был назначен бывший комиссар совхоза Александр Карлович Таммер.

Постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета от 1 августа 1927 года была образована Ленинградская область и осуществлен переход от губернского территориального деления к областному, а от уездного — к районному. В Троицкий (Гатчинский) район вошли 34 сельских Совета и рабочий поселок Дружная Горка. В 1928 году в результате укрупнения сельских советов были образованы Сиверский сельский совет с центром в деревне Старо-Сиверская и Сиверский поселковый совет с центром в поселке Новое Дружноселье.

КРАЕВЕДЕНИЕ

*Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток...*

А.С. Пушкин

Виктор Иванов

Славься, милая Гатчина!

На просторах России
Город милый стоит.
В мире самый красивый,
Ты во всем знаменит.

Славься, милая Гатчина
Трудом дедов, отцов,
Всех любовью охвачена,
Славой парков, дворцов.

В пышной зелени парков,
Среди тихих озер,
Ты судьбой людей ярких
Восхищаешь всех взор.

Храмов звон колокольный
Сердца радует всех.
Город стойкий и вольный
Нашел славу, успех.

Предприятий здесь много
И талантлив народ.
К славе торит дорогу
Земляков моих род.

На просторах России
Среди парков, дворцов —
Город самый красивый,
Город славных творцов.

Александр Воронов

(Продолжение. Начало в № 8)

ПРИГЛАШАЮТСЯ ЖЕЛАЮЩИЕ

«Софийского уезда вотчины Ея Сиятельства Графини Марьи Николаевны Скавронской Славянском мызы в большом саду отдаются на откуп будущие в нынешнем 1796 году летом оранжерейные и садовые плоды, как-то: персики, абрикосы, виноград, сливы, яблоки, вишня, малина, крыжовник и смородина. Желающие откупить могут являться в оной мызе к торгам с 1 сего мая 25, ко 2-му июня 1-го, а к 3-му 8 числа».

Приблизительно к этому времени относится карта, озаглавленная «Владения Ея Сиятельства графини Скавронской, в оном мужеска полу душ 1740». В помещенной на карте таблице даны цифры мужского населения всех деревень, входящих в Славянскую и Мозинскую мызы, в Славянской мызе числится 24 деревни и 1107 человек мужского населения. В Мозинскую мызу входит 29 деревень и 633 мужчин. Под номером 43 стоит дер. Верево (нумерация сквозная для Славянской и Мозинской мыз). На карте не все из перечисленных деревень показаны. Количество мужчин в Вереве - 29 человек. Получается, что это была средняя по численности деревня из всех 53 деревень. Гатчина соединена с Царским Селом прямым, как стрела, Царскосельским почтовым трактом. Но от места, где находилось Верево до Пулкова никакой дороги не показано, поскольку Ковенский тракт

в то время еще не был проложен. Около мызы Мозинской значком помечена мельница. Судя по условным обозначениям, пахотные земли занимали около одной седьмой всей территории, остальная часть покрыта лесом. Скорее всего, эта карта была выполнена в 1793 году, поскольку была приурочена к выпуску Кушелевского альбома по Гатчине и ее окрестностям.

Следующим владельцем Мозинской мызы был сын Мартына Карловича Павел (1757-1793). Вот что пишет о графе Павле Мартыновиче М.Пыляев.

«Павел Мартынович получил блестящее образование под руководством иностранных наставников. С внешней стороны это был чрезвычайно изящный, элегантный молодой человек, воспитанный по всем правилам придворного этикета. Но, однако, он не умудрился сделать себе никакой придворной карьеры благодаря неудержной страсти к музыке, которая в конце концов обратила его в незаурядного чудака».

Еще в молодых годах Скавронский вообразил себя выдающимся певцом и гениальным композитором. Все свое время он посвящал пению и композиции, хотя ни в том, ни в другом не мог преуспеть.

Раздосадованный равнодушием соотечественников к своему дарованию и, находя, что его не понимают в своем отечестве, он решил покинуть Россию и отправился в Италию, классическую страну мелодии и звуков. Павел Мартынович был уверен, что

там оценят его таланты и произведут в знаменитости.

Путешествуя по Италии, он всюду проявлял изумительную щедрость, однако исключительно по отношению к представителям вокального искусства. На его счет жили певцы, певицы и музыканты, не особенно церемонившиеся со своим патроном, который почти только для них и держал открытыми настежь двери своего чрезвычайно гостеприимного дома.

В Милане, Флоренции и Венеции, где он периодически проживал, его окружала громкая популярность, но далеко не в том смысле, в каком он ее представлял. Скавронского все считали чудаком и не без снисхождений смотрели на его музыкальную блажь. Одни тешили его большое самолюбие из-за материальных выгод, другие - жалея человека, вышедшего из нормы. И, разумеется, эта лесть, угодливость и сожаление, исходившие от его музыкальных друзей, еще в большей степени развили в Скавронском наклонность к эксцентричности.

Притворные друзья приходили в восторг от его курьезных композиций, серьезно их разучивали и даже исполняли их иногда на сцене, подвергая автора довольно-таки не сдержанной критике беспристрастной толпы.

Изо дня в день в доме Павла Мартыновича собиралось музыкальное общество, находившее у него не только изысканные яства и пития, но даже драгоценные сюрпризы, что и обязывало всех посвятить часть своего времени хозяйскому творчеству.

Скавронский сочинил несколько опер, которые ставились на сцене Италии. Ни одна из них, конечно, не имела успеха. Видеть свои произведения на подмостках сиятельному композитору обходилось очень дорого. Принимая на себя все расходы по по-

становке, нужно было одаривать участвующих, чтобы они не отказывались от своих партий, и кроме того, нужно было откупить полтеатра для своих прислужников, которые обязаны были представлять из себя восторженных зрителей. Они неистово аплодировали и усердно заглушали свист и шиканье независимых меломанов, являвшихся на представления графских опер как на необычайно курьезное зрелище. Впрочем, Скавронского не особенно смущали неодобрительные отзывы публики и музыкальной критики. Он все умел объяснять в свою пользу и всякий протест приписывал зависти к своему таланту. Это убеждение поддерживали в нем и его друзья.

Предаваясь все более и более музыкальной страсти, Скавронский дошел до того, что прислуга не смела разговаривать с ним, как только оперным речитативом.

Выездной лакей-итальянец, приготовившись по нотам, написанным его хозяином, приятным баритоном докладывал графу, что карета подана. Причем на последних нотах держал большое фермато.

Метр-д-отель из французов фальцетным тенорком извещал графа, что стол накрыт. В его репертуар входило несколько музыкальных номеров. В дни торжественные мелодия его извещения была построена на высоких нотах, в будни тон значительно понижался. При гостях ария метр-д-отеля удлинялась несколькими лишними тактами.

Кучер, вывезенный из России, также был обучен музыке. Он басом осведомлялся у барина, куда он прикажет ехать. Своей густой октавой он нередко пугал прохожих, когда на певучие вопросы графа начинал давать певучие ответы.

При парадных обедах, вечерах и

музыкальных собраниях вся прислуга Скавронского образовывала хоры, квинтеты, квартеты и пр. Меню пел метр-д-отель, официанты, разливая после каждого блюда вино, хором вещали о названии предлагаемого им напитка. В общем, его обеды казались происходили не в его роскошном палаццо, а на оперной сцене. В особенности, если ко всему этому прибавить, что и сам граф отдавал приказания прислуге только в музыкальной форме. В этом случае не отставали и гости. Чтобы угодить хлебосольному хозяину, они вели с ним разговор в виде музыкальных импровизаций.

После пятилетних чудачеств в Италии Скавронский возвратился в 1781 году в Петербург. В это время ему было всего 27 лет. Женившись на племяннице князя Потемкина - Екатерине Васильевне Энгельгардт, он преодолел свою страсть к музыке, променяв ее на дипломатическую службу. В 1795 году он был назначен русским посланником в Неаполе.

Естественно, что граф не занимался именем, а управляла им его жена, через управляющего.

Графиня Екатерина Васильевна Скавронская, 1761-1829, младшая дочь смоленского помещика Василия Андреевича Энгельгардта от брака с сестрой князя Потемкина Еленой Александровной, в 1776 году, когда дядя-фаворит достиг верха почестей, была привезена вместе с сестрами в Петербург и сделана фрейлиной. Здесь ее постигла та же судьба, что и ее сестер Александру и Варвару. «Она всех сестер была пригожее, и дядюшка в нее влюбился; влюбиться на языке Потемкина означало наслаждаться плотью. Любовные его интриги оплачивались от казны милостью и разными наградами, кои потом обольщали богатых женихов и доставляли

каждой племяннице, сошедшей с ложа сатрапа, прочную фортуна», — так пишет князь И.М. Долгорукий, двоюродный брат графа Скавронского.

Без всякого образования, не отличаясь умственными способностями, Екатерина Энгельгардт, кроткая, вечно скучающая, с флегматичным характером, не создана была для бурных страстей. Своим добрым и мягким сердцем она поверила пылкой, как ей казалось, любви дяди и отдалась ему, не любя, чтобы не причинить ему огорчения. Сам Потемкин, впрочем, не так увлекался ею, как ее сестрами, несмотря на то, что она была обворожительна хороша. Но зато связь с нею была продолжительнее.

Е.В. Энгельгардт пользовалась также расположением императрицы, бывала на эрмитажных собраниях и в 1780 году в числе четырех фрейлин сопровождала Екатерину II в ее поездке в Белоруссию. В это время в нее влюбился П.М. Скавронский и, несмотря на то, что ее связь с Потемкиным была известна, женился на ней. Когда Скавронский был назначен посланником в Неаполь, графиня к огорчению мужа осталась в Петербурге. Граф заболел в Италии и Екатерина Васильевна уехала к нему. В 1793 году он скончался, и Скавронская вернулась в Петербург, где Павел I в день коронации пожаловал ее кавалерственной дамой. Ей уже было 37 лет, когда она сама впервые влюбилась в итальянца графа Джулио Ренато Литта Висконти Ареше, которого в России стали называть Юлием Помпеевичем. В 1798 году они поженились. В этом же году графине был пожалован орден св. Иоанна Иерусалимского большого креста.

Графиня Е.В. Литта обладала прекрасной фигурой, была чудно хороша и бесконечно симпатична. Французский

посланник в России Сегюр утверждал, что «ее головка могла бы служить для художников образцом головы Амура». Державин называл ее «магнитом очей», и, воспевая под именем Пирры, расточал ей, «зарю без туч», целый ряд лестных эпитетов.

Графиня Е.В. Литта умерла в 1829 году и погребена в церкви Св. Духа Александро-Невской Лавры.

Второй супруг графини Скавронской — Джулио Литта (1763-1839), итальянец по рождению, сын генерала австрийских войск, по матери принадлежал к старинному знатному роду Висконти. Родился он в Милане, получил образование в Риме, в коллегии св. Климента. Семнадцати лет от роду он поступил в рыцари Мальтийского ордена, гроссмейстером которого был послан в Россию в 1789 году по желанию императрицы Екатерины, как человек, сведущий в морском деле.

Принятый на русскую службу в чине капитан-командора, как начальник легкой флотилии участвовал в войне со Швецией и заслужил чин контр-адмирала, орден св. Георгия 3-го класса и золотое оружие.

В 1892 году Литта уехал из России, куда вернулся опять по делам Мальтийского ордена 3 года спустя. Ему было поручено уладить дело с взиманием доходов с Острожского приорства, перешедшего к России по второму разделу Польши. Он успешно справился с этим делом благодаря обстоятельствам, в числе которых восшествие на престол Павла I и помощь со стороны своего родного брата Лоренцо Литта, который в качестве папского нунция также перебрался в Россию. Мальтийский орден не только стал получать доход с Острожского приорства, но ему было также разрешено открыть в России Великое приорство в составе 10 командорств.

Литта, Джулио Ренато. 1763-1838 гг.

Джулио Литта был назначен послом в Петербурге, а после принятия Павлом I звания Великого магистра был сделан его наместником. Его сильное влияние было направлено на укрепление влияния католической церкви в России. Фактически речь шла о переводе России в католическую веру, и Павел I сильно склонялся к этому, о чем свидетельствуют секретные документы (переписка Джулио и Лоренцо Литта с папой римским), найденные сравнительно недавно в пригороде Неаполя. Из этих же побуждений Литта склонил Павла I к восстановлению иезуитского ордена. За эти заслуги перед Ватиканом с него был снят обет безбрачия, когда он захотел жениться на Екатерине Скавронской. Женившись, он значительно увеличил свое и без того большое состояние, принял русское подданство и был назначен шефом кавалергардов.

Русская партия при дворе, а

также митрополит католический Сестренцевич боролись против все возрастающего влияния Джулио Литты и добились его удаления. Поводом послужила шифрованная инструкция, посланная из Ватикана Джулио Литта и перехваченная тайной полицией. В результате, его пригласил к себе генерал-губернатор Петербурга П.А. Пален (участник убийства Павла I) и предложил выпить «стаканчик отличного лафита». Это был условный знак, который все именитые петербуржцы знали — символ опалы. Все прочие разговоры были бесполезны.

Джулио Литта удалился в деревню, в мызу Славянскую, где он построил рядом с усадьбным домом настоящий замок, о котором барон П.К. Клодт, известный скульптор, автор конных скульптур на Аничковом мосту, писал так: «...в Графской Славянке, в четырех верстах от Павловска, находился дворец-замок, холодный, неудобный, по залам были расставлены царские доспехи, на каменных стенах висели щиты с гербами, мечи, арбалеты, пистолеты, тускло поблескивали золотом тяжелые рамы почерневших от времени портретов. Жить в этом замке было невозможно».

Вернувшись вскоре ко двору, при Александре I, Литта управлял гоф-интендантской конторой и в то же время был членом Государственного Совета, участвуя также во многих особых комитетах. В 1826 году он получил орден св. Андрея и звание обер-камергера. А.С. Пушкин после своего производства в камер-юнкеры находился в ведомстве Литты и должен был давать ему отчет о своих отсутствиях на официальных церемониях во дворце. 28 июня 1834 года он пишет жене: «Мой ангел, сейчас послал я к графу Литта извинение в том, что не могу быть на Петергофском праздни-

ке по причине болезни. Жалею, что ты его не увидишь: оно того стоит. Не знаю даже, удастся ли когда-нибудь тебе его увидеть. Я крепко думаю об отставке».

Немного ранее в этом же году, за 16 апреля в дневнике Пушкина есть запись: «Вчера проводил Наталью Нико-лаевну до Ижоры. Возвратясь, нашел у себя на столе приглашения на дворянский бал и приказ явиться к графу Литте. Я догадался, что дело идет о том, что я не явился в придворную церковь ни в субботу к вечерне, ни к обедне в вербное воскресенье...»

В молодости граф Литта имел привлекательное лицо, был колоссального роста и богатырского телосложения. Голос его гремел «как труба архангела при втором пришествии». Под старость он располнел, но сохранил бодрость и крепкое здоровье: «Я чувствую себя свежим, толстым и колоссальным; найдите другого человека, которому в мои годы не нужны очки. Я не придерживаюсь никакой диеты, ем, пью, что мне нравится во всякие часы». Он бывал на балах, имел даже счастье считаться женихом (под 70 лет), не оставлял до конца дней службы. Оригинал во многих отношениях, враг безумной роскоши, он любил много и хорошо поесть. Но мороженое было его настоящая страсть, он истреблял его в невероятных количествах. Говорят, что перед смертью он съел целую форму в 10 порций, осведомился у священника, нельзя ли будет на том свете получать мороженое, и последними его словами были: «Сальватор отличился на славу в последний раз».

После смерти своей жены граф Литта, как утверждают, перенес всю свою любовь на свою внучку, точнее внучку его жены — графиню Юлию Павловну Самойлову, урожденную Пален, последнюю в роду Скавронских.

Перенос любви на неродную внучку — вполне реальная вещь, но в данном случае причины отказать ей огромное наследство были несколько иные. Юлия Самойлова была красивой эффектной женщиной, пылкой, страстной, с южным темпераментом. Многие, видевшие ее, отмечали, что она больше похожа на итальянку, чем на русскую аристократку. Такой ее запечатлел на многих полотнах живописец Карл Брюллов, у которого с графиней была страстная любовная история, и он чуть было не женился на ней. «Вчера я был у графини Самойловой, — писал в 1836 году К.Я. Булгаков, — она так переменялась, что я бы ее не узнал, если бы встретил на улице, похудела, и лицо совсем сделалось итальянское. В разговоре даже имеет итальянскую живость и приятна». Оказывается неспроста.

Два российских искусствоведа, посетившие потомков графа Лита, живущих по сие время на потомственной вилле в пригороде Милана, узнали от них, что сиятельный граф приходился отцом Юлии Павловне. Это произошло вот как.

У бабушки Юлии Павловны — графини Екатерины Васильевны Скавронской от брака с первым супругом Павлом Мартыновичем было две дочери, из которых одна, Екатерина, вышла замуж за князя П.И. Багратиона, с которым благополучно рассталась и уехала за границу. Вторая их дочь, Мария Павловна Скавронская, вышла замуж за Павла Петровича Палена, сына петербургского генерал-губернатора Петра Алексеевича Палена, участника убийства Павла I. От этого брака и родилась Юлия Пален (1803 г.). Так, по крайней мере, все считали. Оказалось, на самом деле, что Джулио Литта вступил в незаконную связь с Марией

Павловной, матерью Юлии и для того, чтобы иметь основания покровительствовать своему будущему ребенку, а им оказалась дочь, он женился на бабушке Юлии — Екатерине Васильевне Скавронской. На этом основании он еще при жизни передал часть своего наследства Юлии. Остальная часть почти полностью досталась ей же, но уже после смерти ее незаконного отца. Определенную часть наследства он оставил двум другим своим также незаконным, внебрачным детям от других матерей — сыну Аттилу (прочитанная обратно фамилия отца) и еще одной дочери. Некоторые авторы указывают, что Джулио Литта отдал Юлии только свои коллекции и сокровища, а поместья, деревни и крестьян подарил своим итальянским родственникам, жившим в Милане. Но архивные материалы показывают, что Юлии досталось все это наследство.

Обладая колоссальным состоянием, Юлия Павловна вышла замуж за флигель-адъютанта графа Николая Александровича Самойлова (1825 г.). Брак оказался бездетным и неудачным. Примерно через год они развелись. Некоторое время Самойлова жила в своей родовой усадьбе — Славянке, которая называлась Графской. Она поручила Александру Брюллову, брату своего «ненаглядного Бришки», как она называла Карла Брюллова, построить в Славянке загородный дом, который по окончании строительства и отделки явился роскошным дворцом, где Самойлова собирала весь цвет петербургского общества. Все спешили там побывать и поделиться с друзьями своими впечатлениями. Отец А.С.Пушкина Сергей Львович пишет своей дочери Ольге Сергеевне Павлищевой:

«...Несколько дней тому назад я ездил с Измайловыми осматривать в

Славянке дворец графини Самойловой. Это — сокровище, невозможно представить себе ничего более элегантно-го в смысле мебели и всевозможных украшений. Архитектором и декоратором является Брюллов. Все ходят смотреть это, как в Эрмитаж. Ванная комната ее вся розовая, волшебством цветного стекла, заменяющего окно, все там кажется светло-розовыми — сад и небо чрез это стекло приобретает бесподобную окраску, а воздух кажется воспламененным. Говорят, это напоминает небо Италии, — признаюсь, у меня от него заболели глаза, и когда я оттуда вышел, мне все в течение трех или четырех минут представлялось зеленым».

Самойлова была красивая, обаятельная, темпераментная, хорошо образованная. К ней охотно шли художники, писатели, поэты, и когда у нее был прием или бал в Славянке, соседний императорский Павловский дворец пустел. Николай I был этим недоволен и предлагал неоднократно продать дворец в казну, но Самойлова отказывалась. Недовольство императора на этом не ограничивалось. Самойлова к тому же была экстравагантна и причудлива в поведении. Она шокировала двор, с которым она была в родстве, будучи последней в роде Скавронских, своими многочисленными любовными связями. Принято говорить в литературе о ее широком меценатстве, благотворном воздействии на деятелей искусства, В особенности, конечно, на Карла Брюллова. Однако кроме творческого восторга она же была причиной жестоких приступов депрессии у Брюллова из-за своего непостоянства, и свидетельством этого являются многочисленные мемуарные записи людей ее круга. Некоторые друзья художника писали, что в порывах отчаяния Карл проклинал ее самыми последни-

ми площадными ругательствами. За ее поведением пристально следили и неустанно сплетничали. Приведу две выдержки из писем той же самой Ольги Павлищевой, сестры А.Пушкина:

Ольга пишет своему мужу: 11-13 октября 1835 года из Павловска в Варшаву:

«Проезжала ли через Варшаву гр. Самойлова? Вытворяла ли она свои фокусы, то есть уселась ли на облучке вместе с кучером с трубкой во рту и в мужской шляпе на своей завитой и растрепанной голове? Она презабавная и, думаю, немного не в себе. Здесь она иная, но...ездит, разумеется, за городом, и то хорошо! Она уже положила в ломбард миллион для своей воспитанницы».

Кстати, о новостях: Его Величество разрешил графине Самойловой удалиться при условии — не появляться ни в Москве, ни в Петербурге. Недавно она вздумала устроить деревенский праздник в своей Славянке наподобие праздника в Белом Доме Поль де Кока: Поставили шест с сюрпризами — на нем висел сарафан и повойник: представьте себе, что приз получила баба 45 лет, толстая и некрасивая! Это очень развлекло графиню, как вы можете представить и все ее общество, но муж героини поколотил ее и все побросал в костер. «Ты осрамила себя и меня на целый век, вот тебе и сарафан и повойник!» Тогда графиня велела дать ей другой и приказала носить его как награду за ловкость. Говорят, что офицеры, которые явились без позволения на этот праздник, на завтра были под арестом. Графиня Самойлова прекрасно себя чувствует и очень весела; сомнительно, чтобы князь Сергей мог унаследовать состояние, которое она ему завещает. У нее живет юная итальянка, которой она дает миллион — это вернее; ей всего

Карл Брюллов.
Портрет графини Юлии Павловны Самойловой,
удаляющейся с бала у персидского
посланника. Не позднее 1842 г.

четырнадцать лет. Шредер, которая была на балу, и видела ее, сказывала, что она необыкновенно жизнерадостна и очень оригинальна, но не красива...».

Самойлова ни в одном браке не имела детей и удочерила дочь и племянницу умершего итальянского композитора Пачини. Старшая, Амацилия, изображена на картине К. Брюллова «Юлия Самойлова, удаляющаяся с бала».

Спустя три месяца после смерти первого мужа, графиня Самойлова вышла замуж за итальянского певца Перри. Став, таким образом иностранной подданной, она была вынуждена уступить свой дворец в Славянке и про-

дала его графу Воронцову-Дашкову, а тот продал в казну. Второй брак тоже быстро распался. Третий раз она вышла замуж за французского посла в Санкт-Петербурге графа де Морнэ. Ему было в это время 64 года. Скоро она разошлась с ним и приняла опять фамилию первого мужа.

Юлия Самойлова обладала огромным богатством, в Париже ей принадлежала вилла Груссе, другая вилла в Милане, где у нее была великолепная коллекция живописи и скульптуры, среди прочего знаменитая «Мадонна Лита» кисти Леонардо да Винчи, находящаяся сейчас в Эрмитаже. Но сумбурная жизнь графини привела к тому, что ее сокровища растаяли, и она окончила свою жизнь в Париже в 1875 году среди сравнительно скромной обстановки.

Итак, после окончательного отъезда графини Самойловой из России в 1840 году все принадлежавшие ей поместья и земли с деревнями перешли в ведомство Департамента Уделов, т.е. в казну. Довольный Николай I распорядился «О переименовании Графско-Славянского имения в Царско-Славянское»:

«В 14 день сего сентября, Государь Император Высочайше повелеть изволил, чтобы купленное в удел для обращения в собственность Императорской фамилии Графско-Славянское имение в Царскосельском уезде Санкт-Петербургской губернии именовать впредь Царскою Славянкою». (газета «Санкт-Петербургские Губернские ведомости», статья «Деревня Верево и ее жители», сентябрь 1846 года).

Продолжение следует

Татьяна Митюкова

Мы живем на гордой и легендарной земле — в Гатчинском районе Ленинградской области, которая славится известными людьми и событиями, составляющими честь и славу нашей страны. История поселка Сусанино, расположенного всего в 50 км от Санкт-Петербурга, интересна и богата событиями. В этом поселке в разное время отдыхали: гениальный физик П.Л. Капица, великий финский композитор Ян Сибелиус, певица Лидия Русланова, тренеры по фигурному катанию Тамара Москвина и Алексей Мишин. Чем ознаменован 2012 год в истории России? Это канун празднования 400-летия царствования дома Романовых и 85-летие со дня образования Ленинградской области. Вот об этом и поговорим. А помогать нам будут ребята — старшеклассники, которые во время учебы в школе вели «изыскательскую» работу по теме нашей сегодняшней гостини.

Таким образом, в жизни поселка Сусанино — тоже важная дата...

Учитель: Эпиграфом к нашей гостини мы выбрали слова А. Бестужева: «...Возбуждать доблести сограждан подвигами предков».

Как вы понимаете это высказывание?

— Я понимаю это высказывание так: кто-то совершает подвиг, воодушевленный на этот героический поступок подвигом предка.

— А мне кажется, что кто-то рассказывает или пишет о подвиге того или иного человека из прошлого для того,

чтобы он стал для нас примером.

— Правильно, ребята, вы поняли это высказывание А. Бестужева, друга и единомышленника Рылеева.

К.Ф. Рылеев родился в 1795 году.

Детство он провел в селе Батово.

Маленьким мальчиком был отдан в Кадетский корпус, который окончил в 1814 году и был назначен в артиллерийскую бригаду для борьбы с войсками Наполеона.

В 1821 году Рылеев стал заседателем Петербургской Уголовной палаты, где снискал себе славу честного и неподкупного человека. Когда генерал-губернатор столицы пригрозил судом своему подчиненному, тот воскликнул: «Но там есть Рылеев! Он не даст погибнуть невинному!». В 1824 году

Иван Пущин вводит К.Ф. Рылеева в тайное Северное общество. Там он станет вдохновителем восстания на Сенатской площади. После подавления выступления декабристов имя Рылеева будет в списке бунтовщиков первым.

К.Ф. Рылеев останется в памяти потомков не только как поборник правды и справедливости, защитник униженных и оскорбленных, но и как талантливый поэт, наделенный этим даром от природы. Излюбленным его жанром были думы. Он написал такие думы, как «Олег Вещий», «Святослав», «Святополк», «Смерть Ермака», «Державин», «Иван Сусанин».

Учитель: Вот к последней думе мы сегодня и обратимся. Создавая ее, поэт и не думал, что когда-нибудь именем Ивана Сусанина, героя-костромича, назовут поселок, находящийся недалеко от места рождения поэта. Так кто же такой Иван Сусанин?

В основу думы всегда положен тот или иной исторический факт. Рылеева заинтересовала история династии Романовых. Первым из царей династии был М.Ф. Романов. Иван

Грозный не имел прямых наследников на престол. После кончины Грозного настало Смутное время: князья и бояре между собой не могли поделить власть. Но в Земском соборе были и патриоты своей Родины, которые понимали важность скорейшего избрания венценосца России. И вот Земский собор выбрал на царствование, по его пониманию, самого достойного, самого ближайшего к царской династии, юного, не испорченного властью Михаила Романова (внука брата первой жены Грозного Анастасии Романовны. Отсюда и Романовы), который находился тогда в Костроме. А между тем, поляки (ляхи, сарматы) хотели утвердить на Российский престол царевича Владислава, сына Сигизмунда III. Один отряд проник в костромские пределы и «...искал захватить Михаила. Вблизи его убежища враги схватили И. Сусанина, жителя села Домнина, и потребовали, чтоб он тайно провел их к жилищу будущего венценосца России. Как верный сын Отечества, Сусанин захотел лучше погибнуть, нежели предательством спасти жизнь. Он повел поляков в противоположную сторону, чем обрек на гибель себя и поляков» (цитата из послесловия к думе К.Ф. Рылеева). Вот какой исторический факт положен в основу думы.

Отрывок из думы К.Ф. Рылеева:

Куда ты ведешь нас?.. не видно ни зги! —
Сусанину с сердцем вскричали враги. —
Мы вязнем и тонем в сугробах снега;
Нам, зная, не добраться с тобой

до ночлега,
Ты сбилсся, брат, верно, нарочно с пути;
Но тем Михаила тебе не спасти!

Пусть мы заблудились,
пусть выюга бушует;
Но смерти от ляхов ваш царь не минует!..
Веди ж нас, — так будет тебе за труды;

Теперь поселок Сусанино знают во всей России. У него есть свой герб. Он зарегистрирован в Геральдическом регистре РФ за номером 3365. В лазоревом поле три серебряные ели, средняя из которых впереди и больше, сопровождаемые сверху семью золотыми звездами, сложенными наподобие созвездия Большой Медведицы; поверх всего — золотой крестьянин в шапке, армяке (зипуне), подпоясанный кушаком, в лаптях и онучах, держащий в левой руке такой же посох.

С переименованием поселка сусанинцы как бы взяли на себя новую миссию патриотической любви к Отечеству: геройски пережили гражданскую и Великую Отечественную войны; появились новые героические имена. Нина Васильевна Дичева училась в Сусанинской школе, о чем свидетельствует мемориальная доска, укрепленная на здании школы. Она героически погибла в партизанском отряде во время войны 1941-45 годов. Ее подвиг описан в романе Всеволода Кочетова «Предместье».

Литература:

1. Рылеев К.Ф. «Иван Сусанин». Издание любое.
2. Послесловие Рылеева к думе. Издание любое.
3. Ю.Е. Антонов. Рукопись ученого «В полсотне верст от северной столицы...»
4. Сборник очерков по истории России. 1991 год.
5. Большая Советская Энциклопедия. 1961 год.
6. Проспект «Светлые и темные стороны короны Романовых».

■ ДОМ САНИТАРНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ■ ■ В ГАТЧИНЕ ■ (Троцке, Красногвардейске) 1925 - 1941 гг.

Владислав Кислов

Шла середина 1920-х годов. Уходили в прошлое трагические времена Германской войны, Революции и Гражданской войны. Жизнь понемногу налаживалась. В Гатчине, называемой теперь Троцком, к этому времени многое изменилось. Не осталось в стороне и здравоохранение. На смену Городовому госпиталю и Земской больнице пришла Городская больница им. Зиновьева. Вместо врачей — Г.Г. Надеждина, И.Ф. Шевченко, П.А. Штудемейстера, Н.А. Колпакова, Л.Н. Красиковой, А.Д. Долговой — в городе стали работать новые: Б.И. Беневич, Я.Е. Бергольц, М.И. Гегелло, Д.А. Докукин, С.И. Зорохович, С.И. Коган. Появились врачи новых специальностей: школьно-санитарные, фтизиатры.

С первых лет существования Советской России наконец-то осуществилась мечта земских врачей

о привлечении самого населения к охране здоровья. С этой целью была организована среди всех слоев населения систематическая пропаганда медицинских и гигиенических знаний. Несмотря на огромные трудности, вызванные Германской и Гражданской войнами и разрухой, государство выделяло на санитарную пропаганду немалые средства. В 1920-1921 годах открылись дома санитарного просвещения в Ярославле, Ростове-на-Дону, Одессе, Екатеринбурге и некоторых других крупных городах. Дом санитарного просвещения (ДСП) — это совершенно особое учреждение. Ничего подобного не имела тогда ни одна страна мира.

А Гатчина стала первым малым городом Советской России, получившим ДСП. Причем, это учреждение открывалось в нашем городе дважды: в 1925 году и в 1965 году. Мне довелось создавать ДСП в ноябре 1965 года и работать в нем главным врачом до июля 1976 года.

С 20 по 26 мая 1924 года в Ленинграде состоялось 1-е Всероссийское совещание по санитарному просвещению. А 15 марта 1925 года в Гатчине (Троцке) открылся уездный Дом санитарного просвещения. В том же году было открыто еще несколько ДСП. Но все ДСП открыты в городах, значительно более крупных, чем Гатчина. На 1928 год в огромной стране работало всего 42 ДСП. Почему именно наш неболь-

шой город стал местом организации одного из них? Факт размещения в 1925 году Дома санитарного просвещения в Гатчине (Троцке), конечно, можно объяснить. Например, тем, что Гатчина в это время стала центром огромного уезда, вобравшего в себя все территории южнее Ленинграда. И все-таки окончательного ответа пока нет. Гатчина была в несколько раз меньше самых маленьких городов, в которых в 1920-е годы были открыты Дома санитарного просвещения. Даже в Ленинграде городской ДСП был открыт только в 1932 году.

В 1927 году в Троцкий уезд Ленинградской губернии входили 20 волостей: Бегуницкая, Красносельская, Слуцкая (город Слуцк — бывший Павловск), Венгисаровская, Лисинская, Стрельнинская, Троцкая, Глебовская, Медушская, Старосквирицкая, Гостилицкая, Ковашевская, Рождественская, Ульяновская, Губаницкая, Пулковская, Копорская, Ропшинская, Сосницкая,

Ораниенбаумская. В том же году Ленинградская губерния была преобразована в область, в состав которой вошли бывшие Мурманская, Новгородская, Псковская и Череповецкая губернии.

Троцкий ДСП разместился в здании флигеля, во дворе бывшей госпитальной аптеки на улице Красной (бывшая Госпитальная), 13. Теперь в этом здании находится Бюро технической инвентаризации. В двух просторных комнатах поставили несколько столов, развесили плакаты и таблицы по анатомии человека, профилактике заразных заболеваний и т. п.

На фотографии, сделанной 13 февраля 1928 года: зал Дома санитарного просвещения, в котором идет заседание комитета по организации Советского Общества Красного Креста в нашем городе. Слева направо: управляющий аптекой Гатчинского железнодорожного узла Сороков; врач Городской амбулатории А.П. Резникова; заведующий туберкулезным отделением Городской больницы Я.Е. Бергольц; терапевт Городской амбулатории В.А. Кусов; будущий первый председатель Городского комитета Красного Креста С.Е. Степанов; заведующая ДСП К.А. Соколова; заведующий Городской больницей М.Р. Марцинович; заведующий акушерским и гинекологическим отделением Городской больницы Б.И.

Беневич; женорганизатор Райкома ВКП(б) О. Шелковская.

Первой заведующей Дома санитарного просвещения стала К.А. Соколова. В 1933 году Соколова стала школьно-санитарным врачом, позднее — заведующей Гарнизонными детскими яслями.

Чем же занимался ДСП? К тому моменту, когда мне в конце 1965 года пришлось заново создавать в Гатчине ДСП, сама система организации санитарной пропаганды в СССР претерпела значительные изменения как в качественном, так и в количественном отношении. В самом начале 1960-х гг. в стране действовали уже сотни ДСП, организованные по схеме: республиканские, областные, городские. Организационно-методическое руководство всей санитарно-просветительной работой в стране осуществлял с 1928 года Центральный научно-исследовательский институт санитарного просвещения в Москве. Однако, несмотря на такие структурные изменения, основные формы санитарной пропаганды остались, по сути, те же самые: лекции, беседы, плакаты, памятки, кино. Главной задачей ДСП в нашем городе стало привлечение всех медицинских работников к санитарной пропаганде. Врачи в плановом порядке читали лекции в школах, в окрестных колхозах, на промышленных предприятиях.

Во второй половине 1920-х в Гатчинском (Троцком) Доме санитарного просвещения, как и во всех других ДСП Советского союза, получили широкое распространение фор-

мы углубленной пропагандистской работы: кружки и курсы. Кружки по основам санитарной грамотности стали появляться едва ли не в каждом крупном учреждении.

Совместно с Городским комитетом Общества Красного Креста ДСП принимал участие в организации кружков БГСО (Будь готов к санитарной обороне), санитарных постов на предприятиях и в колхозах. На базе ДСП проводились занятия Краснокрестных Курсов подготовки медицинских сестер. Эти курсы готовили сестер для лечебных и детских учреждений города и района. К началу Великой отечественной войны было выпущено несколько сотен квалифицированных медицинских сестер.

Привожу несколько образцов наглядной (плакаты) и печатной (памятки) форм советского санитарного просвещения периода 1920 — 1941 годов.

БЫЛИ ЛИ КАЗАКИ В ПЕТЕРБУРГЕ?

Василий Пестряк-Головатый

Если у кого-то возникают сомнения по поводу исторической связи казачества и столицы Российской Империи, их легко развеять фактами, подтверждающими пребывание казаков в Петербурге и Петербургской губернии.

В Петербурге казачье землячество не столь известное, как старые казачьи войска Дона, Терека, Енисея, но с богатой историей и традициями.

Казачи появились в Санкт-Петербурге при Петре I. Они входили в состав собственного Его Императорского Величества Конвоя. От них в нашем городе остались названия Казачьего переулка у Витебского вокзала и Атаманского моста.

Очень почетной службой у казаков считалась служба в лейб-гвардейских полках. В эти элитные части отбирали рослых и физически сильных казаков, с представительной и приятной внешностью, грамотных и, зачастую,

из не очень обеспеченных семей, давая им своеобразный шанс карьерного роста, так как бывшие гвардейцы нередко избирались на общественные должности в своих станицах или хуторах, либо находили применение своим способностям в самой столице империи. Так знаменитая балерина и педагог Агриппина Ваганова, чье имя носит ныне Академия балета в Санкт-Петербурге, была дочерью оставшегося в столице отставного унтер-офицера одного из лейб-гвардейских казачьих полков Якова Ваганова. В столице и ее пригородах квартировало несколько казачьих полков. Это были лейб-гвардии Его Императорского Величества Казачий полк и Собственный Его Императорского Величества Конвой. В первом из них служили донские казаки из станиц на Нижнем Дону, во втором — кубанские и терские казаки. Кроме того, была 6-я лейб-гвардии Его Императорского

С. Петербург
St.-Petersbourg

Главное Управ. Казачихъ войскъ.
Administration centrale des Cosaques.

Edition „Richard“ St. Petersbourg. No. 372.

Величества Донская батарея. Кроме того, уже в XX веке из представителей других 8-ми казачьих войск — Уральского, Оренбургского, Сибирского, Забайкальского, Астраханского, Семиреченского, Амурского и Уссурийского — был образован лейб-гвардии Его Императорского Величества Сводный казачий полк, чью форму нередко носили последний император Николай II и последний атаман всех казачьих войск цесаревич Алексей.

Хочется отметить, что история казачества неотделима от истории Дома Романовых. Как мы знаем, во многом усилиями казаков эта династия взошла на престол в 1613 году, и на казаков она опиралась все три столетия, которые правила Россией. Поэтому бережное отношение к памяти императоров, императриц и членов их семей у большинства казаков носит почти родственный характер. Ведь между ними личные отношения почти так и строились. Смертельно раненного при покушении первого из атаманов всех казачьих войск, императора Александра II, организованном политическими террористами, когда погибло также несколько казаков, из его экипажа в личный кабинет в Зимнем дворце на руках нес донской казак станицы Кочетовской генерал Короченцов.

В 1881 году император Александр III избрал Гатчину местом своего постоянного пребывания. В Гатчину была переведена часть Собственного Его Величества конвоя (один из двух терских эскадронов и кубанский дивизион). Она была размещена в казармах лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка.

В начале XX века Гатчина пополни-

Гатчино. Оренбургская казачья сотня.
GATCHINO. La caserne de cosaques d'Orenbourg.

лась новыми воинскими соединениями. В 1906 году на территории современного военного госпиталя была размещена оренбургская сотня из только что сформированного л.-гв. Сводного казачьего полка. В период первой русской революции Оренбургская казачья сотня была задействована в охране Гатчинского Дворца и парка.

Казак Оренбургский казачей сотни в Гатчине.
Фотография начала XX века

Вице-предводитель Петербургского дворянского собрания Василий Пестряк-Головатый,
Ее Императорское Высочество Великая княгиня Мария Владимировна,
председатель Санкт-Петербургского отделения всероссийского движения
«За Веру и Отечество». Фотография 2012 г.

ИМЕНА В ИСТОРИИ

Забота казаков об Императорском соборе святых Петра и Павла в Санкт-Петербурге и о сохранении памяти особ Императорского Дома Романовых, в нем погребенных, — это исполнение религиозного и нравственного долга, это и реальное движение в сторону возрождения самого казачества, так как оно может быть основано только лишь на восстановлении и поддержании вековых славных традиций казачества, одной из которых было служение Императорскому Дому Романовых.

Сегодня в Гатчине существует казачья станица Гатчинская, которая была образована в 1993 году. Ее возглавляет атаман, войсковой старшина Любимов Владимир Борисович. Гатчинские казаки при взаимодействии с местной полицией ведут активную деятельность по охране правопорядка и безопасности города и района.

В Гатчине создан абсолютно новый как в истории казачества, так и в мировой культуре, Сказочный Патриотический Детский персонаж — Всемирный Казачий Дед Мороз. Его кредо — объединение, добросердечие и милосердие, верность и преданность своему Отечеству — матушке России. Основная деятельность Всемирного Казачьего Деда Мороза — адресная помощь детям-инвалидам, сиротам, кадетам, юным дарованиям, воспитание духа патриотизма у подрастающего поколения, любви к Родине, приобщение к истокам духовности и национальным традициям.

Использованы материалы:

1. Ю. Каврайского (Газета «Невское время»);
2. В. Новикова (Сайт Казачья сеть);
3. Я. Януша (Исторический журнал «Гатчина сквозь столетия»).

*О жизнь! Ты миг,
Но миг прекрасный...*

А. Апухтин

Людмила Скоробогатова

Михаил Федорович Тихомиров

Есть люди, при воспоминании о которых у нас становится светлее на душе, и лицо невольно озаряется улыбкой. Рядом ли они с нами или уже перешагнули порог земной жизни, но присутствие их в нашей душе необходимо, и ощущается эта связь именно в те минуты, когда тебе тяжело или, наоборот, очень радостно. К таким людям я отношу своего дедушку.

Михаил Федорович Тихомиров — так зовут моего деда. Родился он под Санкт-Петербургом, в Гатчине, в 1896 году в

Фёдор Алексеевич и Анна Алексеевна с сыновьями Серёжей, Мишей (на руках у папы) и дочкой Машей. 1899 год

большой семье на Царскославянской улице в родовом доме Тихомировых. По долгу службы отца жил в Санкт-Петербурге, затем снова в Гатчине. Происхождение имел купеческое, а душу — писателя-романтика. Этот романтизм не давал покоя на Родине и позвал объехать Россию в поисках литературных форм и экспериментов. Александр Иванович Куприн, известный писатель, в то время был тоже гатчинцем и посоветовал ему, как молодому писателю, «не сидеть дома». Миша с 17 лет начал печататься в местной прессе с различными стихами и рассказами, но это было не главным для него, главное — узнать Россию, такую понятную и такую загадочную. Наказ авторитетной личности стал для дедушки толчком к действию.

Творческое путешествие уже подходило к концу, и после Крыма через некоторое время Миша должен был вернуться домой, но осень 1917 года все поменяла. Императорская Россия сузилась до размеров полуострова в Черном море, а через несколько месяцев выплеснулась в это море, растворяясь по странам и континентам. Дедушка оказался в Турции.

Здесь его дневник, где описывалась родная российская жизнь, превращается в «дневник эмигранта», и в нем появляется то, что никогда бы не появилось, не свершись в России переворота...

Молодость и непритязательность в быту не давали Мише унывать. Здесь он познакомился с Александром Вертинским и другими русскими интеллигентами. Через некоторое время Миша с группой молодых людей, год поколесив по Европе, перебирается в Чехию. Спустя несколько лет оканчивает Пражский университет. Играет в русском театре и пишет тексты к постановкам. Помогает эмигрантам, которые не смогли адаптироваться на чужбине. Более десяти лет проведет он в Праге. А как хо-

телось увидеть близких и родную Гатчину! Надежда вернуться в прежнюю Россию таяла с каждым годом... Дедушка возвратился в новую, советскую Россию.

Да, она теперь была совсем другая, его Родина: мрачная, настороженная, оцепеневшая. Лишь колокольный звон Павловского собора еще разносится над городом по воскресным дням, как и прежде. Миша находит работу (с многогранностью его образований это было возможно), обзаводится семьей и ... садится в тюрьму по доносу. «Противник стахановского движения», — звучит приговор. 16 лет он проводит в лагере в Богучанах на левом берегу реки Ангары, и этот период его биографии заслуживает отдельного повествования, хотя о лагерной жизни дедушка мне рассказывал немного, больше об этом периоде знали мама и папа.

Советскую школьницу, то есть меня, дедушка старался не «перегружать» лагерными воспоминаниями. «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицина в то время было найти практически невозможно, даже в перепечатанном виде, а вот «Один день из жизни Ивана Денисовича» дедушке удалось прочитать в 60-е годы: «Все верно, но у нас (30-40-е гг.) жестче было», — сказал он моим родителям. После ссылки дедушка несколько лет проработал учителем в Прибалтике: он знал четыре иностранных языка и все точные науки.

Дедушка мой, или как я его называла «деда», был замечательным рассказчиком, шутником и заводилой: с ним можно было беседовать часами и задавать разные вопросы — на все он находил ответ. И вот так, через разговоры, шутки и игры, дедушка незаметно становился моим наставником. Он не стал священнослужителем, как того хотел его отец, но стойкую веру в Бога пронес через всю жизнь. Она его и укрепляла, и давала силы. Он всех и все любил, жалел. В своем саду (девять соток достались дедушке, как «компенсация» по реабилитации «врага народа») он не мог обидеть ни одну букашку! На все любовался и смотрел с восхищением: на свои яблони, на восход и закат солнца. Даже мои игрушки были в его внимании; его фраза «Люля, если ты еще раз ударишь эту куклу — я

тебя не уважаю!» говорила, несмотря на всю мягкость дедушкиного характера, строго и убедительно. Многие тогда было еще непонятно, например, он говорил: «Люля, как хорошо, что я пробыв в ссылке во время войны, ведь если бы меня забрали в армию, я не смог бы выстрелить ни в одного человека». Я удивлялась: «Деда, даже в немца?!». «Ни в кого...». Несмотря на 16 лет лагерей — к дедушке никаким образом не привилась жестокость. Даже самое сильное неудовольствие или разочарование выражалось одной фразой: «Господь с ними». Меня это тоже удивляло, почему бы не сказать покрепче, хотя бы: «Черт с ними!» — нет, никогда.

По вечерам деда тихо молился, стараясь не привлекать к себе внимания, на что я снисходительно улыбалась. Теперь думаю, что в его молитвах были не только просьбы о семейном благополучии, но и о моем духовном просветлении, которое наступило, правда, намного позже. Когда дедушка Миша ушел к Господу, в возрасте 85 лет, мне исполнилось 14. Это был мой последний дедушка, потому что родных дедушек — Ивана Филипповича Худобко (1908-1942), маминго папу, и Якова Дмитриевича Скоробогатова (1893-1963), папиного папу, я на этом свете уже не застала.

Дедушка приходился отчимом моей маме. Мама была уже взрослой, когда деда появился в ее судьбе, и сама уже собиралась замуж, но более теплых и именно отцовских отношений я среди «не родных» людей не видела. Она для него всегда была «Лидочка», а он для нее «папуля». Мама всю жизнь называла и маму, и папу на Вы, как это было принято в России до революции. Но это ничуть не отдаляло их друг от друга, а лишь увеличивало ту степень уважения, которую она чувствовала к родителям.

Дедушка всегда вел дневники (он и меня приучил к этому), многого теперь уже нет, но по воспоминаниям, разговорам и отрывкам из дневников я постаралась передать те мысли и обстоятельства, которые присутствовали в жизни Миши. Здесь лишь малая часть огромной череды разнообразных событий гатчинца — Михаила Федоровича Тихомирова.

Воспоминания

Скоро Рождество. В новом, 1910 году, мне исполнится 14 лет. Я совсем взрослый. Вот уже год, как нам с Лешей разрешают одним ходить в синематограф. Надеюсь, в этом году удастся стать еще более самостоятельным. У меня много планов, в том числе и писательских. Я чувствую, как взрослею. Это и радует меня, и пугает; ведь еще вчера я был малышом, отлично помню себя в четырехлетнем возрасте, и вот уже десяти лет как не бывало. Мама говорит, что чем дальше, тем жизнь будет лететь быстрее. Посмотрим, пока что она, мне кажется, просто тянется...

Декабрь, 19, 1909 г.

На Рождественские каникулы у меня много запланировано: подстричься на Соборной, навестить двоюродных и троюродных братьев в Гатчине, съездить в Санкт-Петербург с Сашей. Саша, на правах старшего брата, любит меня воспитывать, но в этот раз это ему не удастся: я попрошу его рассказать о египетских пирамидах — его любимая тема, и он всю дорогу будет мне об этом рассказывать. Наша задача в Петербурге не сложная в этот раз: сходить в Русский музей, навестить тетю Полю и купить свежих петербургских журналов для сестер и Мама.

Декабрь, 23, 1909 г.

Сегодня на «Слове Божьем», которое, как обычно, вел отец Александр, мне сильно запомнилась одно его изречение. Он цитировал Апостола, а потом сам сказал так: «...и отвернул Господь лик Свой от страны Израилевой и обратил взор Свой к другим народам, а с особой надеждой на просторы северные, где власы у людей светлые, а глаза словно неба синь...». После звонка я с небывалым рвением побежал к зеркалу — ведь и у меня глаза голубые, а волосы русые, значит и на меня Господь глядит с особой надеждой...

Февраль, 12, 1910 г.

Вчера, после обеда, в парке-роще мы с Ниной и Сашей встретили Государя! Сначала я не узнал его, поскольку он был одет в простую военную форму и шел в со-

Фёдор Алексеевич с отцом. 1875 год

провожении молодых кирасиров. Они о чем-то беседовали. Но, приблизившись, я понял, что это Государь, и, замедлив шаг, остановился, совершенно забыв все знаки приличия, которые необходимо было в этом случае оказать великокняжескому лицу. Нина же продолжала собирать цветы, а Саша гонялся за бабочками. Поравнявшись с нами на дорожке, Государь остановился и спросил: «Куда вы идете, детки?» «Мы гуляем», — ответила Нина, совершенно не понимая, с кем разговаривает. «Далеко не ходите, там уже лес». «Мы недалеко», — сказал я. «А как вас зовут?». Мы сказали, кто мы и где живем. «Вы, детки, молочко пьете?», — спросил Государь ласково. Саша и Нина кивнули. «Обязательно пейте, оно на пользу», — сказал он, обращаясь к младшим брату и сестре. «...и вы, молодой человек, — тоже», — улыбнулся Государь, и, попрощавшись, пошел дальше. Потом Нина мне еще долго не верила, что мы разговаривали с нашим Царем. Всю эту историю мы передали домашним — мама и папа были в восторге! Они даже вспомнили случай с моей тетей Любой, которая, уйдя за грибами, немного заблудилась в лесу, а затем, была доведена до дому каким-то барином, которому не хотела продать грибочков — «самим надобно», и лишь потом окружающие, кто видел ее, выходящую из кареты, сказали, что ее подвез до дому сам

император — Александр III. «Я бы ему все грибы отдала!», — воскликнула тетя Люба. На все это Сергей премудро заметил, что только в «темном» XIX веке из-за плохого развития фотодела и информации граждане страны не знали внешности своего императора... «Да, теперь у нас с информацией все в порядке, даже с лихвой...», — заметил отец, имея в виду, по-видимому, изобилие нынешней прессы.

Лето, 1910 г.

Сегодня, передвигаясь по городу по разному рода делам, я вдруг четко почувствовал, что как будто обо мне «снимают» фильм. Кто и как это делает, я не понимал, но точно чувствовал, что «снимают». Своими мыслями я поделился вечером с Лешей, и он признался, что иногда чувствует то же самое... Может быть, это Ангел-хранитель записывает мою жизнь в свой блокнотик? Вот только кто и когда нам покажет этот фильм или прочтет блокнотик — не знаю...

Май, 1911 г.

Сегодня познакомился с Александром Куприным. Я уже давно собирался это сделать, и вот однажды решился: пришел сам, без всяких протекже. Принес свои рассказы и несколько стихов. Куприн был очень любезен и согласился почитать их, пригласив меня зайти на днях...

Июнь, 1912 г.

Александр Иванович весьма ко мне благосклонен. За последние полгода я нанес ему пять визитов. За это время он напечатал несколько моих стихов и один рассказ в газете «Гатчина». Мы много беседуем в компании и без нее. Александр Иванович — замечательный рассказчик. Он дает понять, что для того, чтобы быть хорошим писателем, недостаточно иметь талант и усидчивость, необходимо знать свою землю. Исходить Россию нужно вдоль и поперек — после этого можно вновь начать писать. В заключение всех разговоров — немного «водочки», а лучше «политуры» — живого напитка. Моя беда, что я малопьющий...

Декабрь, 12, 1913 г.

Мама и папа не очень одобряют мои писательские занятия и увлечение театром. Мама почему-то приводит мне в пример

младшую сестру Нину, которая прилежна и в учебе, и в отношениях с родителями, что нельзя сказать обо мне...

Лежа в кровати, вспоминая наш недавний разговор, я рассуждал о детях. Ведь еще недавно я и сам был ребенком, а теперь смотрю на них со стороны, глазами взрослого человека. Иногда мне от этого даже грустно становится: я-то уже вырос и назад дороги нет. Может быть, когда-нибудь и у меня будет ребенок, и я буду играть с ним, вспоминая себя. Мама часто говорила раньше, что дети — это подарок от Господа, который Он дал человечеству после изгнания из Рая, для утешения. Через них у человека есть возможность стать лучше, совершенствуясь в каждом последующем поколении. И даже это могут быть не свои дети, но которые присутствуют рядом. Господь дал нам две тысячи лет назад Новый и последний Завет и теперь, уже точно, спросит с каждого родителя и опекуна о его воспитании детей! Я так понимаю, что из-за меня маме придется оправдываться перед Богом. Господи, продли ее годы и наше пребывание вместе в родном доме.

Однако часто ловлю себя на мысли, что все больше и больше думаю о словах, сказанных Александром Ивановичем: «Чтобы понять Россию, — исходить ее нужно вдоль и поперек...». Смогу ли я совмещать свои желания стать писателем и священнослужителем?

Март, 10, 1914 г.

Какой ужас — мы входим в ВОЙНУ! Император подписал указ о мобилизации. Этим теплым июльским днем невозможно поверить, что все может скоро измениться для каждого из нас и для всей России. Уповаю на милость Божию, что война не затянется надолго.

Июль, 17, 1914 г.

Сегодня я был на освящении нового храма — Покрова Пресвятой Богородицы. Помимо духовенства, городского управления, дворянства и купцов, пришло много простого люда. Было торжественно и празднично на душе. На какой-то миг мне показалось, что нет войны, но это ощущение длилось лишь несколько минут, потом

я опять вспомнил, что где-то дымится земля, и уже начали гибнуть молодые летчики на «Моранах» из нашей авиашколы и просто добровольцы, которые еще вчера ходили здесь по гатчинским улицам.

Очень переживает мама и отец: дождался 20 века, который, думали, уж будет без войн, а вот, пожалуйста — новая война на неизвестный срок. Дед мой Алексей (папин отец) говорил когда-то: «Вот и наступил новый век, все в нем и останемся... Зато два века обозрели...».

Осень, 1914 г.

Александр Иванович теперь в Финляндии по службе. Наши вечера «творческой Гатчины» закончились так же внезапно, как и начались. В его квартире размещен госпиталь для раненых солдат. Таких госпиталей в городе много. На госпитальные нужды города отец передал некоторую сумму денег. Делая различные взносы и пожертвования, он желает не называться, поэтому посылает к управляющим делами либо меня, либо Лешу, либо кого-нибудь из дворовых. В Гатчину приезжала великая княжна Татьяна. По ее распоряжению, вскоре будет построена дополнительная платформа на варшавской ветке для перевозки раненых. Весна стоит суровая и безрадостная...

Март, 1915 г.

Решено, с наступлением весенних дней отправляемся с Андреем по России...

Январь, 25, 1916 г.

...Полгода нашего путешествия — это отдельная жизнь, которая дала мне неповторимые ощущения, без которых (действительно, прав Александр Иванович) невозможно начать серьезно писать... Все мои впечатления сегодня уместаются в небольшом блокноте, представляя собой короткие зарисовки. Но уже сейчас я чувствую разницу между собой прежним и собой нынешним.

Июль, 1916 г.

Вот уже два месяца мы в Крыму, в Коктебеле. Путешествуя по окрестностям на несколько миль, а то и на несколько десятков миль в глубь полуострова, мы все

Фёдор Алексеевич (справа) с родственниками.
Октябрь 1917 года

время возвращаемся в Коктебель, потому что здесь у нас недорогая и уютная квартира, которую мы не намерены покидать до конца осени...

Сегодня прыгнул с Бухты Баракхты, с которой, считается, должен прыгнуть каждый писатель или поэт...

Вечером мы с Андреем нанесли визит поэту Максимилиану Волошину. Волошин слывет человеком малообщительным, но с нами он был очень любезен, приветлив и живо интересовался жизнью столицы. Мы проговорили весь вечер, но о столичной жизни смогли рассказать лишь с точки зрения воспоминаний, как люди давно не столичные. Мне очень понравились его пейзажи. Расстались ненадолго, обещая вернуться.

Август, 1916 г.

Давно не слышал я вестей из родного дома. Иногда щемит сердце, особенно по вечерам, когда лежишь и вспоминаешь такую недавнюю и такую другую жизнь... Как там наш дом на Царскославянском шоссе в Малой Гатчине? С тяжелым сердцем я вспоминаю некоторые разговоры с близкими; здесь, вдали от них, чувствуешь свою неправоту, даже если тогда считал себя всенепременно правым.

Ноябрь, 1916 г.

Сегодня днем, возвращаясь из храма с поздней службы, мы узнали ужасную весть: Государь отрекся от престола. У меня ушла почва из-под ног: я не хочу верить! Как это могло получиться? У нас же

начались успехи на фронте! Что это? Что в Петербурге? Как наши? Что будет дальше?

Март, 2, 1917 г.

В душах нашей интеллигенции царит какая-то отчаянная веселость, которая иной раз охватывает и меня. Однако где-то в глубине души мне неспокойно. Справится ли новое правительство? Справится ли с нелегкой задачей: не растерять благодать Божью, ведь оно пришло к власти не по Божьему благословению, а боюсь, совсем другой силой... Если это так, — ничего хорошего нас не ждет.

Сентябрь 5, 1917 г.

Ввергает в ужас та неразбериха, которая усиливается ежедневно в городе и вокруг него. То количество погромов, мародерства, которое происходит в ужасающих размерах здесь и на украинской земле, выбивает из рук и перо, и бумагу. Узнаем из местной прессы о человеческих дикостях, которые творятся под Киевом и в Галиции.

Недавно мы поселились около Екатеринодара.

Январь, 1918 г.

Тот год, который мы провели на екатеринодарской земле, я буду еще долго вспоминать в ночных кошмарах. Что творится с Россией! Только сейчас, подводя итог года, понимаешь, что какие-то несколько месяцев до неузнаваемости перекроили души людей. Или они такими и были, наши души, только мы в глубину их не заглядывали? Та дикость и жестокость, которая происходит на фоне несколько меняющейся власти, так не свойственная русским людям в мирное время, выплеснулась на землю нашу, как из рога изобилия. Расстрелы, издевательства, насилия, грабежи, жестокость поступков и дикость нравов — все смешалось здесь. Эти дикари расстреливают священников, народ боится идти в храм! В пасхальные дни богохульствуют, в праздники и будни напиваются до пороссячьего визга. Мы, чудом дважды избежавшие плена и расстрела, вынужденные лесами и оврагами вернуться в Крым.

И хотя инстинкт самосохранения и погнал нас назад, к морю, страшно мне было

не за себя, страшно мне — за Россию...

В конце лета до нас долетели слухи о расстреле большевиками Царской Семьи. Невозможно поверить! Хочется думать, что это только слухи...

Крым теперь тоже другой, но здесь еще мы чувствуем себя дома.

Февраль, 7, 1919 г.

Все это время, что прошло со времен переворота, я гоню и гоню мысль о гибели царя и его семьи, но вот уже второй год наши казаки в эти июльские дни, молча собравшись, поминают царя-мученика. Я не хочу в это верить, но на душе у меня очень тяжело от всего происходящего. Если эти нехристи там, за пределами Крыма, и в правду подняли свои грязные руки на ЦАРЯ Российского, то они не Николая Второго расстреляли, они Россию убили, только умрет она не сразу, как человек, ее агония растянется на долгие годы. Господи, помоги нам!

Июль, 17, 1920 г.

Турецкие и европейские странствия мои позади. Нет со мной рядом Александра Ивановича Куприна! Вот кто бы оценил их в полной мере! Оценил бы не просто как человек любознательный, а именно как писатель. Но Бог даст, свидимся!.. А не свидимся — опишу все это в своей будущей книге. Александр Иванович сейчас, говорят, в Париже, может быть, он когда-нибудь прочтет ее.

Все мы, как осенние листья, сорвались, разметались по материкам, кто ближе, кто дальше от Родины. Прага, она, вроде бы, и недалеко от России, русских здесь много, отношение к нам почти родственное, но не перестает преследовать одно и то же ощущение: я в командировке. По какому-то Высшему распоряжению я временно отстранен от любимых мест. Здесь я тоже многое люблю и многих, но тяжело от того, что как бы я не хотел все изменить и все оставить — быть мне только здесь. А командировка положена эта на неизвестный мне срок.

Ноябрь, 24, 1922 г.

А день рождения у меня теперь в мае, вместо апреля, если верить европейскому

стилю. У всех у нас пропали 13 дней из жизни. Этот стиль теперь и в стране Советов. Иногда до нас долетают советские песни. В них я слышу совершенно не свойственные России ноты и мотивы: неестественный оптимизм и бесшабашная веселость. Все это, видимо, соответствует новому строю, но соответствует ли все это природе русского человека?

Январь, 1923 г.

Мой старый друг Андрей обустроился неплохо в чешской столице: женившись на местной девушке Марыле, занялся сельским хозяйством на уровне огороднической деятельности. В их доме гораздо просторнее, чем в нашей «Слободарне» (студенческом общежитии в Liben). Тесть поддерживал его начинания: без малого 5 соток они засеяли русским хреном, который осенью бойко сдают в местные таверны и рестораны. Литературная деятельность его пошла на убыль, но зато обнаружилась предпринимательская жилка!

К нам в русский театр, говорят, скоро приедет Иван Билибин поддержать «Русскую акцию» и поможет оформить сцену новыми декорациями.

Очень рад, что на нашем русском факультете в Пражском университете возобновилось «Богословие». Преподают его протоиереи Сергей Булгаков. Я был знаком с ним еще в Крыму, и вот судьба свела еще раз.

Сегодня, думая обо всем этом, я прогуливался по Карлову мосту и услышал, как где-то запели петухи. Здесь, в центре Праги, это было непривычно, а голоса у них — как у наших в Загвоздке.

Май, 30, 1923 г.

Сегодня днем, после репетиции нового спектакля, выйдя на улицу, мы с друзьями, к удивлению узнали, что наш Санкт-Петербург, или Петроград, как его называли последние несколько лет, переименовали в Ленинград. Я почувствовал себя плохо. Нет, я все понимаю: новое время увековечивает своих героев в названиях улиц и городов, но поднять руку на город святого Апостола Петра! Воистину — нехристи в России у власти!

Прошло уже много дней после этого известия, но мне так же плохо. Петербург, изменившийся внешне (по рассказам очевидцев), с тех времен, что я помнил его, был еще прежний — духом своим, но теперь сложно надеяться на милость Божию нашей столице! Что-то черное и холодное опустилось на Санкт-Петербург с этим новым именем. Имя это принесет городу моему лишь несчастья!

Январь, 1924 г.

Сегодня вспомнил, как попал с Андреем, еще в 1916 году, на Литургию в Свято-Владимирский собор в Киеве. Незабываемое впечатление тогда произвел на меня этот храм. Богослужение проходило торжественно и плавно. Моему внутреннему настрою вторили замечательные фрески Васнецова и Нестерова на стенах храма. Храм был освящен в год моего рождения, в присутствии императора Николая Второго, и от этого тоже мне было по-детски радостно и светло на душе. В то утро я молился о нашем благополучном путешествии, о благополучии моих родственников в Гатчине и Петербурге, о благополучии знакомых и друзей, и лишь выйдя из храма, я вспомнил, что не помолился о самом главном — обо всей Руси нашей. Князь Владимир посмотрел на меня с фронтона храма с укором, и эта мысль пронзила меня...

В этот же вечер мы должны были садиться на поезд, но я успел подойти к могиле Петра Аркадьевича Столыпина, попросить у него прощенья за всех нас и к памятнику князя Владимира, что на Владимирской горке. Стало легче.

С этих пор я всегда молюсь в храмах о России. Помогает ли это России сейчас? Сейчас, когда тысячи эмигрантов, вчерашних россиян, вспоминая свою беззаботную жизнь, тоже стоят в храмах и плачут? Не запоздала ли наша молитва? Не знаю, но надеюсь, что ни одна слеза раскаяния не будет пролита зря. Пускай не сегодня, не завтра, но когда-нибудь засияет Спасительный Свет над Россией, умытой этими и, возможно, будущими слезами.

Ноябрь, 1924 г.

ИМЕНА И УСАДЬБЫ

*Глаза прикрою — и мгновенно,
весь легкий, звонкий весь, стою
опять в гостинной незабвенной,
в усадьбе, у себя, в раю.*

В. Набоков

О ДОМЕ МОЕГО ПРАДЕДА СТЕПАНА ИВАНОВИЧА РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Нина Рождественская

В 2013 году исполняется 100 лет дому моего прадеда, построенному архитектором Н.П. Гастевым. Это двухэтажное каменное здание с асимметричными фасадами и оконными проемами различной величины и очертаний. Особенно эффективно решен эркер с полуциркулярными окнами, связанными общим волнообразным сандриком, с небольшим карнизом над окнами и дверным проемом и балкон с изящным ограждением. К счастью, дом не пострадал во время войны.

Дом находится на улице Хохлова, и в нем располагается Гатчинский ЗАГС.

Мой прадед Степан Иванович Рождественский был действительным статским советником (в переводе на военные чины — генерал-майор), потомственный дворянин, почетный гражданин города Гатчины. Трудно переоценить то, что он сделал для истории Гатчины. Мой прадед был заведующим канцелярии Марии Федоровны (матери Николая II) на протяжении 25 лет.

Теперь на доме Степана Ивановича

благодаря усилиям гатчинцев в 1998 году была установлена мемориальная доска в память о нем. Почти каждый день приходит к дому замечательный человек — учительница истории Мария Николаевна Григорьева, и в маленькой вазочке всегда есть цветы.

Низкий ей поклон от всей нашей семьи. Память — это главное, что должно быть у человека, и дай Бог, чтобы наши дети и правнуки помнили об этом.

В 1896 году вышла книга «Столетие города Гатчины 1796-1896 г.г.» в двух томах под редакцией моего прадеда.

Первый том содержит исторические сведения, второй — статистические.

Невозможно переоценить значение этого труда для историков, экономистов, искусствоведов, краеведов и всех, кто любит этот город, несмотря на то, что прошло уже более 100 лет со дня его выхода в свет.

Степан Иванович Рождественский и его жена Серафима Петровна. Фото 1914 г.

За работу над этой книгой Степан Иванович получил гонорар в размере пяти тысяч рублей и купил участок земли. Здесь он построил дом, который гатчинцы называют самым красивым в городе.

Степан Иванович строил дом как родовое гнездо, где мечтал воспитывать внуков, а может быть, и правнуков. К счастью, внуков он дождался. В 1909 году родился его внук Олег, а в 1914 году в этом доме родилась его внучка Галина, которую крестили в церкви Гатчинского дворца, и восприемниками были: известный в морских кругах, большой друг дедушки, капитан 2-го ранга Владимир Иванович Руднев и подруга бабушки Зинаида Николаевна Нечаева, дочь коллежского советника.

Дом находился рядом с входом в парк и со стороны парка был огорожен высоким забором из палок, так как в парке бегали олени, зайцы и устраивались царские охоты. Вокруг дома была красивая ограда, которая, по словам гатчинцев, пропала после октябрьского переворота.

Первый этаж предназначался для взрослых, второй — для детей. В большом зале стоял рояль, на котором учили играть внука Степана Ивановича, там же на первом этаже, был расположен зимний сад. Мой прадед любил цветы.

Вокруг дома было посажено много цветущих кустов роз, жасмина, сирени и разных цветов, которые цвели до глубокой осени.

На территории, прилегающей к дому, был птичий двор.

В доме всегда было много народу. Здесь часто бывал Великий князь Михаил Александрович, которого очень любил внук Олег; Вячеслав Михайлович Молотов, ставший впоследствии министром иностранных дел СССР; Глеб Иванович Бокин, председатель ВЧК Ленинграда; известный анархист Шатов; кстати, забегая вперед, именно этим людям, мой дедушка Алексей Степанович обязан жизнью и возможностью покинуть Россию вместе с генералом Врангелем; но, несмотря на все, что он пережил в России и потерял, он старался помочь России, был председателем общества АРА (американо-российская помощь голодающим в Поволжье).

В доме часто бывал писатель Куприн, родители барона Фальц-фейна, разве можно перечислить всех. Часто со своими нуждами приходили его сослуживцы с медеплавильного завода Лаврова, где он был директором.

Серафима Петровна Рождественская Александра Николаевна Ван-дер-Шкрюф с внуками Степана Ивановича Олегом и Галиной. фото 1915 г.

В большой гостиной устраивали на Рождество елку, куда приглашалось много детей. В одной из комнат находились большие мешки с подарками.

Обязательно устраивались детские представления и награждения победителей. Во дворе была большая горка.

Именно в этом доме был организован пункт сбора вещей для гатчинцев во время первой мировой войны.

В доме находился погреб, где хранились вина, которые мой прадед купил, когда распродавались вина из погребов Зимнего Дворца. Деньги были переданы на помощь нуждающимся семьям гатчинцев, погибших в первую мировую войну.

Из воспоминаний моей родственницы, до ареста сына Степана Ивановича, жизнь в доме еще продолжалась. В связи с тем, что стало трудно доставать продукты, его обитатели вынуждены были увеличить имеющийся у них ранее птичий двор. Медеплавильный завод Лаврова был закрыт, и дедушка остался без работы. Тогда он поступил на курсы птицеводства, которые были организованы бывшим заведующим гатчинской императорской фермы Ларионовым.

В бывшем зимнем саду был устроен инкубатор, и дедушка ночами сидел и следил, как вылупляются цыплята. Куры были отличные, известных пород. Затем Алексей Степанович завел уток, гусей и индюков. Конечно, все это было только для себя.

В этой части сада, где не было деревьев, был огромный огород, и даже была посажена картошка. Именно благодаря всему этому хозяйству семья не голодала.

По России в это время — 1918 год — уже прокатилась волна арестов. Многие офицеры были брошены в тюрьмы. Началась ревизия разных вещей, и на некоторых более самостоя-

тельных людей были положены контрибуции.

Первое время от моих родственников требовали только комплекты постельного белья, одеяла, посуду. Но в один из дней Гатчинский Совет рабочих и солдатских депутатов решил наложить контрибуцию в размере 200 000 (двести тысяч рублей). Денег, таких, конечно не было, да и банки уже были национализированы, и дедушке грозил арест, который и произошел в скором времени.

Его обитатели навсегда вынуждены были покинуть свое родовое гнездо, и часть их — навсегда покинуть Россию.

Степан Иванович Рождественский уехал в Японию, но, по имеющимся у меня сведениям, не доехал и умер во Владивостоке. Его сын Алексей Степанович, один из первых подводников России, участник Цусимского сражения на крейсере «Адмирал Нахимов», похоронен в Бельгии, внук Олег, проживший всю жизнь за границей, вернулся в Россию, но, увы, в виде праха, и похоронен на Парголовском кладбище Санкт-Петербурга в могиле своей матери, невестки Степана Ивановича — Нины Михайловны Рождественской, там же недалеко — могила внучки Степана Ивановича — Галины.

Вот так трагично окончилась некогда счастливая жизнь в этом родовом гнезде. Нет уже тех, кто жил в этом доме, но живы правнуки и праправнуки Степана Ивановича, те, кого не удалось ему увидеть. Они живут и бережно хранят память о своих предках, а дом — дом стоит — видно хранит его Господь Бог, как память о тех, кто жил в этом доме, много сделал для этого города и не по своей воле вынужден был покинуть его.

Вечная память им, и дай Бог, чтобы такое никогда не повторялось.

С ВЕРОЙ И НАДЕЖДОЙ

О боже!..

...сладко под твоей грозой

Терпеть и плакать, и страдать;

Молю: оставь одну со мною

Твою святую благодать.

И.С. Никитин

ВЕХИ ИСТОРИИ

160-летию Павловского собора посвящается

Галина Елфимова

12 июля 2012 года главный собор г. Гатчины отметит 160-летие. Посвящен собор святому апостолу Павлу. Два боковых придела посвящались равноапостольной Марии Магдалине (небесной покровительнице матери-императрицы Марии Федоровны) и равноапостольным царю Константину и царице Елене (небесным покровителям брата и сестры императора Николая I).

...Унаследовав город Гатчину в 1828 году по завещанию своей матери Марии Федоровны, Николай I бережно отнесся к любимому местопребыванию своего отца, императора Павла I. Он не перестраивал дворец в Гатчине, где все напоминало о прежнем владельце, лишь приказал для себя и своей семьи переделать каре. В этом ряду поступков Николая Павловича — и собрание в дворцовых комнатах личных вещей отца, и установка на плацу памятника Павлу I, и возведение главного городского храма во имя его небесного покровителя. Для России посвящение гатчинского собора одному из двух первоверховных апостолов — Павлу — было непривычно.

Святой становился и покровителем всего города, основанного прежним Государем в 1796 году. Строительство соборной церкви поднимало статус Гатчины до уровня главных городов Придворного ведомства — Петергофа и Царского Села. В середине 1845 года император сам выбрал место для будущей церкви. Государю было угодно, чтобы церковь выстроили в про-

должение Малогатчинской улицы, где имелось некоторое возвышение.

Пятиглавый Павловский собор строился и благоукрашался почти шесть лет: 30 октября 1846 года он был заложен в присутствии императора Николая I, а 29 июня (ст. стиль) 1852 года освящен митрополитом Никанором (Клементьевским).

Два из четырех боковых купола являются звонницами. Соборное здание предстает перед нами архитектурным шедевром эпохи возрождения традиций древнерусского храмового зодчества. В этом и заключается уникальность творения, так как многие попытки стилизации древнерусского и византийского стилей до этого оказывались неудачными.

К работам в соборе привлекались именитые столичные живописцы, что соответствовало высокому статусу собора. При храме находилось много предметов церковного обихода, представлявших собой художественную ценность. Часть этих предметов была пожертвована в разное время жителями Гатчины и ее окрестностей. Среди них выделялись замечательной работой серебряные с позолотой венчальные венцы и ризы для икон придела святых Константина и Елены, подаренные Иоанном Абрамовичем Ганнибалом — сыном крестника императора Петра I Абрама Ганнибала.

В соборе имелось много икон древнего письма. Здесь периодически находились и величайшие святыни христианского мира, перенесенные в Гатчину с о. Мальта во времена правления рос-

сийского самодержца Павла I (1799 г.), — часть Древа Креста Господня, Филермская икона Божией Матери, десница св. Иоанна Крестителя.

В 1938 году богоборческая власть закрыла собор. Уникальные кипарисовые иконостасы и некоторые киоты удалось спасти от уничтожения. Осенью 1941 года Гатчина оказалась на территории, оккупированной фашистами. Немецкий комендант удовлетворял многочисленные просьбы верующих гатчинцев, и собор был открыт для совершения богослужений. С тех пор он не закрывался. В январе 1944 года город был освобожден от неприятельских войск. В 1946-49 гг. храм полностью восстановили.

За всю историю Павловского собора в нем сменилось много священников. Это были примерные, высокообразованные и душепопечительные пастыри. Примечательной особенностью прихода является то, что в нем сохраняется преемственность настоятелей. Новый настоятель обычно назначается из священников этого же храма, а не из других приходов.

НАСТОЯТЕЛИ ГАТЧИНСКОГО ПАВЛОВСКОГО СОБОРА:

Протоиерей Владимир Андреевич Славинский
(26 июня 1824 г. — 2 марта 1890 г.)
Первый настоятель собора, кандидат богословия. Он оставался в должности настоятеля (с 1852 г.) до самой кончины, воспитав несколько поколений православных гатчинцев. Похоронен напротив алтаря храма.

Протоиерей Николай Иванович Судаков
(2 мая 1853 г. — 16 декабря 1905 г.)
Наст. 1891 г. — 20 февраля 1904 г.

Протоиерей Владимир Захарьевич Образцов
(7 сентября 1912 г.)

Протоиерей

Иоанн Яковлевич Богоявленский
(в монашестве епископ Таллиннский Исихор)
(1879 г. — 18 декабря 1949 г.)
Наст. 6 октября 1912 — 3 ноября (нов. ст.) 1919 г.

Протоиерей Андрей Матфеевич Шотовский
(19 ноября 1933 г.)
Наст. с 1920 г. до кончины.

Протоиерей Алексей Александрович Благовещенский
(Род. в 1873 г. — расстрелян 12.03. 1938 г.)
Наст. 1933 — февраль 1938 г.

Протоиерей Александр Михайлович Петров
(13 февраля 1891 г. — расстрелян фашистами в августе 1942 г.)
По неуточненным данным — настоятель с конца 1941 г.

Протоиерей Федор Федорович Забелин
(16 января 1868 г. — 5 июня 1949 г.)
Наст. с 26 августа 1942 г. до кончины.

Протоиерей Павел Петрович Тарасов
Наст. июнь — октябрь 1949 г.

Протоиерей Петр Иоаннович Белавский
(31 декабря 1892 г. — 30 марта 1983 г.)
Наст. 1 ноября 1949 г. — 19 мая 1955 г.

Протоиерей Василий Раевский
(12.01. 1889 г. — 21.07. 1974 г.)
Наст. 19 мая 1955 г. по май 1956 г.

Протоиерей Иоанн Афанасьевич Кондрашов
(27 декабря 1918 г. — 19 июля 1989 г.)
Наст. май 1956 г. — 21 февраля 1973 г.

Игумен Кирилл (Начис)
(9 января 1920 г. — 10 марта 2008 г.)
Наст. 21 февраля 1973 г. — ноябрь 1974 г.

Протоиерей Иоанн Георгиевич Преображенский
(3 февраля 1915 г. — 29 января 1991 г.)
Наст. ноябрь 1974 г. — ноябрь 1976 г.

Протоиерей Иоанн Афанасьевич Кондрашов
Наст. с ноября 1976 г. до кончины в 1989 г.

Протоиерей Михаил Петрович Юримский
(род. 14 октября 1932 г., настоятель Покровского собора в Гатчине)
Наст. 1989 — 1993 гг.

Протоиерей Владимир Михайлович Феер
Наст. с 7 сентября 1993 г. по настоящее время.

Вера Столяренко

Храм святого благоверного великого князя Александра Невского находится в деревне Александровка Гатчинского района Ленинградской области, возле поселка Тайцы.

После Северной войны Петр I начал освоение возвращенных от шведов российских земель. Государево имение — Таицкую мызу — он подарил «отцу русского флота» адмиралу Ивану Михайловичу Головину (1669 — 1738 гг.), герою войны со Швецией. Наследники адмирала, сын Александр Иванович, тоже адмирал, и дочь Наталья Ивановна (княгиня Кантемир) после 1750-х годов распродают имение.

Главную его часть — Большие Тайцы с деревнями — в 1761 году приобретает один из богатейших уральских горнозаводчиков Александр Григорьевич Демидов (1737-1803). В 1784 году он покупает Отрезную дачу от мызы Малые Тайцы, граничащую с его усадьбой.

А.Г. Демидов — правнук знаменитого Никиты Демидова (Антуфеева). На сестре Александра Григорьевича, Наталье, был женат известный русский архитектор Иван Егорович Старов (1745-1808). Им-то и был в 1770-е годы создан редкий по красоте усадебный ансамбль: усадебный дом, а также ряд служебных и парковых построек — мыза Тайцы.

На землях Отрезной дачи возникает деревня Тайцы. Демидов переселяет в нее своих крестьян из проданных гдовского и приморского имений. Сюда же переводит он и коренных жителей — ижорцев из урочища Тифина, ока-

Прежний вид храма в д. Александровка. Дореволюционное фото

завшегося на территории усадьбы. В 1790-94 гг. в селе была построена церковь, освященная 18 июля 1794 года во имя святого благоверного князя Александра Невского, небесного покровителя хозяина усадьбы.

«...церковь каменная, теплая, однопрестольная. Построена на средства коллежского советника Александра Григорьевича Демидова. Находится в одной версте от Балтийской железной дороги и в семи верстах от Красного Села. При церкви Александра Невского имеется церковно-приходская школа». (Из книги «Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси. Санкт-Петербургская епархия», СПб, 1908, вып.V, стр. 128.).

Храм был «благославно украшен». Около десятка находившихся в церкви образов имели серебряные ризы. Наиболее заметными из них были: иконы

святого князя Александра Невского, Казанской иконы Божией Матери, святых Петра и Евлампия, а также двухсторонний образ с изображениями Божией Матери «Всех Скорбящих Радосте», святителя Григория Богослова и священномученика Парамона, украшенный массивной 2,5 фунтовой серебряной ризой, с которым проходили Крестные ходы. По словам старожилов, белый деревянный иконостас храма был увенчан овальной иконой «Тайной вечери», а пилоны и своды храма украшены росписью и орнаментом.

С середины 19 века церковь становится усыпальницей рода Демидовых. Здесь покоятся Петр Григорьевич Демидов с супругой Елизаветой Николаевной и их сын Григорий 11 лет.

В течение 130 лет в Таицкой Александро-Невской церкви служили священники: о. Павел Петров (Верекундов) (с 1794 по 1815), о. Феодор Петров (Орлов) (1815-1818), о. Дмитрий Иоаннов Копорский (1818-1829), о. Иосиф Иоаннов Тамаринский (1829-1831), о. Михаил Ермолаев Горонович (1831-1834), о. Козьма Иосифов Успенский (1834-1835), о. Петр Андреев Ильинский (1836-1854), о. Дмитрий Георгиевич Шишов (1854-1889), о. Иоанн Петрович Белавский (1889-1927).

Благодаря кропотливому труду в архивах г. Санкт-Петербурга краеведа Людмилы Сергеевны Вершининой, мы знаем имена всех служивших в нашем храме с момента его освящения в 1794 году и молимся о них.

Отец Дмитрий Шишов был настоятелем этого храма на протяжении 35 лет. В 1889 году на дочери о.Дмитрия Екатерине женился Иван Петрович Белавский (1855 — 1927). Приняв сан, о.Иоанн в том же 1889 году возглавил приход, создал в Александровке церковно-приходскую школу, стал в

ней законоучителем. В церкви святого князя Александра Невского были крещены его дети: Шурочка — в 1890 г., Екатерина — в 1891, Петр — в 1893, Дмитрий — в 1894 и Федор — в 1897 году. Отец Иоанн Белавский оставался настоятелем церкви в Александровке вплоть до своей кончины в 1927 году, прослужив здесь 38 лет. На церковном погосте покоятся отец Дмитрий и его матушка Евдокия, их дочь Александра Дмитриевна Кедрова, отец Иоанн и его матушка Екатерина, их дочь Шурочка.

В 1920-22 гг. сослужил о. Иоанну его сын — Петр Белавский. В ноябре 1920 г. митрополит Вениамин рукоположил Петра Ивановича в сан диакона, а 1 января (по н.ст.) 1921 году владыка совершил священническую хиротонию в церкви Покрова Божией Матери на Боровой улице в Петрограде. Женился о. Петр в 1920 году на Ксении Васильевне Болдыревой. Отец Ксении протоирей Василий Бондырев служил тогда в Троицком соборе Красного Села (расстрелян 21 мая 1929 года). В 1922-29 гг. о. Петр служил в церкви Святителя Алексия в Тайцах. Арестованный в 1929 году, он был сослан на Соловки. Возвратившись после войны в Гатчину, он восстанавливал Павловский собор, церковь Покрова Божией Матери в Мариенбурге. Отец Петр и матушка Ксения Белавские покоятся в Мариенбурге за алтарем церкви.

После него и до своего ареста в апреле 1931 года в церкви во имя Александра Невского служил иеромонах Ново-Афонского подворья в Санкт-Петербурге Никострат — строгий иосифлянин, живший при храме в камерке под колокольной. Его мирское имя — Лаврешов Николай Андреевич, 1876 года рождения, уроженец Самарской губернии. Был арестован 21 апреля 1931 года, осужден 8 октября того же

года на трехлетнее пребывание в концлагере. Дальнейшая судьба его пока не уточнялась. Иеромонах Никострат был реабилитирован в 1989 году.

Предполагается, что храм построен по проекту Ивана Егоровича Старова. К сожалению, ни одному исследователю творчества Старова не удалось найти чертежей этой церкви. В «Описании имения помещика, флигель-адъютанта гвардии ротмистра Петра Григорьевича, сына Демидова, за 1836 год» под п. 23 значится «каменная пятиглавая церковь при селе Александровском благоверного князя Александра Невского, крытая железом с деревянными священнослужительскими домиками». И старинных изображений этого храма обнаружить не удалось. Сохранился лишь произвольный рисунок, выполненный в 1941 году художником Юргеном Бертельсманном, воинская часть которого была расквартирована в Тайцах. Художник погиб в 1942 году. Этот рисунок и другие, чудом сохранившиеся, в настоящее время находятся в частной коллекции его дочери в Брюсселе.

Церковь была закрыта около 1936 года. Утварь и иконы с икон реквизированы. После закрытия церкви власти долго не могли приспособить ее под что-либо. Поэтому до конца войны в ней сохранялся иконостас, а купола оставались увенчанными крестами. Также на пригорке перед входом на сельское кладбище сохранялась деревянная часовня — покойницкая.

В августе 1941 года Тайцы были заняты немецкими частями. По просьбе местных жителей немецкое командование открыло церковь во имя святого Алексея. Из Александровской церкви туда были перенесены сохранившиеся иконы и церковная утварь. После войны часть икон, киоты с иконами святого князя Александра Нев-

ского и великомученицы Параскевы, небесных покровителей первых хозяев усадьбы, иконостас и даже часть клиросного ограждения были взяты во вновь открытую Александровскую церковь в Красное Село, где они находятся по сей день.

В Александровской церкви д. Александровка после войны расположили элеватор колхоза «Первое мая», в колокольне — склад горюче-смазочных материалов. В 1952 году церковь еще была с куполами, крестами и колокольней. В шестидесятые годы их снесли, и вскоре мало кто мог догадаться, что когда-то здесь была церковь...

С 1960 года храм св. Александра Невского входит в состав памятника федерального значения «Усадьба Демидова А.Г. «Большие Тайцы». Многие годы здание было заброшено, подвергалось намоканию и замораживанию.

В 1990-91 годах усилиями местных жителей и историко-просветительского общества «Возрождение» состоялось несколько субботников по расчистке церкви и прилегающей территории от завалов и остатков колхозного хлама.

К этому объекту было привлечено внимание инспекции по охране памятников. В результате этого в 1992 году на бюджетные средства организация «Леноблреставрация» провела консервацию здания, сделала паспорт памятника, выполнила обмеры и эскизный проект реставрации. В церкви впервые после лихолетья отслужили молебен. В том же году на средства, отпущенные поселковым Советом, вокруг погоста из семи могил у северной стены храма была установлена железная ограда, заменены подгнившие деревянные кресты. В 2004 году на могилах установлены цветники, подаренные похоронным бюро «Ритуал».

Осенью 2007 года зарегистрирована община, силами которой в срочном по-

рядке той же осенью была восстановлена временная кровля над храмом, убрана растительность с крыши и вокруг здания, храм очищен от осыпавшегося строительного материала.

Милостью Божией находятся люди, готовые помогать — не за деньги, а из патриотических побуждений — в восстановлении памятника отечественного культурного наследия. Благодаря ООО «Экспертпроект» (директор Шабловский Е.А.) и институту Ленпроектреставрация» (директор Белов А.Г.) произведено обследование технического состояния строительных конструкций, фундаментов, получены методические рекомендации по реставрации стен, выполнены проектные работы по усилению фундаментов и стен церкви. Силами прихода усилены фундаменты церковного здания. Все посильные работы выполняются прихожанами, строительные материалы приобретаются на пожертвования. В этом сезоне предстоят работы по усилению стен, с которыми приходу будет сложно справиться самостоятельно. С благодарностью примем помощь в любом виде от людей неравнодушных к судьбе замечательного памятника в честь святого благоверного князя Александра Невского, признанного народом как «Имя России».

В цокольном этаже колокольни обустроен временный храм, в котором с 2008 года регулярно проводились молебны, а 10 сентября 2011 года храм был освящен благочинным Гатчинского округа протоиереем Владимиром Феером, и с этого времени каждую субботу здесь совершается Божественная литургия.

Настоятель о. Михаил Владимиров, продолжая славные традиции, заложенные еще протоиереем Иоанном Белавским, много внимания уделяет работе с детьми. Во время богослуже-

ний поет детский церковный хор. На улице перед храмом (за неимением помещения) проходят детские праздники: Рождественская елка, Масленица, Красная горка. Отрадно, что дети перенимают традиции и трудятся наравне с ветеранами.

В этом году Галине Александровне Венедиктовой, которая была участницей первых субботников по восстановлению церкви, все эти годы ухаживала за погостом, является членом Приходского собрания, исполнилось 75 лет.

Поздравление Г.А. Венедиктовой от руководства Тайцкого городского поселения

Праздновали юбилей всем приходом.

Вот такова очень краткая история одной из святынь нашей малой родины и судьбы наших земляков. Хочется преклонить головы в знак памяти к ушедшим в мир иной и в благодарность к тем, кто в меру сил и возможностей помогает возрождению этого святого уголка.

Приход православного храма в д. Александровка приглашает в гости всех желающих посетить такое славное место. Свои предложения или дополнительные краеведческие сведения можно сообщить нам по электронной почте aleksandrovka20@mail.ru или позвонить по телефону 8 (812) 974-68-73 Столяренко Вере Адамовне.

ХРАМ У ДОРОГИ

20-летию закладки нового храма посвящается

Валентина Филиппова

Храм стоит у дороги Воскресенья
Христово,
Призывает к себе
Он Человека простого...
Чтоб подумал о вечном,
Чтоб не жил бездуховно.
На пути человечьем
Не бывает все ровно,
Все ровно, все гладко,
Как по маслу, как в сказке,
Оттого очень трудно
Нам идти без оглядки,
Без оглядки на поступь
Прошедшего дня,
Где увидит Господь
И тебя, и меня.

Участие общественников-энтузиастов в сохранении историко-культурного наследия в России имело быть всегда.

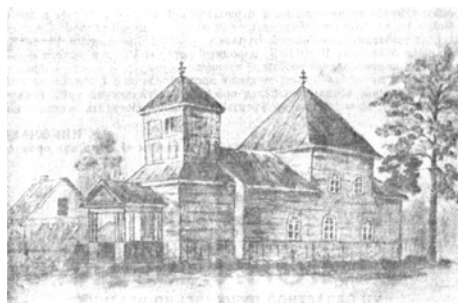
Начиная с 1985 года волна «помощей» особенно возросла. Образовывались тысячи православных общин, целью которых явилось восстановление поруганных церковных зданий и помощи действующим храмам, не жалея на то ни труда, ни денег.

Православное делание в России опирается на тысячелетние корни религии и культуры, но творят его конкретные люди.

Примером такого рода добротелания и явилось строительство нового православного храма «Воскресение Христово» в селе Воскресенское Гатчинского района.

Эти суйдинские земли, начиная с 1759 по 1805 гг., принадлежали знаменитому предку великого русского поэта А.С. Пушкина Абраму Ганнибалу.

Уроженец Африки, крестник Петра I, генерал-аншеф и известный госу-

Храм Воскресения Христова в Суйде, в котором венчались родители А.С. Пушкина.
С литографии худ. Е. Померанцевой, 1947 г.

дарственный деятель похоронен здесь, близ села Воскресенского, на старом кладбище, которое в советские времена распахали под картофельное поле, вместе с Ганнибалом.

В 1964 году сгорела церковь Воскресения Христова....

Таковы были времена.

Но время формируют люди. Одни строят, другие разрушают. Каких больше — таково и время.

В Суйде в начале 90-х годов сформировался небольшой коллектив разновозрастных людей, объединенных идеей построить храм в Воскресенском вместо утраченного.

Быстро сформировали нужную десятку — приходской совет. Сюда вошли: известный краевед А.В. Бурлаков, коллекционер-художник В. Якунин, местная художница В.И. Филиппова с мужем Валерием, врачом местной амбулатории и еще несколько сельчан-патриотов. Получили благословение митрополитов Санкт-Петербургской епархии: Владыки Алексея, а затем, Иоанна.

Анатолий Алексеевич Ледовских

Главой администрации Гатчинского района в 90-х годах был Анатолий Алексеевич Ледовских. Незаурядная личность, всегда откликающийся на инициативу, если она окажет положительное действие району, людям, культуре. Он с удовольствием поддержал начинание, и при возможности, обещал оказывать помощь.

Что и сделал, выделив из своих, каких-то глубинных фондов первые 10 тыс. рублей. Немного, но как важна была тогда эта поддержка — 90-е годы в стране были тяжелыми, смутными, тревожными. Люди жили трудно, не представляли и не знали будущего, но перемен хотели все.

Началось строительство храма. Выбрали место, отвели землю.

Протоирей о. Владимир из Павловского собора города Гатчины (ныне Благодинный) произвел чин закладки

фундамента, куда заложили послание потомкам. Все освятили. Присутствовали тогдашние школьники и местные сельчане, с любопытством глядевшие на невиданное ранее действо.

А в стране было нерадостно. По улицам ходили голодные безработные люди, рэкет преследовал начинающих бизнесменов. Многие бросали свое дело от безысходности...

Но удивительно! Храмы возводились повсеместно в стране и Гатчинском районе тоже. «И ныне, с высоты духовной мне простираешь руку Ты!» — писал А.С. Пушкин когда-то, но эта помощь шла и в эти сложные 90-е.

Шла она через простых людей: пенсионерка Анна Васильевна отдала взнос на строительство — всю пенсию — 72 рубля. Тогда это был прожиточный минимум. Бывшая служительни-

Закладка новой церкви. Фото 1992 г.

Сохранившийся колокол из старой церкви

Руководитель строительства церкви В. И. Филиппова

ца в храме, старушка Миланья, выделила из своих, собранных по крохам сбережений, 6000 рублей.

Их уже нет с нами, но стоит свеча, зажженная этими старушками у Голгофы Спасителя и освещает путь идущему.

Так начинались сборы средств.

Архитектор А.А. Семочкин

Эскизный проект был исполнен безвозмездно нашим православным архитектором А.А. Семочкиным. Бригаду строителей возглавил его сын Егор, старший сын Дмитрий был в их числе.

Руководство ОПХ Суйда помогало техникой, бесплатно кормили строителей обедами.

Вспоминая эти трудные годы, порой не верится, что удалось все осуществить именно в 90-х. Помнится случай. Ранней весной 1995 года необходимо было привезти длинные бревна из Сиверского лесничества, не было шаланды, но фискарс погрузчики достали. Размышляю: «Как быть?». Подойдя к своему дому, вижу — стоит именно такая, как нужна. Прошу водителя привезти за 500 рублей. Получаю отказ — мало денег. Почти со слезами еду в Погат, заказываю автомашину за эти же 500 рублей. Приезжает, ругаясь, тот же самый водитель, на той же шаланде. Он в Погате работал. А когда выезжали из леса, у водителя

загорелась электропроводка в кабине. Спасали вместе с хозяином фискаrsa. Большая машина ненадолго вышла из строя. Мистика или наказание?

Стены постройки потихоньку вырастали с Божьей помощью, и это было очевидно. Очень помогал глава администрации Анатолий Алексеевич, сдерживая слово, в труднейшие безденежные моменты подбрасывал по 10 тыс. рублей. Больше не мог, но еще изыскивал «могущих» бизнесменов, которые с его подачи оказывали благотворительность. Среди них Н.П. Ботко, хозяин БИКа; И.Г. Козлов, директор вырицкой фабрики «Узор» и другие. Помогли им всем, Господь! И продли их годы!

Но, когда к помощи подключился акционер «Сургутнефти» Тимченко Геннадий Николаевич, и на счет поступили уже объемные вложения, строительство ускорилося.

Закончили колокольню, притвор.

И можно было приобрести кровельную медь. Перекрытие полов, потолков, лестничных проемов и внутренняя отделка убранства интерьеров церкви — все исполнено на деньги «Сургутнефти».

Радовало то, что не перевелись патриоты в России. И, конечно, они будут всегда. На этом стоит земля Русская!

Появились первые иконы в храме. Их приносили люди в подарок.

Иконостасную преграду заполнили писанными иконами уже в 1998 году. Большую часть из них написал талантливый воронежский художник Новиков Владимир, расписавший несколько храмов Греции.

Гатчинский художник Потеряев Валерий написал Тихвинскую Богоматерь, Спасителя и икону Воскресение Христово.

Смирнов Василий, молодой Питер-

Храм Воскресения Христова

ский художник, «одел» иконами «Дьяконские врата» Архангелами — Гавриила и Михаила.

Так, Всем миром возводился Храм в селе Воскресенское, где были венчаны родители нашего всеми любимого поэта, где крестилась его няня Арина Родионовна, где сейчас живут и трудятся замечательные люди, со своими радостями и горестями, где подрастает новое, талантливое поколение.

А в храме Воскресения Христова несет духовное служение священник о. Сергей Оржаховский, который не гонится за материальными благами и титулами. Главной наградой ему — семеро замечательных деток и уважение

людей, что идут и едут к нему отовсюду помолиться с ним, послушать мудрую проповедь.

И становится человек лучше, и появляется надежда на будущее, когда есть такие люди от Бога в нашем разтерзанном Отечестве.

Священнослужители храма с 1718 года:

Косьма Сергеев -1718-1721 года
Дмитрий Ефимов — 1739-1770 года
Сергий Романов — 1775-1783 года
Симеон Трофимов — 1783-1822 года
Петр Симеонов -1820-1824 года
Симеон Разумовский — 1824-1825 года
Симеон Георгиев — 1825-1828 года
Никита Краснопевков — 1829-1854 гола
Петр Ильинский — 1854-1873 года
Андрей Быстряков — 1873-1899 года
Николай Быстряков — 1899-1944 года (скончался в лагере в 1949 году)
Андрей Крылов — 1944-1955 года
Николай Малинин — 1955 -1956 года
Иоанн Снычев, иеродиакон — 1955-1956 года (позднее Высокопреосвященнейший митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский — 1990-1995 года)
Александр Яковлев — 1956-1959 года
Григорий Юримский — 1959-1964 года
Александр Паничкин — 2000-2010 года (ныне служит в Санкт-Петербурге)
Сергей Оржаховский - с 2010 года

Зинаида Скорнякова

С первых дней передачи Покровского собора православной общине, в нем ни на один день не прекращаются как внутренние, так и внешние работы, чтобы храм приобрел такой вид, каким он был задуман его создателями. Работы ведутся с участием жителей города, многих организаций, всех тех, кому небезразлична наша отечественная история и духовная культура. Сделано достаточно много из необходимого для богослужения. Недавно сняли леса в центральном алтаре собора, что стало давно ожидаемым событием. И не только оттого, что алтарь приобрел законченный вид, но и потому, что росписи написаны очень красиво. Они принесли с собой живое ощущение горнего мира. Сегодня ведутся живописные работы на стенах собора. О росписях храма мы беседуем с председателем приходского совета, иконописцем Геннадием Викторовичем Богдановым.

Геннадий Викторович, расскажите, пожалуйста, поподробнее о росписях алтаря, так как рассмотреть их извне можно только фрагментарно.

— Чтобы воспринимать церковную живопись во всей ее полноте, понимать, что она содержит в себе, человеку необходимо хотя бы немного быть воцерковленным. Первое впечатление входящего в храм, который украшен орнаментами, символами, фигурами святых, что попал в мир красоты и таинственности. Со временем мы проникаемся смыслом богослужения, церковного пения, узнаем жизнь святых, ощущаем их присутствие и помощь.

Г.В. Богданов,
председатель приходского совета,
иконописец

В росписях алтаря смысловая схема построения. В центре алтаря - запрестольный образ Воскресения Христова. Слева и справа - иконы, посвященные двенадцатым праздникам. На них запечатлены евангельские события. Выше композиция «Евхаристия». Слева — в ней причащают апостолов телом Христовым, справа — кровью Христовой. В одном ряду с этой композицией, между окнами, изображены святители: Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Двоеслов, Иоанн Златоуст. Вокруг центральных окон алтаря — орнамент в виде винограда — символа церкви и причастия. Выше мы видим символы четырех евангелистов — Матфея, Марка, Луки, Иоанна (ангел, лев, телец, орел). Почему символы, а не изображения самих евангелистов?

Святитель Николай
Чудотворец

Святой страстотерпец
князь Борис

Святой страстотерпец
князь Глеб

Композиция
«Евхаристия»

Потому что символы раскрывают особенности содержания каждого евангелия. Телец, например, символ жертвенности, лев — царственности. Над ними текст: «Кто исполнит заповеди Мои, пребудет в любви Моей, как и Я исполнил заповеди отца Моего и пребываю в Его любви», говорящий нам о смысле жизни человека на земле. Для помощи в обретении которого Господь все дал человеку: церковь, храм, таинства, как средства для его обожения. Евангельский текст является видимой связью того перехода к видимому и невидимому миру, который изображен символически в верхней сферической части алтаря в виде Духа Святого в образе голубя и в славе Херувимов.

Геннадий Викторович, дает ли сегодня церковный живописный канон иконописцу свободу?

— Канон нужно понимать как посох, помогающий в пути, в движении к цели. Это наиболее оптимальная форма, отражающая духовное содержание. С древних времен в иконах и росписях существуют различия. В них отразилась каждая эпоха. Это говорит о той свободе в рамках канона, которая родила живую икону, а не множество повторяющихся копий. Иконы и росписи появляются не столько с опытом живописным, сколько с опытом церковной жизни.

Приступив к росписям в Никольском приделе, вы написали образ Святителя Николая, а затем Святителей Спиридона Тримифундского и Геннадия Новгородского. Чем обусловлен этот выбор?

— Святитель Николай известен не только как помощник людей, которые обращаются к нему с молитвенной просьбой, но и как столп исторического православия, борец с ересью Ария. Его современник Святитель Спиридон тоже быстрый помощник нуждающимся и защитник православной веры. По сути, они предтечи наших русских святителей, таких как архиепископ Геннадий Новгородский, который в 15-16 веке боролся с ересями своего времени. На горнем месте Никольского придела будет икона Преображения Господня, а в приделе Св. Александра Невского — Воскресения Христова.

В приделе Св. Александра Невского уже появились росписи князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. Какие здесь духовные связи?

— Св. Благоверный князь Александр Невский — молитвенник за Русь, а страстотерпцы Борис и Глеб — первые русские святые князья, причем, очень у нас чтимые. Известно, что во время битвы со шведами было их явление Александру Невскому. Тогда совсем молодому князю удалось разгромить

Алтарь Покровского собора

Роспись алтарной стены собора

профессиональное войско. Это ни что иное, как чудо. Но он славен не только тем, что побеждал на поле брани, сколько тем, что спас православную веру и Русь от инославия.

Небесная, торжествующая Церковь, в соборе представлена также иконостасом. Как следует понимать эти иконы?

— В иконостасе изображены события, которые уже произошли, но они существуют вне времени. Евангелие и Деяния апостолов даны нам на все времена, и все происходящее в них мы вновь переживаем сегодня. Между верующими и святыми, изображенными на иконостасе, устанавливается живое общение, как связь небесной и земной церквей. Они за нас молятся, мы обращаемся к ним, как к ходатаям и помощникам в нашей брани с врагом рода человеческого. Поэтому земная наша церковь называется воинствующей.

Откуда брались тексты, которыми расписан храм?

— В приделах Св. князя Александра Невского и Святителя Николая из их тропарей. В центральном приделе — из тропаря празднику Покрова Божией Матери. В росписи Покрова Пресвятой Богородицы на облаке в окружении святых показаны представители

всех видов святости, от юродивых до князей. На колоннах будут написаны фигуры святых, чьи имена носили подвижники православной веры, которые служили в этом храме.

И последний вопрос: какими красками ведутся росписи храма?

— Учитывая особенности наших стен, здесь самым оптимальным вариантом является художественная масляная краска, которую мы и используем. В богослужении все важно: слово, песнопение, каждение, икона, роспись. Живопись — это язык, который нужно уметь воспринимать сердцем и понимать умом.

Фрагмент росписи купола собора

ЗАПИСКИ ПАЛОМНИКА

Зинаида Скорнякова

ГОРНЕЕ ОТЕЧЕСТВО

Все в жизни чудо! Если человек обладает хотя бы малым опытом духовного зрения. Не иначе, как встречей с чудом можно назвать и мое десятидневное паломничество в Святую Землю.

Ведь даже совершилось оно не потому что я, как говорится, давно мечтала там побывать, а так сложились обстоятельства, что отказаться от поездки было невозможно. Три года назад, защитив в Петербурге кандидатскую диссертацию по физике, уехал в Израиль лучший друг моего сына — Илья. Через какое-то время, он стал настойчиво приглашать нас приехать в Святую Землю. Зов его достигал сердца, но никакого внутреннего движения в том направлении не возникало. Как-то, приехав в Петербург навестить родителей, Илья нас предупредил, что скоро поменяет место своего жительства: из Иерусалима переедет в Тель-Авив, и паломничать оттуда по святым местам будет накладнее. Поняв, что это последняя возможность, мы с моей крестницей Зинаидой стали искать в Интернете дешевые билеты на самолет. Их удалось найти не сразу, но все-таки они нашлись. Все остальное было делом техники. Выкупали их в гостинице «Англетер» на Исаакиевской площади в турфирме «Посошок».

Знакомство с Израилем началось у нас в аэропорту Пулково, когда мы проходили таможенный контроль. Такой ответственной и профессиональной работы по проверке багажа наши глаза давно не видели. То же самое мы наблюдали в ночном рейсе самолета Тель-Авивских авиалиний. Там я впервые в жизни услышала еврейскую речь (модернизированный иврит), которая поразила меня красотой бархатных интонаций и благородством звучания. Вкусным и обильным оказался ужин и

доброжелательной атмосфера в самолете. Лица молодых израильских бизнесменов свидетельствовали, что одна из древнейших на земле наций отлично вписывается в жесткие требования современной экономики. Культурные, внутренне собранные, они спокойно возвращались домой.

Подлетая к Тель-Авиву, мы были поражены безграничным морем разноцветных огней. От их энергетической мощи невозможно было оторвать взгляда. Было понятно, что эта маленькая по размерам страна, живет в полноценном ритме современной цивилизации. На том, как мы нашли маршрутное такси «Нешер», что везет пассажиров среднего достатка из аэропорта Бен Гурион в Иерусалим, можно даже не останавливаться. Все было очень просто. Мы вышли из здания аэропорта, порусски крикнули «Нешер» (так нас научил Илья), и рядом с нами в тот же миг оказался его владелец. Мы вручили ему заранее крупно отпечатанный адрес, а он, посмотрев в него, закивал головой и открыл для нас багажник машины. Примерно около часа мы сидели в маршрутке, слушая по-восточному эмоциональную болтовню местных пассажиров, пока не набралось нужное их количество.

Из маршрутки, летящей по автобану, Святая Земля показалась не столько суровой, сколько аскетичной. Такое впечатление создавали холмы из желто-белого песчаника, покрытые то обильной, то редкой растительностью. Глядя в окно, мы невольно ловили себя на том, что мелькают виды, хотя и незнакомые, но почему-то сердцу не чужие. Ночной Иерусалим был абсолютно пустынным. В белом цвете неоновой освещенности он казался мирно спящим великаном, расположившимся на холмах. У квадратных по форме зданий не было видно привычных для нас крыш. Новым было и то, что в незнакомом государстве и городе

мы с моей крестницей чувствовали себя совершенно спокойно. Было видно, что водитель маршрутного такси развозит своих пассажиров со знанием дела. Наконец мы услышали, что в дорожной болтовне стали упоминать наш адрес. Даже на иврите он звучал понятно: San Hose Martin, то есть улица Святого Хосе Мартина. Попетляв по улочкам, маршрутка остановилась у блочного трехэтажного дома с номером «21», но без названия улицы. Водитель открыл багажник, мы еще раз спросили его та ли это улица, уплатили за двоих заранее приготовленные 40 долларов, услышали в ответ арабское «спасибо» и остались одни на освещенной, но пустынной улице. И только в этот момент мы несколько забеспокоились. Однако, увидев возле лестницы почтовый ящик с номером нужной нам квартиры, сообразили, что добрались туда, где нас ждут.

Трудно объяснить, почему, приехав в незнакомое место, первым делом хочется подойти к окну или выйти на балкон, если он есть. Еще не взошло солнце, и лежащие в утренней мгле холмы Иерусалима показались нам такими, какими они были две тысячи лет назад. То ли природа хранит в себе культуру тысячелетий, то ли смотрели мы на них с трепетом религиозно настроенного человека, вспоминая евангельские события, но нам захотелось молиться. Декабрь там — время дождей. И в день приезда почти половину суток шел сильный дождь, кстати, единственный за время нашего паломничества. На следующее утро запыленные и усталые от засухи деревья и кустарники заметно взбодрились и расправились, оставаясь такими до конца нашего пребывания. Все десять дней мы любовались высоким голубым небом с бегущими по нему тучками, нежились в лучах теплого солнца и жили настроением Вечного города. Так встретила нас Святая Земля.

ИЕРУСАЛИМСКИЕ СВЯТЫНИ

Перед отъездом в Израиль, обсуждая с ближними, какой смысл люди видят сегодня в паломничестве, я

услышала мнение: «Зачем отправляться так далеко, если и на нашей земле есть свои святыни, и она тоже Святая Земля, политая кровью христианских мучеников». Ответ на эту мысль я искала во время всей паломнической поездки. И, кажется, нашла. Однако в начале поговорим о святынях.

На второй день приезда, это была пятница — выходной день в Израиле, Илья повез нас на своем только что купленном автомобиле в Старый город. Мы, разумеется, знали, что Иерусалим основал в X веке до новой эры царь Давид. При сыне Давида Соломоне город разросся и был построен Иерусалимский храм, единственный храм в мире, посвященный в ветхозаветные времена Единому Богу. Знакомство со Старым городом началось возле его могучих белых стен. В настоящем виде они были построены турками в XVI веке. Но камни, из которых они сложены, гораздо древнее. Долго не задерживаясь у входа в Старый город, но тем не менее полюбовавшись на красивые окрестности, мы направились к главной христианской святыне — храму Воскресения Христова (Гроба Господня). На этом месте Иисус Христос был распят, умер и в третий день воскрес. Площадь перед храмом (как и во все последующие дни) была заполнена народом, но особенно много было экскурсантов из южно-африканских государств. Их якобы привозят сюда на средства государств для христианизации. Едва мы вошли в притвор храма, как оказались перед первой на нашем пути христианской святыней — Камнем помазания. Это лежащий на полу удлиненный камень, над которым висят многочисленные лампы. Каменная плита покрывает то место, где в древности находился камень, на котором

тела усопших помазывали маслами и облекали в плащаницу перед положением во гроб. Со всех его сторон, то и дело сменяясь, молитвенно обнимали камень богомольцы разных национальностей. Почти каждый день паломничества посещая это место, мы смогли убедиться, что молитва на камне приобретает особое пламенное качество когда твоя душа напрямую обращается к распятому Христу.

К вершине Голгофы, месту, где Христос был распят и умер, ведет крутая лестница справа от входа в храм. Там под православным престолом находится отверстие, через которое можно прикоснуться к самому голгофскому камню. В этом приделе каждую неделю с четверга на пятницу совершается ночная литургия в память о крестной смерти Спасителя. Переживания, которые испытывает христианский паломник в этом месте его личная тайна, и не поддаются описанию. Трепет, помимо твоей воли охватывающий душу — единственное свидетельство подлинности этих святынь для человека.

Одним из самых важных мест храма, наравне с Голгофой, является Кувуклия, которую в Пасхальную ночь нам показывают по телевидению. Но чтобы хорошо понять откуда ведется трансляция, надо видеть весь храм Воскресения Христова, впитать его религиозную атмосферу и потрогать камни из которых он построен. По-гречески слово «кувуклия» означает «часовню с погребальным ложем». Здесь находился гроб Господень и произошло воскресение Иисуса Христа. К этой святыне в благоговейном молчании нескончаемым потоком идут паломнические группы.

Крестный путь (по-латыни Via Dolorosa) начинается вблизи Львиных ворот, если смотреть на Старый город со стороны Елеонской горы, и завершается храмом Гроба Господня. Библейское название Львиных ворот — Овечьи, так как совсем недалеко находилась купальня Вифезда (Овечья купель), где омывали скот перед жертвоприношением в Иерусалимском храме. Точно не известно, где лежали больные в Вифезде во времена Христа, но именно там совершилось чудо исцеления парализованного человека, о чем написано в 5 главе Евангелия от Иоанна. Несмотря на то, что этот участок неоднократно перестраивался, некоторые постройки сохранились с древних времен. Невозможно равнодушно пройти мимо этого места, где так выразительны руины из местного камня. Именно он лежит в основе красоты израильского пейзажа и современной архитектуры этой страны.

Александровское подворье и Порог Судных врат, который Господь переступал по пути на Голгофу, находятся перед храмом Воскресения Христова (Гроба Господня). Подворье, построенное императорским Православным Палестинским обществом, до револю-

ции одновременно служило гостиницей для высокопоставленных паломников. Как было нам приятно, когда, войдя в подворье, мы нашли там Царскую комнату-гостиную с больших портретов, на стенах которой, смотрели на нас венценосные гатчинские жители - император Александр III, его супруга Мария Федоровна и их сын великий князь Николай Александрович, позже последний русский царь.

В Гефсимании Иисус Христос и Его ученики останавливались для молитвы и уединенного отдыха. Здесь арестовали Господа. Самое почитаемое там место - гефсиманский сад и огромный камень, на котором он молился. В храме, который принадлежит францисканцам, из-за затемненных витражных окон стоит постоянный полумрак, в память о той ночи когда Христос был здесь предан Иудой. В его алтарной части мозаики, изображающие гефсиманскую молитву Христа, поцелуй Иуды и арест Спасителя. В монастырском саду сохранилось несколько старых масличных деревьев, возраст которых, по преданию, около 2 тысяч лет. Как в саду, так и в храме, мы не услышали человеческой речи. Паломники осматривали святое место в полном молчании. Здесь же рядом, буквально через дорогу, находится Гробница Божией Матери - место Ее погребения. Погребальная пещера Богородицы является частью древнего еврейского кладбища, располагавшегося в Кедроне и по склонам Елеонской горы. Спускаясь по длинной лестнице, ведущей в нижний храм Успения Пресвятой Богородицы, вначале видишь две часовни — праведных Иоакима и Анны, родителей Богородицы и праведного Иосифа. Возможно, говорится в путеводителе, в свое время они были здесь погребены, и в таком случае пещера у подножья

Елеонской горы является их семейной усыпальницей. В самой нижней части храма — часовня на месте погребения Богородицы. Внутри часовни саркофаг над камнем, в память Ее погребения. За часовней - большой образ Иерусалимской Божией Матери, пред которым ежедневно совершается православная Божественная литургия. Отсюда мне и моей крестнице Зинаиде не хотелось уходить. Мы молились вместе с паломниками из Греции перед огромной иконой Успения Божией Матери в серебряном окладе. Несколько раз преклоняли колена у места погребения Девы Марии. Покупали небольшие деревянные распятия. Беседовали с продавцами сувенирной продукции, пока один из них — православный серб, вдруг в одно мгновение достал из своих вещей пачку фотографий Иерусалимской иконы и, не глядя, разделив ее на две части, вручил каждой из нас. Каково же было наше удивление, когда, выйдя из пещерного храма на яркое солнце, мы прочитали на обратной стороне: «Благословение святого града Иерусалима». До сих пор посещение Гробницы Божией Матери каждая из нас относит к одному из главных событий поездки в Святую Землю.

Три раза пешком поднявшись на крутую Елеонскую гору, мы побывали в часовне на месте Вознесения Иисуса Христа, у так называемой «Стопочки». Считается, что углубление в камне в центре часовни — отображение последнего шага Спасителя на земле перед Его вознесением. И посетили русский Свято-Вознесенский монастырь (Русской Зарубежной Церкви), где старенькая монахиня из местных арабов Христина, показала нам место I и II обретения главы Иоанна Предтечи. Там же, в Вознесенском храме монастыря, расспрашивая монахиню Нину

о местной иконе «Взыскание погибших», неожиданно узнали, что она когда-то жила в Гатчинском районе на даче в Котельниково и бывала в Мариенбургской церкви, где есть такой же чтимый образ Пресвятой Богородицы. На склоне Елеонской горы мы посетили пятиглавый русский храм Марии Магдалины (Русская Зарубежная Церковь), который стал местом упокоения новомучениц великой княгини Елизаветы Федоровны и ее келейницы инокини Варвары. Их мощи покоятся в мраморных раках со стеклянным верхом по правую и левую сторону от Царских врат иконостаса.

ПОЕЗДКА В ГАЛИЛЕЮ

В том, что жизнь в Иерусалиме налажена чьей-то толковой головой, мы убедились еще раз, когда приобрели путевки в фирме «Атлантис» для поездки в Галилею. Уж очень нам хотелось увидеть Галилейское озеро и место Нагорной проповеди. В 7.30 утра к указанному в путевке месту подъехало маршрутное такси, в котором собрались русские паломники, приехавшие в город трех религий — иудаизма, христианства, мусульманства, как говорят, «своим ходом».

Назарет, где Иисус Христос провел большую часть своей земной жизни до выхода на проповедь, находится примерно в 160 километрах от Иерусалима. Над местом, где стоял дом, в котором жило святое семейство, и где прозвучала Благая весть, воздвигнута огромная католическая базилика. Место жизни Христа, по просьбе католических монахов, паломники созерцают в благоговейной тишине. Между Назаретом и Фавором находится Кана Галилейская, где Иисус Христос сотворил первое чудо, претворил на свадьбе воду в вино. Сюда, на

брачный пир кого-то из родственников или друзей, была позвана Мария, а также Иисус и Его ученики. Как-то глубоко символично, что первое чудо произошло на свадьбе — радостном событии обычной человеческой жизни. И что хорошее вино на ней подали в конце, а не в начале трапезы. Ибо только пройдя весь путь христианского брака, человек приходит к полноте жизни. От Каны до Галилейского озера всего 15 километров. В разговорах, наш Илья называл его Кинерет, такое же наименование мы нашли в Библии. Гора, на которой Господь произнес Нагорную проповедь, примыкает к озеру с севера. Здесь вблизи друг от друга находятся древний Капернаум, где Христос исцелил расслабленного, спущенного в дом друзьями через крышу, Табга — место умножения хлебов, евангельская Магдала — родина Марии Магдалины. Местность вокруг Галилейского озера, то ли потому что не доходят руки, пребывает в своей первозданности. Мы заметили, что в Израиле вообще не склонны строить «потемкинские деревни» и обходятся без излишнего декора. Аскетическая простота подчас дороже рукотворной красоты. Ведь, в конце концов, поездка в Святую Землю — это ни что иное, как внутренняя потребность оживить Евангелие — главную книгу в человеческой жизни. Увидеть собственными глазами места, где люди впервые услышали Благую весть. На вопрос современного человека: «Как получилось, что проповедь Спасителя на Горе блаженств слышали тысячи людей?», — автор путеводителя «Неделя на Святой Земле» православный диакон, преподаватель Иерусалимского университета отец Александр Занемонец отвечает следующим образом: «Ученые считают, что в определенное время года, при определенной погоде,

местный ландшафт может служить естественным усилителем голоса. Этот акустический эффект сродни тому, что имел место в античных театрах: тихий голос человека, стоящего у основания холма, могли услышать тысячи людей, сидящих на его склонах. По той же причине Господь нередко проповедовал с лодки — звук отражался от вод Галилейского озера, и Его голос был слышен далеко вокруг».

Когда мы читаем Новый Завет у себя дома, мы не можем реально себе представить географию евангельских событий. Мне, например, казалось, что Назарет где-то рядом с Иерусалимом, поблизости от них Капернаум... И только приехав в Галилею, стало понятно, что Спаситель исходил пешком всю свою землю, и не один раз. Когда Дева Мария пять дней шла из Назарета в село Горнее (на окраине Иерусалима, где теперь Горненский монастырь Русской Духовной миссии) к своей родственнице Елизавете — матери Иоанна Предтечи, Ей пришлось пройти пешком 160 километров. За XX веков многое на Святой Земле, конечно, изменилось, но осталась та же земля, по которой Иисус Христос ходил, те же небо, холмы и горы, на которые Он смотрел. Здесь евангельские события становятся более реальными. Даже несмотря на то, что в Капернауме, у самого берега Галилейского озера стоит теперь вместо хижины красивый православный храм с красной крышей, в котором несет свое послушание монахи о. Иринарх, а по территории гуляют павлины.

На протяжении всей паломнической поездки нам хотелось разгадать, в чем секрет красоты израильского пейзажа. Куда ни посмотришь: на заброшенный ли участок на склоне Елеонской горы, где среди камней и местного бурьяна растет несколько масличных деревьев,

на аллею пальм у Старого города, или на расстилающееся внизу ущелье у Горненского монастыря — везде встречаешься с ее величием Красотой и какой-то первозданной гармонией природы. И догадываешься, что Красота эта не столько дело рук человеческих, сколько какой-то божественный промысел. Ведь в такой первозданной красоте, созданной Богом, пребывали люди до своего изгнания из Рая. В России Красота живет в придворцовых и старинных парках, в небе русского Севера, и в отдельных уголках сельского и городского пейзажа. А в Святой Земле всюду, куда не обратишь свой взгляд. В Израиле заботятся о том, чтобы страна была привлекательной, и что важно, обязательно в национальном колорите. Красота Святой Земли, пришли мы к выводу, порождена тем, что именно там воплотился Иисус Христос Сын Божий, там, на Кресте, совершилось спасение человеческого рода, и для каждого из нас открылась перспектива Вечной жизни.

Фото: Зинаида Скорнякова, 2011 г.

ИНГЕРМАНЛАНДИЯ

*Ингрия, Ингрия — в сумраке сером,
В топях израненых древних дорог.
Снова Адвентом негаснущей веры
В тихом окошке горит огонек.*

А. Деконская

Павел Крылов

Каждый год Биргитта Магнусдоттер начинала ждать сегодняшний день за-долго. Какое счастье было для тринадцатилетней девочки смотреть на то, как ее отец, фогт Абосского замка Магнус Юханссон в сопровождении вооруженной стражи, разодетых в шелк и бархат всадников и трубачей с их огромными и зычными фанфарами, объявит на рыночной площади о наступлении Рождественского мира. Его голос сменится звоном колоколов Домской церкви и радостными криками жителей Турку и многочисленных приезжих, собравшихся в город на предпраздничную ярмарку Святого Фомы и еще не покинувших торговый город. С сегодняшнего дня все торговые сделки будут запрещены на целых двадцать дней, посему до того многие желали как следует запастись свежим мясом, черными кровяными колбасами, добрым пивом, а кто побогаче — душистым новгородским медом и приятным на вкус вином, что загодя, до осенних штормов, в изобилии привозили в Турку купцы из Мекленбурга и Померании, из немецкой Ганзы, Англии и Фризии. Наблюдая за своим отцом со стороны, с высокого помоста для высоких обитателей замка и не менее высоких гостей, из нарядной толпы жен и детей первых лиц всех шведских владений по эту сторону Ботнического залива, Биргитта наполнилась гордостью. Ей казалось, что и она причастна тому триумфу, в центре которого был фогт Магнус. Потом в замковой часовне будет служба, а за ней — в просторном королевском зале

— щедрое угощение. Несмотря на пока еще продолжающийся Адвент — пост в ожидании Рождества, — не только она, но, похоже, и все окружающие, мыслями уже были там, когда уже минуют несколько последних тягостных и томительно-сладких часов ожидания, остающихся до наступления праздника.

Впрочем, в этот год в душе Биргитты уже довольно давно поселилось нечто новое и доселе неизведанное. Ей начало казаться, что настоящее Рождество где-то там, в толпе, отделенной от их помоста цепью вооруженной стражи. Недаром, слышала она от отца Андреаса, дворцового капеллана, Господь Иисус родился в бедном хлеву, где не было даже простого очага, лишь бык и осел согревали его своим теплым дыханием. Не во дворце Ирода, который был, наверное, побольше и побогаче их замка в Турку.

И у нее созрел план. Биргитта подговорила свою подругу Анникки, дочь замкового оружейника Бенгта, найти ей одежду попроще и проводить по рождественскому Турку.

Покинуть замок в ранних декабрьских сумерках, смешавшись с толпой гостей, возвращавшихся с дворцовой мессы, на которую в этот праздничный день звали не только господ-соседей, но и многих верных слуг фогта и его офицеров вместе с семьями, оказалось совсем легко. Биргитта шла быстро, почти бежала, подгоняемая пьянящим ее чувством свободы, так что спутница едва-едва поспевала за ней. Вдоль берега Ауры, на площадях и около

церквей былолюдно. Богослужения только-только заканчивались, и народ неторопливо, радуясь встрече и под разговоры, расходился по домам. Обрывки этих бесед доносились до нее, и она жадно их ловила — о чем говорят те, кто живет в неведомом ей мире. По большей части они были ей непонятны, таинственным казался сам язык, которого не знали ни в семье фогта, ни в Абосском замке.

— О чем они? — то и дело спрашивала она у Анникки.

Дочь оружейника отвечала невпопад, очевидно, не в силах ухватить хотя бы одну из многочисленных нитей:

— Обо всем и ни о чем..., — о разном...

Биргитта улавливала звучащие в речи окружавшего их люда слова «Мауну» или «Мауну Юссинпойка». Так народ по-своему называл ее отца-фогта. Что они говорят? Гордятся им? Его справедливостью, величием и мужеством на службе славного короля Эрика? Или открыто ругают его, пользуясь тем, что никто из тех, кто держит их в повиновении, не удосужился изучить их говор? Славят ли они Господа или, как уверял отец Андреас, все они язычники и колдуны, поклоняющиеся Укко-громовержцу и читающие заклинания идолам со странными именами Вайнемуйне и Илмоллине? Магнус Юханссон ежегодно отправлял на костер несколько наиболее свирепых и вредоносных ведунов и ведьм по приговору епископского капитула. Еще несколько десятков получали прощение за их занятия чародейством после прилюдного покаяния на площади перед Домской церковью. Помянутый дворцовый капеллан, в свое время отучившийся в университете Упсалы, не верил в искренность их покаянных слов, и сетовал фогту, что епископ проявляет к варварскому народу ни-

чем не оправданную мягкость. «Как можем мы ими править, если не понимаем ни слова в их наречии» — сомнения зародились в душе Биргитты, и ей еще сильнее захотелось узнать, про что говорят вокруг. И она с удвоенной энергией стала теревить Анникки.

— Видишь женщину в лохмотьях с ребенком на руках, — ответила дочь оружейника, — это Марит, вдова Юсси, который погиб в Ландскроне, сражаясь с лихими ижорскими разбойниками и их новгородскими хозяевами за короля Эрика. Она говорит, что фогт забыл про ее мужа.

Анникки говорила нехотя, словно извиняясь за сказанные ею слова, явно неприятные для ушей Биргитты. Но та просила ее продолжать.

— Посмотри направо, только осторожно, не привлекай внимания, — шептала Анникки, — вот тот пузатый мужик в серой котте, делится с друзьями ругательным стишком, дескать «ложь и злоба миром правят, славят зло, а право — травят, мертв закон, убита честь, непотребных дел — не счесть, заперты, закрыты двери к чистоте, любви и вере, мудрость учит в наши дни: «Укради и обмани». «Выйди, милый, на дорожку, я тебе подставлю ножку, — ухмыляется ханжа, нож за пазухой держи. И Господень Сын у нас вновь распят в который раз».

Биргитте вспомнились слова, что доводилось ей слышать дома: «Что людям ни делай — никогда для них хорошим не будешь». Но этому голосу словно откуда-то извне отвечал другой: «А много ли мы хорошего сделали людям?»

Тем временем, вошедшая во вкус дочь оружейника продолжала:

— Здесь хвалятся добрым урожаем прошлого года, здесь сетуют на болезнь скота и проклинают ведьму, наславшую на коров калму, там ра-

дуются за сына, выучившего латынь и ставшего большим человеком, священником в Улеаборге, а там хвастаются удачными покупками на предрождественской ярмарке и поносят власти за высокие налоги. Все как всегда...

...Рождественской ночью Биргитта не могла заснуть, вспоминая увиденное и услышанное в городе. Может ли она чем-то помочь этим людям? Сделать этот мир хотя бы немного лучше и справедливее... Для начала она решила упросить Анникки научить ее понимать их речь, чтобы узнавать их нужды и о них молиться.

Когда через немного лет другая Биргитта, Биргитта Биргертсдоттер основала в Надендале или, как говорили многие в округе — Наантали,

новую женскую обитель, дочь фогта стала одной из сестер, приняла обет и служила в монастырской больнице. Финские знахарки доверяли ей, вполне овладевшей к тому времени их языком, секреты лечебных трав, которые отныне без всякой опаски росли под защитой Церкви в монастырском огороде. Фогт Магнус Юханссон к увлечению своей дочери отнесся даже с радостью. Наперекор расхожей народной мудрости, его дочь ведь не стала вором для родного дома — семья хорошо сэкономила на ее приданом, а благочестивая жизнь благородной девушки в стенах обители только добавляла фогту народной любви и уважения людей Церкви...

Геннадий Михеев

Финская земля

Здесь финская земля,
Захваченная в прошлом,
Хранит преданья в памяти людей.
И финны, вспоминая о хорошем,
Несут свои реликвии в музей.

Когда-то здесь то русские, то шведы,
Гремя доспехами, вели за финнов спор,
Решая сквозь кровавые победы,
Какой им нужен здесь наместник-вор.

А финны — самый мирный из народов,
Из-под Москвы когда-то уходили,
Но даже в Ингрии не дали им свободы,
На Север они крайний угодили.

Но помнят и Кобралово, и Суйду,
Другие чтят заветные места,
И никогда здесь предков не забудут,
В молитвах вспоминая их всегда.

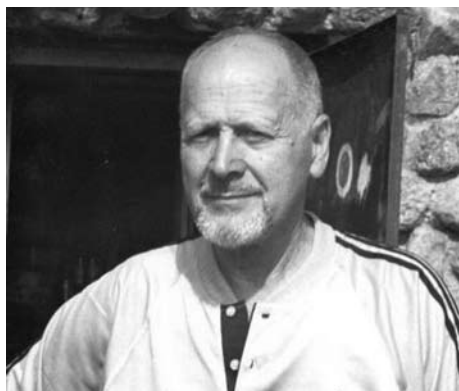
ЛЮДИ ИСКУССТВА

Видеть и чувствовать — это быть, размышлять, жить...

У. Шекспир

ВАЛЕРИЙ ШЕВЧЕНКО: «СКУЛЬПТУРА ПРОДОЛЖАЕТ МОЮ ЖИЗНЬ»

Зинаида Скорнякова

19 июня 2012 года для гатчинского скульптора Валерия Шевченко — день двух юбилейных дат. Он отмечает 75 лет со дня рождения и 50 лет творческой деятельности.

Каждый, кто проходит по центральной улице Гатчины — проспекту 25 Октября, хотя бы на короткое время задерживает свой взгляд на красивом и строгом бронзовом барельефе, изображающем русского живописца Федора Васильева. Для тех, кто не знает имени автора — гатчинского скульптора Валерия Владимировича Шевченко — это, может быть, просто художественная мемориальная доска. А те, кто знаком со скульптором, понимают, как точно в ней отразилась личность самого ваятеля.

Валерий Владимирович родился далеко от Гатчины в г. Душанбе в семье военнослужащего — железнодорожного строителя. «С семьей исколесили всю, — вспоминает он, — азиатскую часть нашей страны: Средний Урал, Зауралье, Центральную Сибирь, Забайкалье, Монголию, Дальний Восток. В ряды Советской армии меня призвали в Зауралье, а служить отправили в Уссурийск. После армии работал на Курганском машиностроительном заводе

токарем, на станке перевыполнял норму, и был активным комсомольцем, членом заводского бюро. В школьные, армейские и заводские годы все свободное время занимался рисованием и лепкой. В 1962 году вырезанная из дерева моя композиция «Песня трех континентов» была вручена от комсомольцев Зауралья молодым коммунистам Кубы на фестивале молодежи в Хельсинки. В 1963 году переехал жить и работать в Ленинград и во Дворце культуры им. Кирова стал заниматься в студии лепкой, а в 1965 году поступил на скульптурное отделение Ленинградского художественного училища им. Серова. И в этом же году переехал с женой и годовалым сыном в Гатчину».

Валерий Шевченко уже 47 лет живет и работает в Гатчине. За это время изменился не только облик города, в культурном формировании которого он принимал самое живое участие. Изменился он сам. Неизменным осталось только его отношение к городу. В юбилейной декоративной керамической вазе «Гатчине-200 лет» он впервые создал его обобщенный образ. Скульптор поместил Гатчину на сферическую форму, напоминающую земной шар, вылепил ее архитектурные и пейзажные мотивы. Столь выразительный пластический гимн городу мог создать только человек, крепко связанный с ним творческой судьбой.

В Гатчине у скульптора появилась своя первая мастерская в доме на ул. Карла Маркса. «Уже будучи студентом скульптурного отделения ЛХУ им. Серова, я хорошо знал, — вспоминает Валерий Владимирович, — что загадочным словом скульптор называют человека, который умеет не только рисовать и лепить, но и работать с материалами: глиной, камнем и металлом. Профессиональная работа в Гатчине началась для меня с рубки тек-

стовых мемориальных досок, с создания рельефов и бюстов, а также с разработок моделей памятников. В 1967 году для городского Краеведческого музея молодой скульптор вылепил гипсовый портрет гвардии майора, кавалера 4-х орденов Красного знамени летчика-гатчинца Г.И. Матвеева и бюст большевика Кузьмина. Военная и революционная тематика в те годы была самой насущной, хотя время уже настойчиво предлагало новые темы.

В 1970 году в стране отмечали 100-летие А.И. Куприна. Писатель-гатчинец был выбран темой дипломной работы молодого скульптора. Вскоре в городе торжественно открывали первую мемориальную доску с бронзовым барельефом писателя. Одновременно Валерий Шевченко создает памятную юбилейную медаль, посвященную А.И. Куприну, которая была взята в экспозицию I Всесоюзной выставки медальерного искусства в Москве, а затем экспонировалась в Государственном Эрмитаже и во многих городах страны и за рубежом. Признание и успехи в жанре монументального рельефного портрета способствовали большому творческому подъему. Скульптор устанавливает в городе еще несколько памятных досок с барельефами С. Рошалья и П. Солодухина, а несколько позже Ф. Васильева. Вместе с ленинградским скульптором А. Мокшиным работает над созданием двух барельефов и эмблемы в ПТУ-38, лепит в соавторстве с Г. Мироновым изящный горельеф из шамота и две декоративные вазы в ателье «Элегант». Однако жизнь художника принято измерять не столько количеством работ, сколько вехами художественного развития.

70-е годы для Валерия Шевченко — время творческого дерзания и накопления профессионального опыта. Он несколько раз уезжает из Гатчины в творческие командировки. В среднеазиатский город Навои его пригласил поработать талантливый ленинградский скульптор Борис Свиньин. И он оставил в этом городе свои произведения — декоративную композицию «Ритоны», эмблему города и декоративные маски. Главным результатом его поездки в Среднюю Азию можно считать откры-

тие и закрепление в творческом арсенале традиций и опыта декоративной пластики. Он привез оттуда работы восточной фольклорной тематики, различных «Драконов» и «Дивов», одновременно открыв для себя славянский языческий фольклор и русскую народную игрушку. Этот художественный багаж станет в дальнейшем основой его педагогической работы.

В 80-е годы «второе дыхание» обретают у гатчинского ваятеля скульптурный портрет и рельефная миниатюра (медаль). На II Всесоюзной выставке в Москве его медаль, посвященную восстанию Пугачева, приобретает Министерство культуры СССР. В последующие годы им создано около 30 произведений медальерного искусства, среди которых — медаль летчику Нестерову, Ганнибалу, Набокову, Штраусу, Пушкину и няне. Два бронзовых бюста — герою Советского Союза В.Н. Гречишкину и кавалеру ордена Славы М.М. Панкову, установленные на городском кладбище, можно назвать серьезной удачей крупной формы — классического скульптурного портрета. Созданные ранее два других замечательных произведения — «Портрет отца» и мраморный женский портрет «Машенька» предвещали эту удачу и уже несли в себе важнейшие пластические элементы монументальной формы. В конце 80-х годов Валерий Шевченко завершил работу над скульптурным портретом А.И. Куприна, а в 1990 году бюст был переведен в бронзу и установлен перед зданием Центральной городской библиотеки. В образе Куприна, над которым он

работал более 20 лет, в напряженной и мощной форме ему удалось передать не только могучую натуру русского писателя, но и состояние спокойного творческого раздумья. Памятник воспринимается как торжественный пластический аккорд, напоминающий согражданам о величии творческих характеров.

В 90-е годы скульптор продолжает работать над портретной галереей деятелей русской культуры. Создает портреты П. Щербова, А. Майкова, К. Ушинского, трех гатчинских архитекторов — Н. Львова, А. Ринальди и В. Бренны. Заканчивает портреты А. Ганнибала и А. Пушкина (гранит), начинает резать в дереве (береза и липа) серию портретов великих русских писателей — Лермонтова, Достоевского, Толстого, Чехова, Гоголя. Работает с искусственным камнем (бетон), вкрапляя в него кусочки гранита, и создавая в этом пластическом варианте Русалочку, Лешего, Котище, Избушку на курьих ножках, а также большую композицию «Годы». «Многие годы занимаюсь скульптурой, — делится Валерий Владимирович, — я от нее не устал, а наоборот, она продолжает мою жизнь. Без нее я не могу жить. Утром прихожу в мастерскую и радуюсь. Ставлю чайник, и начинается работа. Все происходит без выходных и отпусков. Я рассчитываю, что адресат есть. Как показало время, работы находят свое место на Гатчинской земле. У скульптуры есть преимущество относительно других видов искусства — долговеч-

ность. Через 2-3 тысячи лет, находясь в помещении, она не потеряет своего цвета, в отличие от живописи. Она разговаривает с потомками и через 1000 лет. Классическое искусство было и остается прекрасным, а русская школа скульптуры 18-19 веков за основу взяла именно классическое искусство».

Бронзовая скульптурная композиция «Арина Родионовна», установленная в селе Воскресенском, создавалась Валерием Шевченко в 2007-2009 годах к 250-летию няни поэта. Это прямое продолжение Пушкинской темы ваятеля, о чем свидетельствует тот факт, что начинался замысел с небольшой скульптурной композиции «Благословение», которую задолго до этого гатчинцы впервые увидели на выставке в кинотеатре «Победа». Осенью 2009 года Валерий Шевченко повез модель в Солнечногорск, где ее отлили в творческой мастерской известного московского скульптора Рукавишникова. На наш вопрос, откуда у него такая любовь и преданность русской культуре, Валерий Владимирович ответил такими словами: «Как культурная столица России Ленинград - Петербург не только научил меня лучше рисовать и лепить, но и привил хороший вкус и патриотизм, чтобы любить нашу историю и культуру».

КАК «СОЗДАВАЛАСЬ» «НЯНЯ» ПОЭТА

Авторская зарисовка

Валерий Шевченко

Все начиналось с наброска «Благословение». Эта небольшая скульптура в числе других работ была показана на персональной выставке в кинотеатре «Победа» в 1996 году. Я вылепил в пластилине, затем перевел в гипс композицию, где изображалась женщина-крестьянка, склонившаяся над кудрявым мальчиком. Малыш был узнаваем, вещь у большинства зрителей вызывала добрую улыбку, а у меня стала крепнуть мысль для более серьезной разработки этого титанического замысла. Где должен быть памятник, вопроса не стояло, либо в Кобрينو, либо в Суйде, а может быть и в Гатчине...

Выставка продолжалась около двух лет. Однажды в кинотеатре состоялись выступления экстрасенса и народной целительницы Дарьи. После одного из сеансов я попросил Дарью взглянуть на «Няню поэта». Подойдя к скульптуре, она сделала рукой круговое движение, повторила его еще несколько раз и сказала мне: «Хорошая работа, ее осуществите, она у Вас получится!».

Как человек, достаточно проживший и повидавший (мне было уже 60), я к похвале и комплиментам относился спокойно и настороженно. Однако эти слова довольно твердо врезались в сознание. Через 12 лет я понял, что это пророчество доброе и чудесное.

Создавалась «Няня» совсем непросто. Я расскажу об этом как-нибудь поподробнее. А сейчас скажу, что работа осуществилась благодаря настойчивым и решительным действиям: начальника отдела культуры администрации Гатчинского муниципального района Антонины Максимовны Качаловой (в то время), депутата ЗАКСа Ленинградской области Виктора Анатольевича Ворогушина и доброго волшебника — писателя-сатирика, драматурга — Михаила Николаевича Задорного. Я глубоко благодарен всем, кто помогал создавать нашу «Няню», Я горжусь тем, что причастен к работе, где изображен наш Гений и его Великая няня. Первая няня России!

ОТ ПИОНЕРСКОГО ОРКЕСТРА ДО ВЕЛИКОРУССКОГО

Александр Митенев

УВЕРТЮРА

Мастро Патрикеев

«Осенью 41 года впервые услышал балалайку, — вспоминает Борис Федорович Патрикеев. — Гатчина захвачена фашистами. Голодно, холодно, страшно... Жили мы на Детскосельской, 5. Мне 9 лет. Сажу дома, и вдруг во дворе зазвучала удивительная музыка: там собрались какие-то ребята, и один из них играл на балалайке.

Я с замиранием сердца слушал, но не мог выбраться из дома и подойти к музыканту поближе, потому что ... мне не во что было обуться...»

КАК ПРОЙТИ В БИБЛИОТЕКУ?

«1945 год. Победа. Этим все сказано, — продолжает Патрикеев. — Я ученик 5-й школы, что находилась на ул. Чкалова рядом с 4-й школой. Первое, что я спросил, придя на занятия: «Где в школе библиотека?» Мы, послевоен-

ные, очень хотели учиться, записывались в различные кружки, много читали. Я серьезно увлекался морским моделированием.

Однажды, когда я выбирал книгу в школьной библиотеке, услышал, как за стенкой, в соседнем классе, заиграл оркестр. Так произошла в моей жизни еще одна встреча с балалаечниками, которая и определила всю мою судьбу».

Руководил ансамблем Георгий Петрович Борисов, замечательный музыкант, еще до войны преподававший в гатчинской детской музыкальной школе, организованной Дмитрием Петровичем Губаревым в 1929 году.¹ Вернувшись с фронта, Георгий Петрович стал возрождать музыкальное образование детей в Гатчине. После войны в нашем городе, разрушенном фашистами, заниматься было негде, поэтому Борисов собирал учеников у себя дома, и музыканты репетировали на веранде. Руководители Гатчины принимали все возможные в то трудное время меры для организации детской учебы: в 1946 году открылся дом пионеров и при нем детская музыкальная школа в доме №51 на ул. Чкалова².

Вот что я нашел в газетной подшивке «Гатчинской правды» от 11 октября 1947 года:

¹ Очерк о создании школы Д.П. Губаревым помещен в новой книге А.А. Митенева «Гатчинские истории: дома, люди, судьбы»

² Судьба дома печальна: он сгорел в результате поджога

«Новая группа юных музыкантов»

«Вечером в кабинете директора городского дома пионера и школьника т. Борисова собралось много ребят — мальчиков и девочек, изъявивших желание обучаться игре на струнных инструментах. Состоялось первое собрание по организации новой группы юных оркестрантов. Руководить группой будет один из старейших педагогов Гатчины Лев Ириархович Соколов, с 47-летним стажем работы в области музыкального образования детей. Между будущими юными оркестрантами распределены инструменты — домры, балалайки.

Детям предоставлена возможность брать их на дом, чтобы в свободное от домашних уроков время заниматься музыкальными упражнениями. Дом пионера и школьника обеспечит их также нотами и струнами. Младшая группа оркестра народных инструментов будет насчитывать до 80 юных музыкантов». О. Сергеева

Г.П. Борисов и Л.И. Соколов с юными музыкантами в доме пионера и школьника на ул. Чкалова, 51

Директором дома пионеров и музыкальной школы назначили Борисова, а оркестром народных инструментов стал руководить старейший гатчинский

музыкант Соколов Лев Ириархович,³ у которого юный пионер Патрикеев постигал искусство игры на мандолине, купленной мамой для занятий сына. Вскоре Лев Ириархович доверил Борису домру. Желających учиться музыке и играть в оркестре было много.

ТАЙНА ТРЕХ СУНДУКОВ

Улица Чкалова, 51. Детская музыкальная школа и дом пионеров

Музыкальная школа и кружки ДПШ размещались на первом этаже. На втором — жилые квартиры. Оркестру струнников приходилось рассаживаться потеснее, потому, что кружков было много, а места мало. Рядом со входом в дом была дверь, ведущая в некий секретный чулан, в котором, как рассказывали всезнающие мальчишки, пылились огромные сундуки. Догадки множились, пока тайну не раскрыл директор Борисов. Первыми узнали о содержимом сундуков ученики из оркестра народных инструментов. Вспоминает Борис Федорович Патрикеев: «Георгий Петрович поднимал крышки кованых сундуков и передавал нам в руки красивейшие... балалайки, домры.

³ Л.И. Соколов (1873-1956 гг.) выпускник Санкт-Петербургской академической капеллы, ученик Н.А. Римского-Корсакова.

Музыкальная школа стала обладательницей около ста инструментов для русского оркестра! Причем, инструментов великолепных. Такой бесценный дар Гатчина получила благодаря Георгию Петровичу Борисову: он убедил руководство Ленинградской консерватории передать инструменты отдела народной музыки, работа которого после войны не возобновилась, именно Гатчинской детской музыкальной школе.

Среди консерваторских инструментов оказались шедевры, изготовленные самим Иосифом Игнатьевичем Галинисом, который входил в тройку лучших мастеров России вместе с Налимовым и Зюзиным. Сколько же хороших музыкантов-народников выросло в Гатчине и районе, обучаясь играть на таких раритетах!»

Теперь стало понятно, почему в заметке старой газеты 1947 года говорится о 80 учениках, получивших балалайки и домры.

СПАСИБО ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ ЗА НАШЕ СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО!

В 1947 году Борисов добивается решения горисполкома о предоставлении нового помещения для Гатчинской детской музыкальной школы и Дома пионера и школьника. Этим новым помещением стал Приоратский дворец. Павел Петрович дворец строил для рыцарей Мальтийского ордена. Могли ли он подумать, что через 150 лет дворец достанется маленьким рыцарям Музыки, юным артистам, авиамоделистам, радистам! О таких профессиях при Павле I и не догадывались.

Просторные залы, отличная акустика. Мастерство музыкантов росло на глазах. Были выступления не только в Гатчине, но и поездки на конкурсы, выступления перед ленинградца-

Приоратский дворец

Хозяева дворца. Патрикеев сидит третий слева

ми, была радость побед. Сменивший Соколова руководитель оркестра с удивлением убедился, что ребята способны разучить I симфонию Шуберта. Она была с блеском исполнена во Дворце пионеров им.Жданова. Такой фундамент под будущие результаты оркестра заложил Соколов.

...После 1947 года Лев Иринархович в музыкальной школе не преподавал. Это в наше время храмы посещают первые лица государства, а раньше органы с поповщиной боролись. В ОБЛОНО (областной отдел народного образования) дознались, что Соколов служит регентом церковного хора, и ему предложили выбрать одно из двух:

или преподавать в детской школе, или руководить хором в храме. Маэстро выбрал второе...

ЧЕМУ БЫТЬ, ТОГО НЕ МИНОВАТЬ

Боря Патрикеев играл в оркестре и строил морские корабли, правда, ходили они только по гатчинским озерам, потому, что были только моделями настоящих. Сам плавал на шлюпках в звании капитана команды ДСОиФ (добровольное общество содействия армии и флоту). До плавания на настоящих кораблях оставалось совсем немного — Боря уже прошел призывную врачебную комиссию, но — председатель комиссии оказалась его лечащим врачом. Она знала, что легкие у мальчика слабые. С мечтой о море пришлось расстаться. Друзья из оркестра после окончания музыкальной школы поступали в музыкальные училища, но насчет Бори на семейном совете решили: в роду музыкантов не было. Надо учиться серьезному делу.

Так в 1949 году Патрикеев стал студентом техникума. Год учебы с ежедневными поездками в Ленинград (в шесть утра туда - в шесть вечера оттуда) так сказался на здоровье, что Борис оказался в больнице. Подвели опять легкие. Пришлось техникум оставить. Поступил на гатчинский завод № 157, что у Балтийского вокзала. При заводе был клуб. Однажды мастер, узнав, что Патрикеев раньше занимался музыкой в доме пионеров, пригласил Борю на репетицию оркестра при заводе.

Вспоминает Патрикеев: «Иду на репетицию с таким апломбом — рабочие, мол, развлекаются вечерами, а я-то ведь занимался у самого Соколова! Открываю я дверь, и первый, кого я вижу — Лев Иринархович Соколов! Он руководитель оркестра!

Сажусь играть партию домры — и чувствую — плыву! Уровень оркестрата о-го-го! Лев Иринархович, почувствовав мое смущение, поставил меня на контрабас. Дело пошло. В составе оркестра были лучшие струнники Гатчины, причем, некоторые музыканты — еще из довоенных учеников Соколова. Приезжали и ленинградцы. Оркестр пользовался большим успехом. Много выступлений перед гатчинской публикой, перед жителями района и области».

НА ЧУЖОЙ КОБЫЛЕ В РАЙ ВЪЕХАТЬ

И в наши дни среди музыкантов встречаются Сальери. Великими музыкантами им не бывать, но великих они травят, как и в былые времена. После ухода Соколова из музыкальной школы появился пришлый руководитель. Фамилию не называю. Начинается на А. Три года его работы — и оркестр юных музыкантов зачах. Божья искра пропала...

...Наступил 1953 год. Гатчинский оркестр русских народных инструментов (помните, клуб завода № 157?) под руководством Льва Иринарховича Соколова готовится к заключительному республиканскому смотру коллективов художественной самодеятельности. Оркестр уже в финале смотра. Вот рассказ Патрикеева: «Незадолго перед нашим выходом на сцену ленинградского ДК им.С.М.Кирова к Соколову неожиданно подходит А., тот самый, который развалил детский оркестр после ухода Соколова из школы, и предлагает объединиться: пусть его хор выступит вместе с соколовским оркестром. (То есть, — «вы играйте, мы вам подпоем», а потом получим вместе звание лауреатов!)

ШТАБ РЕВОЛЮЦИИ БДИТ

Соколов благодарит за честь и вежливо отказывается. Дает последние наставления музыкантам, подбадривает. Такое ответственное выступление! Результат годичной подготовки к смотру.

Неожиданно появляется распорядитель и заявляет, что оркестр снимается со смотра. Без объяснений. Потрясенные музыканты и Лев Иринархович выводятся из дворца. Позже все прояснилось: оказывается, Сальери с фамилией на букву А. побежал к администратору и оттуда позвонил в Смольный! Так, мол, и так, церковный регент собирается выступать на заключительном этапе смотра всероссийского, того и гляди — победителем станет!

Реакция из Смольного молниеносна: — «СНЯТЬ!». Слава богу, что это был уже 1953-й, а раньше-то могли и расстрелять!

А все-таки они выступили! Правда, не на республиканском смотре, а по Всесоюзному радио: к Соколову подошли представители радиокомитета, слушавшие оркестр в предыдущие дни, и предложили запись для трансляции на всю страну. Говорят, что письма потом отовсюду на радио приходили восторженные.

НАПУТСТВИЕ МАСТЕРА

Патрикеев: «Я снова серьезно заболел. Опять больница. Пришлось с завода уйти. В эти дни мне Лев Иринархович сказал: — Боря! Тебе надо учиться музыке дальше. Ты способный парень! Это стало для меня своеобразной путевкой в жизнь.

Мой путь в музыкальное училище им. Мусоргского лежал через вечернюю музыкальную школу на Некрасова, 5. Педагогом моим был Захар Иванович

Ставицкий. Легендарная личность. Блестящий струнник. На последнем году учебы в школе Ставицкий мне предложил занять его место преподавателя в музыкальной школе им. Римского-Корсакова. Так я, будучи учеником одной школы, преподавал в другой!»

ГДЕ РОДИЛСЯ — ТАМ И ПРИГОДИЛСЯ!

«Отец мой, Федор Тимофеевич, и мама, Анна Яковлевна — оба они с Рязанщины. Мама родилась 12-й в семье. У деда было крепкое хозяйство без батраков. Зато дети все работали. Еще дед прославился выведением ценной породы овец, дававших замечательную шерсть. Получил на сельскохозяйственной выставке большую серебряную медаль. Занялся выведением новой породы лошадей, однако ему помешали. Но не конкуренты помешали, а борцы за «светлое будущее». В 31-32 годах началось в крае раскулачивание. Заявились и к деду. Царское серебро искали, наверное. Слух-то прошел, что привез дед с ярмарки серебро. Так или не так было, но арестовали его, и пропал дед в Сибири.

Мама к этому времени уже вышла замуж. Отца забрали на срочную. Он служил на фортах Финского залива. А в Гатчине жил дядя мамин, Дмитрий Зотович Усов, ветеран полка охраны Гатчинского дворца. К дяде мама и приехала из разоренного дома. Сюда вернулся и отец. А в 1933 году появился на свет я».

Борис Федорович продолжает рассказ: «Прошло четверть века. Мне 25 лет, и я — преподаватель музыки в родном городе! Случилось просто: когда ко мне пришли из Гатчинского педагогического училища и предложили взять класс, я согласился. Эти

годы не пропали даром: струнный оркестр училища стал прилично играть и выступать в концертах. А я в 1960-м году поступил в консерваторию. На третьем курсе позвали преподавать в Институте культуры дирижирование. Вот уже сорок девять лет я педагог в этом учебном заведении, теперь именуемым Санкт-Петербургским университетом культуры и искусств».

КАК ПОПАСТЬ В ДОМ КУЛЬТУРЫ?

Борис Федорович продолжает: «Осень 65-го. Позади учеба в консерватории. Дома ждет меня записка от Ладзина Василия Даниловича из ДК с просьбой прийти на репетицию их струнного оркестра, готовившегося к фестивалю, посвященному 50-летию советской власти. Заключительный концерт предстоял в театре оперы и балета им. Кирова (Мариинке). Гатчинские музыканты помнили, что я раньше

играл на домре, вот и позвали. Они не ведали, что я уже стал самостоятельным дирижером. Пришел. Сел скромненько. Оркестр при ДК большой, человек 30. Чувствую, что сыгранности у коллектива не хватает, тем более, что оркестр репетирует без дирижера, а произведение выбрано серьезное, разноплановое, технически сложное — «Коробейники» В. ителя.

В зале ДК на репетиции присутствует «высокая» комиссия. Комиссия игрой недовольна. Нам дали еще час на подготовку. Через час снова предстанем перед комиссией, и если не сыграем хорошо, то Гатчину с фестиваля

снимут. Мы удрученными вернулись в студию, вдруг входят заведующие городским и районным отделами культуры Бондаренко и Пиняев. Ведут за собой упирающегося Федора Федоровича Савина (все музыканты Гатчины знают и уважают Федора Федоровича, руководившего в те годы детским оркестром аккордеонистов, лауреатом 1957 года). Федор Федорович отнекивается, пытается объяснить, что он не струнник, но начальство непреклонно:

Гатчинский оркестр русских народных инструментов.
За дирижерским пультом Борис Патрикеев

«Вот ваш новый дирижер!» Тут растерянный взор Савина, пробежав по рядам оркестрантов, останавливается на мне, сидящем в заднем ряду: «Так вот же ваш дирижер!», — и указывает пальцем на меня.

Дело в том, что Федор — мой давнишний друг. Конечно, он знал, что я окончил консерваторию и уже готовый дирижер, о чем не догадывались пригласившие меня поиграть.

«Так тому и быть!», — изрекло руководство, и я занял место дирижера. ... Прошел час. Мы снова предстали перед комиссией. Нас утвердили. Через несколько дней состоялся концерт. Мы

стали лауреатами Всесоюзного смотра. В Гатчину привезли большую бронзовую медаль!

Вот так я и попал в Дом культуры. Оркестром Гатчины руководил 17 лет. Коллектив считался лучшим в области и во всем Северо-Западе. Между прочим, на ответственные концерты, когда наш оркестр сопровождал русские и академические хоры численностью до 500 певцов, Федор Федорович Савин поддерживал нас школьными музыкантами-духовиками: представьте, что такое 500 голосов и 30 струнников. Мы набирали коллектив из гатчинских музыкантов до 60-и человек на важные выступления. Справлялись».

CODA

В далекие уже послевоенные десятилетия такие музыканты и педагоги, как Патрикеев, возрождали музыкальное образование в нашем городе. Гатчина по праву считается областным культурным центром. Борис Федорович и сегодня руководит оркестром русских народных инструментов в Гатчинской детской музыкальной школе.

Талант педагога, труд музыканта, уникальный опыт Артиста Патрикеев вкладывает не только в детский оркестр Гатчины: уже 28 лет Борис Патрикеев возглавляет прославленный Великорусский оркестр им. Бориса Трояновского. Борис Федорович вырастил сотни замечательных музыкантов; ему аплодировали сотни тысяч благодарных слушателей.

Дальнейших творческих успехов Вам, маэстро!

Выступает Великорусский оркестр. Дирижирует Борис Патрикеев

ВОСПОМИНАНИЯ О «ЗОЛОТОМ ГОРОДЕ»

(впечатления-размышления о творчестве Елены Киселевой)

Алена Тришина

«Где бы она ни жила, где бы ни проезжала или останавливалась ненадолго — в руках всегда был небольшой блокнот, альбом, карандаш. Альбомы, записные книжки, листы бумаги заполнены набросками пейзажей, иногда несколькими штрихами, которые фиксировали увиденное мельком, из окна вагона, из пролетки извозчика»... Это цитата из книги Е.И. Поляковой «Город Остроумовой-Лебедевой» (М.: «Советский художник», 1983, с. 95).

Не так давно, взяв эту книгу с библиотечной книжной полки, я удивилась тому, как своевременно она попала мне на глаза! Потому что... Просто потому, что память — иногда — переносит меня в прошлое, подсказывая темы для размышлений. Нет, давно уже я не веду личный дневник. Однако впечатления об увиденном, дополненные новым сюжетом, составляют НЫНЕШНЮЮ главу моей жизни. Ту, в которой ЗНАКОМСТВО и УЗНАВАНИЕ очень для меня важны. Очень-очень!

Многие считают, что нынче именно ИНТЕРНЕТ-общение, а также возможность путешествовать «в сети», не вставая со стула и лишь глядя на экран монитора, — вот БЛАГО нашего времени. Да, благо. Которое не заменит мне личных впечатлений и знакомств. Интерес к творчеству художников, посещение выставок и общение с авторами работ — та из граней моей жизни, которая озарением ОТКРЫТИЯ дарит мне мгновения радости. Мгновения... Это очень много!

Творчество гатчинского художника Елены Киселевой многопланово-разнообразно. Это портреты и пейзажи, натюрморты, графические работы. Например, экслибрис (то есть, книжный знак домашней библиотеки), в котором она — как художник — истинный профессионал.

Как библиотекарь, не могу не отметить одну важную особенность: Елена Киселева — это читающий художник. Она знает литературу, интересуется новинками, и перечитывает классику. Темой ее студенческой дипломной работы стали «Мысли и афоризмы» Козьмы Пруtkова, к которым она выполнила иллюстрации. Выставка этих рисунков была представлена в ЦГБ им. А.И. Куприна. Экслибрис, выполненный Е. Киселевой, на международном конкурсе «Тиль Уленшпигель» (Бельгия) был признан лучшим! А видели бы вы хитрого и умного ученого кота из «Житейских воззрений кота Мурра»? Этот воображаемый нравится всем: даже тем, кто не очень любит животных.

Герои, запечатленные рукой художника — Будда, царь Соломон, Орфей, Колумб, Пьеро и Коломбина. Мифология, легенды, сказания... Рассматривая экслибрисы, выполненные Еленой, погружаешься в мир

сюжета, размышляя на темы «Дафнис и Хлоя», «Леда и Лебедь», «Адам и Ева», «Венера и Амур», «Персей и Андромеда», «Диана». Вещи птицы, дамы и кавалеры в средневековых нарядах, цикл «Знаки зодиака»... Сила воображения художницы переносит нас из страны — в страну, из века — в век! На мой взгляд созерцателя, любимое в творчестве Е. Киселевой — это период средневековья, когда наиболее дерзко проявилось противостояние сил Добра и Зла. Жизнь, смерть, сон, молодость, старость, мужественность, женственность, материнство... Любость! Художник Елена Киселева в своих работах философски стремится дать определение этому. Не избегая гротеска и театральности.

«На грани Сна и Реальности» — так называлась выставка, на которой были представлены работы пяти современных художников, в том числе и Елены Киселевой (Санкт-Петербург, галерея «N-Prospect», апрель 2012 г.). Об этом я узнала из Интернета. К сожалению, посетить выставку не успела. А жаль, потому что серия «Золотой город» — это долговременный личный проект Елены Киселевой, начатый в 2001 году и не законченный до сих пор. Согласно авторскому списку, более 150 графических работ большого формата красочно и оригинально рассказывают о Городе!

Вспоминаете? «Под небом голубым есть город золотой, с прозрачными воротами и яркою звездой...» Слова из популярной песни Алексея Хвостенко, более известной в исполнении Бориса Гребенщикова, качают нас в облаках, умиротворяя. Поэзия, музыка, живопись... Это прекрасно! И все это — в работах Е. Киселевой.

Весной 2010 года выставка из серии «Золотой город» была представлена в ЦГБ им. А.И. Куприна: 16 графических работ и две картины, написанные маслом — «Карнавал в Венеции» (2009 г.) и «Песнь песней» (2010 г.). Рассматривая картины, я узнавала некоторые из них. Потому что выставка «Венский проект Елены Киселевой» — это одна из первых выставок ее серии «Золотой город» (2002 г., март). Тогда в музее Петербургского института ядерной физики Елена пред-

ставляла новое, и я об этом писала (см.: Гатчинская правда — 2002 — 19 марта — С.3): «Архитектурными медитациями можно назвать этот цикл графических работ фантазийной загадочной страны грез, страны настроений...». Теперь бы я добавила следующее: «Это художественно-графические эссе, лаконичные, поэтически литературные. Завершенные, словно акrostих или сонет. В них присутствует и вдохновение, и мастерство».

Не смею определять технику исполнения этого цикла работ, и, уж тем более, оттенки цветовой гаммы. Меня — зрителя — при рассматривании картин цикла «Золотой город» поражает многое. Например, то, что ЗОЛОТО не слепит глаза, нам подсказывая, мол «я, то есть ЗОЛОТО, — самое ЛУЧШЕЕ! Самое главное, самое ДОРОГОЕ».

Золотые тона в работах Е. Киселевой приглушенно-спокойные. Словно золото меди, или золото листьев. В этом — значимость и образность. Так поступает художник-романтик, сдержанный и лаконичный. Кроме того, в этих работах мы чувствуем и начитанность, и историзм.

Город глазами художника... Это впечатление и размышление. Это обобщение, и частности. Это архитектурные цитаты. Город в изображении художника — это запечатленные сны и угаданные истории. Было, будет... Нет: есть! Сегодня, сейчас, ненадолго. Город и Я — это знакомство-узнавание. Очень-очень личное!

Я тоже люблю путешествовать. Однако рисовать не умею. Лишь чиркаю в блокноте некие словесные зарисовки. Воспоминания: мои турпоездки по СССР, экскурсии по России, мои заграничные вояжи, — «галопом по европам», но с восторгом и упоением!..

Рассматривая работы Елены Киселевой, я также узнавала и «свой» город, когда-то увиденный. Или город, с которым я знакома по книгам, то есть стихам, воспоминаниям, дневниковым записям и письмам известных литераторов, музыкантов, художников. Знаменитые и красивейшие города Европы: Венеция, Париж, Вена, Флоренция, Варшава... В жизни и творчестве русских людей XVIII-XX веков:

Карамзина, Герцена, Тютчева, Блока, Брюсова, Волошина, Гумилева, Бальмонта, Ахматовой, Цветаевой. Бунина, Куприна, Ходасевича. И многих-многих других!

Окно в Европу, которое лишь недавно было открыто для жителей современной России, это и глоток свежего воздуха, и открытый альбом, который мы рассматриваем с большим интересом. Как восторженно-искренне мы радуемся, наслаждаясь и узнавая! Художник Елена Киселева Европу изучает, будучи не праздным странником. В ее напряженном графике пребывания там запланирована различного рода деятельность: выставки, учеба, уроки мастерства. И, конечно же, общение с друзьями, которые ждут ее в гости с нетерпением!

Свой «Золотой город» Елена Киселева искала долгие годы. Воплотить — отразить — угадать, в чем гармония ЭТОГО города, далеко не простая задача. Примечательно, что художница изображает не красоты, прославленные в туристских проспектах, а те объекты (стены, арки, мосты, камни и пр.), в которых ЖИВУТ века. Композиция составлена по-разному: иногда — это фрагменты и детали, а в других случаях — ВИДЕНИЯ. В итоге рождаются не архитектурно вычерченные пейзажи, а условно прописанные панорамы, где есть ритм, образ, звук и... Воздух! Это — очень личное. Субъективное, авторское: «Город-натюрморт» (2002), «Открывающаяся дверца» (2006), «Кубический воздушный шар» (2001), «Рыба-город» (2001), «Закат с пагодами» (2002), «Летящий» (2008).

Следует отметить, что, определяя название серии «ЗОЛОТОЙ город», — автор не ограничен цветом, потому что город мечты и видений может быть разным: «Голубой город» (2003), «Зеленый город» (2001), «Мираж» (2003), «Эттинген под снегом» (2003). Интересны для художника и варианты: «Родос» и «Родос-1»; «Венеция» (2002) и «Венеция, лагуна» (2003); «Лаго Маджоре-1» и «Лаго Маджоре» (2002). Так, «Летящий Петербург» может быть в сине-голубых тонах (2002), или в золотисто-желто-оранжевых (2005). Разнообразие цветовой гаммы поразительно! Графически это линии, пятна, лучи, звездочки, блики. Воздух, вода, травянистый покров. Горы,

вулканы, песок. НАРИСОВАНО. Елене Киселевой удается запомнить и выразить даже оттенки чувств бессилия перед природой! Сгущение туч, тревожная рябь воды... Впечатляет.

Два года назад на презентации своей выставки в ЦГБ им. А.И. Куприна Елена Киселева представила два слайд-фильма. В них были отражены две грани ее творчества: экслибрисы и графика из цикла «Золотой город». Тогда я попросила у Елены запись этих презентаций, что теперь помогает мне вновь рассматривать и «Золотой город», и подборку экслибрисов.

Кстати, об экслибрисах: Елена — автор более 200 книжных знаков, некоторые из которых сделаны были в подарок, другие же — на заказ. Выставка экслибрисов Е. Киселевой представлена была на одном из кинофестивалей «Литература и кино», а потом она побывала и в Москве: в Литературном институте им. М. Горького, неоднократно — в музее экслибриса.

По приглашению художницы в 2005 году я присутствовала на открытии ее выставки экслибрисов, разместили которую в старинных витринах Российской Национальной библиотеки. Сердце старого здания петербургской «Публички» на Садовой, это, пожалуй, исторический зал фонда Корфа, по обе стороны от которого находятся читальные залы. Здесь, в «круглом» помещении с высоченным потолком, стеллажи со старинными книгами размещены в два яруса. И подниматься на второй нужно по изящной крутой деревянной лестнице. Тишина... Здесь всегда благоговейно-тихо. Мимо проходили читатели, останавливаясь и прислушиваясь. А мы, группа людей, вполголоса переговариваясь, рассматривали графические миниатюры. Букеты — Елене, наши восторги эмоций... Тсс!

За свою творческую жизнь Елена Евгеньевна выслушала немало комплиментов, посвященных ее работам. Неудивительно: она — участник более 100 групповых и более 30 персональных выставок, которые проходили в разных городах России, Англии, Франции, Польши, США, Дании, Италии, Испании, Бельгии, Голландии, Швеции, Южной Кореи, Австрии, Германии, Финляндии, Чехии,

Швейцарии. Ее работы хранятся как в российских, так и в зарубежных музеях и библиотеках. Эскизбрисы же покупают в частные коллекции, гордясь уникальностью СВОЕГО экземпляра.

Будучи человеком коммуникабельным, Елена легка на подъем. На заре своей творческой деятельности они с мужем Владимиром Монаховым ездили по СССР, потом стали бывать в Германии, Польше. Длительное пребывание за границей, а уж тем более, учеба и работа там, требуют хорошего знания языков. И Елена их освоила: немецкий, английский.

Среди близких ее друзей люди разных профессий. Большинство из них - это люди творческие: музыканты, литераторы, художники, журналисты, фотографы. Образы современников Е. Киселева отразила в портретах, психологически стараясь выразить индивидуальность каждого. Но об этом — несколько позже.

Завершая свое воспоминание-повествование о графической серии «Золотой город», приведу характерные примеры. Бабушка Елены со стороны матери была полькой, и потому Елена вступила в общество «Полония», активное отделение которого существует в Гатчине уже достаточно давно. Тематические встречи и праздники, общение!.. Творческие пленэры в Польше были для молодой художницы первыми уроками международного общения, настолько это было необычно и очень интересно! Результат? Новые работы, и новые знакомства. Так — не случайно в серии «Золотой город» оказалась польская тематика: «Вроцлав» (2002), «Краковский мотив», «Варшава» (2005), «Фромбарк».

Вступив в русско-немецкое общество, Е. Киселева стала бывать в Германии, в частности, в Эттлингене. Там у нее появились друзья и поклонники творчества, по предложению которых Елена получила право на персональную выставку. Цикл «Романтический Эттлинген» был создан в 2002 году: «Два фонтана», «Два фонтана-1», «Фриденгассе», «Две башни и архангел Михаил», «Воздушный шар, несущий Эттлинген», «Церковь сердца Христа». И это — особенная глава из серии «Золотой город».

Другое: «Прованс» (2002), «Дарлингтон» (2002), «Тоскана» (2004), «Майнц» (2009), «Висбаден» (2009), «Верона» (2002), «Пизанская башня» (2004), «Фредериксхавн. Дания» (2006), «Рыба над Нойзидлом. Австрия» (2004), «Антиб» (2006), «Вальдемossa» (2009), «Грац». Выставки работ серии «Золотой город» были представлены в Германии (2002г. — Дегенфорф), в Дании (2005г. — Фредериксхавен).

Город мечты, город воспоминаний... Конечно же, воображение Елены это отражает и в российской тематике: «Летящий Петербург», «Китеж» (2003), «Собор» (2001), «Рыба над Конюшенной площадью» (2003), «Россия» (2006) и другие. Собирая обильный букет отзывов, выставки серии «Золотой город» прошли в разных музеях, галереях, выставочных залах и библиотеках Петербурга (2002-2012 гг.). Как член Союза художников России Елена Киселева непременно является участником коллективных выставок в Манеже и в галерее на Пушкинской улице.

Что же главное в творчестве художника Елены Киселевой? Профессионально она владеет многими видами живописи и графики. Ныне является руководителем авторской галереи и арт-студии «Золотой Город» (Санкт-Петербург). Выработав свой стиль, завоевав признание, Елена Евгеньевна по-прежнему находится в творческом поиске собственных ОЗАРЕНИЙ. Если поначалу «Золотой город» сюжетно отражал лишь объекты материальной культуры, и был, практически, безлюден, то все более и более появляются в композициях люди, звери, птицы и фантазийные существа. ЗОЛОТОЙ город оживает, обретая ГОЛОСА. Дух, душа: ЖИЗНЬ!

Прекрасно разбираясь в символике и применяя свои знания в рисунках, Елена и условно, и реалистически также готова запечатлеть тех, кого встретила на своем жизненном пути. Как она высказалась недавно, мол «ностальгически родилась идея выставки портретов, ведь у меня их, оказывается, немало. И такие разные!»

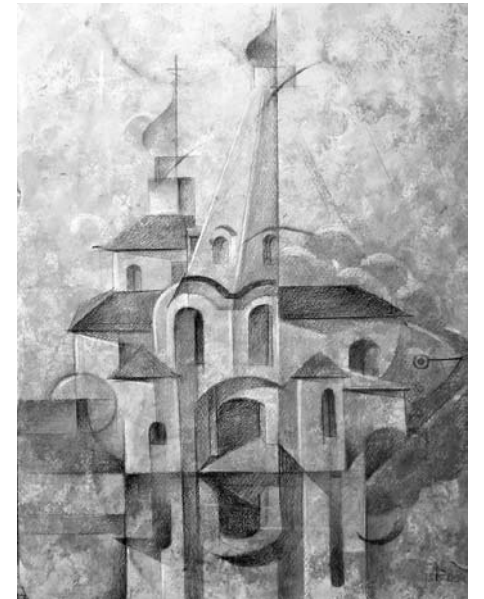
А потому в крипте домового дворца Гатчинского дворца состоялась выставка живописи и графики Елены Киселевой «Метаморфозы портрета» (13.04. —

12.07.2012 г.). На выставке было представлено 40 работ. Это портреты, выполненные в различных техниках — пастели, офорте, сериографии, коллаже. Интересное наблюдение: если в раннем творчестве Елены были холст, картон и работы маслом, то в современных работах она использует акриловые краски, пастель, оргалит, применяя смешанную технику. Также и в эскизбрисах: прежде — офорт, акварель; ныне — офорт, фотополимер.

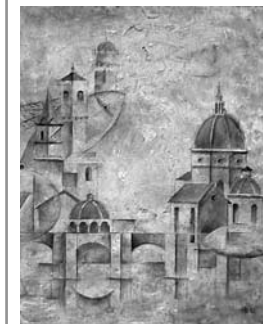
Красочный буклет с названием «Портреты», в котором отражены работы, по мнению художницы наиболее знаковые, останется на память об этой выставке во Дворце. Приведу обширную цитату из текста Анны Волковой (журналиста, литератора): «В 2005 г. жанр портрета в творчестве Елены Киселевой получает новое развитие. Появляется сложносочиненная серия работ «Послания из прошлого». Картины представляют собой смешение техник, фактур, содержат аппликации, абстрактные элементы, имитации старой бумаги, писем. Это создает эффект «библиотечной» погруженности в пространство прошлого, непрямого общения с ним. Но благодаря реалистическому изображению главных персонажей — Октавиана Августа, Павла I, — картины оживают. И в этой двойственности заключается мысль о непреодолимости прошлого. Но, несмотря на то, что наши воспоминания, наша история для настоящего времени лишь фантомы, все же они продолжают жить».

Дальнейшая разработка этой темы — портрет Сагиновых. Несколько поколений казацкой семьи, начиная с прадедов и кончая внуком главного персонажа — Георгия Сагинова, изображены в стиле фотографий начала двадцатого века. Картина, таким образом, представляет собой семейное древо, которое можно читать сверху вниз, словно листая страницы фотоальбома. Изображает она людей ушедших и живущих, связанных нитью родства. И они, соединенные общей историей и единым, вечным потоком времени от прошлого в настоящее, разыгрывают на холсте мизансцены жизни».

Между прочим, более половины из представленных на этой выставке работ, по-

Россия

Флоренция

Висбаден

Китеж

священы гатчинцам. Это личное, семейное: «Портрет матери» (1983), «Портрет брата», «Портрет В. Монахова» (1983), «Портрет Даниила в костюме Пьеро» (1988). И автопортреты разных лет: в шляпе, в желтой кофте, два коллажа.

Гатчинцы в изображении Е. Киселевой — это Сагиновы, Л. и А. Сойниковы, Г. Богданов, М. Огороднов, Д. Огороднова, Г. Андреева, А. Тришина, Т. Петренко, С. Николаева, А. Нехай, А. Верещагин. И директор ГМЗ «Гатчина» В. Панкратов (2011).

Портрет археолога Е. Паульса, портрет поэта О. Казакова, портрет импресарио А. Князева, портрет дирижера, портрет композитора... Как вы уже заметили, важное место в жанре портрета занимает музыкальная тема: тут и «Армстронг» (2004), и «Сэр Пол Маккартни» (2011).

Портрет Т. Дмитриевой — это «Портрет в стиле ампира» (2011), «Рыцарь» — портрет Е. Лаптева (2009). «Аллюзии к шедеврам мировой классики, поэтические и прозаические реминисценции делают ее работы многослойными и объемными. Смотреть их — удовольствие для чувств и, одновременно, работа для ума!» — таково мнение о творчестве Е. Киселевой Леонида Романкова, экс-председателя комитета по культуре Законодательного собрания Санкт-Петербурга.

Не так часто персональные выставки Е. Киселевой проходят в Гатчине. Но они были (с 1980 г.) и запомнились — в ЦГБ им. А.И. Куприна (неоднократно), в театре «Победа», во Дворце-музее (1993г), в музее ПИЯФ (неоднократно), в Доме культуры, в доме-музее П. Щербова. По приглашению художника А. Златкина выставка работ Елены Киселевой экспонировалась в Сиверской.

Завершая свое повествование на мажорной ноте, приведу еще одну цитату. Она — из Послесловия к «Автобиографическим запискам» А.П. Остроумовой-Лебедевой: «...художник должен учиться до конца своей жизни, совершенствоваться и двигаться вперед». Как и цитата, приведенная мной в начале данной статьи, все слова будто бы сказаны именно о художнице Елене Киселевой, чье трудолюбие и полет фанта-

зии не имеют границ времени и пространства.

Да, путями УЧЕБЫ и ПОИСКА гатчинская школьница, которую начали учить в художественной школе преподаватели В. Монахов и А. Матюк, стала педагогом и Мастером, чье творчество обрело международное признание. Более 10 лет назад о художнице Елене Киселевой написана книга, изданная в Дании на немецком, французском и английском языках. Работы Е. Киселевой включены в международную энциклопедию «Экслибрис» — также более 10 лет назад.

Нет, не ради комплиментов живет человек, обладающий даром созидания. Ибо смысл жизни — быть собой, и, по возможности, обрести вдохновение, чтобы другим что-то важное показать, рассказать. Средствами искусства и литературы. В творчестве Елены Киселевой есть и то, и другое. Одна из последних ее работ — это иллюстрации к сборнику «Лютня» (2012), где представлена подборка стихов польского поэта Яна Анджея Морштына (перевод Л. Цывьяна). Стихи ироничны и современны, а относятся к периоду барокко! Замечу, что прежде Е. Киселева иллюстрировала некоторые издания гатчинских авторов, в частности — сборники переводов с польского А. Нехая, и прозу Л. Колесниковой.

Творческим союзом соавторов к читателю приходит иллюстрированная книга. Поэтически-афористичный сборник «Лютня» с изящными, ироничными и остроумными рисунками Е. Киселевой — это ЖИЗНЬ в Золотом Городе. Увиденная, услышанная: «Серенада», «Прогулка», «К деве», «К ножке», «К песику», «Отчаянье», «Подаренный цветок», «На лекаря, ставшего гробовщиком» и «Сад любви».

Книга, книжный знак... Мне, как библиотечарю, особенно хочется выделить такой факт. Работы Елены Киселевой имеются и в Майнце — на родине книгопечатания: в фонде музея Иоганна Гутенберга. Разве не символично? Принимая за аксиому то, что мир — это РАСКРЫТАЯ книга, удивительно ли, что художник Елена Киселева пишет и пишет Золотой Город, у которого нет границ.

С ЭТЮДНИКОМ ПО СИВЕРСКОЙ

Галина Хохлова
Фото: Лариса Киселева

В марте 2012 года выставочный зал Центральной городской библиотеки им. А.И. Куприна был предоставлен столь любившемуся гатчинцам художнику Станиславу Моисееву. Это его первая персональная выставка в Гатчине и конкретно в Купринке. Предыдущие четыре года регулярно по феврялям он делал здесь же совместные выставки с Иваном Радюкевичем. Не раз его отдельные работы выставлялись в Межпоселенческой библиотеке им. А.С. Пушкина, ну а уж сиверчане довольно часто встречаются не только с работами Моисеева, но имеют возможность посмотреть на то, как создаются картины.

Оба художника живут в одном районе Сиверской, неподалеку друг от друга, дружат, частенько вместе выходят на пленэр и рисуют одни и те же ореджежские обрывистые берега, поля да домики в Рыбницах и Межно. Оба влюблены в Сиверскую, и это признание в любви красочно выражают на своих полотнах. Мазок Ивана Радюкевича спокоен, точен, слегка меланхоличен. Мазок Стаса Моисеева — яркий, импульсивный, живой.

От выставки к выставке мы наблюдали, как все мастеровитей становятся полотна Станислава Моисеева, все раскрепощенней его манера письма, интересней и разнообразней сюжеты. Главной страстью художника, безусловно, является пейзаж. Но и натюрморты ему явно удаются.

На каждой из прошлых выставок были картины, впечатление от которых оставалось столь сильным, что с ними не хотелось расставаться. Так у меня дома на сегодняшний день собралось шесть работ Стаса. Настоящей поэмой об утопающей в розовом цвете яблоньке смотрится довольно большое полотно «Ранетка», способное украсить любую, даже самую изысканную гостиную. Его сложносочиненный, по-

Станислав Моисеев

деревенски нарядный, осенний натюрморт с тыквами, самоваром и прочими атрибутами прелестей урожая не только красочен, но написан и с душевным теплом, и с восторгом. Мой любимый зимний пейзаж — «Облепиха в снегу». Художнику удалось передать сиюминутное состояние природы в зимний заснеженный вечер, когда дом, ветви деревьев так отягощены снегами, что достаточно небольшого ветерка, чтобы эта зимняя сказка исчезла. Сиреневые тени, словно вылепленные заснеженные ветви облепихи и яркие вкрапления ягод заораживают. Украшением последней выставки стал зимний пейзаж «Февраль» 2010 года. Это полотно было написано сверху, через чердачное окно. Получилась холодная, но с теплым чувством написанная сказочная панорама спящих под снегом дачных домиков, садов. Надо сказать, что Моисееву удаются и летние пейзажи, хотя интересно

Облепиха в снегу

написать сочную зелень сложнее. «Домик в Межно. Июнь» - один из таких пейзажей, написанных легко, эскизно, в импрессионистской манере.

Но не только в своем районе Сиверской можно встретить Станислава Моисеева с этюдником. Как-то по весне он наведлся в Белогорку, чтобы нарисовать величественные руины Елисеевского замка. Да как вовремя! Буквально через месяц будущий хозяин усадьбы окружил замок высоким металлическим забором, потом начались работы по расчистке и консервации. Получается, что художнику удалось запечатлеть состояние усадебного дома непосредственно перед началом строительных

Домик в Межно

работ по его восстановлению. На картине «Ледоход. Март» усадебный дом написан издали, от плотины. На втором полотне «После дождя» художнику захотелось рассмотреть детали архитектурного убранства, и он писал на верхних ступенях лестницы, изгибом поднимающейся от реки. В первом случае Стас оценил как художник замечательно подобранное место расположения «замка»: высокий холм, внизу зеркальный разлив реки перед плотинкой. Ледоход на реке передает состояние тревоги за участь заброшенной усадьбы. Это же впечатление усиливают и старые мокнувшие под дождем липы на переднем плане второй картины. Оба полотна удались, оба по-своему хороши и определенно представляют художественную и историческую ценность. Сегодня работа «После дождя» украшает экспозицию музея «Дачная столица». Таинственностью, загадкой веет от картины Стаса Моисеева «Родник», живо передающей впечатление от укромного, тенистого уголка у реки возле моста, что у дороги на Большево. Дерзкими вихревыми мазками словно вылеплен закат на одноименной картине. Не Ван Гог, зато Ван Стас. Буйство, нежность и даже аромат весеннего цветения сирени и яблонь излучает полотно Моисеева «Цветущий сад». Нельзя не остановиться перед изысканно декоративным натюрмортом «Полевые цветы», пейзажем «Иван-чай».

На недавней выставке в Купринке обращал на себя внимание довольно крупный размеров (что вообще-то несвойственно художнику) пейзаж «Перед дождем». Тревожно нахохлившиеся деревья, словно готовые сорваться с полотна, бегущие по небу тучи, чуткие яркими соцветиями глазами смотрящие вокруг подсолнухи — все это прекрасно передает пограничное состояние природы.

Осень 2011 года для Станислава Моисеева оказалась на редкость плодотворной. Он написал 11 пейзажей, не говоря о натюрмортах. Работал Стас главным образом в расположенном поблизости школьном парке. На картинах быстрым и неравнодушным мазком художника запечатлены все времена осени: от первых признаков до последних облетающих ли-

сточков. Интересны даже ракурсы, которые выбирает художник, чтобы показать всю прелесть этих милых сердцу уголков Сиверской. А ведь осень-то была далеко не из лучших. Вспомните: каждый божий день нудные дожди и совсем редкое солнце. С картин же на нас глядит такая красота, такое пиршество красок — настоящий осенний хоровод. Не могу здесь не вспомнить еще одну осеннюю картину Станислава Моисеева, в настоящее время украшающую гостиную моей петербургской подруги. Это «Старый дом. Поздняя осень». Он не раз писал этот расположенный поблизости с его домом старый дом, образчик деревянного модерна начала XX века. Картина создавалась в ноябре, в серый дождливый день. От мокрых, голых стволов деревьев, от неба исходит какое-то серебристое сияние. Эту холодную гамму уравнивают две симметричные башенки под крышей брусничного цвета, причудливого изгиба. Грустный, оставленный одиноким зимовать дом, голый, покинутый листвою сад — такой тонкий, с любовью написанный осенний ноктюрн...

Весенние пейзажи Станислава Моисеева всегда радостны и прозрачно-акварельны. Такова и показанная на персональной выставке в Купринке работа «Река Оредеж в апреле». В отзывах на эту выставку живопись Стаса несколько раз называли жизнеутверждающей. Она такая во многом потому, что сам художник по натуре человек всегда позитивный, легкий, где-то оставшийся в хорошем смысле ребенком. А ведь его творческая судьба складывалась не всегда радостно.

Станислав Борисович Моисеев родился в Ленинграде в 1946 году. Воспитывался в дружной большой семье, в которой стал последним из девяти детей. Семь его братьев и сестер родились до войны, а потом пришедший с войны отец сделал свою супругу матерью-героиней. Сначала появилась Алла, а за ней Стас. С раннего детства проявился у него интерес к рисованию. В школьные годы он посещал изостудию Выборгского дворца культуры. Но после окончания восьмилетки по понятным материальным соображениям вынужден был устроиться на работу слесарем-

Закат в Большево

Натюрморт с самоваром и тыквами

Ранетка

сантехником на Охтинский химкомбинат, а через два года в «Сантехмонтаж», что располагался в те годы в Михайловском замке. Десятилетку заканчивал в ШРМ. С карандашом и кистью не расставался, даже в обеденные перерывы рисовал город. Попутно, с 14 лет, занимался в школе бального танца при заводе «Красный выборжец». Танцор он и сейчас знатный. И делает это, как все остальное, с азартом.

Потом была служба на Краснознаменном Балтийском флоте. Все четыре года он занимался художественно-оформительской работой в мастерской на маяке. Упражнялся и в написании портретов своих товарищей-матросов. Вместе организовали ансамбль, где Стас стал ударником. Играли и на вечерах, и на офицерских свадьбах — в общем, служба прошла интересно, и он никогда о ней не жалел. Завидовал только своим сверстникам из изостудии, которые к этому времени уже поступили в Художественное училище, куда он также мечтал попасть и потихоньку готовился.

В 1969 году эта мечта исполнилась. Станислав стал обучаться в Художественном училище им.Серова (бывшем Таврическом), которое окончил через четыре года. Потом началась профессиональная деятельность: приходилось работать художником-оформителем в фирме «Ленгастроном», на кораблестроительном заводе и тому подобное, а творчеством заниматься в свободное время для души. В трудные в личной жизни и для всей страны времена девяностых и вовсе пришлось уйти из профессии. Станислав работал тогда барменом в «Интуристе» и 14 лет не брался за кисть. Там же познакомился со своей нынешней супругой Ларисой Румянцевой, которая родилась в Сиверской. После смерти родителей, оставив городскую квартиру дочери, Лариса и Станислав переехали в родительский дом.

Стасу Сиверская понравилась сразу. Пристроив к дому большую веранду и оборудовав там для себя мастерскую, он потихоньку начал писать картины. Надо ска-

зать, что ему повезло со спутницей жизни. Лариса — очень чуткий к творчеству человек, окончила когда-то музыкальную школу, дочь отдала в художественную. Она все эти годы поддерживала Станислава, помогая раскрыться и расти его таланту. На совместных прогулках показывала красоты Сиверской, подсказывала живописные уголки для написания пейзажей, выгодные ракурсы. Она строгий ценитель и первый критик, от природы обладающий хорошим художественным вкусом. Благодаря Ларисе, они часто бывают в Петербурге на концертах классической музыки, посещают художественные выставки и салоны, читают художественные журналы. А еще она прекрасная хлебосольная хозяйка, настоящая хранительница теплоты домашнего очага. Под окнами их дома всегда много цветов. Не только для красоты, но и для натюрмортов Станислава. А время от времени она устраивает настоящие салонные вечера. Постоянная компания одна: супруги Телеш и супруги Радюкевич. Приглашают и разных новых гостей: поэтов или музыкантов. Во время каждого такого вечера художники между застольным делом еще и одновременно пишут приготовленный натюрморт. Потом идет «разбор полетов». В гости ходят друг к другу по очереди. У Ларисы я была дважды, и мне необычайно понравилась сама атмосфера, наполненная творчеством, интересной беседой, юмором. В такой обстановке, когда, несмотря на материальные трудности, делается ставка не на количественную продажу, а на качество творчества, как и не расти художнику?

Спасибо Ларисе и Сиверской, что она подарила нам еще одного талантливого художника. Спасибо Станиславу Моисееву за картины, с которых бьет ключом свежесть восприятия, восторг, грусть, радость — все эмоции от изумления божественной красотой мира, отраженного в нашей сиверской природе. Пусть же и дальше любовь к Сиверской вдохновляет нашего талантливого земляка, рождает новые темы.

И ВЕРЕН НЕБУ, ВЕТРУ ВЕРЕН...

*Мы из Гжатска и Гатчины.
Дети Гатчины — мы!
Там родник авиации,
Красота высоты...*

Ф.Чуев

■ ГЕРОИ ГАТЧИНСКОГО АЭРОДРОМА ■

Екатерина Бадамшина

Этот год объявлен в нашей стране Годом российской истории, поэтому сотрудники музея-усадьбы П.Е. Щербова обращают особое внимание на незаслуженно забытых исторических деятелей, авиаторов-героев Первой Мировой войны, освоивших искусство полета на Гатчинском аэродроме.

В музее-усадьбе П.Е. Щербова есть зал, посвященный истории авиации. Там представлены фотографии гатчинского аэродрома, первых русских летчиков, раритетные экспонаты по истории русской авиации, личные вещи первых русских летчиков, план гатчинского аэродрома.

Экспозиция условно состоит из трех частей: фотографии, бюст и личные вещи Александра Матвеевича; самая большая часть — предметы и документы, связанные с историей аэродрома и авиации; и, наконец, отражение деятельности Кованько в наше время.

На выставке представлены фотографии самого Александра Матвеевича Кованько и его семьи, а также книги по истории воздухоплавания в России из его коллекции. Предметы, представленные в экспозиции, передала музею младшая дочь Александра Матвеевича — Варвара Александровна Мороко, современница первых полетов российских летчиков, посвятившая много сил популяризации истории российского воздухоплавания.

Александр Матвеевич родился 16 марта 1856 года. Тридцать три года своей жизни Кованько посвятил воздухоплаванию и авиации. В 1885 он

был назначен командиром первой в России «Кадровой команды военных аэронавтов» и с тех пор успел разработать применение дирижаблей и аэростатов в научных и военных целях, спроектировать несколько аэропланов, и, наконец, подготовить первых военных летчиков Российской Империи. С 1900 года он возглавлял Учебно-воздухоплавательный парк, находящийся на Волковом поле в Петербурге и позднее переименованный в Офицерскую воздухоплавательную школу с авиационным отделом в Гатчине.

Два сына Александра Матвеевича и два зятя стали военными летчиками. Кованько, кроме технических способностей, обладал и художественными — для украшения своего дома он рисовал на тарелках историю воздушных шаров - аэростатов. Посетители выставки могут увидеть изображение двух полетов братьев Робер на аэростате с рулем и веслами, произошедших в 1784 году, 15 июля и 19 сентября. Кроме того, на выставке представлены художественные вензелевые экслибрисы — с орнаментально разработанными инициалами А.М. Кованько.

Интересна судьба внука известного художника-мариниста Айвазовского. Константин Константинович Арцеулов (17 (29) мая 1891 - 18 марта 1980) родился в Ялте. С детства его интересовали полеты, в 13 лет он построил свой первый планер. Будучи студентом, он продолжал экспериментировать с конструкциями летательных аппаратов, что привело к провалу при поступле-

нии в Академию Художеств. Арцеулов остался в столице, учился у Л.С. Акста и М.В. Добужинского, после начал заниматься в художественной студии Лансере, но задержался там ненадолго — в Петербурге открылся авиационный завод «Первого Российского товарищества воздухоплавания Щетинина и К°», куда Константин поступил рабочим в сборочный цех.

Очень скоро Арцеулов самостоятельно научился воздухоплаванию и 25 июля 1911 года сдал на Гатчинском аэродроме положенные испытания. В это же время он иллюстрировал книгу историка и краеведа Н.А. Маркса «Легенды Крыма», первый выпуск которой был издан в 1913 году. В годы Первой Мировой войны летчик-истребитель совершил 200 боевых вылетов и одержал 18 побед. В 1916 году, работая инструктором Качинской авиашколы, Арцеулов впервые намеренно ввел самолет в штопор и вывел из него. Это имело огромное значение для всей мировой авиации, так как до появления подтвержденных опытным путем расчетов Константина Константиновича летчики очень часто погибали, случайно попадая в штопор, и с неизбежным увеличением мощностей моторов и веса самолетов риск смертельного исхода увеличивался.

Когда здоровье уже не позволяло Константину Константиновичу летать, он стал членом Союза художников СССР. Оформил более 50 книг, 240 номеров журнала «Техника — молодежи», где он был ведущим художником, также иллюстрировал журналы «За оборону», «Крылья Родины», «Юный техник», «Моделист-конструктор».

Изобретением новых маневров высшего пилотажа занимались и другие

летчики. 18 марта 1915 года летчик Александр Александрович Казаков (1889-1919) совершил второй в истории мировой авиации таран. История хранит более 600 случаев тарана в воздушном бою, и все они совершенны советскими летчиками. Первый в мире таран совершил Петр Нестеров, тоже обучавшийся на Гатчинском аэродроме, и меньше чем через год его друг и напарник Казаков повторил этот подвиг, оставшись при этом в живых. После второй мировой войны появилась классификация таранов — лобовой, неполный с подсеканием (по примеру Нестерова), и самый распространенный — безударный, с атакой винтом по важным частям вражеского самолета. Некоторые летчики умудрялись выжить даже после лобового столкновения, но Казаков был первым, кто доказал возможность почти безопасного уничтожения вражеского самолета при отсутствии вооружения. На самолете-разведчике, которым управлял Казаков, было установлено его собственное изобретение — морской якорь-кошка с пироксилиновой шашкой. Но якорь зацепился за выступающую часть его собственного самолета, и тогда Казаков нанес немецкой машине удар колесами шасси по верхней плоскости.

За 1910-1916 годы гатчинской военной авиационной школой было выпущено 342 военных летчика, 62 из которых стали Георгиевскими кавалерами. После революции в Гатчине были размещены авиационные части Военно-воздушных сил Красной Армии, и в этот период на нашем аэродроме тоже служило много героических летчиков, достойных памяти и внимания.

СИВЕРСКИЙ АЭРОДРОМ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Дмитрий Рябов

Как-то мне вспомнился случившийся лет десять тому назад разговор с начальником музея сиверского авиаполка. На вопрос, что здесь происходило в годы Великой Отечественной, капитан ответил: да, были немцы, но из экспонатов смог показать лишь проржавевшую вражескую каску, найденную однажды на территории аэродрома и принесенную в музей... Между тем, на Западе о германской авиации написаны горы литературы — ведь летчики издавна считались элитой вооруженных сил, да и возглавлял ее сам рейхсмаршал Геринг, второе лицо в государстве. А взлетающий с сиверского летного поля Ганс-Эккехард Боб, написавший ряд книг по истории родной части, совершил за годы войны более 700 боевых вылетов и одержал 60 воздушных побед, а ныне в свои 94 года является старейшим и до сих пор действующим (!) пилотом Германии. Эти обстоятельства побудили собрать воедино разрозненные факты военной истории аэродрома и сделать их достоянием читателей.

Итак, вначале небольшой экскурс в историю. Когда американцы братья Райт впервые поднялись в воздух на аэроплане, вряд ли кто задумывался о том, что воплощение прекрасной мечты человечества о полете принесет ему столько бед. Не прошло и десяти лет, как самолет был “поставлен под ружье”, а во время Первой мировой уже все ее участники имели на вооружении аэропланы. Правда, вследствие малочисленности последних встречи противников в воздухе были редкими и заканчивались почти дружескими приветствиями или, на худой конец, стрельбой из револьверов. С появлением же в качестве бортового оружия пулеметов уничтожение воздушного противника стало профессией, и очень скоро появился специальный термин “ас” (франц. as — “карточный” туз), которым стали обозначать лучших пилотов-истребителей.

Впрочем, если за рубежом асами называли летчиков, имевших, прежде всего, весомый личный счет сбитых вражеских самолетов, то в отечественной литературе и прессе термин “асс” (первое время писали именно так) обозначал, как правило, отчаянного храбреца-сорвиголову. Возможно, это было связано с низкой интенсивностью воздушных боев в царской России-СССР, но, начиная с 1936 г., последовала серия войн и конфликтов: Испания, Китай, Халхин-Гол, Польша, Финляндия. К 22 июня 1941 г. количество результативных летчиков-истребителей в СССР исчислялось уже сотнями и тысячами.

И все же, в первые годы войны нашим летчикам, несмотря на значительное численное превосходство¹, пришлось воевать в тяжелых условиях — упомянем лишь некоторые из причин, традиционно приводимых историками авиации. Так, уже в самом начале войны СССР потерял, по разным оценкам, от 1200 до 2000 самолетов, большей частью не успевших взлететь или в панике брошенных на аэродромах. Фанерные истребители, слабо радиофицированные и отличавшиеся низкой надежностью, не могли противостоять на равных бронированным “мессершмитам”, легко преодолевавшим потолок высоты наших машин — не случайно немцы еще со времен войны в Испании пренебрежительно называли истребитель И-16 “крысой”. Командные кадры были обескровлены предвоенными репрессиями, во главе авиаподразделений в лучшем случае ставились заслуженные летчики (а не специально подготовленные руководители), а в худшем — безграмотные проходимцы, интриганы и выскочки. Наконец, сказывалось и отсутствие технического опыта, ведь солдатами вермахта были рабочие европейских заводов, а Красной Армии — парни из деревни, видевшие самолеты в лучшем случае на

киноэкране. Достаточно сказать, что молодые летчики люфтваффе приходили на фронт, налетав по 200 часов, наши же — лишь 14.

Отсюда и результат: если лучший советский летчик Иван Кожедуб сбил за годы войны 62 немецких (плюс 2 американских) самолета, то немецкий ас Эрих Хартман — 352, из которых 345 — советские². Таким образом, Гитлер был, безусловно, авантюристом, но вовсе не самоубийцей — опыт Зимней войны с маленькой Финляндией отчетливо показал, мягко говоря, недостаточную боеспособность РККА³. Но тем большей славы заслуживают наши пилоты, которых многие немцы из тех, кто успел повоевать в небе и Востока, и Запада, называли наиболее стойким, смелым и упорным противником.

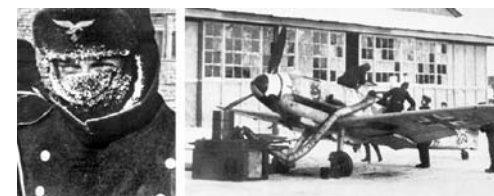
Тем не менее, подготовка к войне велась, ведь споры о том, собирался ли Сталин нанести превентивный удар, продолжают до сих пор, поскольку основная масса документов, призванных подтвердить это окончательно, до сих пор засекречена. В ходе этой подготовки в 1934 г. начинается и строительство военного аэродрома в Сиверской, а среди расстрелянных в 1937-38 гг. “врагов народа” уже фигурируют фамилии здешних военспецов и работников аэродрома⁴.

В 1936 г. в Сиверской формируется 147-я скоростная бомбардировочная авиабригада в составе трех эскадрилий, в апреле 1938 г. — 35-й бомбардировочный авиаполк (сбап). К началу войны здесь располагаются 10-й и 205-й сбап 41-й скоростной бомбардировочной авиадивизии, часть подразделений 311-го разведывательного авиаполка. Кроме того, на второй день войны в Сиверскую из Псковской области были перебазированы 26 экипажей 159-го истребительного авиаполка, вооруженных новейшими истребителями МиГ-3.

Так, например, 10-й сбап был сформирован в Сиверской в 1939 г., принимал участие в Зимней войне; за образцовое выполнение боевых заданий командования “на фронте борьбы с финской белогвардейщиной” и проявленные при этом доблесть и мужество был награжден орденом Красного Знамени. На 22 июня

Бронированная огневая точка на базе танка Т-18. Аэродром Сиверская, 1941 г.

Необычайно холодной выдалась зима первого года войны: тяжело приходилось и технике, и людям

Местные жители на расчистке летного поля. Сиверская

1941 г. он имел в своем составе 50 скоростных бомбардировщиков СБ (АНТ-40), в том числе 11 неисправных. С первых дней войны совершал боевые вылеты против финских войск; так, 25 июня — в день объявления войны Финляндией — бомбил аэродромы Миккели и Мантюхарью⁵. С 4 июля он наносит бомбовые удары уже по немецким механизированным и танковым частям у Западной Двины и переправам на реке; поскольку действует зачастую без прикрытия, в ходе боев несет большие

потери. В середине июля поддерживает с воздуха советские войска в ходе контрудара под Сольцами, бомбит плацдармы на Луге, в основном в районе Сабска, где гитлеровцы готовились к решающему броску на Ленинград. А 12 июля Сиверский аэродром сам стал целью вражеских бомбардировщиков: вечером этого дня три “юнкерса” впервые сбросили на него бомбы⁶.

16 августа в связи с ухудшением обстановки на фронте Красногвардейский укрепрайон был приведен в полную боевую готовность. В этот день немецкие бомбардировщики в очередной раз пытались нанести удар по Сиверскому аэродрому, но были вовремя замечены постами воздушного наблюдения. Навстречу 24-м вражеским самолетам успели подняться пять истребителей МиГ-3 из 159-го иап, которые сбили четыре из них и сорвали бомбардировку. Одним из отличившихся летчиков был лейтенант А.Г. Шевцов, сбивший западнее станции Сиверская двухмоторный стратегический истребитель “мессершмитт” Bf-110. Еще один такой же истребитель-“разрушитель” был сбит им в составе группы над Сиворицами⁷.

Прорыв немецких танковых колонн со стороны Волосова был столь неожиданным и стремительным, что отступающие войска не успели уничтожить аэродром⁸; по крайней мере, жилые дома довоенной постройки стоят здесь до сегодняшнего дня. 29 августа 10-й сбав, потерявший за время боев почти все свои самолеты, был отведен в резерв в Казань; оставшиеся истребители 159-го иап 18 августа перелетели в Пушкин, затем — в Новую Ладугу. К моменту переформирования этот полк, судя по отчетам, выполнил 2688 самолетовылетов, потеряв в боях 34 истребителя, 12 летчиков и двух техников, сбив при этом 46 самолетов противника, уничтожив в результате штурмовых ударов 20 автомобилей и 10 танков. Во второй половине месяца Сиверская была оккупирована немецкими войсками.

“Аэродром в Сиверской привлек наше внимание еще в конце августа,— писал бывший командующий ВВС Ленфронта, дважды Герой Советского Союза главный маршал авиации А.А. Новиков. — Когда

мы оставили его, я приказал... не спускать глаз с Сиверской. Аэродром этот был очень вместительный, хорошо оборудован и, что не менее важно, находился очень близко от линии фронта и к тому же на прямой к Гатчине. Опыт Лисино и Спасской Полисти давал все основания предполагать, что немцы непременно постараются использовать его в ближайшие дни. Так оно и вышло.

Вскоре наши воздушные разведчики засекли посадку первых вражеских самолетов в Сиверской. С каждым днем гитлеровской авиации здесь прибавлялось. Нашим летчикам хотелось побыстрее нанести крепкий удар... Но мы не торопились — выжидали, когда в Сиверской скопится побольше боевой техники. Кроме того, у нас не было полной уверенности в том, что немцы оставляют в Сиверской свои бомбардировщики и на ночь. Если бы это оказался аэродром “подскока”, то есть промежуточный, используемый только для дневной работы, штурмовать его на рассвете или вечером было бы бесполезно — удар пришелся бы по пустому месту.

Наконец разведка донесла: бомбардировщики остаются в Сиверской на ночь. Немедленно последовал наш налет. На рассвете 2 сентября 13 истребителей атаковали аэродром и уничтожили полтора десятка самолетов, в основном бомбардировщиков. Добывать противника вылетела группа из восьми И-153. Однако ей не удалось прорваться к цели — на подступах к Сиверской ее перехватили “мессера”.

Но мы не отступились от своего правила: не ограничиваться частными успехами, а действовать по вражеским аэродромам систематически и последовательно и обязательно доводить задуманную операцию до конца. И вечером наши истребители, вооруженные зрсами⁹, снова появились над Сиверской. Фашисты не досчитались еще нескольких боевых машин...”

5 сентября в Сиверскую, ближе к фронту, с аэродрома Заруденье под Плюссой перебазировалась знаменитая немецкая 54-я истребительная авиаэскадра¹⁰ “Зеленое сердце” (JG54 “Grünherz”), которая за годы Второй мировой успела повоевать почти на всех ее фронтах¹¹. Командовал

эскадрой майор Ханнес Траутлофт, кстати говоря — выпускник авиашколы в Липецке, который, нарисовав еще во время войны в Испании на своем самолете зеленое сердце — символ родной Тюрингии,— сделал его впоследствии эмблемой своей части. По свидетельству сбитого советского летчика, истребители с зеленым сердцем, как правило, воевали в меньшинстве, но, “если они тут, то будет жарко: они все асы!” Для большинства групп JG54 аэродромы в Сиверской и соседнем Красногвардейске (Гатчине) стали “родным домом” на предстоящие два с половиной года.

По свидетельству Норберта Ханнига, бывшего пилота JG54, взлетная полоса в Сиверской (в отличие от Красногвардейска) была в то время травяной, т. е. без твердого покрытия, что в первое время не позволяло немцам летать зимой. Однако впоследствии им очень кстати пришелся совет советского дезертира, который порекомендовал после того, как установится устойчивый снежный покров, половину поверхности аэродрома утрамбовать (и тем самым получить нормальную взлетно-посадочную полосу), а вторую половину не трогать — тогда рыхлые сугробы быстро растают весной и обнажится дерн, который также позволит самолетам взлетать и садиться.

Другой хитростью, позволившей фашистам сносно пережить суровые русские зимы, было разведение костров на земле под капотами самолетов, стоявших на открытом воздухе. Такие костры облегчали запуск моторов и упрощали обслуживание истребителей. Если же холод становился невыносимым, почти весь личный состав перекочевывал с Сиверской в ближайшие деревни, где оккупанты жили в домах местного населения, грелись у русских печек и возвращались в казармы только с приближением весны¹².

“Мой новый «дом» представлял собой обширное, поросшее травой пространство,— писал Ханниг.— Здание управления полетами и командный пункт были расположены на северной стороне, перед ними располагались три раскрашенных и больших фанерных фигуры в натуральную величину — это были карикатуры на Рузвельта, Черчилля и Сталина. Плакат

гласил: «Товарищи, оставьте их в покое и не пачкайте руки!» Юмор летчиков!”

Рулежные дорожки, взлетные и посадочные полосы были ориентированы в широтном направлении и размечены красными и белыми знаками. Первыми на рассвете позади зоны взлета занимало позицию звено чрезвычайного назначения из двух истребителей в полной боевой готовности. Затем пилоты, назначенные к полетам в этот день, разделялись на звенья и пары; каждому назначалась одна из рабочих машин и команда технического обслуживания должна была отрегулировать высоту сиденья и педали руля “мессершмитта” в соответствии с ростом и размером пилота. Старослужащие летчики имели свои самолеты, на которых они летали постоянно. В экстренных случаях все двенадцать самолетов авиаэскадрильи могли взлететь одновременно, а если было необходимо поднять в воздух несколько эскадрилий, для задания порядка взлета машин с командного пункта пускались зеленые и красные ракеты. Ежедневно из Сиверской в Берлин и обратно летал транспортный Ju-52; остается добавить, что Сиверский аэродром использовался немцами и для заброски вражеской агентуры в советский тыл.

“Основные жилые бараки в Сиверской представляли собой трехэтажные здания с водопроводом и нормальными туалетами — роскошь по местным стандартам,— продолжает Ханниг.— Первые два этажа занимал технический персонал, а верхний этаж — летчики. Все работало хорошо, русские гражданские лица следили за порядком в помещениях, и все чувствовали себя как дома. Каждый пилот... пользовался услугами повара, который присматривал за холодными рационами и привозил ежедневное горячее из полевой кухни в фургоне, запряженном одной из небольших крепких русских лошадей... Стиркой для нас занимались русские женщины, но за всем остальным мы следили сами: штипаньем носков, поддержанием униформы и оборудования... По утрам... мы занимались спортивными упражнениями и домашними делами... Во второй половине дня мы отдыхали, обычно читали или писали письма домой”.

На постое в русской крестьянской избе. В центре – унтер-офицер JG54 Георг Лебер, впоследствии – министр транспорта и связи, затем – министр обороны ФРГ

Командир III./JG54 Рейнхард Зайлер в своем “мессершмитте”. Сиверская

Новоселье оказалось для “Зеленых сердец” неудачным: 9 сентября в воздушном бою в районе Красного Села был подбит Bf-109F-2 командира 5-й эскадрильи (5./JG54) обер-лейтенанта Хуберта Мютериха. Немецкий пилот, однажды сказавший: “Не загоняйте «крысу» в угол, ведь в этом случае ей остается только одно – вцепиться вам в глотку”, попытался совершить вынужденную посадку, но, вероятно, не справился с управлением. “Веселой охоты на Востоке”, словами одного из первых отечественных историков JG54 В. Дымича, не

получилось: “мессершмитт” разбился, и любимец группы “Хубс”, на чьем счету к этому моменту числилось 43 сбитых самолета, погиб. Эту победу, вероятно, можно отнести на счет лейтенантов Савушкина и Зараменских из 44-го иап 3-й иад ПВО, которые в этот день в том районе на МиГ-3 сбили один и подбили еще один Bf-109.

Той же ночью советские истребители под командованием ст. лейтенанта И.Ф. С катулова нанесли штурмовой удар по Сиверскому аэродрому, вызвав на нем пожары и взрывы. Далее, через 48 часов после Мютериха жертвой МиГа стал лейтенант Петер-Фердинанд фон Малаперт-Нойвилль из 7./JG54 (17 побед), подбитый в районе оз. Ильмень. Немецкий летчик сел на советской территории и в течение суток безуспешно пытался уйти от преследования. Попав в плен, Малаперт вскоре согласился сотрудничать с НКВД и написал текст, призывавший своих товарищей переходить на сторону Красной Армии. Позднее этот текст за подписью фон Малаперта в виде листовок разбросали над Сиверским аэродромом.

Однако одновременно с Мютерихом были сбиты и пять “сталинских соколов”. Так, “мессершмиттами” был уничтожен ЛаГГ-3 командира звена 5-го иап ВВС КБФ ст. лейтенанта М.И. Багрянцева. До своей гибели советский летчик успел одержать несколько побед, в том числе 19 июля он, по имеющимся данным, на И-16 протаранил “юнкерс” Ju-88A, после чего благополучно совершил вынужденную посадку. На следующий день жертвой кого-то из пилотов JG54 стал ст. лейтенант А.Н. Сторожаков из 154-го иап, направивший горящий самолет на колонну бронетранспортеров противника – на его счету было восемь личных и три групповые победы. Впоследствии Алексею Сторожакову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Следует отметить, что историю противостояния наших ВВС и люфтваффе нельзя упрощать до игр в сложение и вычитание; это чрезвычайно объемная задача, требующая долгого и тщательного анализа во многом противоречивых данных с обеих сторон. Ведь нашим летчикам в ре-

альности противостояли не “дебиловатые аристократы” из кинофильма “Небесный тихоход”, а сильный, грамотный и смелый противник, не прощавший ошибок. JG54 сама несла тяжелые потери, уровень которых летом 1941 г. вполне соответствовал потерям эскадры во время “Битвы за Англию”. Однако не стоит забывать и то, что с октября 1941 г. две-три группы 54-й эскадры (100-150 летчиков) практически единолично противостояли силам 13-й, 14-й и 6-й воздушных армий, ВВС КБФ и 2 иак ПВО на 500-километровом фронте от Ленинграда до Демьянска и Ржева. Понять, что за люди противостояли нашим дедам в той “войне двадцатилетних” и как они были побеждены – задача специальных исследований в будущем.

Поэтому пора продолжить повествование. После того как было завершено окружение Ленинграда, нацистское руководство решило, что пришло время для террористических авианалетов на город. Гитлер отдал приказ своему 1-му воздушному флоту “сровнять Ленинград с землей”: бомбардировки должны были парализовать работу военных предприятий, воздействовать на моральный дух мирного населения и в итоге, как предполагалось, привести к хаосу, беспорядкам и массовому бегству жителей.

Только за первую неделю налетов, с 8 по 15 сентября на Ленинград, по советским данным, были сброшены 418 фугасных и 11,5 тысячи зажигательных бомб. Бомбардировщики прикрывали все те же Bf-109F из JG54 и “Фридрихи”¹³ из III-й группы JG27 капитана Макса Добислава с аэродрома Любань. Командование 7-го иак ПВО и ВВС КБФ бросало в бой все, что было под рукой¹⁴, чтобы хоть как-то помешать бомбардировкам города; над Ленинградом и его окрестностями шли ожесточенные воздушные бои, в ходе которых обе стороны теряли своих лучших пилотов.

17 сентября командир JG54 майор Траутлофт решил перейти от вылетов на непосредственное сопровождение бомбардировщиков и штурмовиков к “свободной охоте” – активным действиям по поиску и уничтожению советских истребителей

в районе Ленинграда. Новая тактика немедленно дала результаты: 1-й эскадрилья сбила два И-16, а 7-я эскадрилья и штабное звено III-й группы – восемь МиГ-3 и ЛаГГ-3. Отличился фельдфебель Карл-Хайнц Кемпф, который в ходе двух вылетов одержал пять побед. В тот день среди погибших советских летчиков был 25-летний мл. лейтенант Е.П. Новиков из 197-го иап 7-го иак ПВО, чей И-16 был сбит в районе Красного Села. К этому времени на его счету числилось восемь личных и две групповые победы; в январе 1942-го ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Аналогичная “охота” шла и с советской стороны: 12 сентября лейтенант Н.Ф. Кузнецов уничтожил над Сиверской самолет-разведчик “хеншель” Hs-126, а капитан И.Ф. Беляев 27 сентября – Bf-109. Оба пилота, первый из которых сбил 24 вражеских самолета, а второй – одержал 12 личных и 5 групповых побед, впоследствии были удостоены звания Героя Советского Союза.

Тем временем группировка люфтваффе под Ленинградом была существенно усилена. 17 сентября на аэродром Сиверская, где уже базировалась эскадра Траутлофта, прибыли штаб бомбардировочной авиаэскадры KG77 во главе с подполковником Гансом-Йоханом Райтелем, I-я и II-я группы капитанов Йохима Петтера и Дитриха Пельца, оснащенные скоростными бомбардировщиками Ju-88A. 27 октября к ним добавились “юнкерсы” Ju-88A из 806-й группы (KGr.806) расформированного командования “Ostsee”, до того бомбившие суда Балтфлота. Это позволило значительно увеличить мощь ударов по “городу Ленина”.

Одним из тяжелейших дней, пережитых ленинградцами, стала пятница 19 сентября. В течение дня фашисты совершили четыре налета на город, затем ночью – еще два. Первыми около 8 часов по берлинскому времени в воздух поднялись 28 “юнкерсов” из I./KG77, которые в сопровождении “мессершмиттов” с зелеными сердцами на фюзеляжах направились к Ленинграду; линия Октябрьской железной дороги вывела вражеские самолеты

Летчики 124-го иап перед вылетом на атаку аэродрома противника. Второй слева – командир звена мл. лейтенант Д.В. Кокорев

Сиверское летное поле после советского бомбоштурмового удара. Слева – Ju-88 с поврежденным крылом, прямо – опрокинутая тележка для подвешивания авиабомб

Бомбардировка Ju-87 на почтовой марке гитлеровской Германии

точно к центру города. Затем удары нанесли остальные группы эскадры, к которым присоединились пикирующие бомбардировщики Ju-87R “штука” и Bf-110 из других частей 1-го воздушного флота. Всего на город было сброшено свыше 500 фугасных и около 3000 зажигательных

бомб; были разрушены Гостиный Двор, госпиталь на Суворовском проспекте и 80 жилых домов, получили сильные повреждения несколько заводов и оперный театр. Погибли в общей сложности 540 человек; о масштабах налетов говорит тот факт, что в ликвидации последствий бомбежек участвовали 103 пожарных автонасоса, 70 медико-санитарных машин и 18 тысяч бойцов местной противовоздушной обороны.

Летчики и зенитчики 2-го корпуса ПВО заявили о 19 сбитых “стервятниках”, однако на самом деле люфтваффе потеряли тогда в районе Ленинграда лишь три “штуки” из StG2, один “мессершмитт” из ZG26 и один бомбардировщик Ju-88A из I./KG77, ставший жертвой истребителя МиГ-3. Экипаж “юнкерса” покинул падающую машину уже над расположением немецких войск и, опустившись на парашютах, вскоре вернулся в Сиверскую.

Вплоть до 20 сентября основной целью 1-го воздушного флота люфтваффе был Ленинград. Затем немцам командованием было принято решение вывести из строя крупные корабли Балтийского флота и разрушить его главную базу – Кронштадт, ведь почти половина орудий среднего и крупного калибра, защищавших северную столицу, располагалась на кораблях. В течение недели, с 19 по 27 сентября раз за разом с тыловых аэродромов взлетали “штуки”, в районе Сиверской к ним присоединялись истребители из JG54 и бомбардировщики из KG77, которые общим строем шли к Финскому заливу. В ходе этой скоротечной операции было уничтожено 18 кораблей разных классов, еще 13 было повреждено. Советская ПВО претендовала на 35 самолетов, сбитых непосредственно над Кронштадтом, однако, судя по немецким данным, потери люфтваффе над базой Балтфлота оказались ничтожными: один Ju-87, на котором капитан Э.-З. Штеен пытался таранить крейсер “Киров”, и два Bf-109, при этом погибли только три немецких летчика. Потери ВВС КБФ составили 13 истребителей.

Не имея возможности эффективно противостоять вражеским самолетам в воздухе, советская авиация продолжала попытки уничтожить их на земле.

Радиолокационные станции “Редут” засекали массовые взлеты немецких машин в направлении Красногвардейска и Сиверской.

24 сентября шесть пикирующих бомбардировщиков Пе-2 из 125-го сбп майора В.А. Сандалова, в прошлом – гатчинского школьника-комсомольца, а в будущем – генерал-майора, Героя Советского Союза, нанесли удар по Сиверскому аэродрому и заявили об уничтожении десяти самолетов противника. 12 октября на задание вылетели шесть “пешек” в сопровождении тринадцати истребителей. К Сиверской самолеты приблизились под прикрытием низкой облачности; командир группы майор Сандалов завел машины на вражеский аэродром с тыла – с той стороны, откуда их никто не ждал. Внизу, на южном крае летного поля, стояло более пятидесяти фашистских самолетов.

Бомбардировщики Пе-2 с малой высоты сбросили на самолеты зажигательные бомбы, а прикрывающие их истребители вторым заходом открыли огонь из пулеметов. Из пробитых топливных баков заправленных самолетов потекло горючее, и вражеские машины загорелись – то же самое немецкая авиация проделывала в первые дни войны с самолетами Красной Армии.

С Сиверского аэродрома в тот раз успел подняться только один Bf-109, несший боевое дежурство. В бой с ним вступил МиГ-3 мл. лейтенанта Д.В. Кокорева (5 сбитых самолетов), который известен тем, что 22 июня 1941 г. совершил первый в истории Великой Отечественной войны воздушный таран. В ходе боя Кокореву удалось подбить вражеский истребитель, и тот под прямым углом врезался в землю неподалеку от Сиверской. Зенитная батарея фашистов обрушила на советский самолет настоящий огненный шквал, истребитель был сбит. С этого боевого задания Дмитрию Кокореву не суждено было вернуться...

В ночь с 4 на 5 ноября мл. лейтенант А.Т. Севастьянов на истребителе И-153 протаранил над Ленинградом вражеский бомбардировщик “хейнкель” He-111. Немецкий летчик, задержанный ленинградцами, на допросе показал, что в предстоящий праздничный день, 7 ноября,

фюрер собирается “качнуть колыбель революции”. Оказалось, что фашисты, блокировав город, решили уничтожить и те грузы, которые уже удалось доставить в Ленинград. Конечным перевалочным пунктом, как установила германская разведка, являлся Финляндский вокзал – отсюда же отправлялись на берег Ладоги и эшелоны с эвакуируемым населением.

В течение нескольких дней фашисты сбрасывали на город листовки, призывавшие жителей “помыться и ложиться в гробы”. Советский самолет-разведчик, чудом вернувшийся из вражеского “осинового гнезда” невредимым, зафиксировал, что наибольшее число немецких двухмоторных бомбардировщиков сосредоточено на аэродроме Сиверская: по данным авиаразведки, там стояли около 40 Ju-88, 31 Bf-109 и четыре Ju-52. Для удара по немецкой авиабазе собрали все, что было в наличии, в том числе решили задействовать даже истребители городской ПВО.

Продолжение следует

¹ По самолетам – приблизительно в 4 раза, что же касается летчиков, то летом 1942 г. “безлошадных” пилотов просто отправляли в пехоту!

² Справедливости ради следует заметить, что Хартман 8 раз покидал свой “мессер”, выпрыгивая с парашютом; Кожедуб же сохранил все свои самолеты – советского аса сбить не смог никто. Кроме того, И.Н. Кожедуб был первым из советских летчиков, сумевших сбить немецкий реактивный истребитель Me-262.

³ По словам публициста и историка М.С. Солонина, к началу войны сложилась совершенно парадоксальная ситуация: много самолетов, летчиков, аэродромов, авиазаводов, летных училищ – при этом повсеместно не хватает бензозаправщиков, шлангов и воронок, аккумуляторов и радиостанций. Есть новейшие скорострельные зенитки, но нет снарядов к ним, есть огромный самолетный парк, но нет тракторов для расчистки аэродромов от снега, есть гигантская сеть летных школ, но курсанты заняты шашкистикой и разгрузкой вагонов... Короче говоря, “все есть – а реальная боеспособность военной авиации ничтожно мала”.

⁴ Среди них были: начальник 1-го отделения отдела технического снабжения авиачасти № 30

Вход в кинозал Сиверского аэродрома

(парк 147-й авиабригады), воентехник 1-го ранга Б.П. Румянцев, начальник площадки 220-го УВСР СКО ЛВО при 147-й авиабригаде И.К. Тулакин, моторист электростанции Сиверского авиагарнизона П.Т. Акинзинов, вольнонаемный музыкант воинской части № 40/30 А.А. Ржевущий и др.

⁵ На аэродроме Миккелли самолетов не оказалось и, согласно отчету, бомбы легли по краю аэродрома. Несуществующий аэродром Мانتюхарью пытались бомбить две эскадрильи; судя по оперсводке, одна из них промахнулась так, что «бомбы легли с перелетом по ж/д станции Мانتюхарью», другая «матчасть самолетов не обнаружила». Где и как избавилась от бомб эта эскадрилья — в отчете не указано, зато финны до сих пор вспоминают, как самолеты с красными звездами бомбили мирные города и деревни...

⁶ Один из «юнкерсов» при отходе от Сиверской был атакован МиГом из 7-го иап и рухнул на землю у оз. Красногорское; экипаж бомбардировщика, возглавляемый лейтенантом В. Шмидтом, скрылся в лесу, после чего был эвакуирован из-за линии фронта на связном «шторхе» Fi-156.

⁷ Герой Советского Союза А.Г. Шевцов за годы войны лично сбил 15 вражеских самолетов плюс 6 — в составе группы. В 1950-53 гг. участвовал в вооруженном конфликте на территории Кореи, где командовал истребительной авиадивизией, позднее был начальником Главного штаба — 1-м заместителем Главкома Ракетных войск стратегического назначения. Генерал-полковник авиации.

⁸ Это не столь важно, поскольку немцы не строили своих аэродромов, а предпочитали

восстанавливать наши. Так, при отступлении советских войск из Гатчины оборудование старейшего военного аэродрома страны было уничтожено, однако уже через две недели отсюда взлетали немецкие истребители.

⁹ Реактивными снарядами.

¹⁰ Аналог советской авиадивизии; эскадра (нем. Geschwader) состояла из трех групп (Gruppe, аналог авиаполка), каждая из которых — из трех эскадрилий (Staffel).

¹¹ В составе эскадры воевали такие асы как Отто Киттель (267 побед) и Вальтер Новотны (более 258 побед); этой авиачасти приписывают и последнюю победу люфтваффе в войне: 8 мая 1945 г. обер-лейтенант Герхард Тибен сбил над Балтикой Пе-2, пилотируемый экипажем Г. Давиденко.

¹² Были свои хитрости и с нашей стороны: так, перед бомбардировкой Сиверского аэродрома советские истребители разбрасывали над летным полем острые металлические шипы, делающие невозможным взлет вражеских самолетов.

¹³ Серийная модификация «мессершмитта» — Bf-109F. В 1942 г. в войска стали поступать Bf-109G — «Густавы», самая массовая модель 109-х. На них устанавливались крепления для бомб, что позволяло использовать самолет в качестве истребителя-бомбардировщика.

¹⁴ В то время практически все новые самолеты, выпускавшиеся промышленностью, поступали на центральное направление, под Москву.

Литература

Зефирова М.В., Дегтев Д.М., Баженов Н.Н. Цель — корабли. Противостояние Люфтваффе и советского Балтийского флота. М., 2008.

Новиков А.А. В небе Ленинграда. М., 1970.

Ханниг Н. Воспоминания эксперта люфтваффе. М., 2007.

Bob H.-E. Jagdgeschwader 54 — Grünherzjäger: Die Geschichte eines berühmten Geschwaders von 1939 bis 1945 mit großer Bilddokumentation. Aachen, 2009.

Weal J. German Aces of the Russian Front. Oxford, 2002.

МОРСКАЯ СЛАВА ГАТЧИНЫ

*Все корабли прикованы к причалу
Сердцами тех, кто водит корабли...*

Е. Гулидов

ГАТЧИНСКИЕ ГАРДЕМАРИНЫ

*Ирина Рыженко
Геннадий Михеев*

В истории Гатчинского Дворца по полному праву превалирует изучение его прошлого как царской резиденции династии Романовых (1796-1917) и настоящего в качестве Дворца-музея с 1985 года. Но в истории Дворца были, хотя и недолго, другие периоды. Например, с 1953-го по 1960-й годы в его стенах располагалось Высшее Военно-морское инженерное радиотехническое училище (ВВМИРТУ), краткие сведения о котором приведены в данной публикации.

Ирина Рыженко

I. Высшее Военно-морское

...И вся история страны
В нас отразилась, словно в капле.
И где бы ни служили мы:
На всех флотах, в песках и в сакле,
И над водой, и под водой,
В НИИ, в разведке, медицине,
Но Гатчину несли с собой,
Как образ милый на картине.

Г. Михеев

1950 год. Прошло уже шесть лет, как Гатчинский дворец был освобожден от немецко-фашистских оккупантов, а его судьба все еще не была решена. Зиял пустыми глазницами центральный корпус, через провалы перекрытий осадки разрушали остатки декоративного убранства. Многочисленные комиссии осматривали огромное здание бывшего музея и мысленно приспособляли его под архив МВД, под дом отдыха, под санаторий... В июне 1951 года, после визита в Гатчину заместителя министра морского ведомства и

Занятия курсантов по физической подготовке. Вдали – Арсенальное каре. 1954 г.

Кабинет кафедры физики. 1953 год

представителей ГИОП, было принято окончательное решение разместить во дворце морское училище.

Высшее военно-морское инженерное радиотехническое училище (ВВМИРТУ) было создано приказом военно-морского министра СССР от 05.02.53 г. в связи с возросшими потребностями флота в инженерах радиотехнической специальности. Учебное заведение размещалось в Гатчинском дворце с 1953 по 1960 годы в составе трех факультетов: корабельного — в Кухонном каре, авиационного и ПВО — в Арсенальном. В 1957 году факультет ПВО был расформирован, а его курсанты переведены на два остав-

шихся факультета. Учебные лаборатории и столовая находились в здании бывших казарм Кирасирского полка — рядом с дворцом, где сейчас базируется Центральный военно-морской архив ВМФ России.

Первым начальником училища был вице-адмирал П.П. Михайлов. Впоследствии руководителями являлись контр-адмиралы А.М. Богданович и М.А. Крупский. Училище было укомплектовано необходимыми хозяйственными службами, кадровой ротой для охраны и сильным профессорско-преподавательским составом.

Некоторые из преподавателей стажировались за рубежом. Важнейшие общеобразовательные предметы (высшая математика, физика и др.) читались по университетскому курсу.

Среди десятков других военно-морских училищ ВВМИРТУ признавалось элитным. Сюда мечтали попасть многие. Конкурс на поступление во все годы был большим. Например, в 1956 году из 1800 абитуриентов было принято на первый курс 179 человек, то есть, только каждый десятый. Требования к качеству учебы и соблюдению дисциплины предъявлялись очень высокие: за двойки на экзаменах, за грубые нарушения воинской дисциплины (самовольная отлучка, употребление спиртных напитков и др.) курсанты отчислялись на флот без учета срока обучения. Первый выпуск состоялся 5 сентября 1955 г., последний — 5 июля 1960 г. Всего за шесть «гатчинских» выпусков было подготовлено 943 инженер-лейтенанта. При училище функционировали Высшие специальные десятимесячные офицерские классы (ВСОК) повышения квалификации офицеров флота, имевших среднее образование. Было выпущено 679 слушателей ВСОК.

Существовало также отделение кур-

Стрелковая подготовка, выход на плац. 1-ый курс ВВМИРТУ, ком. роты Зенин

Шлюпочная подготовка на белом озере, 2-ой курс, 1958 г.

сантов и офицеров стран народной демократии: из Румынии, Польши, ГДР и Китая. Многие из выпускников отделения впоследствии занимали высокие командные посты в своих странах.

Спортивная подготовка в училище была поставлена на высоком уровне. Занимавшиеся в секциях фехтования, плавания, тяжелой и легкой атлетики, гимнастики, бокса, футбола, тенниса и многих других видов спорта, имели высокие спортивные разряды, кандидатские и мастерские звания. Среди курсантов были и творческие таланты. Многие писали стихи и рисовали. Сохранились примеры их творчества: зарисовки учебного процесса, карикатуры, рассказы и стихи о дальних походах, случаях из учебной и «службой» жизни.

Молодых тренированных курсантов

после учебы постоянно привлекали к различному общественно-полезному труду по расчистке плаца, послевоенных завалов в здании дворца, к заготовкам угля и дров, к озеленению территории училища и Гатчинского парка, к поддержанию спортивных площадок в надлежащем виде. Все это было направлено на формирование всесторонне подготовленных офицеров не только по инженерной специальности, но и по умению проявить себя в будущей работе с личным составом на высоком спортивном и бытовом уровне.

В 1960-м году училище выполняло почетную миссию — представляло Военно-Морской Флот СССР на Первомайском параде в Москве. По Красной площади курсанты прошли красивым широким морским шагом. Вернувшись в Гатчину, сдали экзамены, прошли практику и убыли в отпуск, но долго еще вспоминали парад в Москве как интересное знаменательное событие.

В этом же году ВВМИРТУ было расформировано; оставшиеся курсанты переведены в Петродворец во вновь созданное Высшее военно-морское училище радиоэлектроники им. А.С. Попова (ВВМУРЭ).

На всех флотах и в армии «гардемарины» ВВМИРТУ ценились очень высоко. Многие из них стали командирами частей, учеными, управленцами, преподавателями, передавая эстафету высокого профессионализма подрастающим поколениям. Среди них есть академики, доктора и кандидаты наук; многие имеют научные и аналитические труды, изобретения.

Геннадий Михеев

II. Юбилейная встреча

Последний, седьмой выпуск 1961 года, проходивший период написания и

защиты дипломов уже в Петродворце, единственный из семи выпусков, каждые пять лет собирается в первую субботу октября у памятника Павлу I на плацу. Собирались они и в 2011 году на юбилейную встречу — 50 лет окончания училища. Эта дата прошла особенно торжественно. Администрация Гатчины при активной помощи ее главы А.Р. Калугина и его заместителя Е.В. Веселовского обеспечила участие в празднестве духового оркестра, исполнявшего мелодии тех далеких лет. На митинге также с теплым приветственным словом выступил глава района А.И. Ильин. Неоценимое участие в юбилее приняли сотрудники Дворца-музея во главе с директором В.Ю. Панкратовым. Была подготовлена содержательная экспозиция, на которой представлялись предметы быта, фотографии, документы и другие экспонаты бывших курсантов, рассказывающие об этой малоизвестной странице истории Гатчинского дворца. Наиболее значительный вклад в создание экспозиции внесла И.Э. Рыженко, зав. научным архивом ГМЗ. В дальнейшем планируется сделать экспозицию постоянной.

Более подробные сведения о ВВМИРТУ на примере одного выпуска (1956-61 гг.) можно получить в сборнике «Гардемарины Гатчины», имеющемся в центральной городской библиотеке им. А.И. Куприна. В сборнике в 4-х главах представлены сведения о 162-х выпускниках 1961 г., этапы учебы, интересные воспоминания и литературное творчество 26-ти выпускников, приложения и тексты некоторых песен тех лет, даты морских праздников, краткая биография М.А. Крупского и др. материалы.

МОРСКАЯ СЛАВА ГАТЧИНЫ

Памяти капитана I ранга Б.И. Махнева

Иван Вишневский

Я родился и живу в небольшом городе в 45 км от Санкт-Петербурга. Хотя Гатчина и сухопутный город, но, как оказалось, напрямую связан с флотом. Здесь жили и живут люди, которые творили морскую историю нашей страны. Изучая историю Гатчины, нельзя не отметить большое уважение и любовь жителей города к Российскому флоту. Об этом убедительно говорят дела и поступки горожан. Именно поэтому я хочу рассказать вам о военно-морской истории Гатчины и о выдающихся адмиралах, чья жизнь была связана с городом.

Эта тема сегодня актуальна и обладает новизной, поскольку Гатчина известна своим дворцово-парковым ансамблем, началом истории воздухоплавания, а о морской странице истории сухопутного города мало кто имеет представление. Когда я интересовался, что об этом знают мои друзья, в лучшем случае они вспоминали о сгоревшем в Гатчинском парке Адмиралтействе и о Чесменском обелиске.

«Гром победы раздавайся!»

Гатчина ведет свою морскую историю с XVIII века, когда Екатерина II подарила эти земли своему фавориту Григорию Орлову, брат которого Алексей Григорьевич в 1770 году прославился в Чесменском сражении во время русско-турецкой войны, за что и получил право называться Орловым-Чесменским. Память об этой победе была увековечена в Гатчине¹.

В парке на берегу Серебряного озе-

ра был воздвигнут Чесменский обелиск — монумент героической подвиги русских моряков в победе над флотом османской империи в Чесменской бухте Эгейского моря. Немало строк посвящено этой победе. Владимир Бенедиктов писал:

Был то век Екатерины,
В море наши исполины
Дали вновь урок чалме,
Налетев на сопостата,
Нашей матушки ребята
Отличились при Чесме.
Наш орел изринул пламя -
И поникло турков знамя,
Затрещала их луна,
Флот их взорван - и во влагу
Брошен в снедь архипелагу,
Возмущенному до дна.

Поэт М.М. Херасков посвятил Чесменской победе поэму, в которой есть такие строки:

Доколе будет понт в берегах своих шуметь,
Чесменский станут бой
морские нимфы петь...²

Проект разработал архитектор Антонио Ринальди. Для строительства было выбрано одно из красивейших мест Белого озера. Памятник выполнен из бело-розового мрамора десятиметровой высоты. Точный пропорциональный расчет, красота формы позволяют рассматривать его с больших расстояний. Когда смотришь на этот памятник, ощущаешь гордость за мужество русских моряков.

Но не только Григорий Орлов гордился этой замечательной победой.

Следующий владелец Гатчины — император Павел I — приказал среди парадных залов Гатчинского дворца оформить Чесменскую галерею.

До Великой Отечественной войны Чесменская галерея была одним из самых пышных и торжественных парадных залов. Ее создал архитектор Винченцо Бренна. В зале на трех больших картинах работы немецкого художника Якоба Гаккерта были запечатлены самые яркие эпизоды знаменитого морского сражения. Картины являлись авторскими копиями с тех, которые художник выполнил для Петергофского дворца.

С живописными сюжетами батальей великолепно сочеталась военная тематика лепного декора. Сверкающая золотом, озаренная огненными вспышками тонущих кораблей и пурпурным цветом драпировок, галерея выделялась среди парадных залов особенной торжественностью. Не случайно Павел I этот зал часто использовал для проведения тронной церемонии.

В настоящее время мы видим зал почти таким, каким он предстал перед музейными сотрудниками в 1944 году: фрагменты лепнины с остатками позолоты, обнаженная кирпичная кладка и зияющие дыры напоминают о страшной войне, нанесшей императорской резиденции огромный ущерб.

Павловская флотилия

С детства Павел Петрович внимательно изучал морскую историю. Еще будучи 8-летним мальчиком, он был назначен Екатериной II генерал-адмиралом русского флота. Став взрослым, он имел сухопутную гатчинскую армию, но хотел иметь и флот. По его указанию в парке в 1790 году было построено «Адмиралтейство», которое служило верфью, где строи-

лись корабли гатчинской флотилии. Всего было построено 24 судна: яхты, фрегаты, трешкоуты, ялики, гондолы и специальные плоты. Эта флотилия разыгрывала образцовые морские «сражения», сопровождавшиеся стрельбой, абордажами, десантом и другими маневрами. Во время этих боев на практике разрабатывалась взаимосвязь разных видов войск — сухопутных, морских и артиллерии. Павел относился к этим мероприятиям очень серьезно³. Сражения велись с таким азартом, что сын Павла, будущий император Александр I, оглох от пальбы на одно ухо.⁴

Пристанью и местом швартовки кораблей флотилии Павла I являлась терраса-пристань. Это одно из монументальных сооружений на территории Гатчинского парка, построенных по проекту В. Бренны в 1795 году.

Подводная лодка С.К. Девецкого

Всемирную известность Серебряному озеру принесли испытания подводной лодки С.К. Девецкого⁵.

Степан Карлович Девецкий — один из выдающихся изобретателей подводного кораблестроения XIX века. Он пришел к выводу, что наиболее эффективным средством борьбы с боевыми кораблями являются подводные лодки. Первая подводная лодка Девецкого

была построена в 1877 году в Одессе. Экипаж состоял всего из одного человека. Своего рода «подводный велосипед». Но по тем временам это было сложнейшее инженерное сооружение! В Санкт-Петербурге на Невском заводе в 1879 году была построена новая модель. Она отличалась тем, что в ней помещались уже 3 человека, поэтому размеры лодки стали больше.

Ее технические характеристики:

Длина	— 6 м
Ширина	— 1,37 м
Высота с люком	— 1,66 м
Глубина погружения	— 12,5 м
Подводная скорость	— 2,5 узла

Испытания этой подводной лодки производились в Гатчинском парке на Серебряном озере на глубине 7,5 м. Принимал испытания сам Александр III. Девецкий лавировал под шлюпкой, с которой наблюдали император и императрица⁶. В том же году были построены 50 таких лодок. В военных действиях они участия не принимали, а использовались в разведывательных целях. Одну удалось сохранить. Увидеть ее можно в экспозиции Центрального Военно-Морского музея в Санкт-Петербурге.

Ко дню Военно-Морского флота 30 июля 2006 года научно-производственное объединение «Свит» построило макет подводной лодки Девецкого и установило в сквере около Гатчинского дворца. Каждый год здесь традиционно возлагают цветы в день Подводного флота.

Ходил по Белому озеру пароход

О Павловской флотилии сегодня знает каждый, но менее известно, что в самые юные годы ходил по озеру его внук, тоже генерал-адмирал. Впоследствии выдающийся реформатор российского военно-морского флота,

великий князь Константин Николаевич, сын императора Николая I⁷.

Константин Николаевич с пятилетнего возраста был определен отцом к морской службе. Чтобы он узнал ее по-настоящему, в наставники ему назначили знаменитого адмирала Ф.П. Литке. С семи лет Константин начал «ходить» по настоящему морю. В 16 лет он совершил переход через северные моря. А в 27 лет стал руководителем Российского флота.

В марте 1839 года Николай I распорядился привезти в Гатчину маленький пароход «Константин», принадлежавший великому князю. Но судно было не на ходу из-за неисправности котла. Ремонтные работы исполнил котельщик Адмиралтейских Ижорских заводов Ефим Зиновьев, и в августе пароход «Константин» уже бороздил водную гладь Белого озера.

Современная история морской Гатчины началась с открытием Гидрографического училища в помещениях Гатчинского дворца.

Военно-морские училища Гатчины⁸

С июля 1952 года до 1953 года в Кухонном каре Гатчинского дворца раз-

мещалось Гидрографическое училище, которым командовал контр-адмирал А.В. Солодунов. А затем было организовано ВВМИРТУ (Высшее Военно-Морское инженерно-радиотехническое училище) на базе радиотехнического факультета Высшего Военно-Морского училища связи (ВВМУС) им.Попова, т.к. требовалось большое количество специалистов радиотехнических служб на флоте. Об истории ВВМИРТУ мне рассказал выпускник этого училища Игорь Семенович Филатов. В Кухонном каре располагались курсанты-моряки и корабельный факультет. В Арсенальном каре находились: авиационный факультет и факультет противовоздушной обороны Военно-морского флота.

В 1953 году сюда перевели командный радиотехнический факультет. А в сентябре 1954 года был осуществлен переезд из Петродворца инженерного факультета.

Таким образом, ВВМИРТУ состояло из первого факультета — корабельного, второго факультета — авиационного, третьего — ПВО ВМФ. Командиром училища был назначен вице-адмирал Петр Павлович Михайлов, затем его сменил контр — адмирал Богданович. Следующим руководителем училища стал вице-адмирал Крупский Михаил Александрович, о котором будет сказано позже. Первый выпуск инженеров радиотехнических средств флота

состоялся 7 октября 1956 года.

В 1960 году ВВМИРТУ объединилось с Высшим морским училищем связи и образовалось Высшее Военно-Морское инженерное училище радиоэлектроники им.Попова, которое разместили в Петродворце.

Морская авиация

27 июля наша страна отмечает день Военно-Морского флота. В этот праздник звучат поздравления в адрес корабельного состава. Но забывают, что одним из подразделений флота является морская авиация. Первую пробу крыла многие морские летчики проводили в Гатчине.

Один из самых известных морских авиаторов — Борис Григорьевич Чухновский. Он учился в Гатчинском

реальном училище, и, по его словам, «еще в те годы интересовался авиацией»⁹. Но по настоянию отца поступил в Морской корпус. По зову сердца в 1917 году он перевелся в Военную школу морских летчиков. Обучение закончил одним из первых и получил

назначение начальником Ораниенбаумского воздушного дивизиона Балтийского моря. Осенью 1923 года его зачислили на Военно-морской факультет Военно-Морской академии, а уже через год Чухновский совершил первые полеты над Карским и Баренцевым морями.

После катастрофы дирижабля «Италия» летчик вместе с ледоколом «Красин» принимал участие в спасении экспедиции. Именно Чухновский обнаружил членов экспедиции на льдине. Во время войны служил заместителем командира авиационного полка Военно-воздушных сил Северного флота. Был награжден орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени¹⁰.

Умер Б.Г. Чухновский 30 октября 1975 года. Похоронен на городском гатчинском кладбище. На стене бывшего Реального училища, где он учился (сейчас школа № 4), установлена мемориальная доска. Но на ней есть неточность — летчик не был Героем Советского Союза, несмотря на то, что был основателем полярной авиации, которой посвятил всю жизнь.

Летчиком полярной авиации был еще один гатчинец — Михаил Сергеевич Бабушкин. Со своим самолетом-амфибией он принимал участие в переходе ледокольного судна «Челюскин» из Мурманска на Тихий океан. Обязанностью летчика была разведка ледового состояния пути.

В январе 1937 года началась организация первой полярной станции «Северный полюс». И Бабушкин, как начальник Оперативного управления полярной авиации, руководил всей подготовкой. За образцовое выполнение задания восемь участников экспедиции, в том числе и М.С. Бабушкин, получили звания Героев Советского Союза.

М.С. Бабушкин погиб 18 мая 1938

года во время спасения пропавшего самолета С.А.

Леваневского. Имя летчика увековечено на карте: остров Бабушкина в Баренцевом море, мыс Бабушкина на Земле Франца-Иосифа, залив Бабушкина в Охотском море. Только ничто о нем не напоминает в Гатчине, где он сделал первые шаги в авиации.

В нашем городе не только учили морскому делу, но здесь жили моряки, которые принесли славу нашему флоту.

ГАТЧИНСКИЕ АДМИРАЛЫ

Адмирал А.П. Епанчин

Алексей Павлович Епанчин родился в 1823 году. Учился в Морском кадетском корпусе, по окончании которого как лучший ученик был зачислен в офицерский класс. Алексей Павлович добился учреждения Николаевской Морской академии, ныне Военно-Морская академия имени адмирала флота Советского союза Н.Г. Кузнецова, и был ее начальником.

За отличную службу получил звание адмирала. Алексей Павлович поставил рекорд служебного долголетия, 69 лет служил он в военно-морском фло-

те, из них 36 — в адмиральском звании. К 1909 году Алексей Павлович был удостоен наград: Ордена Святого Станислава, Ордена Святой Анны, Ордена Святого Владимира и др..

Впервые Алексей Павлович поселился с семьей в Гатчине в 1866 году, снимая целый дом (дом не сохранился), а в 1872 году приобрел квартиру в доме № 12 на Люцевской улице (ныне улица Чкалова).

Его сын Гавриил окончил Морской кадетский корпус, служил на флоте, работал в области кораблестроения. После революции был репрессирован¹¹.

Адмирал А.В. Колчак

В нашем городе некоторое время жила семья Александра Васильевича Колчака. Он родился в Петербурге в семье крупного специалиста в области артиллерии. После учебы в Морском корпусе и Морской Академии мичман Колчак отправился служить на Дальний Восток, плавал вахтенным начальником на клипере «Крейсер». В 1900 году лейтенант Колчак в качестве гидролога и магнитолога отправился в полярную экспедицию под руководством барона Э.В. Толля на судне «Заря» в район Новосибирских

островов и острова Беннета. Участвовал в поисках земли Санникова, а потом руководил поисками исчезнувшего отряда Толля.

Узнав о невероятных трудностях этой экспедиции, невеста Александра Васильевича вместе с отцом своего жениха отправилась на его поиски в приполярную Сибирь. Они встретились в селении Казачьем на Яне, добрались до Иркутска и обвенчались 5 марта 1904 года. Через несколько дней Колчак отправился на фронт Русско-японской войны. Командовал минным заградителем «Амур», а затем эскадренным миноносцем «Сердитый». Героически сражался и на суше, обороняя Порт-Артур. Был награжден золотым оружием с надписью «За храбрость», орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами. После войны написал свой главный научный труд — монографию «Лед Карского и Сибирских морей». В 1910 году был назначен капитаном ледокольного транспорта «Вайгач» и участвовал в первой правительственной Гидрологической экспедиции Северного Ледовитого океана. Через год был отозван в Петербург, где работал над проектом трассы Северного морского пути. В 1913 году «Вайгач» и «Таймыр» (уже без Колчака) открыли

архипелаг Северная Земля — последнее географическое открытие XX века. В честь Колчака был назван остров в Карском море (в советское время переименован в о. Расторгуева — сослуживца Колчака).

С начала 1-й Мировой войны А.В. Колчак служил на Балтике, а жена Софья Федоровна с сыном Ростиславом с осени 1915 по август 1916 года проживали в Гатчине. В апреле 1916 года его произвели в контр-адмиралы, а вскоре в вице-адмиралы и назначили командующим Черноморским флотом. Во время Гражданской войны он становится одним из лидеров белого движения, «Верховным правителем Востока России». В январе 1920 года Колчак попал в плен к большевикам и 7 февраля 1920 года был расстрелян в Иркутске на берегу Ангары

Контр-адмирал М.В. Иванов

Другим выдающимся моряком, жившим в это же время в Гатчине, был Модест Васильевич Иванов. С 1887 года Модест Васильевич учился в Морском корпусе вместе с А.В. Колчаком. В 1894 году был выпущен мичманом и за отличные успехи рекомендован на гидрографический факультет Морской академии. В 1900 году после окончания академии в звании лейтенанта Модест Васильевич служил на Тихоокеанской эскадре. Во время русско-японской войны командовал отрядом траления и был награжден золотым оружием.

В годы Первой Мировой войны М.В. Иванов служил на Балтике. Был назначен начальником бригады крейсеров и пользовался у матросов огромным авторитетом. Согласно Постановлению Совнаркома от 4 ноября 1917 года М.В. Иванов был назначен председателем Верховной морской

коллегии с правами министра. По Постановлению Съезда «За преданность народу и революции...» Модесту Васильевичу было присвоено звание контр-адмирала. Он стал первым красным адмиралом.

Семья Ивановых — Софья Александровна с сыном Георгием — жили в нашем городе на Марининской улице (ныне улица Киргетова) до начала Великой Отечественной войны.

Несколько будущих адмиралов учились в Реальном училище имени Александра III. Оно имело семилетний курс обучения, который проходили только мальчики. Главное внимание при обучении уделяли точным наукам. В училище была устроена обсерватория, где наблюдали за звездами, что было важно, так как корабли в прошлом ориентировались по звездам. Среди них будущие вице-адмиралы М.А. Крупский и М.М. Крылов.

Вице-адмирал М.А. Крупский

Крупский Михаил Александрович родился 12/23 апреля 1902 года в Санкт-Петербурге. Учился в Гатчинском реальном училище (1911-1918 гг). В 1925 году окончил Военно-морское

ческому исследовательскому судну. Умер Михаил Александрович в 1975 году. Похоронен на Серафимовском кладбище.

Вице-адмирал М.М. Крылов

Крылов Михаил Михайлович родился 10 апреля 1929 года в городе Гатчина окончил 7 классов гатчинской средней школы № 4. В годы Великой отечественно войны во время оккупации города находился в Гатчине. После окончания войны и школы поступил в речное училище.

инженерное училище, а в 1930 — электротехнический факультет Военно-морской академии.

Участник гражданской и Великой Отечественной войн. Служил старшим связистом на линкоре «Парижская коммуна». В 1930 году был командирован в Германию по приемке гидроакустических устройств для подводных лодок.

С 1931 года был направлен для прохождения службы в систему Высших Военно-морских заведений (ВВМУЗ). Михаил Александрович — участник Великой Отечественной войны, за отличную службу ему присвоили звание вице-адмирала.

Исполнял различные должности — от преподавателя до начальника кафедры и начальника училища. В 1956 году был назначен начальником Высшего Военно-морского училища радиоэлектроники в Гатчине, которое располагалось в здании Гатчинского дворца. С 1960 года — начальник ВВМУРЭ им. А.С. Попова в Петергофе. Кандидат военно-морских наук. Профессор, награжден многими орденами и медалями.

Имя адмирала Крупского было присвоено после его смерти океанографи-

Затем окончил Военно-морское училище связи в Петергофе. После его окончания в 1951 году был назначен командиром боевой части БЧ-4.

После окончания Высших специальных классов Военно-Морского флота (ВМФ) в 1961 году назначается флагманским специалистом связи на дивизию кораблей противолодочной обороны Северного флота.

С 1966 по 1967 годы был связистом на Кубе при формировании революционных вооруженных сил. С 1967 года М.М. Крылов назначается на должность флагманского связиста Средиземноморской эскадры. С 1974 года

- заместитель начальника связи ВМФ СССР, а с 1975 года — начальник связи ВМФ СССР.

При непосредственном участии начальника связи ВМФ вице-адмирала М.М.Крылова был создан Научный совет Академии наук СССР по комплексной проблеме связи с глубоко погруженными подводными лодками под председательством академика В.А. Котельникова, где М.М. Крылов был его заместителем.

Система связи ВМФ вошла в единую автоматизированную систему управления силами и оружием.

За большой плодотворный труд по созданию и совершенствованию системы управления морской компоненты системы ядерных сил вице-адмирал М.М. Крылов награжден многими орденами и медалями СССР¹². Умер в 2003 году, похоронен на Троекуровском кладбище в Москве.

Адмирал А.А. Комарицын

Руководителем Морского собрания в Гатчине сейчас является адмирал А.А. Комарицын. Анатолий Александрович родился в городе Советская Гавань. Отец и мать были военными моряками, поэтому Анатолий Александрович не видел себя никем иным, как моряком.

Действительную службу Анатолий Александрович начал в сухопутных войсках, а затем по его просьбе был переведен на военно-морскую службу.

В 1969 году А.А. Комарицын окончил Тихоокеанское высшее военно-морское училище им. С.О. Макарова, в 1981 году — Военно-морскую академию, в 1986 году — Военную академию Генерального штаба.

Отслужил на Камчатке, на подводных лодках 25 лет. Прошел путь от лейтенанта — командира группы, до

командующего флотилией атомных подводных лодок на Тихом океане. Начал офицерскую службу на атомной подводной лодке проекта 627. В дальнейшем изучил все корабли, созданные известным конструктором Сергеем Никитичем Ковалевым. Создал теорию борьбы с авианосцами, за что награжден премией правительства СССР. Морские офицеры, которым довелось служить под началом Анатолия Комарицына, считают его истинно боевым подводником.

Помимо военно-морского дела Анатолий Александрович занимался и научной деятельностью. Будучи руководителем Главного управления навигации и океанографии, под его редакцией был опубликован научный труд «Атлас океанов». Комарицын в 2002-2009 годы был президентом Русского географического общества (РГО). Он один из инициаторов учреждения награды Золотой медали им. Великого князя Константина Николаевича «За заслуги». Анатолий Александрович не раз был гостем нашей школы¹³.

Послевоенное морское поколение гатчинцев

У нас в Гатчине сегодня проживают около 300 офицеров запаса и в отставке, имеющих воинское звание и про-

служивших на флоте 20 и более лет. Есть даже морские династии.

Участник Великой Отечественной войны, старшина 1 статьи Михайлов Виктор Михайлович награжден медалями: «За отвагу», «За оборону Советского Заполярья», «За взятие Берлина», «За победу над Германией». На фотографии в центре Виктор Михайлович со своими сослуживцами. Его сын, капитан 3 ранга Михайлов Сергей Викторович, окончил Высшее

Военно-Морское инженерное училище имени В.И. Ленина, служил на Север-

ном флоте в пограничных войсках. В 1999 году стал одним из организаторов Гатчинских Морских кадетских классов, был офицером-воспитателем и заместителем директора школы-интерната. Его племянник, капитан 2 ранга Белоусов Вячеслав, служит на Балтийском флоте.

На борту подводной лодки «Комсомолец» погиб командир штурманской боевой части Михаил Смирнов. Но его племянник Алексей продолжает флотскую династию.

Морские кадетские классы Гатчинской школы-интерната

Сегодня в Гатчине морские традиции нашли свое продолжение открытием в 1999 году в Гатчинской школе-интернате Морских кадетских классов. Их окончили уже более 100 выпускников. В программу обучения входят: история флота, изучение уставов, строевые занятия, изучение морских специальностей, прохождение морской практики на гатчинских водоемах и учебных базах военно-морских институтов в городе Пушкине. Преподавание ведут опытные моряки, знакомые с особенностями службы на флоте. Более 20 человек поступили в военно-морские институты, уже шести наших выпускников служат на Балтийском, Северном и Тихоокеанском флотах.

С 2006 года в нашей школе работает Музей военно-морской славы, руководителем которого до последнего дня своей жизни являлся капитан 1 ранга Б.И. Махнев. Борис Иванович не только хранил экспонаты, рассказывающие об истории русского флота, но и передавал свои знания нам, поколению будущих моряков, учил гордиться победами и воспитывал в нас качества, необходимые каждому защитнику Родины.

В музее можно увидеть макеты подводных лодок и кораблей, экспозиции, посвященные истории Военно-Морского флота России. Здесь хранятся документы, рассказывающие об истории, традициях русского флота — это воспоминания моряков о годах службы, чертежи и фотографии кораблей и подводных лодок, принесших славу нашему флоту. По традиции после посвящения в кадеты ребята приходят сюда, чтобы узнать о славной истории русских моряков.

Хранилищем морской истории сегодня является Центральный Военно-Морской Архив Министерства обороны Российской Федерации.

Центральный Военно-морской Архив

Гатчина. Красноармейский проспект, дом 2. Этот адрес широко известен в нашей стране и за рубежом. Здесь находится Центральный Военно-Морской Архив Министерства обороны Российской Федерации. Обращаются в Архив по самым различным поводам: кто-то ищет подтверждение своего участия в боевых действиях, кто-то просит справку о прохождении службы, кому-то нужны сведения для научной работы. Главные задачи архива — сбор документов, их научно-техническая обработка, обеспечение сохранности документов, организация правильного использования материалов в исследовательской работе.

Военно-морской архив в Гатчине был создан в 1961 году, когда сюда из Ленинграда переехал архив, основанный еще в 1724 году. Для размещения ему было передано бывшее здание казарм Кирасирского полка. С той поры его возглавляет уже 6-й начальник — контр-адмирал Семенов Иван Александрович.

Семенов И.А. — коренной гатчи-

нец, окончил Высшее Военно-морское училище имени М.В. Фрунзе. Вся его жизнь связана с подводным флотом. Командовал атомной подводной лодкой (проект 675) и был награжден орденом Красной звезды¹⁴.

Иван Александрович родился 8 апреля 1940 года в деревне Химози Гатчинского района. В 1957 году окончил 36-ю железнодорожную школу города Гатчина. После окончания школы поступил в Высшее Военно-морское училище имени М.В.Фрунзе, которое окончил в 1962 году.

После окончания училища был назначен командиром рулевой группы БЧ-I подводной лодки «Б-76». В апреле 1963 года получил назначение командира электронавигационной группы БЧ-I пларк подводной лодки «К-172» Северного флота. В этой должности прослужил до ноября 1966 года. В ноябре 1966 года был назначен на должность командира БЧ-I этой же подводной лодки. В должности командира БЧ-I прослужил до октября 1969 года. Затем был отправлен на учебу в Высшие советские офицерские классы ВМФ, которые окончил в 1970 году.

После окончания офицерских клас-

сов был назначен старшим помощником командира пларк «К-74». С октября 1974 по август 1976 года командовал подводной лодкой «К-104» и «К-1» КСФ. В июле 1976 года ему присвоили звание капитана I ранга. В 1978 году он окончил Военно-морскую академию имени А.А. Гречко, затем продолжил службу в Главном штабе ВМФ. В Главном штабе начал службу старшим офицером, хорошо продвигался по служебной лестнице и закончил заместителем начальника управления генерального штаба ВМФ в звании контр-адмирала. Командовал атомной подводной лодкой (проект 675) и награжден орденами Красной звезды и орденом «За службу Родине В СССР», медалями.

Заключение

Тихая, уютная сухопутная Гатчина, как, оказалось, имеет непосредственное отношение к истории становления, развития и блистательных побед русского флота. Гатчинцы всегда чтит и по сей день помнят подвиги замечательных русских моряков, адмиралов, морских летчиков. Никогда не зарастет народная тропа, ведущая в Военно-морской архив, хранящий документы об истории флота, о славных русских морях. На сегодняшний момент в Морском собрании Гатчины состоит более 250 человек, их жизнь и судьба могут послужить объектом нового исследования. Морские традиции

продолжает новое поколение гатчинцев, которые служат или готовятся к службе на Военно-морском флоте. Их чтят и кадеты Морских классов Гатчинской школы-интерната. Словом, морская эстафета в Гатчине продолжается!

Гатчина, 2012 год.

1. *Первушина Е.В.* Загородные императорские резиденции, Паритет, - СПб, 2007-с.152,189
2. *Кючарианц Д.А., Раскин А.Г.*, Гатчина, - Лениздат, - 1990, -с.156
3. *Первушина Е.В.* Загородные императорские резиденции, Паритет, - СПб, 2007-с.164
4. *Кючарианц Д.А., Раскин А.Г.*, Гатчина, - Лениздат, - 1990, -с.107
5. <http://viknaodessa.od.ua/?dgeveckiy>
6. *Смотрицкий М.* О подводной лодке Джевецкого, Гатчина-ИНФО, 20.09.2007
7. *Николаев В.* Ходил по Белому озеру пароход..., Гатчинская правда, 2.08.2003
8. Из воспоминаний В. Потяева. Моряки в Гатчине. Гатчина-ИНФО. — 17.04.2003
9. *Семенов И.А.* «Высший пилотаж Бориса Чухновского», Гатчина-ИНФО, 24.07.2008
10. *Родионова Т.Ф.* Гатчина. Страницы истории. СЦДБ Гатчина, - 2006. — с.150
11. См. об этом: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
12. <http://flot.com/publications/books/shelf/signal/3.htm>
13. По воспоминаниям и рассказам А.А. Комарицина
14. Из рассказа И.А. Семенова.

К ПОРТРЕТУ СОВРЕМЕННОГО

*Я знакомлюсь с собой ежедневно.
Снисходительно, ласково, гневно...
Твоей тайны, Создатель, не знаю.
Каждый день я себя постигаю.
Каждый день я знакомлюсь с собой...*

Е. Кройтор

СВОЕВРЕМЕННЫЕ ДИАЛОГИ

85-летию Гатчинского района посвящается...

Александр Баскаков

Николай Васильевич Витовщик

Утро. Рабочий кабинет..., ответив на телефонный звонок Николай Васильевич, закурил:

— Я ранее не замечал, что курите. Вы получаете удовольствие от этого дыма?

— До вашего прихода я принял трех человек. Одному тут же посодействовал, второй обратился не по адресу, а как помочь молодому парню, погрязшему в водовороте семейных перипетий, как шекспировский Гамлет? И это-то в нашем просвещенном веке! — с негодованием возмущается Николай Васильевич. — Мне придется разбираться по его проблеме, очевидно, долго.

Когда слышишь подобную исповедь, сердце сжимается в груди, и невольно чувствуешь себя на месте этих людей. Вот и закурил. К слову сказать, не верю, что самостоятельно человек не может бросить эту дурацкую привычку. Но когда самому приходилось вкалывать, порой сутками, да на морозе, курил по две пачки в день. Это была единственная отдушина. Раз три бросал, и все по просьбе жены. Теперь не курю, это просто нервы. А женщинам вообще не нужно курить, ведь мода семидесятых давно прошла, и теперь это уже дурной тон.

— Николай Васильевич, мне кажется нельзя жить одной работой, у сильного мужчины должны же быть чисто мужские увлечения.

— Имеете в виду рыбалку, охоту, спорт?

Я подтвердил кивком головы.

— Тонкого льда боюсь, а лодки нет. Поэтому и не рыбачу ни зимой, ни летом. Ружье я хорошее приобрел лет десять тому назад. Сходил с друзьями на охоту раза три. Обычно вечером постреляем на меткость по банкам изпод тушенки, которую съедим днем. Помню, прицелился в утку, а курок не могу нажать. Ведь она такая гордая и счастливая, — мама шестерых утят! Когда любишь нетронутую природу, на душе светло и чисто.

— Из библейских заповедей, какие считаете самыми важными?

— Почитать Отца и Мать.

Я попросил Николая Васильевича пояснить такой ответ.

— А вы вдумайтесь в смысл этих слов. В них заключен смысл всех других заповедей. Родители с рождения учат ребенка всему лучшему, и, чтя за это родителей, человек должен... Нет! просто обязан идти светлым, чистым путем.

— Николай Васильевич, теперь считают, что ребенок ходит в школу, а значит, пусть с ним занимаются учителя.

— Учитель обязан в первую очередь давать знания, а воспитывать обязаны родители, и переваливать все на учителей нельзя. Воспитание и образование — понятия совершенно разные, но если они сплетутся в единое целое, хвала, в первую очередь, родителям.

— А вам с супругой удалось и воспитать и дать образование детям?

— В полной мере. Но все-таки, дочь Алена на меня иной раз ругается за внуков, когда к ним приезжаю. Я их балую. А она мне: «Сегодня, папа, у меня дети наказаны. Сева стихотворение не доучил, а Тема волка безобразно нарисовал акварелью». Попробуй только вмешаться. В это время Николай Васильевич какой-то застывшей улыбкой грустно вздохнул и продолжил:

— Не рассказывал дочери, как мои родители нуждались в прежние годы, и теперь ей меня не понять. В детстве я видел конфеты на витрине магазина, и лишь мог позволить себе разглядывать красивые фантики и мечтать, что и мне когда-нибудь купят родители. Теперь мне не дают вволю побаловать первоклассника сладким. Заслужить должен, вот те на.

— Такое прегрешение, я считаю, можно дочери простить. А вот с супругой у вас возникали ссоры?

— К ее замечаниям, а порой и вспышкам я почти привык. Ведь из-за случайно оброненной искры города сгорали дотла. Города заново строили, а семью потеряешь навсегда. Мимолетные разногласия ничего общего не имеют с настоящей любовью. Может быть, у моей жены есть какие-то недостатки, а в ком их нет? Но ее поведение, взгляды укладываются в норму замужней

женщины — мудрой и добропорядочной. Мы должны понимать, что с нами, мужиками, не так уж легко ладить таким хрупким созданиям, какими являются женщины.

— Николай Васильевич, но мы знаем, что на этих хрупких женщинах вся страна держалась и держится.

— В цивилизованных странах, сельскохозяйственный труд механизирован, у нас сплошь и рядом работают женщины, да еще за гроши. Если взять учителей и медработников, то это опять подавляющее большинство женщин. Это просто насмешка — платить за нелегкий и самый ответственный труд такие нищенские зарплаты. Пора бы подумать Правительству о женщинах, родивших двух детей и более, и платить деньги до поступления младшего в школу. Тогда в полной мере будет и родительское воспитание, и педагоги станут учить как надо, тогда не будет перепалок родителей с педагогами, — «кто и чем должен заниматься?» Не нужно будет тогда столько мест в детских садах. Ведь начальное воспитание должно закладываться, прежде всего, в семье.

— Раньше газеты только и пестрели статейками о замечательных докторам, чутких и внимательных к больным. Теперь Интернет, а еще круче — сарафанное радио — разглагольствует о низком профессиональном уровне врачей?

— Народ у нас быстро забывает плохое. К примеру, скажу, если раньше на линии включали электроплитку, экран телевизора КВН слегка темнел. Если электропилу, то по сокращению площади экрана было видно, толстое ли бревно пилят. Люди придумывали всякие хитрости, ставили трансформаторы, и рукояткой регулировали напряжение, но вечером экран телевизора гас на некоторых перегруженных

линиях. Да и свет в окнах напоминал, как в старину, горящие свечи. И про уровень медицины прошлых лет забыли. Современная наука многих стран, в том числе и России, постоянно разрабатывает новые лекарственные препараты и изобретает медицинское оборудование. Но соглашусь и с теми людьми, которые пострадали, в полном смысле слова, из-за недостаточной квалификации врачей. В первую очередь надо наладить систематическое прохождение курсов усовершенствования врачей и медицинских сестер, платить достойную заработную плату и только потом требовать. Да, забыл сказать, чтобы лекарства соответствовали ГОСТу, и было чем лечить, можно и нужно спрашивать с врача результат. Сейчас у нас замкнутый круг. В медицину нужно вкладывать деньги и немалые, они обязательно вернутся государству.

— **Николай Васильевич, не понимаю, как они могут вернуться опять в казну - это же не сельское хозяйство.**

— И сельское хозяйство не обманешь. Сэкономил деньги на постройке добротного хранилища, вот и убытки, причем ощутимые. Так и в медицине. Не долечили больного, и будет он сидеть на больничном. Нет необходимого оборудования, так залечат, что потом государство же и будет платить больному инвалидность.

— **Какие годы жизни были для вас самыми сложными?**

— Десяток последних. И не удивляйтесь. В юности работал от зари до зари, тогда все так трудились. Армию, вуз прошел без напряга. А то, что сам выбрал работу не из легких, об этом не жалею. Мы были преданы своему делу, не пасовали якобы перед невозможным, и каждый из нас понимал, что он энергетик, почти Прометей. В морозы отогревали свои озябшие руки

и ноги у буржуйки в вагоне, порой за сотни верст от своих семей. Случались и несчастные случаи, но по духу мы были даже не геологами, а скорее солдатами. Куда бы нас ни бросали, мы профессионально и самоотверженно справлялись с работой. А вечерами у жаркой печурки, сидя кружком, исполняли песни, которые любили наши отцы. Песни «Огонек» и «Катюша» пели по несколько раз долгими вечерами, наверно, потому, что были все отцами и горячо любили своих жен.

Теперь ответственность на плечах совсем иного толка. Я обещал людям помогать. Но и годы неумолимо бегут, поэтому стараюсь как можно больше и эффективнее принести пользы людям.

— **Когда вам легче было: при коммунистах или сейчас?**

— Мы тогда лишь догадывались, но молчали, что у нас что-то не так. Меня как крестьянина раздражала очередь за молоком. Оскорбляла беззастенчивая ловкость (наглость) мясников. Не хватало в стране совхозных продуктов, а мама с отцом трудились от зари до зари. Но было много и неопровержимых плюсов. И вдруг — парадокс: в перестройку многие предприятия и совхозы распались, а на прилавках оказалось изобилие импортных товаров, и миллионы людей остались без работы. И хорошо бы дышалось теперь, если бы люди не бежали из России с миллиардами или без, а других не надо было вытаскивать из трущоб на митинги поддержки к урнам для голосования.

— **Николай Васильевич, извините меня, что с грустного перехожу на веселые темы. Вы любите шутки, анекдоты?**

— Юмор — это тонкий талант, дающийся не всем людям. Здоровый юмор — это прекрасно. Анекдот — все зави-

сит от того, каков он, и в связи с чем рассказан. Насмешничество и пустой смех не люблю.

— **Как вы считаете, что можно и нужно сделать в мировом сообществе, чтобы мир изменился к лучшему?**

— Прекратить производить и полностью уничтожить ядерное оружие. Всем иметь один паспорт с правом жить и работать в любой стране. К сожалению, у нас этот вопрос не решен окончательно. Наш народ негативно относится к гастарбайтерам. Они же наши люди. Все напасти и невзгоды пережили единой Советской страной, а теперь готовы в трудное для них время бросить их. Косо смотрим на них, а сами не хотим трудиться на низкооплачиваемых работах. Как мы быстро все забываем. В жуткое время перестройки спасались от нищеты, работали в Финляндии. По двенадцать часов, не разгибаясь, собирали клубнику за тысячу долларов в месяц. К нашему российскому стыду, гнули спины на капиталистов и квалифицированные рабочие, оставшиеся без средств к существованию, и те же инженеры, врачи, учителя. Тем, кто тогда чудом уцелел на работе, платили какие-то непонятные фантики. Десятки лет люди знали, что коробок спичек стоит копейку, а буханка хлеба, причем килограммового, — четырнадцать. Старушки не могли разобраться в новых «перестроечных» деньгах, с многочисленными нулями, сколько теперь требуется заплатить за квартиру, и сколько осталось на горбушку хлеба.

Вот поэтому я не хотел и не хочу радикальной смены власти. Новый лидер постарается все перекроить по-своему, а это значит, что в первую очередь пострадает народ. Тем самым опять откинем себя на пару десятков лет назад. Лучше думать о завтрашнем дне, и добросовестно трудиться сегод-

ня, тогда все у нас будет в порядке. Считаю, что скоро и у нас будут люди улыбаться друг другу, как в Европе.

Со своей стороны, как депутат Законодательного собрания Ленинградской области, буду продолжать начатое дело, чтобы к каждому частному дому подвели газ. По себе знаю, что такое голод и холод, а еще и мороз под сорок, и элементарных лекарств от простуды нет. Все эти несчастья людские должны уйти в прошлое. Народ должен быть обеспечен работой с достойной заработной платой. Семьи — иметь свою жилплощадь и быть уверенными за себя и своих детей. Быть добрее друг к другу. Сколько я бед людских переслушал в этом кабинете, многие из них по вине родных или просто соседей. Причем, даже очень мерзких, а выслушай другую сторону, такого наплетут, что голова кругом идет. Так и хочется на всю страну прокричать: «Куда подевалась совесть?». Об одном и том же, и две правды, попробуй — разберись, кто из двух бесовестно лжет. Ведь двух правд не бывает.

Что касается средств массовой информации. Была раньше цензура, понятно, что это недемократично. Теперь до неприличия искажают факты, порою порой по заказу ни в чем не виноватых людей. За такие проделки издательства нужно лишать свидетельства регистрации, а корреспонденту предъявлять иск.

— **Помню, давая интервью на местном телевидении, вы ни на кого не ссылаясь, откровенно и очень профессионально отвечали на сложные, порой нелицеприятные вопросы телезрителей, решительно беря ответственность на себя, оставаясь, при этом, подчеркнуто корректным.**

— Вы правильно подметили, Александр Иванович, я действительно стараюсь быть сдержанным и уж тем

более не грубить. Мягкий отцовский характер перешел ко мне, и это порой очень мешает работе, но многие достоинства отца служат мне примером всю жизнь.

Отец был открытый человек. Его с детства уважали в поселке, затем за боевую доблесть на фронте, потом как председателя колхоза. Чтя отца, я не имею права быть другим. Ведь люди, живущие на белом свете с чистой душой, способны на благородные поступки, а при необходимости, и к самопожертвованию, я искренне верю, что в нашей стране, очень много таких людей.

Нельзя погружаться в невежество, нужно дать возможность получать образование всем желающим. На себе прочувствовал, что на очном учиться легче. На вечернем сложнее: работа, семья, двое детей. Не получи я второго высшего образования в академии государственной службы, вряд ли сумел бы управлять таким важным предприятием, да и документов «перелопачиваю» горы. Поэтому остается только мечтать о поездке в Израиль и увидеть пирамиды в Египте.

— Хочу заметить, что ваши труды неоднократно были отмечены руководителями всех уровней власти, в том числе и вице-губернатором Правительства Ленинградской области Николаем Ивановичем Пасядой, цитирую: «По мнению Правительства Ленинградской области, состояние электрических сетей в Гатчине и районе считается одним из лучших в области. Директор предприятия «Гатчинские электрические сети», депутат Законодательного собрания Ленинградской области Николай Васильевич Витовщик должным образом использует возможности Законодательного собрания для оказания помощи населению города и района. Поэтому на энергетиков

жалоб от жителей мы получаем меньше всего, руководство электросетей на месте решает все вопросы».

— Николай Иванович поступают ли к вам жалобы по поводу перебоев подачи электроэнергии?

— Отовсюду. Случаются форс-мажорные ситуации, но гатчинские энергетики стараются укладываться в нормативные сроки. Поэтому я ценю и уважаю их работу.

Проблем и вопросов, требующих срочного решения, в районе еще очень много, поэтому их рассмотрение обсуждается всеми депутатами ЗАКСа. Так, например, сложнейшие вопросы газификации территорий решаются Николаем Васильевичем Витовщиком в тесном контакте с депутатом Законодательного собрания Татьяной Викторовной Бездетко, которая высоко оценивает как повседневную работу своего коллеги, так и его депутатские инициативы: «Николаю Васильевичу не нужно долго объяснять, что нужно делать на благо народа. Поэтому у нас полное взаимопонимание, и его вклад в общее дело трудно оценить на словах. Благодаря его помощи, во многих селениях, где я являюсь депутатом, заменили устаревшие линии и светильники и, более того, подстанции, которые стоят огромных денег».

Время нашей встречи с Николаем Васильевичем неоднократно сокращалось телефонными звонками и неуклонно подходило к концу. Хотелось еще много узнать, о многом поговорить, чтобы понять и достойно представить такого известного и в то же время разного Витовщика Николая Васильевича.

К ПОРТРЕТУ ЕЛЕНА ПЕТРОВНА КАЛЮЖНОЙ

Лариса Зиминая

Живет в Вырице женщина, которую знают все школьники. Каждый день неизменно с книгами в руках она спешит с электрички на электричку, чтобы успеть на очередную встречу с детьми. Из Вырицы или Павловска она везет их по музеям и театрам или ведет на прогулку по паркам. Она рассказывает им об истории и культуре родного края, влюбляет их в дворцовые ансамбли, в тенистые аллеи, в речку Славянку. Кстати, объединение юных краеведов и экскурсоводов, которым она руководит с 1997 года, так и называется — «Славянка». Как от славянского истока привести новое поколение в эконополис будущего? Как воспитать в детях здоровую гражданскую и нравственную позицию? — вот задачи современного педагога. Друга детей и учителей. Именно так говорят о ней, Елене Петровне Калюжной, потому что для всех, кто знает ее, она становится старшим товарищем, который приходит на помощь в трудную минуту. Подскажет и поддержит. Обязательно дозвонится и дождется. Личным примером научит радоваться красоте жизни: в природе, в искусстве, в человеческих отношениях.

Недавно мы возвращались с ней домой одной электричкой, и мне удалось немного узнать о ее непростой, неспокойной жизни.

Ребенок войны. Учитель в четвертом поколении! Бабушка после епархиального училища 33 года работала учителем начальных классов; отец учил детей физике и математике; мама четверть века преподавала русский язык и литературу в Вырицкой школе. Думается,

что именно учительская семья повлияла на профессиональный выбор дочери, которая, закончив Гатчинское педучилище, уехала работать на Урал — старшей пионерской вожатой, учителем географии, педагогом-организатором. В ее педагогической биографии случились встречи с «Артеком» и «Орленком», а лагерь «Зеркальный» на побережье Финского залива стал просто родным домом. По возвращении в Ленобласть Елена Петровна 17 лет была методистом пионерской работы в Пушкинском дворце творчества детей и юношества, а затем воплотила свою давнишнюю мечту стать педагогом-экскурсоводом и краеведом. Когда в начале 90-х годов ей предложили хорошо оплачиваемую работу в другой сфере деятельности, в руках уже был диплом «Университета Петербурга». Разве могла она променять любимое дело на какую-то выгоду?!

— Елена Петровна, — спрашиваю я ее, — откуда у вас такой глубокий, непреходящий интерес к краеведению? Что повлияло на жизненный выбор? Человек? Событие? Судьба?

— Думаю, мне повезло с родителями и учителями, — не задумавшись, отвечает она. — Конечно, первыми были мамы уроки любви к родному краю. А потом уже, когда в годы перестройки рухнули детские общественные организации, мне посчастливилось попасть на учебу в только что открывшийся Университет Петербурга при Аничковом дворце. Там лучшие педагоги города не только дали нам знания по истории «града Петра», но буквально зажгли в нас огонь энтузиазма. С тем и живу не тужу, — смеется она.

— Елена Петровна, — продолжаю я приватный разговор в поздней электричке, везущей нас в Вырицу, — скажите, если не секрет, а как относятся к вашим постоянным отъездам стойкие домохадцы?

— Сын меня во всем поддерживает. Собственно, ради него когда-то я занялась этим увлекательным делом: хотела быть интересной для него... и чтобы он рос в мире знаний и истинной культуры. А муж... ну, муж, скажем так, интересуется моими планами, иногда ездит со мной на концерты.

— Ну и последний вопрос (электричка уже подходит к станции назначения), где вы находите время, чтобы успеть переделать массу разных дел, провести одну или несколько экскурсий, дать уроки в школе, организовать встречи друзей, всех увидеть, всех поздравить, всем позвонить да еще забежать в библиотеку и побывать в филармонии на вечере любимых романсов?

— Не знаю, — смущается моя попутчица, — наверное, за счет личного, домашнего времени. Дома бываю только по выходным. Хорошо, что муж и в магазин сходит, и стирает, если нужно,

и печь затопит. Мы ведь до сих пор живем в старом (когда-то учительском), деревянном доме без удобств, 20 лет стоим в очереди на нормальное человеческое жилье. Надеемся еще...

Елена Петровна Калюжная — это имя-пароль для всех, кто занимается краеведением со школьниками. Сотни новых краеведов идут за ней следом по экскурсионным тропам и ведут за собой своих учеников. Они посещают музеи Петербурга, пригородов, а летом отправляются в путешествия. Маршруты путешествий пролегают по пушкинским местам Гатчинской земли, в Рождественно, в Выборг, по Петергофскому водоводу, в город Тихвин, Старую и Новую Ладугу. Они активно участвуют в заседаниях «Общества любителей Павловска» и мероприятиях детской организации «Юные за возрождение Петербурга». Совершенствуют свои знания на занятиях Юношеского университета Петербурга при Аничковом Дворце.

Господи, думаю я, как эта седовласая, уже совсем не молодая женщина успевает сделать так много?! Откуда столько сил и энергии?! Зачем каждое утро, преодолевая накопившуюся усталость, она встает ни свет ни заря и спешит к детям, чтобы вести их на экскурсию, чтобы рассказывать им о малой и большой родине, чтобы влюблять их в окружающий мир?!

И отвечаю сама себе. И вам говорю тоже: редко, но встречаются в нашей жизни такие люди. Имя им — подвижники. Звание — бесребреники. Должность на Земле — просветители. Спасибо вам, Елена Петровна, за бескорыстный труд, за щедрость ума и сердца! И... бегите, бегите дальше по своим, точнее, по нашим общим делам — учить детей уму-разуму, воспитывать новые поколения.

О ТАКОМ УЧИТЕЛЕ МОЖНО ТОЛЬКО МЕЧТАТЬ

Елена Глыбина

Татьяна Болеславовна Юрко — необыкновенно талантливый и многогранный человек, учитель-мастер, хорошо известный в педагогическом сообществе Гатчинского муниципального района и за его пределами благодаря высокому уровню профессионализма и методической подготовки, результативной системе работы с одаренными детьми, активной трансляции инновационного опыта в области научно-исследовательской деятельности, внедрения в образовательный процесс коммуникативно-деятельностной модели обучения русскому языку и литературе.

После победы Татьяны Болеславовны в конкурсе лучших учителей приоритетного национального проекта «Образование» и Всероссийском конкурсе «Учитель года России — 2011» и коллеги, и учащиеся, и их родители единодушно заявили: «Мы ничуть не сомневались в таком результате, потому что Татьяна Болеславовна имеет огромный опыт работы в школе, творчески относится ко всему, за что берется, очень любит профессию. Мы гордимся своим учителем!» От себя добавлю, что такие педагоги, как Татьяна Болеславовна, очень нужны современной школе, для которой чрезвычайно актуальны сегодня не только глубокие знания предметов, но и широкий кругозор, ответственность, коммуникабельность, открытость для всего нового, ведь общеизвестно: учитель сам должен всю жизнь учиться, чтобы соответствовать образовательным ожиданиям социума и государства.

На уроках Татьяны Болеславовны не бывает скучно, она блестяще владеет современными педагогическими технологиями, создает атмосферу творческого сотрудничества в учебном поиске, щедро делится своими работами с учителями, проводит методические семинары и мастер-классы для коллег своей школы и Гатчинского муниципального района, увлекая их интересом к новым инновационным путям преподавания, является лауреатом областного конкурса «Ярмарка инноваций в образовании» (2009 г. и 2010 г.).

Опыт Т.Б. Юрко активно используется и на региональном уровне. Татьяна Болеславовна не раз выступала с обобщением своего опыта на курсах повышения квалификации в Ленинградском областном институте развития образования, представляла систе-

Татьяна Юрко

Учитель входит в класс

Учитель входит в класс, и время — мимо!
И раздвигаются пространства рубежи!
Горит огонь, огонь неугасимый
Учительской души.

От этого огня зажжется слово,
Смелее устремится мысль вперед —
К делам великим и свершениям новым,
И вера в свои силы расцветет.

От этого огня рассеются сомнения,
И станет меньше зла и меньше лжи.
Учитель входит в класс —
и отступает время,
И раздвигаются пространства рубежи.

Становится понятней ход событий,
И формул ряд — к решению точный путь.
И постигают дети суть открытий,
Стараясь и свою постигнуть суть.

му образования Гатчинского района в форме открытых уроков и сообщений на заседаниях Южного образовательного округа Ленинградской области. Она входит в состав экспертной группы областной комиссии по аккредитации образовательных учреждений, является экспертом областной комиссии по проверке работ ЕГЭ по литературе.

Труд учителя по достоинству оценен Правительством Ленинградской области, органами управления образованием и общественностью: Татьяна Болеславовна награждена Почетной грамотой губернатора Ленинградской области, Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ, памятной медалью «За труды в просвещении».

Идут с полками Невского на битву,
Дают фашистам под Москвой отпор,
С Гагариным взлетают на орбиту,
Чернобылю выносят приговор.

И, если мы честны, нам доверяют,
И загораются желанием творить,
Свои сердца для мира открывают
И учатся Отчизной дорожить.

Что может быть прекраснее на свете
Учительского светлого труда?!
За тех, кого мы учим, мы в ответе,
За тех, кто доверяет нам, в ответе,
И это в нашей жизни навсегда!

Духовной жаждою по-пушкински томимы,
Опять мы в школу на урок спешим.
Горит огонь, огонь неугасимый
Учительской души.

НАСЛЕДНИЦА ДИНАСТИИ ЕЛИСЕЕВЫХ

Галина Хохлова

Т.П. Соколова выступает
в Белогорской сельской библиотеке

Все труднее приезжать в Белогорку Татьяне Платоновне Соколовой. И причиной тому не только возраст. Вид разрушающегося на глазах, не раз горевшего усадебного дома ее бабушки, Елизаветы Александровны Елисеевой-Фоминой, производит удручающее впечатление. Хорошо, что в последние годы частник, приобретший у Российской сельскохозяйственной академии бывший дом Фоминых, произвел предварительные подготовительные работы, покрыл предварительными материалами крышу и окна, сделал временную консервацию здания, поставил охрану, прекратив тем самым бывшее ранее варварство. Но на се-

годняшний день дело дальше этого не пошло.

Татьяна Платоновна в детстве странным образом повторила судьбу своей бабушки и отца — рано стала сиротой. С девятилетнего возраста ее воспитанием занимались тетки по материнской линии, Камчатовы. Может быть, поэтому Татьяна Платоновна и стала историком, поэтому по крупицам всю жизнь собирает сведения о своих предках — представителях славной, известной не только в России, но и в Европе, династии купцов Елисеевых. В ее семейном архиве альбомы со старинными фотографиями начала века, многие из которых сделаны в Сиверской, кофейная чашка тончайшего фарфора, крышка от чернильного прибора с фигурой черепашки. Несмотря на то, что эти семейные реликвии ей чрезвычайно дороги, она готова отдать их будущему музею. Как историк, Т.П. Соколова хорошо понимает значение для России деяний своих предков Елисеевых и необходимость увековечивания их памяти. Когда-то, заканчивая истфак ЛГУ, она хотела сделать историю династии петербургских купцов Елисеевых своей дипломной работой. Запретили...

Теперь она составляет карту, которую назвала «Мой город». В ней можно найти адреса 117 доходных домов, принадлежавших до 1917 году Елисеевым, знаменитый «Елисеевский» магазин на углу Невского проспекта и М. Садовой, семейный театр с реставрацией над магазином (ныне Театр комедии им. Н.П. Акимова), особняк

Степана Григорьевича на Невском 15, где сегодня находится к/т «Баррикада», гостиница и закрытый клуб для бизнесменов «Талион», богадельня и гимназия для девочек на Васильевском острове, Большоохтинское кладбище, где некогда красовался уничтоженный в 1927 году собор Казанской иконы Богородицы, в склепе которого были могилы всех петербургских Елисеевых, начиная от П. Елисеевича, похороненного в 1825 году. И многое, многое...

Работая историком в 508 школе Московского района, она учит ребят интересоваться не только историей страны и родного города, но и историей своей семьи. Ученики Татьяны Платоновны работают в архивах, подробно записывают рассказы родственников, а потом составляют родословное древо. К окончанию школы каждый ученик хорошо знает свои корни и должен представить работу «Моя родословная».

Ученикам 508 школы определено повезло. О том, какой замечательный педагог Т.П. Соколова, можно судить по ее беседе с жителями Белогорки. Два часа в библиотеке, в переполненном зале, она вела захватывающий рассказ о жизни своих предков, о своей жизни, удивительно точно и емко отвечала на многочисленные вопросы аудитории. Надо сказать, что Татьяна Платоновна многие годы была старшей пионервожатой всесоюзной крымской здравницы «Артек», приглашалась на престижную работу историка в школу для детей российских дипломатов в Прагу. Несмотря на свое дворянско-купеческое происхождение, она, воспитанная в духе своего времени (иначе и быть не могло), и сейчас не разуверилась в идеалах социализма.

Когда мы с краеведом Стасом Степановым были в гостях у Татьяны Платоновны, она рассказала, как перед вой-

ной в их семье появились большие по тем временам деньги, потратить которые была еще большая проблема. Это прислал из Франции причитающуюся им долю наследства Григорий Григорьевич Елисеев. Именно при его непосредственном руководстве Торговым домом «Братья Елисеевы» и были построены в обеих столицах великолепные магазины. Понятно, что до внуков старшего из братьев Елисеевых Платона и Аллы дошла небольшая доля присланных в Союз денег. Так в семье Платона Ивановича всем купили по велосипеду, а обедать и ужинать стали ездить на такси в лучший тогда в городе ресторан гостиницы «Европейская», причем такси ждало их возле входа с включенным счетчиком.

Несмотря на то, что усадьба Белогорка после 1917 года была национализирована, Платон Иванович любил приезжать в места своего детства. В одну из таких поездок он познакомился с Ираидой Александровной Камчатовой. Девушка преподавала в Сиверской школе-колонии, что располагалась в бывшей усадьбе Фредериксов, и везла на подводе новые учебники. Платон попросился на попутную телегу, так завязался их роман, закончившийся свадьбой.

В Сиверской во время войны жили два дяди Т.П. Соколовой по материнской линии. Брат матери Михаил, работая в пекарне у немцев, умудрялся снабжать хлебом и местных партизан. А муж тетки — Сергей Федоров — действовал таким же образом, работая мясником. Когда среди подпольщиков появился предатель, то предупрежденный вовремя Михаил успел скрыться, а Сергей был схвачен и расстрелян в районе Строганов Мост. Среди других можно найти и его фамилию у братской могилы, что в центре Сиверской возле ККЦ «Юбилейный».

Татьяна вместе с мамой — учительницей и другими детьми была эвакуирована еще летом, до блокады города, в село Никольское Московской области. Оттуда на скотовозке их отправили дальше в тыл, в Омск. В дороге случилась эпидемия скарлатины: умирали дети, взрослые, их трупы снимали с поезда и хоронили на останках. Выжили немногие. Татьяна с мамой решили добираться до Ферганы и устроиться у родственников, но по дороге у них выкрали продовольственные карточки. Этот путь стал последним для матери: по приезде в Фергану она умерла от истощения и дизентерии. Девочка же в результате попала в детдом.

В блокадном Ленинграде оставалась тетя Женя Камчатова, а также тетки по отцовской линии, дочери деда, Ивана Яковлевича Фомина, от первого брака Вера и Нина. Когда после войны Татьяна вернулась в Ленинград, Вера Ивановна работала в отделе иностранной литературы публичной библиотеки. Она учила племянницу французскому языку. Нина Ивановна была глубоко верующим человеком и закончила свою жизнь прислужницей Псково-Печерского монастыря. По словам Татьяны Платоновны, все ее тетки, и Камчатовы, и Фомины были людьми верующими, но приобщать к религии девочку особо не стремились, в церковь водили лишь по большим праздникам. Отец любил рассказывать ей библейские притчи, которые она тогда воспринимала как сказки.

Платон Иванович в первую блокадную зиму выжил, благодаря хранившейся в доме шкуре медведя, кусочки от которой он варил и питался полученным в результате варевом. Позднее его призвали в армию. После войны у отца появилась новая семья. Татьяна Платоновна помнит, как он

любил декламировать стихи, особенно Маяковского. Вся семья Камчатовых с удовольствием играла в любительских спектаклях. Интересно, что из этой театральной семьи вышел известный актер и театральный деятель Ю.М. Юрьев.

Е.А. Елисеева-Фомина

Последняя владелица усадьбы Белогорка Елизавета Александровна Фомина, единственная дочь старшего из братьев Елисеевых, не имела детей в первом браке с Николаем Владимировичем Новинским. В купеческой среде не любили выносить сор из избы, поэтому вряд ли мы когда-либо узнаем причину расторжения их брака Санкт-Петербургской Духовной консисторией 29 ноября 1903 года. Но формулировка «... с осуждением Н.В. Новинского на всегдашнее безбрачие», прямо указывает на виновника развода (А.В. Краско «Петербургский купеческий род Новинских» — «Известия Русского генеалогического общества», СПб., вып. 19, 2007 г.). 23 декабря 1903 года Новинский скончался. Поэтому

утверждение Л.В. Сониной, неоднократно высказанное, в том числе и в печати, что А.Г. Елисеев не признал второй брак дочери с И.Я. Фоминым, порвал с ними отношения и поэтому никогда более не приезжал в Белогорку, явно неверно. Не было в помине и скандального разрыва Ивана Яковлевича с первой женой. Вероятно, Лилия Васильевна перепутала второй брак Елизаветы Александровны с наделавшим много шума скандальным вторым браком ее дяди Григория Григорьевича, которому предшествовало самоубийство жены. Это привело к полному, до конца дней, разрыву Григория Григорьевича с детьми. Татьяна Платоновна точно знает, что во время лечения заболевшей туберкулезом Елизаветы Александровны на водах в Европе, маленькие Платон и Алла оставались на попечении старших сводных сестер, что говорит о мирном характере развода. Доказательством тому служит одна из фотографий из семейного архива Т.П. Соколовой, где возле большого дерева стоят Вера Ивановна, Платон 5-ти лет, Алла 2-3-х лет и Нина Ивановна Фомины. Кроме того, уходя из семьи, Иван Яковлевич Фомин полностью обеспечил финансовую самостоятельность и бывшей супруги, и взрослых дочерей. О пребывании А.Г. Елисеева у дочери и внуков сохранились также свидетельства старожил Белогорки.

Дед и бабушка Татьяны Платоновны по отцовской линии были очень образованными и энергичными людьми. Много хорошего они делали для крестьян своего имения. Елизавета Александровна построила каменную церковь св. Николая, двухэтажный дом для служителей храма, построила и содержала церковно-приходскую школу для местной детворы. Школу она опекала до последних дней. Иван

Яковлевич также создал в Белогорке школу, но уже для самих крестьян. Здесь их обучали передовым приемам ведения хозяйства, основам предпринимательства: как лучше торговать, как вести дела с банками и т.п. Он построил в имении кирпичный заводик, делал свою черепицу, которой, кстати, была выложена крыша усадьбы. Осколки этой черепицы с клеймом белогорского завода обнаружил под стропилами краевед Стас Степанов. Направо от дома была устроена стеклянная оранжерея по самому передовому по тем временам проекту Сингли, откуда подавали к столу даже экзотические ананасы. Электроэнергия в усадьбу поступала от возведенной рядом гидростанции, которая попутно создавала и красивую гладь разлива Оредежа. Вообще вся усадьба и хозяйство у Ивана Яковлевича были образцовыми и в этом отношении не уступали соседнему имению Дружно-село. Понятно, что образованная в 1925 году на базе имения Елисеевых Ленинградская областная опытная станция, появилась отнюдь не на пустом месте.

Татьяна Платоновна давно знала, что великолепный загородный особняк в Белогорке, построенный в 1912 году в стиле модерн, принадлежал ее предкам, и много раз за свою жизнь приез-

Усадебный дом Елисеевых

И.Я. Фомин с женой и сыном. 1906 г.
Из архива Т.П. Соколовой

жала сюда. Он выгорел во время боев за освобождение Сиверской 30 января 1944 года, но силами сотрудников института был вскоре после войны восстановлен. Конечно, было утрачено внутреннее убранство, а крыша вместо трехцветной черепицы покрыта оцинкованным железом, но до последнего десятилетия «Елисеевский замок» никогда не стоял бесхозным, лишенным окон, дверей, крыши.

Татьяна Платоновна по нашим законам не имеет на него никаких прав, да и не под силу этой скромной по доходам интеллигентной семье восстановить здание. Она неоднократно высказывала пожелание видеть в Белогорке музей. Многолетние торги закончились такой же темной продажей семье Ковалевых. По всему видно, что это будет частный закрытый особняк.

В непосредственной близости от Белогорского ДК и библиотеки расположено еще одно небольшое, квадратное в плане, двухэтажное здание бывшей молочной постройки 1910 года, которое прекрасно подошло бы под музей. Таким образом, мы имели бы единый, культурный комплекс. Не так давно институт отдал его Белогорской на-

чальной школе, но в связи с уменьшением количества детей, здание вновь перешло к институту, хотя им многие годы так и не пользуются. Судя по тому, как плохи дела у селекционеров, как зарастают не только бурьяном, но уже и кустарником опытные поля, большой нужды в этом помещении у института нет. Это лишь дополнительные расходы. Администрация Сиверской готова принять здание на свой баланс и найти средства на реконструкцию под музей. Но институт похож на собаку на сене. Верно, опять все ищет, как бы дороже продать да не прогадать.

Есть идея сделать в бывшей молочной музей истории российского предпринимательства, который на примере династии купцов Елисеевых и других известных петербургских купеческих фамилий (в этой среде так же было принято родниться, как и у дворян) наглядно показывал бы нашим современным предпринимателям, как важно, не скупясь, жертвовать деньги на благотворительность, культуру. Я имею в виду не только церкви, куда они денег не жалеют.

И еще. Бывшая хозяйка усадьбы Е.А. Елисеева-Фомина родилась 6 августа 1870 г. Каждое лето у нас, как и в других местах района, празднуют день поселка. Было бы замечательно, если бы этот праздник отмечался Белогорке в ближайший к этой дате выходной день. Ведь это очень важно, когда новые традиции связаны с нашей историей, когда современники помнят и отдают дань уважения достойным людям прошлых эпох. К сожалению, после вхождения Белогорки в состав Сиверского городского поселения, своего, отдельного от «Сиверского пикника» праздника как-то постепенно не стало. Об этом многие говорят с сожалением.

Марина Смородина

Прошлое витает передо мною,
Старые знакомые места...
Стала мне по-новому родною
Каждая пройденная верста.
Снова, как в те годы молодые,
Тихо шепчет, колыхаясь, рожь;
Те же две сосны, совсем седые,
Только тропки прежней не найдешь.

Валентин Никулин

Красива и богата памятными местами Гатчинская земля. В ее истории отразилась многовековая Россия. Литературно-краеведческий альманах «Оредеж» опубликовал множество интересных материалов о наиболее известных поселениях...

Но есть еще мало освещенные прекрасные уголки...

Известный краевед А.В. Бурлаков опубликовал в «Оредеже» (2008 год №5) интересный очерк «Деревня Меньково», где охватил историю этой небольшой деревеньки. Автор очень точно обозначил красоту природы вокруг нее — «лесное царство». Действительно, Меньково расположено на обширной равнине, окруженной большими лесными массивами, которые соединяют ее с известными населенными пунктами: Прибыtkово, Карташевская, Кобрино, Суйда, Погост, Елицы, Никольское. Эти земли принадлежали именитым соотечественникам: Ганнибалом, Карташевским, Апраксиным, Демидовым. «Княжеский лес» разделяет ст. Карташевскую и Меньково. Княгиня Надежда Тимофеевна Карташевская (ур. Аксакова) и ее потомки владели усадьбой Кобрино вплоть до революции, бережно сохраняя старин-

ные реликвии. На их землях и была построена железнодорожная ст. Карташевская, названная в честь владелицы имения.

Меньково в XVIII веке было приписано к усадьбе «Сиворицы», которой в начале века владел герой Северной войны генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин. Шли годы, менялись владельцы, и вместо старой усадьбы в 1775-1776 гг. замечательный зодчий Иван Егорович Старов (1745-1888 гг.) создал дворцово-парковый ансамбль для Петра Григорьевича Демидова (1740-1826 гг.), правнука основателя династии Демидовых — Никиты Демидовича Антуфьева. Девизом этого рода, так много сделавшего для России, было: «К чести и славе любезного Отечества». С 1909 года в этой усадьбе была открыта Санкт-Петербургская губернская психиатрическая больница во главе с П.П. Кащенко, которая сохраняет имя ее основателя после его смерти (1920 год).

Меньково — деревенька при большом Белорусском тракте, который является прообразом ныне существующего Киевского шоссе. Он шел от Гатчины до д. Лядино, повернув влево на Большую и Малую Вопшу, на Елицы, через Суйду на Кривое Колено и далее на Старое Поддубье. С постройкой Киевского шоссе образовались д. Старое Колено и Новое Колено.

Волею судьбы и случая в Меньково я прожила десять лет. А дело было так. На последнем курсе института культуры (ЛГБИ) я заболела. Благодаря заботе декана Татьяны Васильевны

Крюгер, я получила санаторную путевку в Гагры. Это было время зимних студенческих каникул. Местная молодежь устроила настоящую охоту на приезжих, особенно девушек. Не было возможности погулять даже на территории санатория. Каждый из молодых людей выбрал для себя «жертву». Из этой неприятной ситуации, рискуя своей жизнью, меня выручал молодой мужчина, которого я совсем не знала, т.к. он жил в другом корпусе. Оказалось, что он, окончив ЛСХИ, тоже получил путевку для отдыха в этот же санаторий.

Мой «верный рыцарь» жил со своей мамой Анной Александровной в д. Меньково Гатчинского района.

12 апреля (еще до полета Гагарина) в Ленинграде состоялось наше бракосочетание.

12 апреля 1961 года, работая в Гатчинской районной библиотеке, расположенной на втором этаже ДК, мы спешно спускались на первый этаж к телевизору, где шел репортаж о полете космонавта. На ходу, обращаясь к сослуживцам, я сказала: «Он (т.е. Гагарин) обязательно будет похож на моего «рыцаря». И действительно, их объединяло общее сходство — обаяние, лучезарная улыбка.

В районной библиотеке я проработала 15 лет, 10 из которых совершала каждодневный моцион по лесным тропам рано утром и поздно вечером (работали до 19 часов). В дороге были всякие случаи... Но это не главное.

Главное — это были лучшие годы жизни: молодость, любимая работа, творческий коллектив: Панчул Софья Константиновна (зав.), Малышева Светлана Николаевна, Горбачева Юлия Ивановна, Ботова Евгения Васильевна. Все много читали, проводили интересные мероприятия. Мы любили читателей, а они отвечали

нам благодарностью. У нас не было раздоров, каждый отдавал все знания работе. И, конечно, наш зав. отделом культуры Гатчинского района Сергей Никифорович Бондаренко, опытный и мудрый руководитель, много сделал для нашего становления в профессии.

Меньковский период нашей жизни был наполнен большим творческим потенциалом. В маленьком клубе кипела жизнь: кинофильмы, лекции, спектакли, концерты... Помню случай, когда я выступала на сцене, незаметно подполз ребенок и стал отдиравать пряжку на моей туфле. Так было многолюдно, что кроме меня на это никто не обратил внимания.

С переходом ОПХ «Меньково» в ведомство ВАСХНИЛ, как экспериментальной базы Агрофизического института (АФИ), Меньково превратилось в центр работы научных сотрудников. Своеобразный «агродорожок», где работали научные сотрудники: Батыгин Николай Федорович, Смородин Павел Иосифович, Гончаров Борис Прокопьевич, который стал руководителем П.И. Смородина — своего первого аспиранта.

В 2008 году Б.П. Гончаров выпустил сборник очерков «Аспирантура и жизнь» (Ставрополь, Аркус, 2008 год).

Первая глава этой книги посвящена Меньковскому периоду его жизни, работе с П.И. Смородиным «С первым мы были первыми».

К сожалению, Павел Иосифович, с которым мы благополучно прожили 48 лет, не дождался выпуска этой книги. Но он часто переписывался с Б.П. Гончаровым. В своей должности старшего научного сотрудника Павел Иосифович трудился до последних дней жизни. Его ценили, любили, уважали сотрудники. Уже живя в Гатчине, мы часто вспоминали тот тихий уголок,

где прошла наша молодость, встречались с друзьями, ходили за грибами и ягодами, купались в речке Суйде, тогда еще полноводной. И конечно, вспоминали нашего ангела-хранителя Анну Александровну (мою свекровь). В те годы мы много читали, спорили, дискутировали:

Мы не скупилась на слова,
И хорошо.
Что не скупилась.
Они в душе моей скопились,
Словно целебная трава.
Они — из света и тепла...

Нина Лисянская

М.Е. Смородина.
II курс ЛГБИ. 1955 год

П.И. Смородин
1959 год

Б.П. Гончаров

М.Е. Смородина. д. Меньково. 1952 год

1964 год

Семья Смородиных с дочерью Татьяной. Д. Меньково. 1961 год

1812
ЧТО БЫЛО ИСТИННО ВЕЛИКИМ,
ОСТАНЕТСЯ ВЕЛИКИМ НАВСЕГДА!
*200-летию Отечественной войны 1812 года
посвящается*

*И громче труб на поле чести
Зовёт к отечеству любовь.*

Ф. Глинка

■ «СКАЖИ-КА, ДЯДЯ, ВЕДЬ НЕДАРОМ...» ■

Константин Рыбаков

Лето в России — пора горячая. То битва при Калке назначена, то Казань брать надо, то поляки донимают, то слепни... Летом 1812 года, а точнее 24 июня, в 2 часа ночи, войска Наполеона пересекли границу Российской Империи на реке Неман: началась очередная, Отечественная война. Русские войска снимались с зимних квартир, заходя отправляясь на битву с французом, — император Александр I иллюзий насчет неприятеля не строил и к войне готовился. Уже в апреле он лично отправился в Вильно на смотр 1-й западной армии, которой командовал Михаил Богданович Барклай-де-Толли. Вместе с императором в Вильно отправились и войска.

А 21 апреля 2012 года, в ознаменование двухсотлетия убийства гатчинских войск в Вильно на войну с Наполеоном, на плацу возле Большого Гатчинского дворца состоялся очередной парад воинских частей, участвовавших во всех битвах Отечественной войны 1812 года — в том числе и в главном, решающем сражении: Бородинской битве. Авторы парада — военно-исторический клуб «Красногвардейск» Гатчинского Дворца молодежи, который регулярно проводит исторические реконструкции различных событий нашей родины.

Итак, год 1812-й: из Санкт-Петербурга вышли лейб-гвардии Преображенский полк и лейб-кирасирский Ее Величества полк. В Гатчине к ним присоединились лейб-гвардии Егерский полк, сформированный 9 ноября 1796 года из егерских команд лейб-гвардии Семеновского и Измайловско-

го полков, и из егерской роты Гатчинских войск Павла I; лейб-гвардейский Казачий полк, в составе трех эскадронов Донцов и одного Черноморского, а также рота артиллерии.

Артиллерия занимала в Гатчинских войсках особое место. Официальной датой появления артиллерии в отряде Цесаревича Павла Петровича считается 1786 г., когда из морской артиллерии в отряд были направлены 8 рядовых и 1 унтер-офицер, «... назначенных для хранения пороха, присылаемого из Адмиралтейств-коллегии, и для приготовления картузов и патронов». 12 августа 1792 г. Артиллерийская команда Его Императорского Высочества, состоявшая к тому времени из 12 полевых орудий с прислугой, получила наименование роты. 4 сентября того же года в Гатчину прибыл капитан Алексей Андреевич Аракчеев, в будущем (с января 1808 года) военный министр. Недооцененный, надо сказать, ни современниками, ни потомками. А ведь именно благодаря организаторским способностям Аракчеева во многом была выиграна Отечественная война 1812 года. Учтя опыт поражения в Семилетней войне Петра I, Аракчеев снабжение провиантом и боезапасами поставил во главу угла. Учтя состояние дорог в России, — задача нелегкая.

Единственный ценный дар, принятый им в течение многолетней службы — Грузинская волость в Новгородской губернии. Честный был человек, жесткий к себе, жесткий с разгильдяями. Пропагандировал образование в ар-

тиллерии, увольняя ленивых и неумелых офицеров. А в созданных им позже воинских поселениях (что презрительно именовалось «аракчеевщина») отставные солдаты получали и жилье, и работу, было организовано медицинское обслуживание и бесплатное образование детям до 12 лет. За то и не любили его царские прихвостни и казнокрады.

Егерские команды, послужившие основой лейб-гвардии Егерского полка, можно без преувеличения назвать прародителями снайперов, разведчиков, а также десантных войск и морской пехоты. Их снаряжение было облегчено до последней возможности: вместо шпaga в португези вложены штыки, тяжелые гренадерские сумы заменены легкими мушкетерскими, палатки отобраны, галуны со шляп спороты, епанчи (плащи) оставлены только тем, кто пожелает. Для действий приказано избирать места «наудобнейшие и авантажнейшие: в лесах, деревнях, на пасах»; «в амбускадах (засадах) тихо лежать и молчание хранить, имея пред собою всегда патрули пешие впереди и по сторонам»; неприятелю «в тыл впадать»; в лесах приказывалось нападать и на сильнейшего противника, так как он не может оценить силы атакующего. Егеря участвовали в Архипелажской экспедиции, на судах флота графа А.Г. Орлова, который действовал в водах Средиземного моря во время войны против турок в 1769-1774 гг. А начало егерским подразделениям положил граф Румянцев еще во время Семилетней войны.

Лейб-гвардии Казачий Его Величества полк. В ноябре 1796 года, по вступлении на Престол Государя Императора Павла I, Донская и Чугуевская придворные казачьи команды, а также гатчинские гусары, составили два эскадрона вновь учрежденного

РЕКОНСТРУКЦИЯ 1812

Казачи лейб-гвардии

Преображенцы

Взятие барьера

лейб-гусарского Казачьего полка. В 1799 году Высочайше повелено было иметь три эскадрона. В 1811 году была сформирована Гвардейская

черноморская сотня под командой войскового полковника Бурсака 2-го, в феврале 1812 года сотня прибыла в Санкт-Петербург и была зачислена в лейб-гвардии Казачий полк 4-м эскадронном; всего через 18 дней полк отправился в поход. Казаки участвовали во всех значимых сражениях Отечественной войны, а 19 марта 1814 года полк торжественно вступил в Париж и расположился биваком на Елисейских полях. Требуя чашку кофею с круасаном, казаки покрикивали на французов: «быстро, быстро!», в результате чего появились всем известные кафе-бистро. Казаки полка сопровождали Наполеона в ссылку на остров Эльба. А через 60 лет, во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг., по воле Александра II, увидевшего, как казаки ночью идут в атаку под Плевной, маршем полка был объявлен марш Феликса Мендельсона, написанный в 1842 году для пьесы «Сон в летнюю ночь».

Лейб-кирасирский Её Величества полк по старшинству уступает только первому кирасирскому полку в истории России — Минихову кирасирскому полку, сформированному в ноябре 1731 года. Сам лейб-кирасирский Е.В. полк образовался в 1733-м из Невского драгунского полка. Первоначально офицерами полка были по большей части немцы, прибывшие с Минихом и Ульрихом. Из приглашенных иностранцев самый известный — Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен. Да-да, тот самый, прославленный на весь мир «барон-сочинитель». В 1739-м году он прибыл в полк корнетом, а в 1754-м был уволен в чине ротмистра. В 1744 году барон командовал почетным караулом, встречавшим в Риге невесту цесаревича Петра Федоровича — принцессу Софию-Фридрику Ангальт-Цербстскую, будущую импе-

ратрицу Екатерину II.

Этот полк тяжелой кавалерии имел прозвище «гатчинские кирасиры», по месту основной дислокации с 1822 года; 26 апреля 1918 постановлением Петроградской трудовой коммуны лейб-кирасиры были расформированы. В 1920-м последние 25 офицеров полка эмигрировали. В здании полковых казарм кирасиров в Гатчине сегодня размещается Центральный военно-морской архив Министерства обороны Российской Федерации.

Лейб-гвардии Преображенский Её Величества полк — старейший, самый элитный полк гвардии России. Полк был сформирован Петром I в 1691 году в селе Преображенском на берегу реки Яузы (ныне московский муниципальный округ Преображенское, между Сокольниками и Измайлово), от которого и получил свое наименование. Во время Семилетней войны со шведами, в битве при Нарве в 1700 году, своей стойкостью гвардейцы Преображенского и Семеновского полков спасли российскую армию от полного уничтожения. В знак того, что преображенцы и семеновцы выстояли по колено в крови, к их обмундированию добавились красные чулки, что позволяет назвать их первыми на Руси красногвардейцами.

Вот и переключка времен образовалась: красногвардейцы-преображенцы, военно-исторический клуб «Красногвардейск»... Нет, не даром тратят члены клуба личное время на воссоздание памяти. Ведь, пока жива память о событиях давно минувших дней, жива будет и Россия.

Да, были схватки боевые,
и, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
про день Бородина!

М.Ю. Лермонтов, «Бородино»

«ХВАЛА ТЕБЕ, ГЕРОЙ, ЧТО ГРАД ПЕТРОВ СПАСЕН ТОБОЙ!»

Лилия Сониная

Одним из прославленных полководцев Отечественной войны 1812 года был фельдмаршал Петр Христианович Витгенштейн.

Родился Петр Христианович в 1768 году. Его отец Сайн-Берлебург Христиан-Людвиг-Казимир Витгенштейн принадлежал к старинной немецкой фамилии и служил в войсках Фридриха Великого. В 1761 году он был взят русскими в плен и поступил на службу в русскую армию.

Мать Петра Христиановича происходила из славного рода князей Долгоруких. Их сын, как и отец, избрал военную карьеру и к началу войны с Наполеоном уже имел значительный боевой опыт. Он участвовал в боевых походах еще при Екатерине II, сражался под Аустерлицем, воевал с турками, принимал участие в войне со Швецией, когда русские войска заняли Финляндию.

С самого начала Отечественной войны 1812 года Витгенштейн возглавил 23-тысячный корпус, выдвинутый на защиту Петербурга.

У селения Клястицы на Псковской дороге Витгенштейну удалось остановить наступление французских войск. Утром 19 июля 1812 года Витгенштейн провел самую блестящую свою военную операцию. Тогда французы потеряли около 10 тысяч человек. Продвижение наполеоновских войск к столице России по Себежской дороге было остановлено. 25 июля 1812 года в Петербурге прогремел салют по случаю Победы Витгенштейна над французами. И это, как отмечали историки,

была первая победа русских в войне с Наполеоном.

Успехи Витгенштейна сильно встревожили Наполеона. Французский император приказал собрать войска и начал отступление от Орши к Березине. Воспрепятствовать переправе основных сил Наполеона через Березину не удалось. И все же Витгенштейн взял 13 тысяч пленных. Ему удалось отбить почти весь обоз Наполеоновской армии с награбленным добром.

Весной 1813 года командующий русской армии фельдмаршал М.И. Кутузов тяжело заболел и 16 апреля скончался в немецком городке Бунцлау. Когда встал вопрос о назначении нового главнокомандующего русской армией, то выбор пал на самого молодого 44-летнего генерала Витгенштейна. Но главнокомандующим он пробыл недолго, поскольку прибыл к армии генерал Барклай де Толли, более опытный и знающий полководец.

В феврале 1814 года Витгенштейн был тяжело ранен и вышел в отставку. Но через год бегство Наполеона с острова Эльба заставило Петра Христиановича вернуться на военное поприще. Он участвовал в знаменитой битве при Ватерлоо. За участие в войне с Наполеоном Витгенштейн получил от императора Александра I звание генерала и в награду золотую саблю с надписью «За храбрость».

В 1826 году император Николай I возвел Петра Христиановича в чин генерал-фельдмаршала. А в 1834 году Витгенштейн был возведен прусским королем Фридрихом Вильгельмом III

в княжеское достоинство с титулом светлости. В начале 1829 года Витгенштейн заболел. Но и в нездоровье он еще успел взять турецкие крепости - Кале и Турно. Вскоре Петр Христианович получил благодарственный императорский Указ и материальное поощрение. Он окончательно оставил военную службу. После отставки в 1829 году фельдмаршал поселился в своем родовом имении на Украине, передав усадьбу Дружноселье в Царскосельском уезде под Петербургом своему сыну Льву Петровичу Витгенштейну. Доживал свой век Петр Христианович Витгенштейн в местечке Каменка Подольской губернии. Скончался он во Львове в 1843 году 74-х лет от роду. На его родовом гербе был начертан девиз: «Чести моей никому не отдам!»

С именем героя Отечественной войны 1812 года П.Х. Витгенштейна связана история дворянской усадьбы Дружноселье Царскосельского уезда под Петербургом. В 1796 году император Павел I пожаловал несколько деревень из Дворцовой Рождественской волости учительницам Воспитательного дома Общества благородных девиц сестрам Зельберейзен. Деревни Кемско и Изори они вскоре продали, а две другие — Выгоря и Ракитна — назвали по своим именам — Елизаветгоф и Каролингоф. На их стыке владелицы создали небольшое общее поместье. До 1828 года оно принадлежало Елизавете Ивановне Зельберейзен. Владельцем двух других деревень Лампово и Большево был Петр Христианович Витгенштейн, который в 1829 году передал эти владения своему сыну Льву Петровичу Витгенштейну. Лев Петрович значительно расширил их. В 1838 году он приобрел поместье, пожалованное в 1796 году сестрам Зельберейзен. Бывшие Елизаветгоф и Каролингоф он превратил в село Дружноселье, в котором полностью

растворилось первоначальное имение, пожалованное сестрам Зельберейзен, и была создана образцовая дворянская усадьба с планировкой русского усадебного садово-паркового искусства.

Первая жена владельца усадьбы Льва Петровича Витгенштейна была польская графиня Стефания Радзивилов, которая рано умерла, оставив его с двумя маленькими детьми. Лев Петрович тяжело переживал раннюю смерть любимой жены. В память о ней Лев Витгенштейн заказал известному петербургскому архитектору Александру Брюллову костел-усыпальницу, построенную в 1834 году. Этот костел стал усыпальницей рода князей Витгенштейнов. Среди большого парка с аллеями из лип, сосен, столетних дубов, лиственниц располагался господский дом из дуба, постройки времен императора Александра I. Деревянный усадебный дом не сохранился. Но сохранилось каменное здание богадельни-приюта для немощных, старых людей, построенное после смерти жены в благотворительных целях владельцем усадьбы Львом Петровичем Витгенштейном. Молодой вдовец в то время занимал внимание петербургского общества. Императрица Александра Федоровна, супруга Николая I, со слов известной красавицы Анны Осиповны Смирновой-Россет, близкой знакомой А.С. Пушкина, старалась сосватать молодого князя за красавицу Леониллу Барятинскую. «Свадьба состоялась, но семейная жизнь у супругов не складывалась, несмотря на рождение сына...», — писала Смирнова-Россет. А.О. Россет добавляла, что «княгиня Леонилла Ивановна Сайн-Витгенштейн ревновала мужа к памяти покойной жены. В Риме она приняла римскую веру и превратилась в совершенную прусачку...».

С именем Льва Петровича Витгенштейна, сыном героя Отечественной

войны 1812 года фельдмаршала П.Х. Витгенштейна, связано имя Александра Сергеевича Пушкина. Муж Анны Осиповны Россет Николай Михайлович Смирнов вспоминал: «Пушкина сделали камер-юнкером... Он был огорчен и взбешен, и решился не шить себе (придворного) мундира, чтобы не ездить ко двору... Но мы убеждали Пушкина, спорили. Узнав от портного о продаже нового мундира князя Льва Витгенштейна, перешедшего в военную службу, и что он совершенно будет впору Пушкину, я ему послал его, написав, что мундир мною куплен для него, но что представляется его воле взять его или ввергнуть меня в убыток, оставляя его на моих руках. Пушкин взял мундир и поехал ко двору».

Льву Петровичу Витгенштейну женитьба на Леонилле Барятинской не принесла ни забвенья, ни спокойствия. В Россию супруги Витгенштейн наезжали изредка. У Льва Петровича была надломлена психика. Он лечился в Каннах, но улучшения в его состоянии не наступило. Лев Петрович Витгенштейн тихо скончался за границей, а его имение Дружноселье по наследству перешло сыновьям. Последний владелец усадьбы Дружноселье Генрих Львович Витгенштейн окончил Александровский лицей в Петербурге и стал кадровым военным. По сведениям краеведа Аллы Владимировны Краско, его потомки живут в настоящее время в Канаде.

В усадьбе Дружноселье Гатчинского района, расположенной неподалеку от железнодорожной станции Сиверская, Лев Петрович Витгенштейн и его потомки в память о герое Отечественной войны 1812 года П.Х. Витгенштейне создали музей под открытым небом. Здесь были собраны и турецкие пушки, и трофеи Отечественной войны 1812 года. Дореволюционным путеводите-

лем по Сиверской дачной местности рекомендовалась «поездка в имение Дружноселье князя Витгенштейн, где к услугам дачников есть чудесный парк, а из достопримечательностей — старинный костел, окруженный турецкими пушками и исторический музей 1812 года». Один из проспектов в Сиверской назывался Фельдмаршальским. Но все это было утрачено после революции 1917 года. Сохранился старинный, ныне запущенный парк и каменное строение богадельни, построенное еще в XIX веке сыном фельдмаршала Витгенштейна Львом Петровичем для больных стариков. В настоящее время здесь находится туберкулезная больница. В наше время богадельня стала приютом для тяжелобольных людей и настоящим раем, расположенным в зеленой, удаленной от загазованности и шума, парковой зоне. Благотворительная помощь сына героя Отечественной войны 1812 года П.Х. Витгенштейна Льва Петровича дошла до наших дней, и его воля помогать немощным больным людям, попавшим в беду, сохранена до сих пор. Не стоит переселять неизвестно куда пациентов больницы, расположенной в бывшей дворянской усадьбе только для того, чтобы открывать там очередной краеведческий музей в бывшем католическом костеле - усыпальнице. У нас в Гатчинском районе уже есть пример брошенной на произвол судьбы дворянской усадьбы, на реставрацию которой нет денег — это усадьба бабушки великого поэта А.С. Пушкина Марии Алексеевны Ганнибал в Кобрينو.

В Сиверской существует музей «Истории Сиверской дачной местности», где собраны материалы об усадьбе Дружноселье и о герое Отечественной войны 1812 года П.Х. Витгенштейне, что дает возможность открыть в музее экспозицию, посвященную этим материалам.

Лариса Киселева

Забыть - не дано

С войны двенадцатого года
Прошло немало — двести лет,
В ходу теперь иная мода —
Без плюмажей и эполет.

В России жить,
жить для Отчизны
Не модно в наши времена,
И честь, и долг дешевле жизни,
А жизни мера — грош цена.

Кто ныне смог бы, как Кутузов,
Седой рискуя головой,
Чтоб победить врагов-французов,
Пожертвовать самой Москвой,

Пренебрегая званьем, славой,
Не ради почестей, наград —

За-ради русской крови малой,
Бесценной кровушки солдат?

Да что Москвой?! — хотя бы местом,
Пригретым телом без души.
Да, где уж там, — под солнцем тесно,
Где люди как карандаши...

Ушли в былое сабли, шпаги,
Но не забыть былых имен.
Они звучат, как гимн отваге,
Как совесть будущих времен:

Багратион, Барклай, Кутузов.
И, слава богу, не дано
Забыть победу над французом
В сраженьи под Бородино.

Евгения Корниенко

Героям 1812 года

*Вам все вершины были малы
И мягок - самый черствый хлеб,
О, молодые генералы
Своих судеб!*

Марина Цветаева

Во времена былых сражений,
Не ради денег и наград,
Не зная горечь сожалений,
В атаку шли, как на парад.

Вы ложь и трусость презирали,
Закалку получив в боях,
Удачей ветрено играли,
Блестя ярко на балах.

Для Вас любовь прекрасной девы,
Что вкус шампанского вина.
Вы эту крепость брали смело,
Ей обещая Все, сполна.

Не замечая ран и тягот,
Вы шли нелегкою тропой.
Кавалергарды, генералы,
Одной ведомые мечтой.

Вы гордо шли, расправив плечи,
России верные сыны.
Пусть перемен ветра навстречу,
Честь офицера берегли.

За Вашу доблестную славу
Церквей златых победный звон.
Кавалергарды, генералы
Былых, прославленных времен.

ВОЙНЫ И ПАМЯТИ ПРИКАЗ...

*Весь под ногами шар земной
Живу. Дышу. Пою.
Но в памяти всегда со мной
Погибшие в бою.*

С. Щипачев

ПОДВИГ В НЕБЕ КАЛМЫКИИ

К 70-летию Сталинградской битвы

Владимир Николаев

В нынешнем году исполняется 70 лет со дня начала Сталинградской битвы — величайшего сражения Великой Отечественной войны, внесшей решающий вклад в достижение коренного перелома как в ней, так, в целом, и во всей второй мировой войне. Развернулась она на пространстве: с севера на юг от излучины в среднем течении Дона до предгорий Северного Кавказа и притоков Дона реках Чир и Цимля на западе до Волги на востоке. Сражение началось с переходом в наступление 6-й немецкой армии на дальних подступах к Сталинграду 17 июля 1942 года, и завершилась 2 февраля 1943 года полной капитуляцией окруженной и разгромленной немецкой группировки войск. Составными частями Сталинградской битвы стали оборонительная (17 июля — 18 ноября 1942 г.) и наступательная (19 ноября 1942 — 2 февраля 1943 г.) операции.¹

В ходе этой битвы на земле далекой Калмыкии, соседствовавшей со Сталинградской областью и входившим в нее Астраханским округом, совершил героический поступок отважный сын России, бывший гатчинский школьник, капитан Военно-Воздушных Сил Всеволод Александрович Ширяев. К сожалению, подвиг летчика стоил ему жизни. Но герой не забыт. В Астрахани, с аэродрома которой комэск Ширяев водил своих орлов громить вражеские укрепления и моторизованные колонны, его именем названа улица; в поселке Утта, где он всей огневой мощью «летающего танка» Ил-2 поддер-

В.А. Ширяев

живал нашу оборонявшуюся пехоту, его имя присвоено средней школе, а на окраине поселка Хулхута, на месте, где он в суровом 42-ом, направив смертельно раненую машину на колонну фашистских танков и бронемашин, пожертвовал своей жизнью, ему поставлен памятник. И каждый год, в День Победы, возле него, отдавая почести Герою, и славя Великую Россию и ее частицу — Республику Калмыкию,² в едином строю сходятся ветераны и благодарная юная поросль граждан республики.

И у нас в Гатчине, где прошло детство Всеволода, на фасаде здания 4-й средней школы, где он учился, в память о нем установлена мемориальная доска.³ В музеях 4-й средней школы Гатчины и средней школы поселка Хулхута ему посвящены экспозиции, а

в Калмыцком республиканском краеведческом музее, где подвигу героя отведен отдельный стенд, хранятся документы, фотографии, письма и другие предметы, переданные его родственниками.

В юбилейные дни Великой битвы давайте не забудем помянуть бесстрашного витязя неба — боевого летчика капитана Ширяева, отдавшего жизнь за независимость и свободу нашего Отечества.

1

Всеволод Ширяев, или Сева, как звали его в детстве, родился 7 августа 1911 года, в Петербурге, в рабочей семье. О его детских и юношеских годах известно немного, а то, чем располагаем, собрано Татьяной Соломоновной Званской, ответственным секретарем Гатчинской городской организации ВООПИИК (она занимала эту должность в 1969-1984 гг.). Ей удалось разыскать родственников Всеволода Александровича: брата Николая Александровича и дядю, ленинградского художника Бориса Николаевича Ширяева. Привожу их ответы на письма Татьяны Соломоновны.⁴

г. Москва, 22/VI. 73 г.

Уважаемая т. Званская!

На Ваше письмо № 15 от 14 июня 73 г. могу сообщить следующее: Мой брат Ширяев Всеволод Александрович, родился в 1911 г. в г. Ленинграде. Но свои детские и юношеские годы провел в г. Гатчино, живя у бабушки Долговской Т.Е. на улице Чехова напротив остановки поезда, тогда называлась Татьянино...

Номер школы, где он учился, я не помню, но она находилась на ул. Володарского. Когда идешь от железной дороги по Советской улице к Собору, доходишь до ул. Володарского налево, дом был деревянный с башней. Впоследствии в этом доме была дача т. Кирова.

Вот все, что я Вам могу сообщить о моем брате Всеволоде Александровиче

Ширяеве. Потом он поступил учиться в летную школу, сначала учился в Ленинграде, а потом практическую летную школу окончил в г. Борисоглебске. Вот и все, что я знаю о его учебе.

Н.А. Ширяев.

Глубокоуважаемая тов. Званская!

Простите, что я не знаю Вашего имени и отчества. Спешу ответить на вопросы, поставленные в Вашем письме от 26/VI-76 г. Это письмо я получил с большим опозданием, т.к. живу на даче в городе Сестрорецке, в Ленинграде бываю весьма редко, ввиду моего сердечного заболевания.

Всеволод Александрович Ширяев, мой племянник, сын моего старшего брата Александра является неотъемлемым гатчинцем с двухлетнего возраста, все детство, всю юность и даже первые годы молодости вдыхавшим ее воздух, полный шума авиационных моторов и запаха авиационного масла. Родился Всеволод в 1911 году в Петрограде, как тогда назывался Ленинград, на Петроградской стороне Зимой семья брата Александра проживала в Ленинграде, летом же, с детьми Тамарой, Всеволодом и Николаем все отдыхали у бабушки Татьяны Егоровны в Гатчине. Но это длилось не более 2-3-х лет, т.к. ввиду легочного заболевания мать Всеволода, по предписанию врачей ездила с мужем куда-нибудь в более благоприятные климатические места для лечения болезни, оставляя детей на попечение бабушки. Всеволоду тогда по моим расчетам было не более трех-трех с половиной лет.

Вскоре мать умерла, и после ее смерти и призыва овдовевшего отца на военную службу, Всеволод с братом Николаем и сестрой Тамарой продолжали так же жить у бабушки. Отец только изредка навещал их из-за каких-то разногласий с Татьяной Егоровной. Я часто навещал их или видел гуляющих с бабушкой у дома близ остановки «Татьянино», где мне приходилось выходить, возвращаясь по железной дороге из деревни Лядино после рытья окопов, воздвигаемых нами против нашествия белых в 1917-1918 годах.

Из Гатчины я с семьей моего отца, инженера-железнодорожника Н.Г. Ширяева, выехал в г. Пензу весной 1918 г., где окончил художественное училище. Возвратился я из Пензы в Ленинград в 1927 году. Всеволод с братом и сестрой так же продолжали жить у бабушки, где он закончил или, заканчивал, среднюю школу. Всеволоду тогда было 16 лет.

В 1936 или 1935 годах Всеволод проходил теоретическую часть летного дела в Ленинградском военно-авиационном училище, и каждое воскресенье приходил к нам на Суворовский проспект. Всеволоду в то время было уже 23 или 24 года. Его хорошо помнит мой сын Н.Б. Ширяев, полковник, ныне проживающий в Москве, которому Всеволод дарил авиационные значки и галуны. Всеволод и тогда не терял связи с Гатчиной, где жили его сестра и брат Николай.

По окончании теоретического курса в Ленинграде, Всеволод для прохождения практических занятий был направлен в другой город, кажется, Борисоглебск. Я отчетливо помню его облик тех дней: невысокий, коренастый, с широкими плечами и крепкой грудью, прекрасною головою и открытым взглядом, он невольно притягивал к себе, во всем его существо чувствовался человек подвига... Героизм и слава «покорителей воздуха» неизменно влекла к себе гатчинскую молодежь и звала к подвигам во имя защиты дорогой Родины. Гатчина вправе гордиться своим сыном Всеволодом Ширяевым и должна создать в память о нем мемориальную доску. В какой школе учился Всеволод, я точно сказать не могу, но думаю, по описанию его брата Николая, это было все же бывшее реальное училище

Художник-пенсионер Б. Ширяев

Из писем родственников будущего Героя следует, что он учился в двух школах Гатчины: в старших классах — в Единой советской трудовой школе № 2 (бывшее реальное училище), а в младших, утверждает гатчинский старожил В.А. Пирогов, в прошлом секретарь комитета ВЛКСМ промар-

тели «Металлист» («Буревестник») — в начальной школе № 1 по улице Володарского. Именно ее координаты приводит в своем письме брат Всеволода, считает Вячеслав Алексеевич. По его словам, эта школа размещалась на улице Володарского, в усадебном доме, на месте, где сейчас находится кафе «Раут» и «Россельхозбанк», только дальше, в глубине усадьбы, ближе к железной дороге. В каком году Вячеслав Алексеевич не помнит, но в годы, когда секретарем Ленинградского обкома ВКП(б) был С.М. Киров (в 1926-1934 гг. — В.Н.), школьное здание отвели под обкомовскую служебную дачу,⁵ учеников перевели в школу № 2 (бывшее реальное училище на нынешней улице Чкалова), а школой № 1 стала школа, размещавшаяся в здании бывшей церковно-приходской школы Павловского собора. В обиходе ее называли школой для переростков, т.к. в большинстве ее учениками были дети, не сумевшие получить начальное образование из-за тяжелого материального положения, вызванного последствиями гражданской войны: хозяйственной разрухой, сиротством и беспризорностью детей, массовой безработицей взрослых в 1920-е годы.

2

Получив свидетельство об окончании средней школы, Всеволод продолжил образование в системе фабрично-заводского обучения (ФЗО) в Ленинграде, после чего работал ремонтным рабочим на Октябрьской железной дороге. Но, по-видимому, воздух Гатчины, «полный шума авиационных моторов и запаха авиационного масла», заронил в его душу любовь к авиации и желание осуществить мечту многих мальчишек той героической эпохи — стать летчиком. И Всеволод осуществил ее. В 1930 году он с гордо-

стью прикрепил серебристых «птичек» — эмблему ВВС — к синим петлицам обмундирования курсанта Ленинградской военно-теоретической школы авиации.⁶

В то время подготовка военных летчиков была разделена на две стадии. Сначала в одном авиационном учебном заведении надо было изучить общеобразовательные и общевойсковые предметы, теорию техники пилотирования, устройство самолетов, моторов, вооружение и пр., а затем, в другом — получить навыки по обслуживанию и эксплуатации материальной части, освоить технику пилотирования, способы связи с землей и т.д.. Все это получилось у целеустремленного юноши. Два года учебы в Ленинградской «терке», дали ему хорошие знания. Затем он целый год осваивал профессию летчика-бомбардировщика, но теперь в другой — Борисоглебской 2-й военной школе летчиков имени Авиахима СССР.

После нее молодой летчик был направлен в ВВС Уральского военного округа, и в Свердловском авиационном гарнизоне прошел ступени служебного роста от младшего летчика до заместителя командира авиационной эскадрильи. Присущие ему с детства качества: трудолюбие, уважительное отношение к людям, добросовестность, ответственность, в сочетании с уравновешенностью и решительностью позволили ему без задержки двигаться по служебным ступеням. Не чурался лейтенант, а затем старший лейтенант (эти и другие персональные воинские звания для младших офицеров были введены в РККА в 1935 году) Всеволод Ширяев и общественной работы. Влюбленный в авиацию, он старался приобщить к ней школьников, рабочую и студенческую молодежь: участвовал в военно-шефской работе, спортив-

ных соревнованиях и праздниках, в районных и городских комсомольско-молодежных мероприятиях. В фонде Калмыцкого республиканского краеведческого музея имени профессора Н.Н. Пальмова среди документов, писем и фотографий В.А. Ширяева хранится красочная грамота с лаконичным текстом:

«За четкую работу и образцы летного и парашютного дела.

Президиум Свердловского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

9 октября 1936 года. г. Свердловск».

В Свердловске Всеволод Александрович женился. Здесь у них родилась дочь. Важным событием в его жизни стало участие в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. На фронте он летал на легком бомбардировщике - разведчике Р-5. За образцовое выполнение боевых заданий был награжден медалью «За отвагу».

3

Накануне Великой Отечественной войны капитан Ширяев служил в ВВС Северо-Кавказского военного округа и занимал должность командира эскадрильи 276-го ближнего бомбардировочного авиаполка, дислоцировавшегося на аэродроме ст. Тихорецкая Краснодарского края. В июне 1941 года, за несколько дней до рокового 22 числа, полк получил на вооружение скоростные бомбардировщики СБ. Но осваивать эти устаревшие самолеты не пришлось — их передали отправлявшемуся на фронт полку.

Вскоре война докатилась до Краснодарского края. В конце октября полку приказали перебазироваться в Астрахань. Пешим порядком прибыли в Кропоткин, оттуда поездом до Махачкалы. Поскольку северная часть Каспийского моря уже была схвачена

льдом, пароход направился в Красноводск. Оттуда по железной дороге через Ташкент и Уральск прибыли в Астрахань. Было уже начало декабря.

Полку передали грунтовый аэродром в восточной части дельты Волги вблизи протоки Болда, приказали содержать в боевой готовности его взлетно-посадочную полосу и осваивать новый тип самолета — единственный на весь полк бомбардировщик Пе-2. Больше самолетов выделить не могли, так как они требовались на фронте.

В марте 1942 года полк был преобразован в 806-й штурмовой авиационный полк (шап) двухэскадрильного состава и вместе с еще одним штурмовым полком включен в состав 289-й штурмовой авиационной дивизии 8-й воздушной армии (позже дивизии был передан истребительный полк). Командиром полка был назначен майор Ф.А. Еськов, командиром 1-й эскадрильи — капитан В.А. Ширяев. После обучения в запасном авиационном полку полетам на новой боевой машине — бронированном одноместном штурмовике Ил-2 конструкции Сергея Владимировича Ильюшина, 806-й шап в июле получил 20 единиц такой техники. Эта нужная для советских ВВС боевая машина, предназначенная для непосредственной поддержки наземных войск, стала поступать в войска в июне 1941 года. Но один крупный недостаток — отсутствие защиты самолета со стороны хвостовой части, делал его уязвимым для вражеских истребителей. Тогда Ильюшин сконструировал, точнее, возвратился к первоначально предложенному им, полностью построенному и прошедшему первые испытания двухместному Ил-2, имевшему бронекорпус. В этом самолете кабина стрелка с пулеметной установкой находилась позади кабины летчика. Чле-

ны экипажа сидели спинами друг к другу и, таким образом, самолет был защищен от нападения истребителей противника. Испытания этой модификации Ил-2 закончились 5 сентября 1942 года, во фронтовые части он стал поступать только со следующего месяца. Капитану Ширяеву, погибшему 4 сентября, полетать на этой машине не довелось.

4

После неудачной операции советских войск в мае 1942 года с целью освобождения Харькова силами Юго-Западного и правого крыла Южного фронтов, немцы перешли в наступление на южном направлении. Они планировали взять Сталинград 25 июля, Астрахань 5 августа, Баку — к концу сентября.

Захват Астрахани был одной из главных целей в стратегических планах германского командования на летнюю кампанию 1942 года. Этот город, находившийся в дельте реки Волги, был важнейшим транспортным узлом, соединявшим центр страны с районами Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии. В астраханском порту с морских судов на иные транспортные средства перегружались поступающие из этих районов стратегически важные грузы: нефть (Кавказ давал 86 % всей ее добычи в СССР), хлопок, продовольствие, грузы военного назначения и др. В городе с населением 260 тысяч жителей находилось много предприятий, работавших на оборону (в том числе эвакуированные с Украины и Крыма). Здесь было свыше полусотни госпиталей, военные учебные заведения, склады и т.д. Захватить Астрахань немцы намеревались после овладения Сталинградом в ходе специально разработанной операции «Фишрейтер» — «Серая цапля», на-

правив к городу вдоль Волги соединения и части 4-й танковой армии. Но они глубоко просчитались. Взять Сталинград им не удалось, как не удалось сломить сопротивление сформированной в 1942 году в Сталинградском военном округе для защиты Астрахани и астраханского направления 28-й армии (командующий генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко).

Но это будет позже. А пока оборонявшая астраханское направление 51-я армия под натиском превосходящих сил врага отступала на северо-восток, оставляя его открытым (к середине августа в армии осталось около трех с половиной тысяч человек и 45 орудий).

Ее сводный отряд, собранный из остатков разных частей, 12 августа после ожесточенных боев оставил столицу Калмыкии город Элисту. Астрахань отстояла от нее в 300 километрах. Чтобы закрыть брешь, образовавшуюся на территории республики между Северной группой войск Закавказского фронта и Юго-Восточным фронтом, Ставка Верховного Главнокомандования срочно направила сюда 34-ю гвардейскую стрелковую дивизию (гвсд). Ей, а также присоединившейся позже 152-й стрелковой бригаде, выпала нелегкая задача в течение четырех с лишним месяцев противостоять рвущейся на Астрахань 16-й моторизованной немецкой дивизии, которая превосходила ее по численности личного состава (14 тыс. человек против 12 тыс.), танков и особенно автомобилей и тягачей (2, 4 тыс. единиц против сотни с небольшим). Наша дивизия имела только незначительное превосходство в орудиях и минометах.

Очень мобильны, хорошо оснащены и вооружены были немецкие разведдозоры, которые были способны выполнять важные задачи. В их состав

входили 8-колесный бронетранспортер, вооруженный 20- или 35-мм орудием, 24 мотоциклиста на мотоциклах, вооруженных пулеметами или легкими пушками (в т.ч. зенитными), 5 автомобилей с запасами горючего, воды и продовольствия, санитарная машина, вездеход с ремонтно-восстановительной бригадой. Один из таких дозоров продвинулся к востоку дальше всех подразделений вермахта, действовавших на советско-германском фронте — он не дошел до Волги всего 7 километров и 35 километров до Астрахани.⁷ Такой тщательно продуманный подход немцев к организации небольших летучих боевых групп впечатляет.

Но мы тоже умеем удивлять. Например, в 28-й армии в качестве орудийной тяги применялись верблюды. Для этого ей было передано 7 тысяч сильных и выносливых животных, незаменимых в условиях 40-градусной жары (в тени), безводной пустыни и бездорожья. Как пишет Олег Шеин, «Бойцы опытным методом осваивали общение со своеобразным животным. В 1945 году эти верблюды дойдут до Берлина».⁸

5

Боевые действия на территории Калмыкии продолжались сравнительно недолго. Начались они в августе 1942 года и завершились в начале 1943-го. Сначала наступали немцы, а потом в наступление перешли наши войска. Воевать, как противнику, так и нашим войскам, затрудняли неблагоприятные природные условия: степная пустыня, пески, топкие солончаковые озера, дефицит питьевой воды, отсутствие лесного строительного материала, жилья, дров для отопления и др. Кочевой образ жизни калмыков не предполагал создания крупных населенных пунктов, редкими были и мелкие.

Специфические природные условия, малолюдность, бездорожье и ряд других факторов были причинами того, что на астраханском направлении не было сплошной линии фронта, за исключением небольших участков вдоль грунтовой дороги Элиста — Астрахань. Выйти к Волге можно было по этой дороге, ее ответвлению на север к приволжскому селу Енотаевка, либо на севере Калмыкии, где дорог было больше.

18 августа части и подразделения 289-й авиадивизии начала боевые действия против немецких войск. Утром того дня девять Ил-2 первой эскадрильи 806-го шап, вооруженные бомбами и реактивными снарядами нанесли удар по вражеским войскам, захватившим шестью днями раньше столицу республики город Элисту. Советские штурмовики разрушили часть здания правительства республики, где, как предполагалось, находился немецкий штаб, уничтожили 15 автомобилей и 4 автоцистерны. В следующий свой налет на город и окрестные объекты было уничтожено около 200 немецких солдат и офицеров, взвод конницы, 4 танка и 20 автомашин. Летчики, не давая покоя врагу, почти ежедневно летали на выполнение боевых заданий. Особенно успешно действовала 1-я эскадрилья капитана Ширяева. Как командир и опытный воздушный боец, он показывал подчиненным пример отваги и боевого мастерства, за короткое время более десятка раз водил своих летчиков на штурмовку вражеских позиций и колон боевой техники и транспортных средств.

Судьба отвела Всеволоду Александровичу недолгую жизнь. Он прожил ее достойно и завершил подвигом - раненный осколком зенитного снаряда, направил свой подбитый и горящий самолет на скопление вражеской тех-

ники и живой силы.⁹ Так он обессмертил свое имя подвигом во имя Родины и народа. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1943 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Мы не знаем подробностей жизни и боевой деятельности отважного сокола Гатчины. Не знаем, жив ли кто-нибудь из его однополчан. Возможно, со временем другие исследователи обнаружат новые факты о жизни и боевой деятельности славного летчика-штурмовика, капитана Всеволода Ширяева. И он станет еще ближе и дороже гатчинцам.

В завершение этого очерка давайте ознакомимся с главой из книги фронтового друга Всеволода Александровича, командира звена 1-эскадрильи, позже полковника авиации Василия Васильевича Пальмова «Штурмовики над Днепром», изданной в 1984 году.

Подвиг капитана Ширяева

Немецко-фашистское командование планировало выход к Волге одновременно в районе Сталинграда и Астрахани. Поэтому захвату города в устье реки придавалось особое значение. Наступил сентябрь, стояла жаркая, сухая погода, ничем не предвещавшая близкой осени. В начале сентября 1942 года нашим войскам удалось остановить наступление противника в районе Халхуты, километрах в 150-ти от Астрахани. На смену обескровленным частям воздушных десантников сюда была переброшена 28-я армия, пополненная местными жителями — рабочими, крестьянами, рыбаками. Кстати, эта армия прошла затем славный боевой путь и участвовала в освобождении Украины, в штурме Берлина.

Два полка нашей дивизии продолжали штурмовые удары по живой силе и технике противника. В один из

первых дней сентября, утром, мы нанесли девяткой удар по колонне вражеских танков и автомашин на дороге между Уттой и Халхутой. До этого нам еще не приходилось встречаться с фашистскими истребителями. Такое «везение» долго, конечно, продолжаться не могло, наши штурмовики гитлеровцам доставляли немало хлопот. И те стали плотнее прикрывать с воздуха свои наземные войска. Мы постоянно готовились к встрече с «мессерами», изучали их повадки, меняли маршрут и профиль своего полета, на цель выходили с разных направлений. Чтобы не привести фашистов на свой аэродром, вначале наши летчики совершали посадку на других аэродромах, уже известных противнику. Вот и на этот раз на обратном маршруте сели на центральном аэродроме Астрахани. На стоянке ко мне подошел капитан Ширяев. Молча выслушал доклад, предложил закурить. После базарного самосада, от которого в горле словно кошки скребли, душистый табачок «Любительский» — одно удовольствие. Мы свернули самокрутки, отошли подальше от самолетов, которые механики дозаправляли топливом. Легкий аромат курева успокаивал нервы.

— Обретают ребята крылья, — кивнул в сторону летчиков Ширяев. — По настоящему боевым летчик становится после девяти-десяти вылетов. Сегодня хорошо поработали. И живой силы намолотили немало.

Некоторое время мы молчали. Я думал над словами командира. Ширяев верно заметил: в первых вылетах как ни старайся, все равно что-нибудь упустишь. Потому что весь в напряжении, мышцы как струны, сердце работает, как мотор на предельных оборотах. Спокойствие и уверенность обретаются с опытом. И уж тогда работаешь без спешки и прежнего напряжения,

видишь нужное, делаешь должное.

— Сон сегодня видел я какой-то чудной, — прервал молчание Ширяев. — Сел вроде на подбитой машине в расположении врага. И знаю, что не вернуться мне оттуда. Утро было такое, как сейчас, — теплое, спокойное. Роса на траве, птички поют. Умирать так не хочется...

В тоне Ширяева было что-то такое, что заставило меня внимательно взглянуть на него. На губах командира застыла полуулыбка, взгляд устремлен куда-то вдаль. Что-то беспокоило Всеволода Александровича. Может, что долго нет писем от жены? Вот уже почти год, как проводил он семью в Кисловодск к родственникам жены. Когда мы ехали поездом из Кропоткина, Ширяев дал жене телеграмму, чтобы встретила в Минеральных Водах. Жена двое суток ждала эшелона, потеряла всякую надежду на встречу и возвратилась с дочерью в Кисловодск. А через час пришел наш эшелон. Потом Ширяев хотел забрать семью к месту нашего формирования, выписал необходимые документы. Но снова не повезло: выехать жена не успела, все дороги были забиты войсками, военными грузами, беженцами. Сейчас на Северном Кавказе враг, он ползет на перевалы. Тяжело Ширяеву слышать об этом.

— Сон, конечно, чепуха, — капитан словно устыдился своего рассказа. — Так, привязалось что-то...

После обеда все собрались в шалаше на берегу Болды в ожидании задания. Разморенные жарой, летчики скупно обменивались словами. Незаметно для себя я вздремнул. Спихватился от рокота моторов. Выскочил из шалаша — на взлет пошла шестерка самолетов. Охватила досада — почему без меня? До этого я участвовал во всех боевых вылетах. Подошел комиссар Сатаев.

Увидев мое смятение, сказал:

— Командир решил выполнить задание шестеркой. Твое звено в резерве. Отдыхай, пока нет команды.

Впервые я остался на земле, когда товарищи в воздухе. Мысленно иду с шестеркой по маршруту, отмечаю ориентиры, по времени определяю момент выхода на цель. Через несколько минут «ложусь» на обратный маршрут. Теперь надо ждать появления в небе знакомых очертаний самолетов. Тонительно тянутся минуты. Нет, ждать на земле куда хуже, чем самому лететь. На пути домой самолет легкий, летишь на бреющем, рядом чувствуешь крыло боевого друга, видишь его довольную улыбку. Взглядом он просит проверить, нет ли пробоин на его самолете. Если есть — подсчитываешь, показываешь на пальцах. Нет — поднимаешь большой палец: все в порядке! Ничем не измеримо это чувство фронтового братства, священного воинского товарищества. Оно не в добрых словах, а в славных поступках. Знаешь: если понадобится, ты прикроешь собой друга, окажешься сам в беде — придут на помощь.

После посадки летчики спешат к машине командира. Возбужденные голоса, мокрые шлемы в руках, выразительными жестами ребята показывают проделанные маневры. Сердце наполняет волнующая радость: боевое задание выполнено успешно. Сегодня я лишен всего этого. Смотрю на часы, до возвращения группы остается минут пять. Поднимаюсь на крыло самолета, чтобы раньше увидеть возвращающихся товарищей. Прошло пять минут, но горизонт пуст. Аэродром застыл в тревожной тишине. Только слышно, как мой механик Миша Сурин возится под крылом, звякает ключами и отвертками, пересчитывает инструменты. Известно, что инструмент

для механика, да еще в трудном сорочном году, — это как боезапас для солдата.

— Как там, не видно? — слышу из-под плоскости.

В голосе — нескрываемое волнение. Мы знаем, как переживают за летчиков механики, как светятся радостью их лица, когда командир возвращается жив и невредим. Наконец кто-то закричал: «Идет!» И в этот момент я увидел одинокий самолет, появившийся совсем не там, откуда его ожидали. «Ил» низко летел вдоль границы аэродрома. Он был весь в лохмотьях, вдоль фюзеляжа поток воздуха трепал рваные полосы, все тело самолета пестрело пробоинами. Летчик, не делая привычного выскока на высоту, выпустил шасси и закрылки. Самолет тяжело присел после приземления и покатился. Уже выключен мотор и винт замедлил движение, а самолет все катится и катится.

— Тормози, тормози! — кричу, словно меня может услышать летчик.

Теперь уже видно — это напарник капитана Ширяева Саша Карпов. Что с ним? Может, не работают тормоза? Хватит ли посадочной полосы? Наконец летчик «дал ногу», развернул самолет. Скатившись с посадочной полосы, «Ил» замер. К самолету уже мчится машина Шуры Желтовой с Савичевым на подножке, бегут механики. Над аэродромом появились еще три самолета. Но двух все нет. Карпов с трудом поднялся с сиденья. Он говорит, еле ворочая языком, на подбородке запеклась струйка крови — видно, царапнуло мелким осколком:

— Командир погиб...

Он не может рассказывать, он весь еще там, над полем боя. Досадливо махнув рукой, вытирает слезу и отворачивается. Карпова окружили летчики, повели к автомашине. По дороге

на КП он немного пришел в себя и сообщил: зенитки над целью подбили самолет Ширяева. Вначале он пытался скольжением сбить пламя, а потом направил горящую машину в гущу вражеской техники... При отходе от цели «илы» были атакованы «мессерами». Миша Полочнов тоже подбит и сел на вынужденную на своей территории. Так капитан Ширяев повторил огненный таран экипажа капитана Гастелло, свершенный на четвертый день войны.

Подвиг нашего командира эскадрильи стал венцом его славной жизни. Летчик-коммунист Всеволод Александрович Ширяев навсегда остался для нас образцом в выполнении воинского долга, примером мужества и отваги.

На аэродроме зияли, словно пустые глазницы, две стоянки без самолетов. Летний волжский ветерок покачивал пожухлые ветки ненужной теперь маскировки, сухие листья словно шептали: «уш-ли... уш-ли...».

Позже нам стало известно: раненого лейтенанта Полюнова доставили в лазарет. Под вечер, когда насмотревшееся смертей солнце устало скатилось за горизонт, в полку состоялся митинг. Открыл его заместитель командира полка капитан Калябин. Слово взял комиссар Поваляев. Вздвинувшись, с болью в сердце говорил Алексей Иванович. После него выступил командир второй эскадрильи старший лейтенант И.И. Мартынов, вместе с которым Ширяев начинал летную службу. Иван Иванович рассказал о совместных боевых вылетах во время советско-финляндского конфликта, о Ширяеве как умелом командире, отважном летчике и славном товарище. Выступил Саша Карпов, видевший подвиг своего командира. Он предложил ходатайствовать о посмертном присвоении капитану Ширяеву зва-

Памятник В.А. Ширяеву в Калмыкии

Мемориальная доска В.А. Ширяеву на школе №4 в г. Гатчине

ния Героя Советского Союза. Капитану В.А. Ширяеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, а его имя навечно зачислено в списки первой эскадрильи.

Примечания:

¹ Великая Отечественная война 1941-1945. Энциклопедия. М., 1985, с. 682.

² Республика Калмыкия образована 4 ноября 1920 года как автономная область. 20 октября 1935 года преобразована в Калмыцкую автономную советскую социалистическую республику (КАССР). В 1943 году калмыки, как и ряд других народов СССР, подверглись насильственной депортации в районы Сибири, Средней Азии,

Казахстана, Алтая, продлившейся более 13 лет. В 1957 году восстановлена как автономная область, 20 июля 1958 года преобразована в Калмыцкую АССР. После восстановления автономии значительная часть калмыков возвратилась из районов выселения на прежние места проживания. В 1990 году Калмыцкая АССР объявила о своем суверенитете, с 1992 года она называется Республика Калмыкия — Хальмг Тангч. Территория республики 75 тыс. кв. километров. Калмыков по переписи 2010 года: всего на территории Российской Федерации 183,3 тыс., в Республике Калмыкия — 162,7 тыс. Столица город Элиста (в 1944-57 гг. назывался г. Степной).

Калмыки (самоназвание «хальмаг») — народ монгольского происхождения. В конце 16 — начале 17 вв. калмыки числом около 300 тысяч переселились в Россию, в низовья Волги и в 1608 году при Василии Шуйском приняли присягу на верность российскому царю, за исключением некоторых родовых общин. В 1657 году остальные роды также перешли «в вечное подданство» России с обязательством служить в русской армии. Но предводители родов нередко нарушали присягу. В 1771 году во время царствования Екатерины II часть калмыков (более 120 тысяч) отказавшись от российского подданства, двинулась в Джунгарию, но на тяжком пути переселения почти вся погибла. Этот разлад с Россией послужил поводом для ликвидации Калмыцкого ханства (существовало в составе империи с 1664 года) и передаче его родовых административно-территориальных подразделений — улусов в состав соседних губерний.

Спустя четыре года после смерти Екатерины II России присягнули два улуса дербетских калмыков. Этот акт совершился в нашем городе. 21 октября 1800 года в Гатчинском дворце состоялась пышная церемония присяги их предводителей — ламы большого Дербета и тайши малого Дербета императору Павлу I. Он даже восстановил Калмыцкое ханство, но в 1803 году император Александр I снова упразднил его.

По вероисповеданию калмыки разделяются на буддистов, точнее, приверженцев северной его ветви — ламаизма, распро-

страненного в Тибете, а также Бурятии и Туве, и православных. В 1989 году в Элисте была зарегистрирована первая буддийская община со времени их упразднения в 1943 году, ею открыт молитвенный дом.

³ Т. Званская. Герои не умирают. «Гатчинская правда», 16 сентября 1978 г.

⁴ В период самораспада городской организации ВООПИИК, ее архив какое-то время находился во Дворце молодежи. Мне тогда удалось снять копии с некоторых документов, в т.ч. и с двух писем родственников Ширяева.

⁵ О том, что здесь была дача Кирова мне рассказывал другой, более старый старожил Гатчины А.И. Петропавловский. По его воспоминаниям к Кирову и сюда по служебным делам приезжали посетители. Однажды Александр Иванович видел, как к Сергею Мироновичу приехал академик А.Е. Ферсман (в то время он занимался вопросами организации добычи апатитов на Кольском полуострове). Они направились в Приоратский парк и долго беседовали, прогуливаясь по его аллеям.

⁶ В авиационных кругах ее ласково называли «теркой». Кстати, часть ее учебного оборудования по наследству перешло от Гатчинской военно-авиационной школы, а среди преподавателей и обслуживающего персонала были люди, начавшие свой путь в авиацию на Гатчинском аэродроме.

⁷ Олег Шеин. Неизвестный фронт Великой Отечественной. Кровавая баня в калмыцких степях. М., 2009, с.74.

⁸ Там же, с.69

⁹ В некоторых публикациях говорится, что погибая В.А. Ширяев передал в эфир: «Ранен. Иду на землю...» Это неверно. Из-за отсутствия шлемофонов радиосвязи на самолетах полка не было. Их получили только в марте 1943 года. См. В.В. Пальмов. Штурмовики над Днепром», с.18

ДВА РАССКАЗА ИЗ ЖИЗНИ МАЛЕНЬКОГО МАЛЬЧИКА В ГОДЫ БОЛЬШОЙ ВОИНЫ

Андрей Голдобин

Наган

Летом 1941 года мы с бабушкой Сашей жили на даче в глухом лесу недалеко от станции Карташевская у лесника дяди Миши. Мы поселились там в начале июня, когда никто и не думал о войне. Мама привезла нас из города и сказала: «Приеду в августе, как получу отпуск...»

Каждое утро бабушка поила меня парным молоком, а потом я убежал в лес «пасть» на землянику. Я ползал на коленках и собирал в рот душистые крупные ягоды. В лесу пахло смолой, хвоей и было так тихо, что даже звенело в ушах. И только, когда налетал ветер, шумели и волновались высокие сосны, будто о чем-то спорили, или кукушка вдруг начинала свое: «Ку-ку, ку-ку...».

И вот началась война! Я несколько не испугался и даже подумал, что это, наверное, очень интересно — настоящая война. Про войну я знал из книжек, которые читала мне мама, да из кино. Там все было очень здорово, особенно в кино: конница под красным знаменем скачет через большое поле, сверкают сабли и строчит пулемет, а еще обязательно барабан — бам-бам — и музыка, а в общем совсем не страшно, и я давно знал, что Красная Армия самая сильная на свете.

Но бабушка, как узнала о войне, заплакала, а дядя Миша сказал, словно выдохнул: «Теперь Вальку не жди. Пока немца не разобьют, не вернется». У дяди Миши сын служил в Красной Армии, и осенью его ждали домой.

Война грохотала где-то далеко. Мы

первое время ее и не слышали. Как-то приехала мама и сказала, чтобы мы не волновались: война скоро кончится, так ей сказали на работе. Однако война к концу лета стала приближаться и к нам.

Иногда над лесом с воем пролетали самолеты. Я выбегал из дома, и, здрав голову, смотрел в небо.

— Бабушка, это наши? — спрашивал я старушку. За нее отвечал дядя Миша:

— Не наши это. Слышь, как гудят по-осиному. Ленинград бомбить полетели, — и отворачивался.

Бабушка Саша плакала и молилась. Я знал, что она просила Бога, чтобы в Ленинграде не убило маму, чтобы немецкий самолет не сбросил бомбу на наш дом.

Как-то под вечер в нашу калитку вошли двое военных. Это были наши командиры. Они шли оттуда, с войны. Бабушка накормила их картошкой с молоком. Потом командиры сидели на крыльце, смотрели на заходящее солнце и курили.

Дядя Миша подсел к ним и долго о чем-то расспрашивал, они отвечали ему будто нехотя. А дядя Миша сказал потом неопределенное: «Н-да...». И все замолчали.

Я с интересом смотрел на военных: еще бы — ведь они прямо с фронта! С настоящего, где строчит пулемет, и скачут всадники с саблями... Я подошел к одному из них, который показался мне добрее, и спросил: «Дядя, а у вас есть наган?» Я приготовился услышать насмешку вроде: «Ишь ты,

герой, наган захотел», но наш гость сказал просто: «Есть», — и слегка ударил себя по левому карману. Мне ужасно захотелось посмотреть на настоящий наган.

«Дядя», а покажите, — и я даже прибавил волшебное слово «пожалуйста». Военный достал наган, ловко вынул из барабана три желтых патрона и протянул мне. Я осторожно взял оружие в руки и стал рассматривать. Неган был тяжелым и холодным. Я повертел его в руках, заглянул в черную дырочку дула и даже понюхал. От нагана пахло сталью и маслом.

«Дядя, а вы и немца можете им убить?» — спросил я. «Могу, конечно», — ответил он и так посмотрел на меня, что я сразу понял, что он не шутит. Мне сразу стало не по себе. Даже жутко. Я тогда впервые почувствовал, что на свете происходит что-то настоящему страшное. Люди убивают друг друга. А зачем и за что?.. Наверное, война на самом деле совсем не такая интересная, как в кино...

Покурив, красноармейцы ушли на сеновал спать. Утром бабушка дала им на дорогу всякой еды и даже банку варенья из красной смородины. Они поблагодарили и ушли в лес в ту сторону, куда летели немецкие самолеты — к Ленинграду.

Дядя Миша стоял на крыльце и смотрел им вслед. Из его разговора с бабушкой я запомнил одно новое слово — окруженцы. Было в нем что-то непонятное и тоскливое, совсем не как привычные раньше: «командир, красноармеец, боец».

Больше нашу лесную жизнь никто не нарушал, никто не приходил. И если бы не чужие самолеты, можно было подумать, что и войны нет... Стояла осень. Березы были усыпаны желтыми листьями, блестящими на солнце, как золотые монетки. Бабушка часто ходи-

ла за грибами и брусникой. Однажды она взяла меня с собой, мы ушли далеко от кордона дяди Миши. Долго блуждали, вышли на большую болотную полянку и присели передохнуть. Бабушка дала мне вареное яйцо и румяную картофельную лепешку.

Был полдень. Лес стоял спокойный, мирный. Просто не верилось, что рядом идет война.

И вдруг где-то далеко за лесом ухнула пушка. Послышался знакомый вой немецких самолетов и глухие земляные вскрипы. Я знал, что так падают бомбы. И тут мы ясно услышали нарастающий вой мотора.

Бабушка, самолет!.. Он летел так низко, что я увидел голову летчика в коричневом шлеме.

— Немецкий, бабушка! Это немецкий! Вон — кресты на крыльях...

Мы растерялись. Самолет летел над нашей поляной. Совсем низко, будто собирался садиться, и вдруг что-то огненное вырвалось у него из-под крыльев. Послышался звук, словно кто-то палкой провел на бегу по заборинам. И тотчас возле нас землю прошили пули.

— Они стреляют! — закричал я, — Стреляют... Бабушка повалила меня на землю, закрыла своим телом и запричитала на весь лес: «Господи! Что делают, что делают! В деток стреляют...»

Тем временем самолет развернулся и снова пошел над нами, и снова пулеметная очередь, длиннее первой, впиалась в мягкую землю. Я увидел, как дрогнула коряга, на которой только что грелась ящерица.

Когда самолет делал третий заход, мы вскочили и быстро побежали в лесную чащу. Позади слышался рев мотора. Я почти чувствовал пули у себя в лопатках, но самолет больше не стрелял. Наверное, у него кончились

патроны, — подумал я. Мы стояли под большой елкой, будто переждали дождь. Бабушка не могла успокоиться, все время плакала. А лес по-прежнему был тихий и мирный.

— Бабушка, а что — он нас хотел убить? Но она в ответ только повторяла свое: «Ироды, ироды проклятые...». И по ее щекам текли слезы, и тут я вспомнил про бидон с брусникой: ягоды, ягоды мы там забыли!.. Принесу... Но бабушка схватила меня за руку и потащила поглубже в лес, приговаривая: «Ему останется, пусть ему; ему, ироду...»

По дороге домой я все время думал про самолет, который на нас напал и не понимал, зачем он в нас стрелял? Что мы ему сделали? И сразу мне припомнились наши недавние гости — военные, «окруженцы», как они себя называли. Вспомнил наган и слова его хозяина, так страшно поразившие меня тогда: «Могу, конечно». И я почувствовал, что теперь не боюсь этих слов. И ужасно захотелось иметь такой же наган. С патронами в барабане. И мне стало до слез обидно, что я еще совсем маленький и мне никто всерьез не доверит настоящий наган.

Конфета

Когда приходит этот удивительный праздник Новый год, и стайки веселых ребятишек спешат на елку, я вспоминаю эту маленькую историю, забавную и грустную, которая случилась со мной, когда я учился во втором классе.

Тогда тоже был Новый год, и дети тоже торопились к деду Морозу за подарком — бумажным кулечком со сладостями. Дети тотчас вынимали их, раскладывали на коленях и считали: пять мандаринчиков, десять конфет, десять «печенин»... Матери при этом

расчетливо поучали: эти можно съесть сейчас, остальное возьмем домой, маленькие сестренки и братишки, которые не попали в гости к деду Морозу, тоже хотели сладкого.

Ленинград поднимался после блокады, оживал. Но война еще не кончилась, и люди каждый день чутко прислушивались к взволнованному и твердому голосу радио: «От Советского Информбюро». Так всегда начинались сводки о положении на фронтах.

Мы тогда жили в Сиверской. От военной голодовки и невзгод у меня было плохо с легкими и надо было показаться врачам-специалистам, пройти рентген. Но такие врачи были только в Ленинграде. Но в Питер пропускали только по пропуску, который получить было нелегко. Но нас с мамой пустили, причина была уважительная... Мы ехали целый день из Сиверской до Варшавского вокзала. Дорога была однопутная. Вся забитая военными эшелонами. Оттуда, с фронта, Восточной Пруссии, шли санитарные поезда с ранеными, туда — с молодым пополнением... С пушками и танками на платформах и часовыми с автоматами. До конца войны оставалось полгода, и строгие военные порядки сохранялись. Хлеб и все продукты продавали только по карточкам, по строгим нормам. Каждому — в зависимости от занимаемой должности. Мы, дети, всегда хотели есть. Потому кулек от Деда мороза казался праздником.

В Ленинграде мы пошли в гости к мамину двоюродному брату дяде Боре. На войне он не был, потому что был инвалид — без левой руки. Он работал учителем в школе взрослых и как-то выжил в блокаду, хотя половина наших родственников умерли от голода. В его большой уютной квартире все показалось мне необыкновенным. Старинная мебель, картины на стенах

и книги в шкафах, на полках, этажерках... Но больше всего меня поразила большая елка — от пола до самого потолка, как у нас в школе в Сиверской. Эту елку привезли своему учителю-инвалиду его взрослые ученики в подарок под Новый год. Елка была очень красивая, пушистая и нарядно украшенная. Она мне сразу очень понравилась. На ветках висело много игрушек и... конфет. Настоящих, больших, в разноцветных фантах. Я все время смотрел на елку, а от конфет прямо глаз не мог оторвать, так мне захотелось их попробовать. Но дядя Боря, хотя и видел, КАК я люблюсь его елкой, ни одной конфетки мне почему-то не предложил. И я подумал, что ему, наверное, жалко.

Таких конфет я не ел никогда. Разве только до войны, но тогда я был очень маленький и что ел — хорошо не запомнил.

Когда стемнело, дядя Боря задернул на окнах занавески светомаскировки и нажал на белую кнопку выключателя под елкой. Елка вспыхнула десятками разноцветных лампочек. От этого она стала еще красивее, а конфеты на ней так и засверкали своими пестрыми фантами. Я после этого не мог спокойно сидеть и ждать, когда же мама наговорится с дядей Борей. Но вредная мама даже не думала уходить, а елка так красиво светилась, а конфеты на ней прямо сами просились в рот.

— Хотя бы одну, только одну попробовать или хотя бы посмотреть, или в крайнем случае понюхать. Ведь они, наверное, необыкновенно вкусно пахнут, шоколадные конфеты, — мучился я.

Но попросить стыдился. Я смотрел на книги, на альбомы, разложенные на этажеркам, а думал только про елку и про конфеты на ней.

«Ну, самую маленькую... самую...»,

— и вдруг, не помня себя, сказал:

— Дядя Боря, дайте мне посмотреть... вон тот альбом.

Дядя встал и спокойно подал мне тяжелый альбом в кожаном переплете, на котором была выдавлена надпись «Картинные галереи Европы». Я перелистывал страницы, разглядывал интересные картинки, но думал про свое: а что, если бы я попросил у дяди Бори конфету с елки, дал бы он или нет?

Словом, картины со всей Европы не помогли. Я не смог забыть про елку. Она притягивала меня, как магнит, а розовый Дед мороз, добродушно усмехаясь, казалось, подсказывал мне: «Ну, возьми, мальчик, конфетку... Когда никто не увидит».

А что, если правда? Если я возьму конфетку, когда дядя Боря отвернется или выйдет из комнаты.

Эта мысль беспокойно завладела мной, и я стал обдумывать, как незаметно снять с елки одну конфету.

Елка стояла в углу между письменным столом и диваном. Я с альбомом вышел из-за стола и сел на диван, теперь, когда я переворачивал страницы, зеленые иглы касались моей руки. ТА конфета висела на крайней веточке прямо над моими коленями рядом с серебристой картонной рыбкой. Большая, в розовой бумажке. Стоило мне слегка подуть, и она начинала раскачиваться, но я не дул, даже почти не дышал, чтобы никто не догадался о моем замысле.

«Это, наверное, шоколадная», — думал я, рассматривая альбом про Европу. Теперь оставалось только улучшить момент. Это было совсем не трудно. Дядя Боря часто уходил в другую комнату, а мама сидела спиной к елке.

И вот, когда он снова вышел я, холодея, протянул руку, снял с ветки конфету и быстро спрятал ее в карман.

Дело было сделано. Я отодвинулся от елки и как ни в чем ни бывало продолжал рассматривать картинки.

Конфета лежала в кармане моих штанов, но на душе у меня было не очень весело. Я даже не мог точно определить — почему? Когда мы сели ужинать, я совсем расхотел есть. Машины разговоры мне очень надоели, и я с нетерпением ожидал приближения комендантского часа, когда по законам военного времени гостям нельзя было оставаться ночевать даже у близких родственников, не поставив в известность жилконтору или участкового. Мы остановились в другом районе, там мы зарегистрировали свой приезд для консультации у врачей. Такие были порядки в городе на Неве в годы войны.

У тети Любы тоже стояла елка. Тоже

с игрушками, но без конфет. А что, если мне повесить свою конфету на ее елку? — вдруг подумал я — вот будет сюрприз! Но такая смелая мысль показалась мне сразу опасной: а вдруг они спросят, откуда у меня такая дорогая конфета? Нет, не годится... Так что же делать?

Не задумываясь о последствиях — что подумают обо мне мама и тетя Люба, я достал конфету и стал разворачивать...

Под красивой оберткой оказалась другая, из фольги. Под фольгой — белая вощеная. Под вощеной — какой-то старый бесцветный фант и, наконец, я вытащил обыкновенную маленькую карамельку, точно такую же, как мы получали по «детской» карточке — триста граммов — в прошлый месяц...

Зоя Бобкова

Есть такие события в истории каждой страны, которые никогда и ни под каким флагом не должны стираться из памяти людей. Они являются знаковыми. Именно к таким событиям и относится блокада Ленинграда. Сколько бы десятилетий не пронеслось над миром, а подвиг тех, кто жил в том грозном, голодном городе — это золотом выписанные буквы на гранитной стене истории. И чем дальше по времени отдаляются от нас те дни, тем более трепетно нужно относиться к каждому жившему в то страшное, но и героическое время.

Во всех населенных пунктах есть общества, в которые объединились те, кто жил в блокаде. Есть такая же общественная организация и в Гатчине, она называется «Жители блокадного Ленинграда». Гатчинское общество блокадников является самым многочисленным в Ленинградской области. В нем 540 членов, а всего в Гатчинском районе их — 1270 человек. Но есть также и блокадники из отдаленных деревень, которые не состоят в этом обществе.

Гатчинская организация является членом Международной ассоциации блокадников. В течение последних 10 лет в Санкт-Петербурге проводятся съезды блокадников. На них съезжаются председатели этих организаций со всей страны и из-за рубежа — Греции, США, СНГ, Израиля и других государств, отовсюду, где проживают жители блокадного Ленинграда. Съезды проводятся 27 января, в день полного снятия блокады.

Председатели блокадных обществ на съездах решают текущие вопросы, которые касаются всех блокадников и, конечно, ведется речь о работе с молодежью — ничто и никто не должен быть

А.А. Вахтер

забыт, даже если на Земле не останется ни одного живого свидетеля того времени.

Гатчинское общество блокадников существует с 1989 года. Сейчас им руководит Александр Арнольдович Вахтер. Он родился в 1938 году. Они жили в Ленинграде задолго до войны на Выборгской набережной. Все 900 дней блокады прожили по этому адресу. Мать работала в детском садике недалеко от дома, и сын тоже туда ходил. Главное, что спасало в блокадные годы, что в детском саду кормили. На ужин домой тоже давали мисочку каши.

— Несешь, бывало, — рассказывает Александр Арнольдович, — эту кашу домой. А по дороге ребята забалуются, и кто-нибудь опрокинет ее, но все до последней капельки соберешь, прямо с землей. И все это съедалось.

Детсадовская каша была слабым подспорьем для растущего организма, приходилось добавлять. Ели все, что жевалось. Картофельные очистки считались роскошью, столярный клей тоже шел

в пищу. Съели они и кожаный ремень отца. Весной было легче: крапива, лебеда были хорошим подспорьем к детсадовской пище.

Отец Александра работал на заводе «Радист», у него была «бронь», но в 1942 году, уже предельно истощенный, он отпросился на фронт, и вскоре пропал без вести.

Однажды три дня не выдавали хлеба (125 грамм), не подвезли, и за эти дни умерло очень много народа, а Александр потерял дедушку и младшего брата. Остались бабушка и мама. К этому времени мать уже перешла работать на фабрику «Красная нить», получала паек, а бабушка стирала дома белье солдатам, те расплачивались продуктами.

В городе работали рынки, мать снесла туда, все, что еще оставалось в доме. Шикарную отцовскую лисью шубу обменяли на три буханки хлеба. Так они продолжали жить в блокадном Ленинграде.

Напротив их дома стоял эсминец «Смелый», который постреляв по немцам, уходил в сторону, а немцы обстреливали то место, где стоял эсминец. Деревянные дома в округе были все разбомблены, жители растаскивали их на дрова. В буржуйку летело все, что горело: книги, мебель.

Так они продержались все 900 дней блокады.

И дождались Дня прорыва.

Помнит Александр Арнольдович, как вели по городу пленных немцев. И что особенно ему запомнилось, как ленинградцы, пережившие ужасы блокады благодаря этим иродам, давали им кусочки хлеба или картофелины.

После войны он окончил 7 классов, потом индустриальный техникум, отслужил три года в армии в Северной группе войск. А после окончил Северо-западный политехнический институт и работал инженером-механиком на предприятиях Ленинграда. Должности занимал — от технолога до заместителя главного тех-

нолога завода «Ладога».

В Гатчину они переехали жить в 1987 году. Работал он в ЛИЯФе, сейчас трудится в Военно-морском архиве. Награжден многими юбилейными медалями.

С 2007 года А.А. Вахтер стал во главе гатчинского общества «Жители блокадного Ленинграда». Это общественное образование включает в себя пятнадцать участков, в которые входят от двадцати до пятидесяти человек. Во главе каждого участка стоит куратор, он координирует и организует работу среди своих членов. Блокадники ведут большую воспитательную работу с молодежью во всех школах и колледжах нашего города. Постоянные встречи с ребятами всегда плодотворны, ведь детям интересно общаться с живыми свидетелями военных лет.

Общественная организация постоянно контактирует с администрацией города и района. Неоднократно с помощью заместителя главы администрации Гатчины Е.В. Веселовского организовывали экскурсии по местам боевой славы.

Теперь обществу помогает администрация области, выделяет ежегодно определенную сумму. Эти деньги идут на поздравления юбиляров, на организацию экскурсий и праздников, на подписку газет.

Обществом руководит Совет, в правлении одиннадцать человек, которые курируют каждый свой участок. Заместитель председателя общества — Геннадий Васильевич Жиглов, сектор учета ведет Евгения Николаевна Дубровская. Казначей общества Галина Антоновна Карева. За работу культурно-массового сектора отвечает Маргарита Давидовна Кац, а за организацию экскурсий — Галина Александровна Лаврова.

Так совместными усилиями многих оставшихся в живых блокадников гатчинское общество доносит до населения память о тех страшных днях.

ХЛЕБНЫЕ КАРТОЧКИ

(из серии рассказов «Я помню»)

Таисия Тарасова

Шел 46-й год. В семье я была старшей из троих детей. Мне было семь лет, и я уже пошла в первый класс. Я помогала маме во всем: смотрела за двумя маленькими братьями и ходила в магазин за хлебом, за детским питанием в детскую консультацию на кухню. Я старалась выполнять все.

Однажды, провожая меня за хлебом, мама положила в карман моего пальто хлебные карточки, как обычно, и проводила за ворота. Была весна, моросил дождь, и дорога была скользкая, грязная. Я шла вдоль оврага от дома к мосту. Слева была гора, справа был овраг, который размывало потоками воды, особенно при таянии снегов. Дорога с нашего Донского переулка переходила в узкую тропку, по которой надо было пройти до моста, а за оврагом, на другой стороне, выйти на Садовую улицу. На узкой тропе я поскользнулась и чуть не свалилась в овраг. Испачкались руки в грязи, я достала из кармана платок, вытерла руки и перешла мостик.

По Садовой было идти хорошо, она была выложена камнем. Я побежала быстрее. Впереди был еще один большой широкий мост, по которому ездили подводы и машины. Я всегда останавливалась на мосту и любила смотреть вниз, наклоняясь через перила. Дождь перестал. Я стала разглядывать, как воробьи, чирикавая, прыгают по веткам деревьев, которые выше перил, вороны летают и каркают. А внизу на дне оврага всегда течет ручей. Он течет по оврагу издали, с горы, из родника и впадает в реку Дон в самом низу горо-

да. Наш город расположен на склоне высокой гористой местности. По оврагу всему выросли большие деревья. По дорожке вдоль ручья ходят люди. На склонах, по обе стороны, домики, сады, огороды, а люди поливают их из ручья. В жару там всегда прохладно. Я решила спуститься к ручью и смыть с рук засохшую грязь. Обратно, по крутому спуску, я не могла выбраться, потому что опять пошел дождь, и ноги скользили. Помогла одна тетенька. Пришла я в магазин и встала в очередь. Хлеб выдавали быстро. От карточки отрезали талон и подавали хлеб.

Но очередь была длинная, она тянулась из магазина на улицу и вокруг магазина. Я стояла, сидела на корточках, не отходя, чтобы не потерять бабушку в клетчатом платке поверх фуфайки и обмотанным одним концом вокруг шеи. Она все время подбадривала меня, говорила:

— Иди, посиди на ступеньках, устала?

А я говорила, что дома два маленьких братика, а я уже большая и помогаю маме.

— Молодец, — говорила она.

Подошла моя очередь, продавец в белом халате ласково сказала:

— Давай, детка, хлебную карточку! Хлебом так пахло, что у меня почему-то зашумело в ушах, а продавец исчезла из глаз...

Потом я услышала беспокойные голоса и открыла глаза. Все суетились вокруг меня, поднимая с пола, и спрашивали:

— Ну, как ты? А какая бледная!

Дайте ей скорее хлеба, пусть поест немного! Я полезла в карман за карточкой...

И тут я испуганно поглядела на продавщицу. Она говорит:

— Давай, милая, возьми хлеб!

А я стояла растерянная, испуганная и не могла произнести ни слова.

— Что, потеряла? Забыла дома?

Я вынула руку с платком из кармана и заплакала навзрыд. Слезы застили глаза, я никого не видела. Тут все стали меня успокаивать, а продавец подала мне буханку хлеба и сказала:

— Бери, детка, а завтра принесешь карточку, иди домой!

Я вышла из магазина, а слезы все текли, я боялась, что скажу маме, хотелось откусить корочку пахнущего хлеба, но я боялась, что мама будет ругать за утеранные карточки. Дома мама сразу заметила неладное, похвалила за хлеб и спросила!

— Хочешь, бери вот, ешь, что с тобой?

И я рассказала, что потеряла карточки. А мама с укором спросила:

— Ты опять стояла у моста и спускалась в овраг к ручью? (Мама знала,

что я не могла пройти, не остановившись там, куда бы она меня ни посылала).

Однажды я ходила за детским питанием для братика, и когда я спустилась к ручью — поставила сумочку рядом, держа за ручки, но не заметила, как баночка наклонилась на бок, и из нее вытек почти весь кисель. Мама подумала, что я его выпила, а я плакала, потому что ничего никогда не трогала, хотя так вкусно пахло из баночек, особенно пюре с протертым мясом. Дома всегда мама давала мне чуть покушать. Тут я вспомнила про овраг, где я мыла, руки и побежала обратно.

Карточки лежали около ручья на грязной земле.

Дождь кончился, и выглянуло яркое солнышко. Я обрадовалась, осторожно держа карточки на ладони, чтобы они высохли, с радостью пошла домой.

Вечером за ужином, когда пришел с работы отец, мама рассказала ему обо всем. Отец похвалил меня за помощь матери и строго сказал:

— Учись, дочка, всему учись в жизни. Я на тебя надеюсь!

Гатчина, 2004 г.

Ирина Андриянова

Обелиски

Сорок первый нам год не забыть никогда.
Много лет уж прошло, но мы помним всегда
Тех, кто пал на войне, не вернувшись назад.
Там, на месте боев, обелиски стоят.

Припев: Обелиски, стоят обелиски
Не пришедших с войны наших близких,
У обочин дорог и проселков
В городах, деревнях и поселках.

Вдруг взорвался снаряд, сбросил бомбу фашист,
Лишь успел командир дать команду: «Ложись!»
Вместо писем родным похоронки летят,
Где погибли они, обелиски стоят.

Припев: Обелиски, стоят обелиски
Не пришедших с войны наших близких,
У обочин дорог и проселков
В городах, деревнях и поселках.

Тут недавно стоял медсанбат полевой,
Грохнул взрыв, кто погиб, не вернулся домой;
Не дожидаться родным своих близких,
На том месте стоят обелиски.

Припев: Обелиски, стоят обелиски
Не пришедших с войны наших близких,
У обочин дорог и проселков
В городах, деревнях и поселках.

Медсестра не успела к бойцу подойти,
Ее пуля сразила к нему на пути,
Пролетела над ней слишком низко...
Подойди, поклонись обелиску.

Припев: Обелиски, стоят обелиски
Не пришедших с войны наших близких,
У обочин дорог и проселков
В городах, деревнях и поселках.

Здесь твой прадед лежит, а там чей-то отец,
Оборвал им снаряд прошлой жизни венец.
Подойди к обелиску, ему поклонись,
Они смертью своей сохранили нам жизнь.

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

Жизнь знает не время, а дела и события...

А. Грин

Андрей Бурлаков

Продолжение. Начало в № 5

В годы Великой Отечественной войны кинематограф тоже не обошел наш край стороной. Фашисты несколько раз снимали Гатчину и ее окрестности на пленку. В Германии тогда были очень модны короткометражные ленты о жизни в «освобожденной оккупантами от большевизма» России. В 1943 году один из сюжетов для такого фильма создавался в деревне Межно под Сиверской. В съемках принимало участие местное население.

Сохранились кадры военной советской хроники, снятые неизвестным оператором в освобожденной от фашистских захватчиков Гатчине в январе 1944 года. На экране сцены уличных боев, разрушенные улицы и вокзалы, жители города, встречающие солдат, красный флаг, который водружается на башне самого высокого здания города, воины-освободители, проходящие мимо пылающего огнем разграбленного дворца...

Первой послевоенной картиной, которая снималась в нашем городе в 1947 году, был художественный фильм «Пирогов». Над ним работал классик отечественного кинематографа Григорий Михайлович Козинцев, а ему помогал молодой, начинающий тогда режиссер Эльдар Рязанов. В этом фильме одну из своих первых ролей сыграла замечательная актриса Татьяна Львовна Пилецкая. Съемки проходили в Гатчинском парке, который был на это время закрыт. Сцены

объяснения героев в любви — в лодке на Белом озере.

В 1950 году на экраны вышел документальный фильм «Гатчина». Он был посвящен начавшимся работам по восстановлению дворцово-паркового ансамбля Гатчины. Большую помощь творческой группе киностудии «Ленфильм» оказала главный хранитель Гатчинского дворца-музея и парка Серафима Николаевна Балаева.

В 1953 году известный режиссер Григорий Рошаль (впоследствии получивший звание народного артиста СССР) избрал Гатчину для съемок художественного фильма «Римский-Корсаков». Наш земляк, бывший старшина гатчинской милиции, ныне покойный Карл Дмитриевич Хренов, обеспечивавший охрану многих картин, снимавшихся на гатчинской земле, рассказывал:

«Это был первый фильм, на который я попал. Снимали у колодца, напротив Адмиралтейских ворот. Я шел мимо с детьми. Остановился, смотрю. Любопытно. А у них дизель не заводится. Они ко мне: «Помоги, усатенький!» Я помог, завел. Режиссер кричит: «Начинаем съемку. Вы готовы?» «Готов».

«Поехали!» Начали. Режиссер то и дело кричит: «Прибавь напряжение!» Я прибавляю. Закончили. Я собрался уходить, а он мне: «Распишись!» И дают 150 рублей. «Елки-палки, мне за эти деньги полмесяца работать!»

Вскоре фильм «Римский-Корсаков» вышел на экраны кинотеатров. Биографическая картина когда-то демон-

стрировалась и в Гатчине. К сожалению, этот фильм почти не известен современным зрителям.

А вот фильму «Чужая родня», который был создан ленинградскими кинематографистами в 1955 году, повезло. Его довольно часто показывают по телевидению, но лишь немногие знают, что фрагменты картины снимались в селе Рождествено и в деревне Даймище в Гатчинском районе. Местные жители до сих пор вспоминают, как это было. В Рождествено один из кадров снимался на Церковной улице, у дома Соколовых, которому уже почти двести лет и владеет им одна и та же семейная династия. Род Соколовых — древнейший в селе. Не так давно дом был поставлен на учет областной инспекцией по охране памятников истории и культуры. Помнят рождественцы тогда еще молодого, выпускника Всесоюзного государственного института кинематографии, замечательного актера Николая Рыбникова. В фильме он играл одну из главных ролей. Снимался здесь и совсем еще молодой актер Геннадий Юхтин. В массовках снимались местные жители.

Гатчинские школьники играли сами себя

В конце 50-х годов в Гатчине и районе Ленинградской студией научно-популярных фильмов были созданы документальные ленты, главными героями которых были учащиеся школ. Так, в 1958 году появился короткометражный фильм «Опыт Елизаветинской школы», а в 1959 году — фильм «В школе и дома». Съемки последней картины проходили в Гатчинской средней школе № 4. Она наглядно знакомила телезрителей с одним днем из жизни обычного советского школьника, как дома, так и в учебном заве-

Николай Рыбников

дении. В съемках фильма принимала участие известная гатчинская (бывшая жолатая) Галина Дмитриевна Перельгина.

В то же время на базе школы №4 была создана любительская киностудия областного отдела народного образования. Ее деятельность возглавил оператор киностудии «Ленфильм» О.Б. Райхбер. Студийцы сняли несколько лент. Среди них документальный фильм «Юные моряки» (1960 г.), который рассказывал об увлекательном путешествии школьника по реке Волге.

Где ты, серый волк?

Летом 1966 года в деревне Лампово и соседней старинной усадьбе Дружноселье проходили съемки художественного фильма «Серый волк» (киностудия «Ленфильм»). В массовых сценах этой картины принимали участие местные жители. По сценарию, один из эпизодов фильма должен был происходить зимой. Вместо снега ки-

ношники пытались использовать опилки, которые они специально разбрасывали и раздували, создавая иллюзию снежной вьюги. Усердно снимались ламповские дома — замечательные памятники деревянного зодчества прошлого столетия. Но эту сказочную историю так и не смогли увидеть зрители. По неизвестным причинам кинолента так и не вышла на экраны.

Фильм о Гатчинском парке

Летом того же года в нашем городе проходили съемки документального фильма «Гатчина». Познакомить с достопримечательностями Гатчинского дворцово-паркового ансамбля миллионы зрителей — такую благородную задачу поставил перед собой творческий коллектив студии «Ленфильм» под руководством режиссера-постановщика Б. Медведева. Научную консультацию в работе над картиной осуществляли доктор исторических наук, профессор Ленинградского государственного университета С.Б. Окунев и главный хранитель Павловского дворца-музея А.М. Кучумов. Съемки фильма дополнялись обширным иконографическим материалом из собрания Гатчинского дворца-музея, в то время еще не возрожденного.

Вспоминает Римма Владимировна Захарова:

«Я тогда работала методистом по культурно-массовой работе в Гатчинском дворце-музее и парке. Когда приехала съемочная группа во главе с режиссером, ныне покойным Борисом Медведевым, дирекция просила меня подобрать иллюстративные материалы по истории дворца и парка в архиве музея. Особенно заинтересовались создатели фильма знаменитым «Кушелевским альбомом», с уникальными видами проектов и чертежей

старой Гатчины. Съемки проходили летом, и наш парк получился на экране замечательным. Я и сама мелькнула в этом фильме, в одном из кадров, стоя на мостике около Карпина пруда. Впоследствии «Гатчину» показывали очень много раз».

Зрителям фильм понравился. А для того, чтобы еще более образно и реально раскрыть перед зрителями жизнь Гатчинского парка, в нем была частично воссоздана разрушенная в годы войны терраса-пристань на Белом озере. Был сооружен и макет одного из судов бывшей флотилии императора Павла I. По старинным гравюрам и довоенным фотографиям новый фильм позволил совершить увлекательную экскурсию по залам Гатчинского дворца и представить его в полном, первоначальном великолепии. До открытия парадных залов дворца-музея после восстановительных работ оставалось еще 18 лет...

Софью Перовскую казнили в Гатчине

В сентябре 1967 года Гатчина стала местом съемок очередного художественного фильма.

Еще в конце августа многие гатчинцы заметили, что на Дворцовой площади началось строительство какого-то сооружения. Вначале на это не обратили внимания — мало ли что могут строить... Большинство жителей города решили, что это будет новая трибуна к очередному празднику октябрьской революции. Но через несколько дней это деревянное сооружение приняло вид эшафота, рядом с которым стояли черные гробы. Сооружение имело довольно зловещий вид. Все выяснилось 5 сентября. На площадке перед Гатчинским дворцом 2-е творческое объединение «Луч» киностудии «Мос-

На съемках фильма «Софья Перовская» 1967 г.

фильм» начало съемку заключительной сцены художественного фильма «Софья Перовская». Сцена называлась «Казнь».

Картина рассказывала о жизни и деятельности известной русской революционерки-народницы Софьи Львовны Перовской (1853 — 1881 гг.) Именно она после ареста А. Желябова возглавляла подготовку и осуществление покушения 1 марта 1881 года на жизнь императора Александра II. После ареста С.Л. Перовская была заключена в тюрьму, а 30 марта 1881 года приговорена к смертной казни вместе с другими народолюбцами — Желябовым, Кибальчицем, Михайловым и Рысаковым. Казнь революционеров состоялась на Семеновском плацу в Санкт-Петербурге.

Сценарий для этого фильма был написан Евгением Габриловичем. Над созданием исторической картины работал творческий коллектив во главе с главным режиссером-постановщиком, заслуженным деятелем искусств РСФСР Львом Оскаровичем Арнштамом. В главной роли была занята артистка московского театра имени Ермоловой А. Казарова. Роли народолюбцев исполняли: Кибальчич — артист московского театра драмы и комедии Б. Хмельницкий; Желябов — артист минского театра имени Я. Купалы В. Тарасов; Михайлов — артист ленинградского малого оперного театра А. Лукьянов; Рысаков — артист киностудии «Ленфильм» В. Колокольцев. Роль императора Александра II исполнил известный актер театра и кино Владислав Стржельчик, впоследствии неоднократно бывавший с творческими встречами на гатчинской земле. Музыку к картине написал композитор Дмитрий Шостакович.

В съемках сцены «Казнь» у дворца принимали участие многие гатчинцы.

Для массовок кинематографисты пригласили жителей близлежащих домов, расположенных на Красноармейском проспекте. Всем им выдавалась соответствующая одежда, сшитая в духе того времени. Гатчинцы изображали толпу любопытных горожан — свидетелей жуткой казни народовольцев. Участники массовок вспоминают, как в перерывах между съемками картины артисты, игравшие роль казненных, ходили пить пиво в ларек на Красноармейский проспект. Своим видом они пугали некоторых старушек. На груди у каждого из них висела табличка с надписью «Цареубийца»...

Ольга Вахрушева, педагог гатчинской детской музыкальной школы № 1, в 1967 году была третьеклассницей. Она хорошо помнит, как вместе с подружками ходила на Дворцовую площадь смотреть, как снимается кино. Лежащие около эшафота черные гробы очень пугали детей. Их не убирали даже после съемок. Рассказывают, как ночью кто-то из смельчаков залез в гроб. Товарищи закрыли его крышкой и долго не отпускали. Пришлось вмешаться милиции. Живой «покойник» чуть не умер от страха.

Бывший старшина гатчинской милиции, ныне покойный Карл Дмитриевич Хренов, обеспечивал порядок на съемочной площадке этого фильма и сам сыграл одну из эпизодических ролей.

«В «Софье Перовской» меня взяли играть солдата, который виселицу делал, стучал топором, — вспоминал Хренов. — Залез я на лестницу, стучу. Режиссер мне: «Сильнее!» Я — сильнее. Он: «Еще!» Я — еще. Он: «Еще сильнее!» А сил уже нет. Сделали дублей 5-6, а в фильме показали моментом».

У Анны Сигизмундовны Сидельниковой с Красноармейского проспекта, «светской дамы» на съемках фильма,

сохранились любительские фотографии с изображением других участниц массовок из Гатчины. Кто-то из знакомых фотографов запечатлел их для истории в старинных нарядах тут же около дворца...

Почему же Л.О. Арнштам избрал для сцены «Казнь» именно наш город? Такой вопрос в то время заинтересовал многих. Ведь в действительности казнь происходила на Семеновском плацу в Санкт-Петербурге. Гатчина к этому трагическому событию не имела никакого отношения. Но дело в том, что в настоящее время облик Семеновского плаца неузнаваемо изменился, и режиссеру после долгих поисков понравился Гатчинский дворец. По всем документам Дворцовая площадь очень напоминает действительное место казни революционеров.

Фильм вышел на экраны кинотеатров в 1968 году и был посвящен 50-летию советской власти. К сожалению, эта историческая картина сегодня почти неизвестна зрителям.

**Юрий Богатырев
часто вспоминал Гатчину**

В 1977 году Гатчина пригласилась режиссеру Илье Авербаху и сценаристу Павлу Финну для съемок одного из фрагментов проникновенного двухсерийного художественного фильма «Объяснение в любви».

Картина была экранизирована на киностудии «Ленфильм» по мотивам произведения Евгения Габриловича «Четыре четверти». В одной из своих статей, посвященной окончанию работы над фильмом, он писал: «Что представляет собой книга, которую экранизировал Павел Финн? Автобиография ли это, как полагают иные? Нет, хотя есть в ней немало такого, что действительно произошло со

Кадр из фильма «Объяснение в любви». 1977 г.

мною. В ней смешалось бывшее и не бывшее, происшедшее и придуманное. Есть на ее страницах люди, с которыми я прожил всю мою жизнь, но есть и такие, о которых только подумалось, что они существуют на белом свете. Это как бы обрывки событий, фактов и наблюдений — все то, что на один миг видит глаз и в мгновение отмечает душа...».

Фильм рассказывает о великом чувстве любви. Через годы пронесит журналист Филиппок любовь к своей жене Зине, несмотря на многие драматические коллизии, возникшие на пути их совместной жизни. История взаимоотношений этих людей разворачивается на протяжении многих лет: Гражданская война, коллективизация, Великая Отечественная война... Участниками перечисленных событий были герои картины. Их замечательно сыграли актер Юрий Богатырев и актриса Эва Шикуньска. К удовольствию местных жителей, на съемках в Гатчине они

провели несколько дней.

Сохранился уникальный кинематографический документ. Это служебная записка, адресованная в отдел внутренних дел города Гатчины, написанная на фирменном бланке киностудии «Ленфильм».

«Дирекция картины, — сообщается в ней, — убедительно просит вас выделить милиционеров в количестве 1-2 человек 26 сентября для обслуживания съемок по адресу: Чкалова, 16. Съемки начнутся в 11.30. Директор к/к А. Пикунов».

Просьба киношников была исполнена. Им выделили двух сотрудников милиции, среди которых был старшина Гатчинской милиции, ныне покойный Карл Дмитриевич Хренов. Позднее он вспоминал:

«Фильм «Объяснение в любви» снимали во дворе дома по улице Чкалова. Он стоял за домом, где когда-то жил летчик Петр Нестеров. Но этого старинного дома, украшенного резным крыльцом, уже нет. Здесь снимали всего одну сцену — переезд главных героев фильма на новое место. Время действия — довоенное. Нашли грузовую машину того времени. Погрузили в нее узлы, чемоданы, какую-то мебель. Долго искали и одевали массовку — соседей по дому. Наконец, появились настоящие артисты. Сцену на улице снимали долго. С перерывами. Потом что-то снимали и в самом доме. Пока шли съемки, я подружился с Юрием Богатыревым...».

К рассказу милиционера можно добавить, что в свободное время все артисты ходили гулять в Приоратский парк. Юрий Богатырев побывал в гостях у К.Д. Хренова. Ему очень понравилась Гатчина, и он мечтал приехать сюда еще раз. В 1981 году Юрию Богатыреву было присвоено звание заслуженного артиста РСФСР». Потом он

снимался еще в нескольких фильмах, но в 1989 году его не стало. Наиболее значительной в его биографии стала роль Филиппка. Он также снимался в картинах «Свой среди чужих, чужой среди своих», «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Открытая книга» и другие.

К сожалению, фильм «Объяснение в любви» почти не известен современным зрителям. Он очень редко демонстрируется по телевидению. Картина устарела и стала неактуальной. Но она все же дорога нам, и не только потому, что в ней играют прекрасные артисты. На экране мы можем увидеть один из уголков утраченной старой Гатчины.

Самый гатчинский фильм

В кинематографической летописи нашего города есть картина, которая почти полностью снималась на гатчинской земле, и поэтому ее смело можно назвать гатчинской лентой

Летом 1978 года режиссер киностудии «Ленфильм» Виктор Трегубович работал в Гатчине и ее окрестностях над художественным фильмом «Уходя — уходи». Свою трагикомедию он поставил по повести Л. Треера «Из жизни Дмитрия Сулина». На главную роль был приглашен известный актер Виктор Павлов.

Герой фильма — бывший деревенский житель, ныне бухгалтер овощной конторы в небольшом городке. Бухгалтер Дмитрий Сулин то и дело попадает в трудные ситуации, вся нелепая и неблагоприятная суть которых чужда ему, человеку скромному и честному. То жена заставляет его продать сапоги по спекулятивной цене, то начальник, которого он не уважает, вовлекает его в ресторанные похождения...

Вместе с Виктором Павловым в кар-

К.Д. Хренов с актером Виктором Павловым во время съемок худ. фильма «Уходя — уходи»

тине снимались замечательные актеры и актрисы: Николай Рыбников, Игорь Дмитриев, Людмила Гурченко, Наталья Гундарева. «Есть много ярких, серьезных, многоплановых актеров», — рассказывала о В. Павлове Наталья Гундарева. — Среди них и Павлов. Но особенность его в том, что он и по состоянию души, и по ощущению жизни, весь — актер. Его невозможно представить в другой области человеческой деятельности. Иногда за него бывает страшно: настолько щедро он выплескивает свой талант в жизни; кажется, что для работы у него уже не останется энергии. Но это напрасные страхи. Он неисчерпаем». И действительно, со своей ролью в этом фильме В. Павлов справился блистательно.

В Гатчине съемки проходили в одном из домов по улице Чкалова (здесь находилась контора, в которой работал Дмитрий Сулин), в ресторане «Гатчина», у здания бывшего книжного магазина на улице Красной (впоследствии это здание было снесено), на Хохловом поле, в новом районе, у Балтийского вокзала, в электричке на перегоне Гатчина — Волосово. Наш город в картине прекрасно узнаваем. Многие кадры снимались в деревне Лампово, известной своими уникальными памятника-

ми деревянного зодчества. Почти каждую ночь снится герою фильма родная деревня. Уставший от городской суеты, он едет туда отдохнуть, набраться сил, но в дороге с ним случается происшествие, которое в конце концов вернет ему душевное равновесие. В электричке, преодолевая ставший привычным, обывательский страх, он вступает в поединок с хулиганом...

Бывший старшина гатчинской милиции, ныне покойный Карл Дмитриевич Хренов, обеспечивавший охрану съемок, вспоминал: «В эпизоде с хулиганом снимался настоящий бандит Павел Полежаев. Его взяли на съемку по договору из колонии. Сам он — из преступного мира. До этого времени он уже снимался в каких-то эпизодах в других фильмах. Я показал ему свою коллекцию открыток с изображением актеров и их автографами. Пашика (так все на съемочной площадке звали бандита) сказал, что хоть ментов и ненавидит, перед Хреновым преклоняется. Он вытащил из блокнота фотографию, где он изображен в роли хулигана, подписал ее и подарил мне на память».

В эпизоде с хулиганом снимались местные жители. Среди них — экскурсовод гатчинского дворца-музея Наталья Константиновна Пестрикова.

Многие помнят эпизод, который происходил в ресторане «Гатчина». Здесь пел популярный певец Альберт Асадулин. В роли руководителя оркестра снимался другой гатчинец, преподаватель музыки педагогического училища Владимир Иванович Виноградов.

Некоторые жители нашего города рассказывают, что в дни съемок фильма «Уходя — уходи» на перекрестке улиц Советской (ныне Соборной) и К. Маркса вдруг появилась автобусная остановка и автобус с номером 13, которых прежде в Гатчине никогда не было.

Забавный случай произошел на съемках этого фильма с Николаем Рыбниковым, в то время уже знаменитым актером. В картине он играл роль начальника Дмитрия Сулина. Однажды после съемок ему нужно было срочно попасть в Ленинград. Уже стемнело, и К.Д. Хренов пошел ловить машину. Остановил первую попавшуюся. Гатчинский водитель узнал старшину милиции. «Куда тебе? Садись, подвезу. Тебя — хоть на край света», — сказал водитель. «Да не меня, а одного человека, ты его знаешь», — стал объяснять ему К.Д. Хренов. В это время подошел сам Рыбников. Водитель так растерялся, узнав актера, что даже забыл его имя. Все твердил: «Пожалуйста, товарищ Рыбников. Доставлю вас, куда вы пожелаете». Потом актер вспоминал, что водитель попался чрезвычайно любезный. К этой истории можно еще добавить, что в Гатчине Николай Рыбников побывал в гостях у К.Д. Хренова в доме №10 по улице Урицкого. Бывал там и Виктор Павлов, по определению Хренова, «общительный, человечный мужик».

А вот еще один случай из разряда смешных. О нем также рассказал К.Д. Хренов. На съемках одного эпизода по сценарию нужны были цыгане. Режиссер договорился с одними, но в последний момент они отказались. Режиссер обратился к Хренову. Тот знал одного молодого цыгана и пришел к нему. Он сказал: «Конечно, помогу. Своих маму и бабушку позову». Позвал. Посадили бабушку-цыганку у входа в магазин, напротив здания милиции. Дали в руки петушков и сказали: торгуй. На репетиции помощник режиссера выходит из магазина — и к ней: «Бабушка, продай петушков!» А она как закричит: «Не могу, милок, казенные!» Все потом жалели, что не сняли этот эпизод на пленку.

Достаточное место в киноленте отведено деревне Лампово. Местные жители до сих пор до мельчайших подробностей вспоминают, как происходили съемки. Картина начинается и заканчивается ламповскими эпизодами. Все сцены из деревенской жизни снимались в доме бывшего заведующего Орлинской пекарней, ныне покойного Петра Мироновича Зухера. Этот дом, Петра Мироновича Зухера несколько лет назад сгорел. Отдельные эпизоды снимались на фоне дома Прохоровых (ул. Центральная, № 85), построенного в середине XIX столетия, а также на Ламповском кладбище (сцена похорон Николая Рыбникова). В картине очаровательно смотрится природа, море цветов и сочной зелени. В герасимовской бане, расположенной под горой, на берегу речки Ламповки, артисты мылись и отдыхали после кинематографических трудов. Теперь это тоже местная достопримечательность.

Художественный фильм «Уходя — уходи» хорошо известен гатчинцам. В 1979 году его премьера состоялась в городском ДК. Газета «Гатчинская правда» сообщила тогда: «Гатчинцы с особым интересом просмотрели новую работу. Ведь фильм снимался в их родном городе. А кое-кто из них принимал непосредственное участие в создании киноленты. Хотелось бы только отметить, что все, посмотревшие фильм, остались довольны — тому свидетельством были дружные аплодисменты».

Фильм снимался на улице Горького

Гатчина 70-х годов. Небольшой милый городок. Здесь уже всю развернулось массовое жилищное строительство новых домов — пятиэтажек и начался поэтапный снос старых зда-

ний дореволюционной постройки. Уже тогда старожилы с грустью говорили: «Старая Гатчина — вся красота твоя уже утрачена». Однако в 70-е годы в город часто приезжали кинематографисты. Они находили еще нетронутые временем уголки старой Гатчины эпохи Куприна и Щербова. Город, как магнит, притягивал их. Сколько тогда было снято в нашем городе прекрасных, лирических, ностальгических фильмов!

Весной 1973-го года съемочная группа киностудии «Ленфильм» работала в Гатчине над фрагментами картины «Открытая книга». Двухсерийный фильм снимался по одноименному роману В. Каверина. Вот что рассказывал об этой картине популярный советский журнал «Экран»: «Создать кинороман на основе романа — задача непростая. Кинорежиссер В. Фетин проложил к экрану свой маршрут — это было его право, здесь он был капитаном. Киноповествование выстроено на приеме ретроспекции — как взгляд героини в прошлое, как вспышки разбуженной памяти».

По сценарию действие картины разворачивалось в городе Лопакхине. В Гатчине съемки проходили на улице Горького. Некоторые дома были «загримированы» здесь под старину. Даже пивной ларек, расположенный на углу улиц Горького и Достоевского, киношники переоборудовали в лавку, установив на ней вывеску «Скобяные изделия».

В картине были заняты многие известные актеры. Главную роль в фильме — Татьяну Петровну — великолепно сыграла Людмила Чурсина. Эта замечательная актриса вместе с Вацлавом Дворжецким и Еленой Соловей снималась именно в гатчинских фрагментах фильма. Ее хорошо помнят жители нашего города, которые участвовали

Людмила Чурсина на съемках фильма
«Открытая книга». 1973 г.

в массовках. Порядок на съемочной площадке этого фильма так же обеспечивал Карл Дмитриевич Хренов. Вот что рассказывал он об этом фильме: «В «Открытой книге» я Чурсину от простуды спасал. Было холодно, а снимали долго. Когда режиссер решил отдыхать, у Чурсиной валенки были совершенно мокрые. Я взял у нее автограф, а потом и говорю: «Снимайте валенки!» Она удивилась, но сняла. Я размотал свои новые портянки, обмотал ее ноги, натянул поверх портянок целлофановые пакеты и одел валенки. После этого она была готова к продолжению съемок».

Один из крохотных фрагментов ленты снимался в Приоратском парке, другой — около одного из домов на улице Чкалова. Все гатчинские «кусочки» в картине хорошо узнаваемы. Фильм вышел на экраны кинотеатров страны в 1974 году. В Гатчину с представлением его приезжал режиссер картины Владимир Фетин. Немногие знают, Владимир Александрович в то время был мужем Людмилы Чурсиной. Они познакомились на съемках картины «Донская повесть» в 1964 году, режиссером которой также был Фетин. Вместе они прожили почти 20 лет, а затем развелись. В фильмах Фетина Чурсина снималась часто.

Всего же в кинематографической летописи народной артистки СССР Людмилы Алексеевны Чурсиной 54 картины. После съемок «Открытой книги» в Гатчину она приезжала не раз. Здесь проходили ее творческие встречи (в 1979 году в ДК, в 1990 г. — в «Победе»). Ее заочное свидание с нашим городом состоялось в спектакле «Павел I», в Москве, в театре Российской Армии, где она играла роль супруги государя — Марии Федоровны. Наконец, в 1996 году актриса была почетной гостьей второго гатчинского кинофестиваля.

Галина Ержаковская

Вспоминаю свое далекое послевоенное детство в приморском городе на берегу океана. Бывало, сбежав с уроков, мы шумной компанией отправлялись или в кино, или в единственный в городе музей. В музее было безумно интересно. При входе нас встречало чучело огромного уссурийского тигра, за стеклами витрин, в призрачно голубом свете, можно было увидеть диковинных рыб. Было неважно, что морское дно нарисовано на холсте, а рыбы подвешены на ниточках. Мы любили свой музей. Воспоминания о нем остались на всю жизнь. Куда ушло все это? Что нужно сделать, чтобы городской музей стал излюбленным местом для детей и взрослых?

Сейчас я сама музейный работник, проработавший на культурной ниве не один год. Стою в пятидесяти метрах от входа в музей и задаю прохожим провокационный вопрос: «Вы не подскажете, где находится музей города Гатчины?» В ответ получаю либо быстрое «нет», либо пространное «где-то здесь». И, если честно сказать, испытываю искреннюю благодарность, когда мне подробно объясняют, что вот он — музей.

Официальное название — «Музей города Гатчины». Неофициально его часто называют «музей истории города Гатчины». Действительно, история музея тесно связана с историей города. В апреле 2004 года по решению Комитета по культуре города Гатчины и поддержке Совета ветеранов был образован Краеведческий музей. Первым директором была назначена Людмила

Александровна Еремеева. Он располагался в доме № 51 на улице Чкалова. Этот небольшой особняк, спроекти-

рованный в 1898-1899 годах главным архитектором Гатчины Л.М. Харламовым по заказу мещанки Глухаревой, повидал немало за свою жизнь. С 1919 года, вплоть до самой войны, здесь размещался Горком комсомола. С 1944 по 1949 его комнаты наполнились детскими голосами. В сложное время восстановления разрушенного городского хозяйства руководство города приняло решение разместить в нем Дом пионеров и школьников. В 1949 году его заселили возвращающимися из эвакуации жителями Гатчины. Время шло своим чередом. Дом дважды горел, но продолжал жить. В 2004 году здесь разместился вновь созданный Краеведческий музей. В 2007 году, в связи с аварийным состоянием основных помещений, экспозиции музея получили новый адрес: проспект

25 Октября, дом 18. Оставшееся без хозяина здание музея погибло в пожаре в 2008 году.

Начался новый этап в жизни музея. Он расположился в доме 1837 года постройки, автором проекта которого был архитектор А.М. Байков. До 1917 года здесь находилась женская Марининская гимназия. Старинное здание, облицованное пудожским камнем, как нельзя лучше подошло для размещения в нем музея. Стены метровой толщины, сводчатый потолок основного зала настраивают на восприятие более чем двухвековой истории.

Проведенный в 2009 году капиталь-

ный ремонт позволил открыть новые экспозиции.

Центральный зал знакомит посетителей с историей города, начиная с 1499 года, с момента, когда вышли первые Писцовые книги Водской пятины. В витрине можно увидеть женские украшения того периода, найденные на берегу Черного озера. Современная модница вряд ли отказалась бы от изящного бронзового браслета: и красиво, и для здоровья полезно.

Каждому местному жителю известно, что Гатчина получила статус города благодаря императору Павлу I. Это он, гатчинский «сиделец», во времена долгого ожидания российского трона, создал здесь маленькую империю. Быстрое развитие торговли, удобное ме-

сторасположение, строительство веток Варшавской и Балтийской железной дороги, — все это помогло развитию города и после Павла.

Близость российской столицы, статус

имперского города привлекали к Гатчине людей известных, щедро одаренных талантами. В музейных витринах особое внимание уделено знаменитым гатчинцам: инженеру-конструктору И. Романову, изобретателю винтовки С. Мосину, изобретателю зенитки Ф. Лендеру, врачу С. Боткину, художникам Федору Васильеву, Александру Бегрову, писателю Александру Куприну и другим знаменитым гатчинцам. Со старых фотографий на нас смотрят люди известные и не очень, но всегда их лица несут печать своего времени. Вот на даме замысловатая шляпка, а на мальчиках, по моде того времени, матроски. Причем неважно, портрет ли это царского отпрыска, сына купца или мещанина. Фотографии, фотографии... Их множество в музейной коллекции. Разглядывать их можно бесконечно, нужно только уметь увидеть главное.

Помня, что одной из главных задач любого музея является просветительство, сотрудники музея разрабатывают и проводят новые тематические экскурсии, устраивают выставки. Открытием для жителей города стали

выставки швейцарского художника русского происхождения Александра Бенуа ди Стетто, петербургского художника-иконописца Георгия Па-

найотова, авторские иллюстрации к сказке «Золотой ключик, или приключения Буратино» Бронислава Малаховского, расстрелянного в 1937 году, или боевое оружие из частных коллекций гатчинских казаков.

Малая гостиная стала выставочной площадкой для членов Гатчинского товарищества художников. Начиная с 2011 года, каждый месяц на суд зрителей выносят свои работы местные художники. Это стало доброй традицией, как для музея, так и для членов товарищества. Жители и гости города имели возможность познакомиться с творчеством талантливых земляков: портретиста Сергея Ильина, пейзажиста Вячеслава Данилова, мариниста Валерия Дьяконова, Елены и Владимира Филатовых и других, не менее талантливых художников.

Прекрасной выставочной площадкой стало музейное фойе. Посетитель, перешагнув порог музея, сразу попадает в творческую атмосферу. Именно здесь выставляют свои работы члены созданной при музее студии непрофессиональных фотохудожников «МИГ», аббревиатура «музей истории Гатчины». Их работы отличает тонкий вкус и особое видение сюжета. На их фотографиях виды гатчинского парка, старые дома на знакомых улочках, небро-

ская красота кованых решеток.

Здесь же можно познакомиться с детским творчеством студии «Наша студия». Юные художники имеют возможность выставить свои работы, посмотреть на них со стороны. Это является хорошим стимулом для дальнейших занятий искусством.

Знаковым событием для города стала выставка старых фотографий «Защитникам отечества посвящается» из собрания известного гатчинского краеведа и коллекционера В.П. Пестряка-Головатого. В фойе демонстрировались более сорока фотографий начала и середины XX века.

С краеведами у музея особые от-

ношения. Каждый месяц любители истории Гатчины могут посетить лекции известных гатчинских краеведов. Знаете ли вы, в честь кого названа железнодорожная платформа «Татьянино», или когда сформировалась улица Бомбардирская (современное название ул. Горького), одна из старейших улиц Гатчины? Об этом и многом другом вы сможете узнать от Владислава Кислова. А может быть, захотите купить здесь же в музее его книги из серии «Старая Гатчина».

2011 был юбилейным годом Церкви Ингрии. Ей исполнилось 400 лет. В музее по этому поводу был проведен ряд мероприятий, самым значительным из которых была выставка «Традиционные культуры финно-угорских народов

Ижорской земли ко Дню Калевалы и 400-летию Церкви Ингрии».

Еще одна выставочная площадка

размещается в музее авиационных двигателей при АРЗ № 218, где демонстрируются экспонаты, посвященные истории авиации в Гатчине. Место экспозиции выбрано не случайно: именно на старом аэродроме было создано первое в России общество воздухоплатователей «Гамаюн». Здесь совершали свои первые полеты Петр Нестеров и авиатрисса Лидия Зверева.

Коллектив музея поддерживает творческие связи с другими музеями Ленинградской области. Выставка авторских иллюстраций Бронислава Малаховского стала возможной только благодаря договору с музеем-заповедником «Старая Ладога». В июне 2011 года всем коллективом выезжали для установления контактов в мемориальный музей-усадьбу «Вечаша» Н.А. Римского-Корсакова в Псковской области. Постояли на берегу озера, которое вдохновило великого композитора на создание сказочной оперы «Садко». Совместные поездки позволили создать в коллективе хороший климат, А это, в свою очередь, положительно влияет на поиск новых форм и методов музейной работы. Очень хочется, чтобы «Музей города Гатчины» стал для кого-то любимым на всю жизнь.

Вот такие они, дела музейные.

Елена Кройтор

Словно дождик с неба льются строчки.
Я их собираю и дарю,
Облекая их лишь в оболочки
Слов и рифм, закат или зарю.

Вот любовь упала прямо в сердце.
Радость подошла и обняла.
Я открыла жизни настежь дверцы,
И она ко мне легко вошла.

Здравствуй, Жизнь! Как все же ты прекрасна!
Радуга мне освещает путь.
Сердце больше грусти не подвластно.
И с пути мне больше не свернуть.

Лариса Алексеева

Обращение к людям

О, боги! Проснитесь от долгого сна!
Не надо вредить себе рюмкой вина!
И с яствами баловать тоже не надо,
Себя уподобив известному стаду!
Земля-мать на подвиги всех вас зовет!
(Героям негоже пытаться «в обход»)
Открыто несите всем новые знания,
Не добиваясь при этом признания!
(А личный пример будет вам в том порукой.)
Ведь время какое сейчас — не до скуки!
(Конец всему злему пришел на Земле,
И эра Добра уж сверкает во мгле!..)
Богини! Вставайте на помощь богам!
Я Сердце свое тоже людям отдам!

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

*Нам не дано предугадать
Как наше слово отзовется...*

Ф. Тютчев

КОЛЫБЕЛЬ НЕ КАЧАЕТСЯ НАД БЕЗДНОЙ

Александр Семочкин

(Продолжение. Начало в № 5, 6, 7, 8)

Мама приехала в конце августа, приехала с крохотным братиком Сережей, и ему уделяла все время. Меня это, собственно, мало коснулось, я привык и любил быть один, но последовали и другие изменения в жизни, причем изменения кардинальные. Родители решили, что уровень той школы в Айвадже, где я учился, был все-таки очень уж примитивен, а потому учиться в четвертом классе мне следовало в районном центре Шаартузе, в сорока километрах к северу относительно Айваджа, и, соответственно, нашей комендатуры.

Отец договорился с тамошним чиновником довольно высокого, по масштабам городка, уровня, что я буду жить в их семье. Там двое детей, мальчик и девочка, их квартира в двухэтажном доме довольно просторна, до школы недалеко, семья этого чиновника по всем данным благополучна, обеспечена всем необходимым, — коротко, отец решил, что он сделал все, чтобы у меня проблем не возникало.

Собственно, проблем как таковых и не было. Тем не менее, этот год в Шаартузе оставил на всю жизнь странное ощущение какой-то оскомины, какого-то прикосновения к тому чужому, которое никогда не станет своим, сколько там ни живи. Позже я попытался сформулировать для себя причину этого отторжения, решив, что оказался тогда погружен в мир советского чиновного мещанства, вообще малосимпатичный. Но это, чувствовалось, было лишь половиной правды, потому как офицерская среда небольших гарнизонов немногим отличалась от чиновничьей. Нет, тут был порог иного качества, много более значимый, — тут был порог географический, широтный, порог между югом и севером.

Еще позже, осмысливая этот феномен, я нашел в литературе нашего 20 столетия

две фигуры, очень ярко воплощающие в себе идею противостояния юга и севера, — двух Владимиров Владимировичей, Маяковского и Набокова. Двойные тезки, эти Владимирy должны были априори нести в себе потенцию «владения миром», и они несли ее, но как по-разному они ее реализовали! Скорее всего, неосознанно, но вполне гениально воплощая в своем творчестве идеал, эталон миропонимания, мироустройства со стороны коренного жителя севера (Набоков) и со стороны жителя юга (Маяковский). Каждый русский человек несет в себе эти два полюса, он способен оценить их красоту объективно, но каждый при этом отдаст личные свои предпочтения или югу, или северу. Это даже не всегда связано с фактом рождения там или тут, — сколько, казалось бы, номинальных южан приезжало на север, влюблялось в север и оставалось здесь навсегда! И сколько формальных северян комфортно чувствуют себя именно на знойном юге; — тут работает, пожалуй что, глубинная память предков, коренная наша родословная...

Впрочем, вернемся в наш одна тысяча девятьсот пятидесятый год.

Шаартуз — невеликий городок на юге Таджикистана, на реке Кафирниган, текущей с севера, с Гиссарского хребта и впадающей в Амударью. Здесь тоже есть старинная крепость, но это — настоящая крепость с тридцатиметровыми стенами и с цитаделью — арком. Однако сам Шаартуз в километре как от древней крепости, так и от реки, — берег тут крутой, обрывистый, метров на двадцать вздымающийся над водой, и на этом берегу расположен мертвый город. Он действительно мертв, жители покинули его, жутковатое зрелище являют собой эти пустые дома, эти дворы с хлевами, летними кухнями, возвышениями для еды и чаепитий, с заборами-дувалами, спокойно и обреченно ожидающими

своего уничтожения. А оно не преминет быть — река съедает метр-полтора, а то и два каждый год, уже полуобрушенные жилища стоят на самом краю, а все, что за ними, унес неугомонный и неостановимый Кафирниган.

Река здесь мелкая и быстрая, при этом довольно широкая. Вода светлая, что помогает легко найти брод и попытаться перейти на другой берег, рискуя быть сбитым стремительным потоком на скользких камнях дна. Ударяясь о крутой обрыв берега, вода рвет лессовую землю обрыва, и вот очередной огромный его кусок обрушивается в воду. Мутный поток летит, постепенно осветляясь, река вырывается на простор долины, где лесс оседает, а вода готовится к штурму очередной теснины.

Мы здесь пасем коз, среди стен мертвого города попадают клочки чахлой растительности, козам этого, как ни странно, хватает. Мы — это я и хозяйский сын, мой ровесник. Парнишка он неплохой, но туповатый, что стало ясно вскоре после нашего знакомства, впрочем, пасти скот и мучить бедных скорпионов — чем мы с ним сейчас и заняты, — большого ума не требуется. Козы хозяйские, их две, мать и дочка, и эти тощие существа с кроткими девичьими глазами исхитряются давать какое-то количество молока, которое нами съедается, или в виде местной простокваши отправляется на городской рынок, где его, кстати, охотно покупают. Мне довелось пару раз стоять за прилавком этого рынка в качестве продавца, так что утверждение «охотню» отнюдь не голословно.

В отличие от брата, хозяйкина дочь, чуть постарше нас, являла собой образчик бойкой стервочки, визгливой, сопливой и нахальной. Ей ничего не стоило в ответ на мое, признаюсь, не совсем деликатное замечание относительно ее грамотности, заверещать: «Вы там, в Ленинграде, с голоду дохли, а мы тут мясо жрали!» — как будто это мясо и стало причиной ее диких ошибок в диктанте. От нее я держался подальше, впрочем, и братец со мной знал только пока мы бывали вдвоем, с появлением любого третьего я бывал изгнан из их компании, причем делалось это без всякой злобы, а так, походя, что было осо-

бенно обидно.

Все началось с того, что юная поросль нашего двора — а там было с десяток мальчишек и девчонок примерно моего возраста, — быстро определили мою неспособность ловко, как они, бегать по крышам окрестных домов и сараев, драться из-за каждого пустяка, обзываться по-таджикски и втихомолку покуривать за углом. Всего этого я не умел, и после пары провальных попыток вовлечь меня в свой коллектив на равных — я был позорно отставлен, отныне и навсегда. Еще не понимая, что этот приговор окончателен и обжалованию не подлежит, я пытался напрашиваться в их игры, но получал решительное: «Ты не умеешь!», и, наконец, смирился с неизбежным.

Мой час наступал позже, когда набегавшая и уставшая ребятня успокаивалась, солнце сваливалось к горизонту, и наступал час какого-то общего умиротворения и желания посидеть молча, столь несвойственного этой публике. Я уже не помню, как это началось, но это началось в один из таких благословенных вечеров — я начал рассказывать им сказки. Вернее сказать, сказка была одна, это было то, что сейчас называется сериал, и он был продолжаем во всякий вечер, когда к тому была благорасположена почтенная публика. Речь шла, помнится, о затяжной войне между неким князьком и его присными — и звериной мелочью, с привлечением насекомых, птиц и рыб. Возглавлял эту армию бегающих, прыгающих, ползающих и летающих тварей — воробей, птица столь же ловкая, сколь и нахальная (у фрейдистов это, кажется, называется: вытеснение в образ).

Очередная серия заканчивалась, когда наступала ночь, зажигались огни и в темноте двора раздавалось: «Петька, Анька, домой! Где вас черти носят!», или еще круче: «Васька, ужинать! Нежрамши спать ляжешь!» — после чего Васька быстро исчезал во тьме, а за ним и Петька с Анькой и все остальные.

Оглядываясь со своего сегодняшнего далека на эти посиделки, вслушиваясь в свои нескладно сплетенные словеса, я должен признать, что не талант рассказчика, но чрезвычайная снисходительность слушате-

лей определяли успех этих вечерних мероприятий. Годилося все, лишь бы действие кипело, лишь бы действующие лица были узнаваемы, и лишь бы большие и глупые оставались в дураках перед происками маленьких и ловких. Как мог, я выполнял эти необходимые и достаточные условия, да и слушатели время от времени подсаживали интересные ходы в повествовании, так что это была, по сути, коллективная импровизация.

Хозяина я видел редко, этот рыхлый человек с одутловатым лицом был заместителем председателя горсовета, домой он всегда приходил поздно и я вовсе не помню, чтобы он когда-то занимался своими детьми, — что уж говорить обо мне. В те поры на всех окраинах советской империи существовала одна схема властных структур: местные органы власти формально возглавлял человек из аборигенов с соответствующей фамилией и именем, но заместителями при них были обязательно русские, точнее — славяне, поскольку фамилий, заканчивающихся на «ко» среди этих заместителей было едва ли не совершенное большинство. Эти заместители были, как правило, людьми «органов», а что это такое, все прекрасно знали и никаких иллюзий относительно того, кто в доме настоящий хозяин, не питали. И сам «первый» иллюзий таковых не питал, каждый свой шаг он согласовывал со своим «вторым», а тот, в свою очередь, согласовывал «где надо». Система была хорошо отлажена и сбоев не давала.

Хозяйка, ворчливая тетка, прежде всего озабочена тем, чтобы ее благоверный был ухожен и всем доволен, дети у нее были явно на втором плане, из чего я заключаю, что ее правильно воспитали с детства. Готовила она неплохо, особенно удавалась ей восхитительная баранья шурпа, род супа, который, впрочем, есть ложками нам вовсе не позволялось. Шурпу полагалось вымакивать кусочками хлеба, кои и съедались, так что одной тарелочкой шурпы и сопутствующим шматом хлеба голодная детская утроба набивалась почти «под завязку».

«Мой дед наедался одним яйцом, потому что ел с хлебом, с хлебом!» — говаривала она, для убедительности постукивая паль-

цами по жующей ребячьей голове, — равно своих отпрысков или по моей. «Мать твою совсем тебя забыла, не едет и не едет, хоть обещала. Да, видно, и нужен ты ей больно, у нее теперь другой сынок есть. Тоже обещала продукты привезти...».

Так что основной продукт наш был хлеб. Но его надо было еще добыть, и это было непросто. В пять часов утра один из нас троих бывал поднимаем безжалостной рукой и отправляем занимать очередь у магазина. Хлеб привозили не каждый день, внутрисемейная очередь соблюдалась со всей строгостью, так что эти ранние вставания были не столь уж часты для конкретного меня. И вот, заняв место в уже немалой очереди, тупо сидишь на ступеньке магазина, задремывая под набирающим силу солнцем, пока за пять минут до восьми, до открытия магазина, не прибежит с «авоськой» хозяйка и после короткой перепалки с очередью не займет мое место. Свободен. Бегом завтракать, и в школу.

Замечательно, что, несмотря на достаточно высокое положение, занимаемое в городе хозяином семьи, в коей я обретался, он не пользовался никакими особыми привилегиями, насколько я могу судить. Мы жили как все, и ели как все, и одеты были как все. Это было контрастно с жизнью в комендатуре, где офицерский паек получали на продскладе, где магазина не было вообще, а все необходимое бралось на складах в запись «под зарплату». Этакий «военный коммунизм». Но это распространялось лишь на «золотопогонное» меньшинство обитателей комендатуры и на членов их семейств, солдаты жили по-другому, и я не могу точно сказать, как. Во всяком случае, статус офицера тогда был довольно высок, что и неудивительно, — все офицеры были фронтовики, а солдат-фронтовиков к этому времени в армии уже не было. Вдобавок, пограничные войска были подчинены министерству государственной безопасности, а что это за ведомство, объяснять, наверное, не нужно. У каждого офицера комендатуры был денщик, стыдливо называемый ординарцем, хороший паек и неплохое денежное содержание (изрядную часть которого, правда, съедали многочисленные и обязательные

государственные займы). Так что не заметить разницы между «там» и «тут» даже я, мальчишка, никак не мог.

Про школу в Шаартузе я ничего рассказать не могу потому, что ничего из той школы не помню, а это означает, что ничего интересного там не происходило. Но одно очень неприятное происшествие врезалось в память и мучило долгие годы — именно жестокое убийство собаки, в котором участвовал и я, правда, в качестве пассивного соглядатая. Собака эта провинилась в том, что удушила, или сожрала курицу, и взрослые приказали детям эту собаку убить. Для казни была выбрана старая крепость, а способ был заимствован из древней Греции, где преступников сбрасывали со скалы.

Несчастную собаку, которая вначале решила, что ее взяли с собой, чтобы поиграть, а потом начавшую сознавать враждебность намерений относительно себя, — несчастную упирающуюся собаку затащили на верх башни цитадели и сбросили оттуда. Жалобный визг летящей вниз псины и гнусный шмяк, оборвавший этот визг — надолго врезались в память и были мучительны, но одновременно доставляли какое-то гнилое, рвотное наслаждение, мною не понимаемое и оттого еще более отвратительное.

Что ж, человеку присуще наслаждение чужим страданием, иначе, пожалуй, и войн никаких бы не было. Во все времена и во всех культурах казни были зрелищем и развлечением плебса, да ничего, по сути, не изменилось и теперь, разве что теперь это зрелище подается через телеэкран на дом, обеспечивая при этом зрительский комфорт и гарантию полной личной безопасности.

Между тем четвертый мой класс заканчивался, а у отца начались служебные неприятности, в коих он сам никак не был повинен. В те поры в Афганистане правил король из династии Надир-шаха, он был европейски-образованным человеком, и вот, — решил осчастливить своих подданных конституцией. Она была составлена, эта конституция, и была принята, что никак, понятно, не отразилось на жизни афганцев, — как они жили от века, так и

продолжали жить. Но эта конституция вызвала интерес с нашей, советской стороны границы, начальник политотдела Термезского погранотряда генерал Хейфец (кстати, отец известного потом кинорежиссера), распорядился размножить текст афганской конституции и разослать по комендатурам и заставам — пусть, мол, знают, чем живет сосед.

Само по себе это было вполне разумно, да только не для сталинского режима. В Москву полетели доносы: генерал Хейфец занимается пропагандой гнилых либеральных ценностей буржуазного государства. А это была статья, еще недавно расстрелянная. Но, насколько мне известно, генерал Хейфец особо не пострадал, его вытолкали на пенсию, дело замяли, однако в отряд поступило негласное распоряжение — всех офицеров, знакомившихся с текстом этой злополучной конституции, с афганской границы убрать, и убрать подальше.

Забавно, но много лет спустя они встретились, отставной генерал Хейфец и мой отец, тоже уже в отставке, встретились на Невском проспекте, и обрадованный отец рванул к своему бывшему начальнику, но тот холодно его не признал, и, уходя, посоветовал и отцу укоротить свою память. Рассказывая про эту встречу, отец смущенно крутил головой: «Ну, Хейфец, Хейфец! Ничего такого, говорит, не припомню. Да и тебе, говорит, помнить не советую. И пошел...».

Предстоял переезд в городок Ош в Киргизии, причем отца предупредили, что это лишь распределитель, новое место назначения он получит там, в Оше. И пока суд да дело, меня решено было отправить в пионерлагерь, — единственный в моей жизни пионерский лагерь, который располагался километрах в двадцати от Шаартуза, в пустыне, в местечке с названием Чешма.

Сегодня, вспоминая эту Чешму, я со всей ответственностью могу признать, что это если и не было уголком рая, то всяко — его, рая, преддверием. А мы, пионерская детвора, вели себя там как варвары в захваченном нами изысканном дворце, других определений не нахожу.

Чешма — это чудо в пустыне. Невысокие, выжженные солнцем холмы никак не обе-

щают этого чуда, оно появляется внезапно в виде зеленого оазиса в распадке между холмами. Здесь бьют из земли ключи, и чистейшая, холоднейшая вода наливает чашу метров тридцать в диаметре, а потом необычайно узким и глубоким протоком устремляется к Кафирнигану. На краю этой дивной водяной чаши растут огромные чинары, в их тени прячется мечеть, рядом корпус медресе, а поодаль — каравансарай. Все это обращено в пионерлагерь, где обитаем мы в числе трех десятков сорванцов обоего пола и дюжины взрослых. Место, как легко понять, священо для мусульман, а устройство тут лагеря наверняка воспринималось ими как нарочитое оскорбление их религиозного чувства.

Жили мы в здании бывшей мечети, наскоро переоборудованной под общежитие, ели за длинными общими столами под навесом, заняты же были весь день тем, что лазали по деревьям, ловили совершенно непуганую рыбу, в обилии водившуюся в чаше прозрачной воды, купались до посинения, а еще издевались над местными водяными ужами, существами столь же безобидными для нас, насколько опасными были для них — мы. Еще были экспедиции по окрестным холмам, ловля черепах, всевозможные между собой разборки и вообще все то, что составляло будни пионерского лагеря.

За лето случались два мусульманских праздника, и тогда сюда, в Чешму, съезжались с ближайшей и дальней округи сотни паломников, разбивали палаточный лагерь невдалеке и жили там два-три дня, молясь и совершая омовения в воде — омовения рук и лица, конечно, не более того. На это время нам запрещали высовываться из помещений, чтобы не раздражать своими непотребствами паломников, но можно ли удержать в четырех стенах эту детскую ораву, воспитанную, вдобавок, в постулатах воинствующего атеизма? Как следствие — конфликты. Правоверных приводило в ужас все — наши купания в священной воде, ловля рыбы, лазанье по деревьям, наши вопли и наша беготня.

И вот, очередная делегация протестующих приходит к мечети и громко взывает к справедливости, начальник лагеря и два

присутствующих тут, по случаю события, милиционера выслушивают и обещают все уладить, наказать, не допускать впредь, а сами едва не смеются вслед уходящим — темный, мол, народ, дикий народ, что с него взять...

Дай Бог этим добрым людям сегодня молиться там, в Чешме достойно и свободно, и не поминать лихом идиотизм власти, которая осознанно выставляла русских людей «лесом красных животных» в глазах жителей окраин империи. Они, эти жители, не могли быть утешены тем, что эта власть прежде растоптала и изгадила собственные российские святыни, а эти молодые русские выросли уже среди руин храмов и монастырей, превращенных властью в помойки и отхожие места.

Ну вот, прощай, Средняя Азия. Мне еще раз предстоит встретиться с тобой, это будет через восемнадцать лет, и эта встреча на развалинах Ташкента будет драматична и прекрасна, но это будет через восемнадцать лет. А пока — прощай и не помни зла.

Я возвращаюсь в родную деревню под Гатчиной, где мне предстоит учиться в пятом классе, а класс этот будет на втором этаже дивной красоты старинной усадьбы; в родное окружение сосен, можжевельников и елок я возвращаюсь, в сияющие белоснежные зимы и жемчужные сумерки белых ночей — ура! А вся эта зима пятидесятого — пятьдесят первого годов пронеслась как единый легкий вздох, так хорошо было дома, невзирая на нотации тетки Ирины и ощутимую деревенскую бедность.

Школа наша — десятилетка, одна десятилетка на всю большую округу, поэтому народ там был сборный, весьма терпимый к новеньким, и вообще терпимый. Первый раз в жизни было в школе спокойно и легко среди сверстников, даже самые отчаянные из этих мальчишек и девочек были вполне «вменяемы» и не устраивали ни подлянок, ни «подстав» — (или мне просто везло?) — чего всегда хватало в других школах.

При этом деревенские дети вовсе не были забитыми, напротив, в них чувство-

вался тот дух свободы, который не нуждается во внешней агрессии, хвастовстве или болезненной жажде лидерства. Они просто были свободны, а школа была их осознанная необходимость. Полуголодные, кое-как одетые, но вовсе этим не озабоченные, сопливые и краснощекие, сероглазые и курносые земляки мои были воплощением совершенного детства с его энергией, неутомимостью — и, как ни странно, — почти взрослого здравомыслия. Все, или почти все они были крестьянские дети, с раннего детства знающие труд, цену хлеба и вкус хорошей родительской порки, и поэтому учителям «вешать лапшу» этим сорванцам было намного сложнее, чем, скажем, городским детям.

Вот, «проходим» мы Салтыкова-Щедрина, Михаила Евграфовича, именно «Господа Головлевы» проходим, и юная наша учительница Валентина Николаевна как-то между прочим сообщает нам, какой был нехороший Иудушка Головлев, настолько нехороший, что отныне всех нехороших людей называют Иудами. Первый хулиган класса Сашка Невский мрачно трубит, опустив голову долу: «Иуда Христа продал!», Валентина Николаевна делает вид, что ничего не слышала. Я равно поражен смелостью Сашки и реакцией Валентины — вот, и правда прозвучала, и идеологическая линия выдержана, и виноватых нет. Собственно, на таких компромиссах и строилась тогда вся деревенская жизнь.

В те поры в колхозе нашей деревни, гордо именовавшимся «Перелом», никто из наших уже не работал. Колхоз этот вполне оправдал свое название, сумев переломать все, что осталось от прежней жизни — остатки усадеб, часовню Космы и Дамиана, что стояла в центре деревни, корпуса бывшей почтовой станции и жилищные деревенские дома, оставшиеся без хозяев, а таковых было немало. Тому были две причины. Первая в том, что несколько семей, — не менее пяти — ушли с немцами, не желая оставаться под большевиками, а вторая причина — та часть деревни, что именуется «Старая Выра» — оказалась после войны пуста. Там от века жили местные финны — Рондолайнены,

Саволайнены, Игонены, Лаунеры, Петяя, и все они во времена немецкой оккупации были выселены в Финляндию. Но произвол оккупантов тут не причем, выселены они были по просьбе правительства Финляндии. Им было обещано все, что в таких случаях бывает обещано, но по приезду в Суоми они быстро поняли, что никому там не нужны, что, опять-таки, часто в таких случаях бывает.

После войны Сталин потребовал вернуть «мирных советских граждан» на родину, и большинство переселенцев с радостью согласилось вернуться на землю, которая была для них родной. Но Сталин не был бы Сталиным, если бы позволил процессу возвращения так радостно совершиться. Репатриантов в закрытых вагонах прокатили мимо родной Инкери-маа — кого на север, кого на восток, а кого и на юг, в Тверскую губернию. А встречу им двинулись другие эшелоны, уже тверских мужичков с бабами, детишками и скотом перевозившие сюда, в пустовавшие дома. Тасовать народы, как колоду карт, было, как известно, одним из любимейших занятий Отца всех народов.

Лишь после его смерти нашим финнам разрешили вернуться в свою деревню, но дома их были заняты, так что пришлось устраиваться кто как смог. Вскоре и колхоз «Перелом» прекратил свое существование, он влился в числе других мелких хозяйств в один крупный, и тот назван был именем В.Ленина. Но все это будет несколько позже, а пока — пока мы только успели разменять вторую половину двадцатого столетия. Все наши в Ленинграде, кроме тетки Иры, она живет этой зимой в дедовском доме со своим мужем, Леонидом Мефодьевичем, и со мной, одиннадцатилетним.

Дядя Леня, Леонид Мефодьевич Никифоров, вполне заслуживает того, чтобы с ним познакомиться поближе. Он был родом из соседней деревни и был он то, что с полным основанием может быть названо — русский мужик. Среднего роста, коренастый, с длинными сильными руками и небольшой, но как-то очень по нему, головой, покрытой густыми и жесткими черными волосами, Леонид Никифоров был, так сказать, типичным представите-

лем того сословия, на котором от века держалась Россия, на котором выезжала она из любых передраг, которое бросала она при первой надобности в любое пекло, и которое в этом пекле умудрялся не только выжить, но еще и преумножиться. Он мог быть зверем в своей ярости, а мог целовать руку, его пощадившую, все это неосознанно, на инстинкте, так собака в одной ситуации злобно скалит зубы, а в другой ложится на спину, поскуливая, отдавая милосердию сильнейшего себя.

Был Леонид Мефодьевич призван в июне сорок первого, а в боях под Киевом попал в плен. Работал в батраках у какого-то бауэра, о котором потом вспоминал не то что с уважением, а даже с долей некой ностальгии — наш деревенский парень впервые в своей жизни оказался хорошо накормлен, прилично одет, и на него не орали матерно. Бауэр, дескать, тоже к нему привязался и даже обещал женить на одной из своих дочерей, но пришли американцы, и Леонида в числе прочих русских отдали своим. Тут его малость потрясли в СМЕРШе, но Леонид, опять-таки на инстинкте, выбрал единственно правильный способ поведения — изобразил круглого дурака. Надо полагать, неплохо изобразил, поскольку никакого поражения в правах он не получил, вернулся домой, окончил курсы трактористов и стал работать в местной МТС (машинотракторной станции).

Надобно объяснить, пожалуй, что такое были эти станции. В те годы в колхозах не было техники, кроме самой примитивной. А вся сложная — трактора с набором орудий, комбайны и автомашины были сосре-

доточены в таких МТС. Там же располагалась ремонтная база, склады «горючки» и запчастей, - и политотдел. Последний, как должно быть понятно, следил за морально-политическим климатом в коллективе, и вообще.

Вот в такой МТС, расположенной в соседней Сиверской, и работал трактористом Леонид Никифоров. В сорок восьмом женился он на моей тетке Ирине, на фоне тогдашней всеобщей нищеты трактористы хоть что-то получали, да был Леонид собою вовсе неплох, впрочем, после войны мужика было мало, особо выбирать не приходилось, так что тетка Ирина вцепилась в эту, ей улыбнувшуюся возможность, намертво, признав ее за свою судьбу. К тому времени она уже хорошо погуляла и наивной девочкой отнюдь не была, но Леонида это мало беспокоило, и только насчет будущего поведения своей жены он высказался достаточно категорично и раз навсегда. Ирина, полагаю, попробовала малость покрутить хвостом при случае, но тут же познакомилась с весом мужниных кулаков и притихла.

Так что свое случавшееся раздражение срывала она на мне, впрочем, нельзя сказать, что это бывало часто. Вообще, со стороны эта пара производила впечатление вполне благоприятное.

Именно в пятидесятом году Леонид Мефодьевич получил участок земли в северной части нашей деревни и начал строить свой дом. Строительство, правда, шло не быстро, но оно шло, и мне еще предстояло в нем поучаствовать, в свое время.

1 марта 2012 года

АБРАКАДАБРА, ИЛИ ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА

Артур Аршакуни

Ломая голову над материалами для очередного номера альманаха, я обратил внимание, что в нем напрочь отсутствует естественнонаучная или околонаучная тематика. С одной стороны, это понятно: альманах литературно-краеведческий. Но с другой стороны...

С другой стороны, вспомнился Даниил Данин, зачинатель научно-художественного направления в отечественной литературе, с его знаменитым «Сколько искусства науке надо?» Нет, конечно, свои авторские свидетельства и изобретения, сделанные в пору активной работы в прикладной химии, выносить на суд читателей я не собираюсь.

И тут мне вспомнилась папка в личном архиве, с названием «Абракадабра, или Всякая всячина», из которой я выбрал пару тем, которые и предлагаю читателям.

О чем эта папка?

Здесь нет науки в чистом виде как способ познания мира с помощью опыта и рассуждений. Здесь нет и художественной литературы как способа познания того же мира, но с помощью наблюдений и эмоций. Есть некая идея, как зернышко, из которого на основе элементарных рассуждений вырастает логический вывод. Кому-то такой вывод может показаться смешным, кому-то — несерьезным, кому-то — и вовсе бредовым. Ну, требование неременной серьезности применимо, по-моему, только к некрологу. А насчет бредовости... насчет бредовости хорошо сказал в свое время великий Нильс Бор в разговоре со своим молодым коллегой: «Ваша гипотеза недостаточно безумна, чтобы быть верной». Помня об этом, используем только верные гипотезы!

Так что эта папка — всего лишь о любопытствующем взгляде на окружающий мир. О том, что мир парадоксален всегда

и везде, надо только посмотреть на него незашоренно и непредвзято, как смотрит ребенок, еще не втиснутый в параграфы учебников. Как совершаются открытия? Как вообще появляется ученый? Что является «спусковым крючком» для того, чтобы ум был охвачен какой-то нераскрытой еще тайной? Вот, скажем, Франсуа Шампольон еще ребенком прочитал в книге, что египетские иероглифы не имеют никакого отношения к связному тексту и потому их никто и никогда не сможет понять. Все, «спусковой крючок» сработал! Шампольон поклялся, что иероглифы будут им разгаданы — и ведь исполнил свою клятву!

Я буду рад, если по прочтении этих «абракадбр» кто-то заинтересуется темой, а кто-то полезет в энциклопедии и справочники; кому-то это послужит толчком для зарождения новых идей, а кто-то просто улыбнется. А если кто-то захочет продолжить общение на эти темы, то можно написать мне по адресу azim76@mail.ru. Заранее благодарен всем написавшим.

Итак...

Расщепление меланхолика, или Принцип Ле-Шателье в человеческой психике

Как известно, классическая психология различает четыре основных типа человеческого темперамента: сангвиники, флегматики, меланхолики и холерики. Не будем сейчас углубляться в последние открытия психологии на этом поприще; деление это значительно усложнено, уточнено и дополнено. Не будем также оспаривать тот факт, что деление это условно, и чаще всего нам встречаются смешанные, промежуточные типы темперамента. Нам сейчас важно подчеркнуть, что человеческие темпераменты различны, а уж сколько их

— дело десятое. Более того, их может быть сколько угодно, это не влияет на наши рассуждения. Не верите? Хорошо. Вот, скажите, можно ли производить какие-либо измерения, пользуясь неверным инструментом (допустим, линейкой с «неправильным» числом сантиметров)? Ответ парадоксален: да! Единственное условие — учитывать эту «неправильность». Более того, вместо сантиметров эта линейка может быть разделена на любые, даже неизвестные нам единицы. И, наконец, еще более того, на линейке вообще может не быть никаких единиц измерения. Тогда линейка, то есть просто определенный предмет, обладающий неизменной длиной, сам становится единицей измерения. Помните, как в известном мультике слона измеряли с помощью попугая? Мультик — ложь, но в нем намек...

Так вот, в наших рассуждениях в качестве первого шага мы берем классическую градацию темпераментов.

Пошли дальше.

Зададимся вопросом: можно ли названные типы темпераментов расставить по «ранжиру»? По нужности, важности для человека? Можно ли утверждать, к примеру, что сангвиник «лучше» меланхолика, а флегматик «важнее» холерика? Конечно, нет. Потому что это будет дискриминацией по «темпераментному» признаку.

Сказанное не отменяет того, что на личностном, индивидуальном уровне восприятие людей различно. Так, один человек легче воспринимает общение с флегматиком, а холерик его чаще всего раздражает. Другой человек с большим интересом общается с сангвиником, а меланхолик его чаще нервирует. Очевидно, что у каждого отдельного человека есть внутренний «ординар» открытости, эмоциональности, рассудительности и спокойствия, по которому оцениваются окружающие люди. «Ордины», иначе «стандарты» эти, различны. Однако в массе людей эти критерии обобщаются и усредняются. Можно сделать первое умозаключение, что критерии «среднего» темперамента включают в себя все четыре типа (мы помним, что четыре типа темперамента — это наш «попугай»).

Отлично. Сделаем еще шаг.

В массе, где действуют законы больших чисел, можно утверждать, что встречаются все четыре типа темперамента, причем в равных пропорциях. (Интересно, конечно, было бы проследить такое распределение в больших группах людей различных национальностей или даже рас — скажем, скандинавов или африканцев, но это тема для другого разговора.) Иначе говоря, «суммарный» человеческий темперамент остается неизменным.

Используя минимум математики, сказанное можно сформулировать уравнением:

$$T = TC + TM + TX + TF,$$

где T — это «суммарный» темперамент рассматриваемой выборки людей, а TC , TM , TX и TF — темпераменты сангвиников, меланхоликов, холериков и флегматиков в данной выборке. Причем $T > 4$, а TC , TM , TX и $TF \neq 0$.

А теперь — внимание! Формулируем главное: данное уравнение не зависит от выборки, то есть, иными словами, «суммарный» темперамент остается неизменным при любом количестве людей.

Стоп. С этого места — поподробнее.

Поскольку проявляться темперамент человека может только в общении с себе подобными, отсюда ясен пень, что $T > 1$.

Повторим, что все наши рассуждения основаны на двух допущениях: а) каждый отдельно взятый человеческий темперамент не является «чистым», а представляет смесь всех четырех темпераментов, в которой один доминирует над остальными; и б) природа не терпит пустоты.

Что все это означает в переводе на нормальный язык?

1. Темперамент отдельно взятого человеческого индивидуума представляет собой сложную динамическую результирующую основных психических начал. Эта результирующая непостоянна и может меняться в зависимости от конкретных условий. «Кривой — король в царстве слепых». Иными словами, человек, воспринимаемый в своем окружении как флегматик, оказавшись в другой среде, в ином коллективе, может начать восприниматься иначе, скажем,

как меланхолик, — там и тогда, где и когда ощущается потребность в меланхолике (мы помним, что $TM \neq 0$).

2. Темперамент каждого отдельно взятого индивидуума в конкретном человеческом сообществе проявляется таким образом, чтобы результирующая всех темпераментов (некий обобщенный «темперамент коллектива») оставалась неизменной, то есть $T = \text{const}$.

3. Чрезвычайно интригующей представляется ситуация, когда число индивидуумов в коллективе меньше числа психотипов, то есть в наших рассуждениях меньше четырех. В этом случае происходит расщепление темперамента на несколько (два или более) — таким образом, чтобы дополнить отсутствующие психотипы. Как правило, в обычной жизни нам приходится иметь дело именно с такими ситуациями. Допустим, супружеская пара — типичный пример такого микроколлектива. Каждый может легко вообразить и привести пример из личного опыта, когда один из супругов аккумулирует в себе одновременно черты сангвиника и меланхолика, а другой — флегматика и холерика. Более того! Психика человека настолько гибка и податлива, что у одного и того же человека она может проявляться совершенно различным образом, подпадая под разные типы темперамента. Пример: в семье этот индивидуум выражает себя как меланхолик-флегматик. А в микроколлективе на службе ощущается избыток флегматиков и недостаток сангвиников. Психика индивидуума подстраивается под это требование, проявляя себя на работе именно как сангвиник-холерик. Каждый из нас может привести примеры того, как разительно меняется тот или иной человек: молчун и тихоня дома — и балагур и весельчак на службе и так далее.

4. Наконец, последний крамольный вывод заключается в том, что «подобное излечивается подобным». То есть, определенный тип темперамента под давлением обстоятельств может смениться на противоположный. Скажем, меланхолик, случайно оказавшись в компании подобных себе или еще более меланхолических людей, непроизвольно начинает вести себя иначе — ска-

жем, как холерик. Аналогичным образом остальные члены этого случайным образом образовавшегося коллектива на этот период времени меняют свой психотип, подстраиваясь под него таким образом, чтобы результирующая коллектива оставалась неизменной (помните: $T = \text{const}$). Упрощенно говоря, если собрать вместе четырех меланхоликов, то через какое-то время самый «махровый» из меланхоликов меланхоликом и останется, в то время как один из остальных начнет проявлять признаки сангвиника, другой — холерика и третий — флегматика. А если взят крайний пример — человека, изолированного от контакта с себе подобными, — то в его поведении будут проявляться, в зависимости от ситуации, все четыре психотипа. Ну, совсем как в поговорке «я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик».

Последнее. Допустим, все, что мы написали, — правда. Тогда осталось ответить на вопрос, почему это так? Почему человеческий темперамент проявляет такую мобильность?

Ответ: из общих натурфилософских начал. А в них одним из первых стоит, во-первых, отсутствие крайностей. В природе нет ничего «чистого», 100-процентного, абсолютного: нет абсолютного вакуума, нет «чистого», не имеющего примесей химического вещества и так далее. В человековедении — та же картина: нет абсолютного зла/добра, нет 100-процентного мужчины (как и женщины). То же — с темпераментами: все они имеют вероятностную, статистическую природу. Абсолютный меланхолик так же невозможен, как абсолютный нуль.

Во-вторых, в любой системе отклонение от середины, от оптимума приводит к ее напряженности, ее возбужденности. И чем дальше мы будем отклонять эту систему от оптимума, тем ее состояние ее будет становиться менее устойчивым. Например, при нагревании воды мы сможем наблюдать все усиливающиеся конвекционные потоки, зарождение и схлопывание пузырьков пара на стенках и прочие признаки закипания воды — до критической точки, когда она вся переходит в новое состояние — пар.

Дотошный читатель вправе воскликнуть в этом месте «ага!» и воздѣть обвинительный перст в небо: автор позволяет себе доказывать нечто введением чего-то другого, в свою очередь требующего доказательств. Иными словами, все эти натурфилософские начала, все эти «во-первых» и «во-вторых» — откуда они-то?

Из природы же. Все в природе сопротивляется распаду и стремится максимально долго сохранить себя. Поэтому самым естественным состоянием для любого объекта является состояние гомеостаза, сиречь равновесия, сиречь оптимума, золотой середины. И она (природа) противится любым попыткам отклонить эту систему от равновесия — затратами энергии (закон сохранения энергии), изменениями фазового состояния (закон перехода количества в качество), утратой координат наблюдаемого объекта (принцип дополнительности) и прочими милыми вывертами. Человеческое сообщество подчиняется этим законам: в статистически большом количестве людей представлены все психотипы приблизительно в равных пропорциях. При уменьшении выборки возникает угроза существованию этого коллектива, потому что превалирование какого-то одного психотипа над остальными повышается вероятность подчинения всего коллектива этому психотипу и выбор стратегии поведения, могущей привести этот коллектив к гибели. При наличии такой угрозы включается механизм расщепления психотипа, таким образом, чтобы результирующая их оставалась неизменной, что сохраняет коллектив в исходном состоянии равновесия, то есть позволяет ему выжить и продолжать действовать в новых условиях.

Согласившись с этим, сделаем даже не шаг, а принципиальный рывок вперед и вверх, на новые горизонты. Зададимся вопросом: а что если наше предположение верно не только в отношении темперамента, но в отношении глобальных свойств человеческой психики?

Вспомним: в любом коллективе есть лидер, «лидер оппозиции», «шут» (объект для шуток), «рабочая лошадка» (безгласный исполнитель всего, что ему поручат), «вечный скептик» (всегда всем недовольный),

«циник», «романтик»... Кто еще? Называйте, смелее! На всякий случай отсылаю всех к началу наших рассуждений: принцип не зависит от количества переменных. Их может быть три, пять, двадцать пять... Главное — помнить, что расщеплений и дополнений должно быть столько же. И вот наш принцип начинает работать. Тогда понятно, почему в коллективе, потерявшем лидера, моментально находится новый; «рабочая лошадка», попавшая в коллектив себе подобных, стремительно утрачивает свои безотказные качества, становясь неожиданно «циником»; вечный «шут», сменив работу, вдруг оказывается «лидером оппозиции»... Каждый может привести десятки примеров из своего опыта.

Подведем итоги.

Итак. Система (человеческий коллектив) есть набор и сочетание определенных особенностей (качеств) человеческой психики, представляющее некую социальную константу. Система реагирует на любое воздействие таким образом, чтобы свести это воздействие к минимуму и сохранить свое исходное состояние неизменным. При отсутствии некоторых исходных качеств система компенсирует это отсутствие расщеплением сохранившихся качеств таким образом, чтобы сохранить свое исходное состояние неизменным.

Вам ничего это не напоминает?

«Если на систему, находящуюся в состоянии химического равновесия, оказать внешнее воздействие, то она перейдет в новое состояние таким образом, чтобы максимально уменьшить эффект внешнего воздействия.»

Совершенно верно. Это современная трактовка принципа Ле-Шателье!

Природа человека и окружающего мира едина.

**Память дигидромонооксида,
или Вилами по воде писано**

Вода, вода, кругом вода.

Из песни

И это верно. Потому что, если исходить из соотношения воды и суши (71 % к 29 %), то нашу планету правильнее было бы

назвать Водой. А что? Аква... Гидра... Что-то в этом есть.

Вода. Что может быть привычнее и — по очевидным, с детства усвоенным впечатлениям — понятнее воды? Она окружает нас всю жизнь — и даже до рождения, если вспомнить об околоплодных водах, защищающих младенца в утробе от резких ударов и потрясений. Наличие или отсутствие воды на протяжении истории являлось для людей решающим фактором в пользу выбора места для проживания. Вода — это еще и средство сообщения. Она соединяет племена и народы. Невозможно преувеличить значение воды в истории человечества — будь то север или юг, запад или восток. И, как следствие, — огромное количество пословиц и поговорок в языке каждого народа, так или иначе связанных с водой. А сколько сложено песен, посвященных роднику, речке, озеру или морю, наконец!

В науке не так. Сначала древние греки отвели воде почетную роль одного из первоэлементов, наряду с огнем, землей и воздухом. Такое, казалось бы, простое вещество, а каждая эпоха добавляла к воде все новые и новые качества. Свойства воды (превращение в пар при кипении и в лед при замерзании) послужили основанием для введения широко распространенной у нас и в Европе температурной шкалы Цельсия. К ним добавились еще несжимаемость воды (помнится из учебника по физике разорванная по скрепам бочка со вставленным в нее дождевым стоком, идущим аж с третьего этажа). Еще из жизненного опыта (подтвержденного наукой) мы знаем, что вода занимает первое место среди всех растворителей.

Развитие научного знания приводило к новым понятиям. Электричество и магнетизм, атомистика и — шире — ядерная физика, химия — каждая из этих наук рассматривала воду со своих позиций и продолжала добавлять новые детали к ее пониманию. Вода поистине оказалась неисчерпаемой в части загадок и новых своих свойств. Всем известна тяжелая вода из физики. Всем известна «живая» вода и вода «мертвая» — из сказок. Всем известны пар и лед — из повседневной жизни. А

вот то, что к настоящему моменту наука разделяет 15 (пятнадцать!) разновидностей льда, отличающихся друг от друга по свойствам, известно не всем. Как и то, что всех возможных комбинаций водорода и кислорода (включая протий, дейтерий и тритий) набирается 18, то есть восемнадцать (!) разновидностей воды.

Все эти разновидности воды и льда имеют различную структуру. Следовательно, можно говорить об их различной информационной вместимости. А поскольку эти разновидности могут встречаться в различном соотношении, такую комбинацию различных соотношений можно рассматривать как вместилище информации — вместилище принципиально иного, пока неизвестного нам вида. Следовательно, информацию в это вместилище можно определенным образом закладывать и определенным образом считывать!

Чтобы не спекулировать эзотерическими терминами и не съехать с позиций науки, приведем классический пример, известный многим. Вода смешана с каким-нибудь легко подающимся определению веществом, например, духами «Шанель № 5». Разбавим эту воду чистой, дистиллированной. Разбавленная вода по-прежнему будет пахнуть духами. Повторим это разбавление два, три, десять раз. По-прежнему «Шанель»! Ученые в своих экспериментах, проведенных с помощью точнейших приборов и чистейших реактивов, выяснили, что даже если разбавить в разбавленной смеси останется одна капля духов, а остальное будет водой, то раствор все равно сохранит запах духов. Представляете? Одна капля — это разбавление во многие и многие миллионы раз, то есть, теоретически такую концентрацию запаха носовые рецепторы ощутить не в состоянии, а вот поди ж ты — ощущают, и еще как!

Так мы приходим к выводу о том, что воде присуща некая память — то есть способность сохранять при любых изменениях полученную до того информацию.

Вдумаемся в этот вывод. Вода, то есть самое текучее, самое изменчивое вещество в природе — и вместилище информации? Вот эти кудрявые облачка над головой — и сведения о прошедших эпохах?

Честертон устами своего героя патера Брауна спрашивал: «Где умный прячет лист?» И сам же отвечал: «В лесу».

Действительно, если согласиться с тем, что вода обладает памятью, то трудно придумать какое-либо иное вещество, лучше воды подходящее для хранения информации.

(Да, кстати, дигидромоноксид, вынесенный в заголовок, - это просто та же вода, только названная так строгим химическим языком. Проверьте меня, если не лень.)

Вопрос «какая информация может быть заложена в воде?» кажется спекулятивным. Он из той же категории, что и вопрос «какая раскладка клавиатуры у компьютеров марсиан?» Спекулятивность есть следствие скудости исходных данных.

И все-таки точку ставить на этом не хочется. И здесь нам поможет мысль Д. И Менделеева из его дневника (цитирую по памяти): «Чинить мосты, строить дома, воспитывать детей и вообще заниматься всяким полезным трудом можно, конечно, в соответствии с определенными знаниями, но наибольших результатов можно добиться, лишь исходя из общих начал». Давайте рассуждать, исходя из «общих начал».

Поскольку мир наш в пределах наших органов чувств трехмерен, наиболее полная информация о нем тоже должна быть трехмерной. Тогда, если некое гипотетическое устройство позволяет вносить в воду информацию, то она вероятнее всего будет одномерной. Для записи двумерной информации нам понадобятся либо два одномерных устройства, либо одно, но с двумя вводами («щупами»). Ну, а три таких «щупа» позволят вводить объемную, то есть трехмерную информацию.

Вопрос о том, кому могли принадлежать загадочные устройства с тремя щупами, мы не затрагиваем по причине зыбкости

предположений и допущений. Память услужливо подсказывает зеленых человечков с Марса либо таинственных обитателей исчезнувшей Атлантиды. Оставим их в покое. Пусть это будут просто некие «существа Х». И пусть эти существа будут заняты записью информации в воде.

И вот они, эти существа, медленно бредут вдоль берега реки или озера, а за ними из-за деревьев наблюдают сгорбившиеся там наши предки, испуганные, но любопытные. В руках страшных существ — могущественных небесных богов - какие-то палки с тремя ответвлениями. Палки с тремя ответвлениями? Что это может быть? Трезубцы? Нет, мы же с вами не в Древней Греции. Постойте — палка с тремя ответвлениями на конце? Да это же вилы! Конечно, нашим предкам такое устройство могло напомнить только вилы. И что делают эти боги?

И разойдутся наши перепуганные предки по своим пещерам к старикам и детям, передав им и всем встреченным увиденную своими глазами весть:

БОГИ ПИШУТ ВИЛАМИ ПО ВОДЕ.

Пройдут годы. И следующие поколения, забыв, от кого это слышали, будут считать, что, боги не боги, но писать вилами по воде когда-то умели, да вот нынче — никак.

И еще пройдут годы. И следующие поколения решат, что писать вилами по воде, может, и можно, да вот только этого никто не знает, так что скорее всего это сказки для младенцев.

И еще пройдут годы и годы. И следующие поколения про все сомнительное и маловероятное будут говорить:

ЭТО ПИСАНО ВИЛАМИ ПО ВОДЕ.

И между этими двумя выражениями — вся человеческая история...

ДИАЛОГИ

Александр Семочкин

Чем во всяком случае не может считаться все изложенное ниже, так это неким отчетом — помилуйте, кому отчитываться, да и зачем? Происшедшие события были, есть и останутся достоянием моей памяти и вместе со мной уйдут, ничего не обещая оставшимся жить. Конечно, каждый, в принципе, может испытать нечто подобное, - насколько я могу судить, опыт мой не единичен, хотя и редок чрезвычайно, за прошедшее тысячелетие подобное происходило, и не раз, но кто в состоянии вести такого рода статистику? И кто правомочен ее вести?

Само по себе разделение, расщепление личности — феномен, давно и хорошо известный в литературе как художественной, так и специальной, где оно фигурирует под разными именами, — от метемпсихоза до паранойи. Последнее, в вульгарной, естественно, форме, давно проникло в вербальный обиход обывателя, поэтому все разговоры на эту тему, все попытки как-то поделиться — встречаются, как правило, фальшиво-снисходительной улыбкой собеседника и его желание перевести разговор на другую тему, на тему погоды, например. Понять такое отстранение нетрудно, это не более чем метод защиты своей психики, поскольку у большинства обывателей она неожиданно хрупка и ранима. Да и слова, здесь применяемые рассказчиком — как странно беспомощны становятся слова при изложении такого рода явлений! Тем не менее попытки рассказать о сути происшедших с ними событий предпринимались, иные даже были оценены современниками (вещь сама по себе чрезвычайная!), но авторы в таких случаях прибегали к ловкому, хотя и не совсем честному приему, выдавая свои реальные переживания за измышления своей фантазии. В этом смысле заслуживают внимания откровения одного флорентинца, пары великих немцев и трех

русских авторов, один из которых и будет... нет, не героем, скорее — действующим лицом нашего правдивого повествования.

Именно он, этот автор, попытался изложить в одной из самых пронзительных своих новелл опыт разделения себя на две так сказать ипостаси, что ж вышло из этой попытки? — ничего, должно признать, кроме неопределенностей, плавно перетекающих в запредельность. Говорить на эту тему оказалось не по плечу даже такому виртуозу слова, каковым он, без преувеличения, являлся. Новелла называлась «Ultima Tim» или около того.

Говоря вообще, должно признать, что осознание себя состоящим из нескольких вложенных друг в друга, как матрешки, Я — присуще многим, если не большинству живущих, иначе не существовали бы крылатые выражения типа «выйти из себя», «найти себя», «мое alter ego» и так далее. В обыденности все эти Я заключены в одну оболочку и стянуты ремнем соответствия — своему положению в обществе, своему возрасту, заданному себе Imago, имиджу, амплуа, - как кому нравится это называть, что вовсе не носит характер патологии. Хотя порой прорывается наружу в формах классической шизофрении или в достаточно редких случаях полного раздвоения личности, благодаря Р.Л. Стивенсону известных в мире в образах доктора Джекиля и мистера Хайда.

Практически каждый живущий при известном усилии воли может выявить в себе своего предшественника — мужчину сорока, и даже двадцати лет, при чрезвычайном напряжении и двенадцатилетний мальчонка может явиться... хотя это и не совсем хорошо для моих шестидесяти восьми, но уж с собой пятидесятилетним полезно иметь постоянный контакт, диалог, дабы не впасть в грех старческого самоедства. Бабочка хорошо помнит себя кукол-

кой, плохо — гусеницей, и вовсе не помнит себя яйцом, да и зачем, если вечный механизм жизни уже в ней самой сформировал яйцо, отложив которое, она умрет. Ребенок есть напоминание о моей смерти, но я обязан видеть в нем продолжение жизни, иначе жизнь остановится. Он не есть «мое второе Я», он другой, он чужой, если угодно, хотя и изошел из меня; видеть продолжение себя в детях есть самообман, ни одно из моих Я не станет Им, Ими, но именно в этом есть оправдание Меня.

Образ бабочки с трудом приложим к этому Мне, для этого нужно хотя бы научиться летать, а мы пребываем большую часть жизни в фазе гусеницы, ползая и жуя, как они, к старости обрастаем хитиновым панцирем и становимся все более куколкой, — чтобы однажды прорвать, взорвать эту оболочку изнутри и, наконец, полететь.

Последний пассаж вызвал бы, наверное, скептическое хмыканье у моего визави, он не раз заявлял, что видит мрак небытия по обе стороны бытия — как «до», так и «после», впрочем, чего он только не заявлял в своих произведениях, сам себя регулярно опровергая. И любимые им бабочки были, пожалуй, главным опровержением (или разоблачением, как удачно было сказано в известном романе) теории посмертного небытия. Кстати, роман этот был оценен им как явление в русской литературе чрезвычайное, и с молчаливого согласия моего собеседника я буду иногда именовать его Мастером, тем более что номаграмма «М» легко превращается в «W», а та, в свою очередь, легко распадается на V.V., что уже есть инициалы нашего героя. Предоставляем читателю возможность вербальных спекуляций вокруг этих буквенных метаморфоз.

И пора, наконец, объяснить, с какой стати я, рядовой литературный эпигон, удостоился чести накоротке знаться с Мастером, хотя и в совершенно необычном его, Мастера, обличье. Но для этого нам надлежит погрузиться в благословенный девятнадцатый век и совершить в нем некоторые генеалогические изыскания.

Итак, в семье действительного статского советника Александра Федоровича Шишкова родились три дочери, во всяком

случае о них известно, что они родились, выросли и вышли замуж. Было это во времена Александра Сергеевича Пушкина, детей тогда рожали много и дворянки, и крестьянки, многие дети не доживали до совершеннолетия, опять-таки не взирая на сословную принадлежность, и немалое число девушек из хороших семей так и не выходило замуж, оставаясь старыми девами, так что оговорка касательно сестер Шишковых сделана нами неспроста. Как легко догадаться, они приходились родственницами знаменитому адмиралу Александру Семеновичу Шишкову, хотя родство это было весьма отдаленное (внучатые в четвертом поколении племянницы) и славы особой не стяжало, поскольку ставшего в 1824 году Министром народного просвещения адмирала уже к 1826 году иначе как министром народного затемнения не называли. Последнее сделалось не без участия жалающего язычка Александра Сергеевича, как легко понять, правда, последний настолько потом изменил свое отношение к идеям «Беседы любителей русского слова», что пытался даже как-то обиняком извиниться перед последователями «Бесед», что, согласимся, было Александру Сергеевичу не вовсе свойственно.

Так вот, старшая из сестер Шишковых, Нина Александровна, красавица и в высшей степени эксцентричная особа, стала в замужестве баронессой фон Корф, — и прабабкой Мастера, нашего героя. И поскольку у нас есть все основания полагать, что некоторые особенности характера баронессы оказались унаследованы ее знаменитым правнуком, постольку есть смысл познакомиться с этой дамой поближе.

Как уже сказано, она была красавица, что, откровенно говоря, немного значит — мало ли красавиц на свете? Но, как говорится, все сержанты — военные, да не все военные — сержанты, есть более значимая характеристика женщины, нежели ее красота. Это сложная совокупность внешности, манеры поведения, умения себя одеть и умения носить одетое, тонкого чувства меры во всем, тембра голоса, наконец, и естественного запаха тела, — все то, что может быть выражено только одним словом: женственность. Словом, которое само по

себе не значит ничего и которое при этом означает все. Этим, довольно редким даром всепокоряющей женственности Нина Александровна обладала вполне и умело, должно признать, им пользовалась.

Как и многие аристократки той поры, она с детства усвоила правила двойной морали, но руководствовалась она этими правилами настолько удачно, как сумели немногие, — она практически все себе в жизни позволяла и при этом сохранила репутацию вполне добропорядочной матроны. Она могла устроить шумный скандал парижской модистке за то, что декольте на платье дочери показалось ей излишне откровенным, — а потом спокойно выдать эту дочь за своего любовника, продолжая оставаться с ним в «отношениях». Она могла быть безутешна при болезни любимой собачки, но удовлетворенно и с большим интересом наблюдала, как ее любовник пытается выбросить в окно полицейского офицера (кстати, любовником этим был никто иной, как дед нашего героя, Дмитрий Николаевич, будущий министр юстиции Российской империи. О tempora, о moris!). Всех и вся покоряющему обаянию Нины Александровны следует приписать и тот факт, что она сохранила доверительные, даже сердечные отношения со своей дочерью Марией, чьим терпением и снисходительностью она так немало по жизни пользовалась.

О Марии, однако, мы станем говорить позже, пока нам предстоит познакомиться с ее теткой и сестрой Нины — Софьей Александровной Шишковой. Как это часто бывает в семьях, она была едва ли не полной противоположностью своей сестры, но ее спокойный и рассудительный характер для семейной жизни, согласимся, был предпочтительнее буйному своеволию красавицы Нины. Во всяком случае, так рассудил Григорий Сергеевич Аксаков, женившийся на Софье. Этот Григорий был третий сын Сергея Тимофеевича Аксакова, он не был столь яркой личностью, как его старшие братья Константин и Иван, но умалить его роль в становлении и развитии идеологии славянофильства было бы совершенно неправомерно, поскольку он выполнял в этом неформальном сообществе функцию

ученого секретаря и в этом качестве был совершенно незаменим.

Все это имело бы весьма косвенное отношение к предмету нашего повествования, если бы не одно обстоятельство. Оно вот в чем. Если принять плоскость стола, на котором пишутся вот эти строки, за начало отсчета, то, следуя в направлении юго-юго-восток, через три версты мы упремся в усадьбу, где в начале второй половины девятнадцатого столетия хозяйкой была Нина Александровна урожденная Шишкова, ставшая в замужестве, как мы уже говорили, баронессой фон Корф. Усадьба эта называлась Батово, и нам еще представится возможность с ней познакомиться поближе.

А если мы двинемся в направлении северо-северо-восток, то через девять верст мы обнаружим себя стоящими перед другой усадьбой, с многообещающим названием Руново. Впрочем, памятуя о том, что именно здесь Элиас Ленрот записал по крайней мере четверть им собранных рун «Калевалы», можно считать «многие обещания» Рунова вполне выполненными. Так вот, хозяйкой этой Руновской мызы в те же годы того же баснословного девятнадцатого столетия была Надежда Тимофеевна, вдова тайного советника Карташевского и родная сестра Сергея Тимофеевича Аксакова. Имея семерых своих детей, Надежда Тимофеевна приобщила к Рунову и брата, который живал тут месяцами, и детей брата, одним из коих, как помним, был Григорий. С молодой женой он лета проводил в широко-гостеприимном доме, где в гостиных толкались и Тургенев с Тарасом Шевченко, и Римский-Корсаков с Рубинштейном, и Киреевские с Хомяковым, и бесчисленное число молодых Аксаковых — Карташевских со своими друзьями и подругами. Замечательное, судари мои, было время! Вот, казалось, еще усилие, и сольются славяне в братский союз, и древний Царьград вздымет православный крест над святой Софией, и воссияет Третий Рим в славе и величии ...трепещите, языци, и покоряйтесь, ибо с нами Бог!

Что ж, Руновскую мызу с полным основанием можно назвать Мызой несбывшихся надежд. Не сбылись надежды первых

владельцев мызы, немецких дворян фон дер Эссенов, изгнанных русскими, и следующему владельцу Осипу Абрамовичу Ганибалу радости от нее было мало, и тайное желание самой мызы — родить здесь первого поэта России не сбылось — Сергей Львович уговорил беременную жену уехать в Москву, а мызу продать, и мечты славянофилов полопались, как мыльные пузыри, и сама эта мыза сегодня руина, как памятник всему несбывшемуся, что от века мнила о себе Россия.

А нам пора к третьей сестре Шишковой перейти, к Варварушке. Она тоже была от своих сестер отлична, ущербинкой какой-то отлична, да только в чем она была, эта ущербинка, никто нам теперь не скажет. Может, личиком девушка не вышла, может косенькая была, или хроменькая, или сутулая, Бог весть, только родители и тем были довольны, что выдали ее за купчину, за содержателя большого постоялого двора на нашем тракте, за второй гильдии Гатчинского купца Артемия Фомина. Вроде и мезальянс, да только все им удовольствовались, — и родитель Александр Федорович был доволен, что не осталась дочка в вечных девушках, и купчина Артемий был доволен, что получил добрую и послушную жену, да дворяночку, а с лица, мол, воды не пить. Довольна оказалась и сама Варварушка — мужем довольна, и своим крепким и отнюдь не бедным хозяйством довольна, и тем, что детки от Артемия рождались легко, и были они красивые и здоровые.

Беда подкрадывалась к ним долго, не слышно, на цыпочках. Никто ведь всерьез не принял тогда столичной прихоти — построить какую-то железную дорогу в семи километрах восточнее тракта, на котором стоял Фоминский постоялый двор. Ничего ведь поначалу не изменилось, как ездили все по тракту, ругая осеннее бездорожье и разбитые мосты, так и продолжали ездить, мужики на телегах, служивый народ в возках и кошевках, господа в пролетках и каретах, и всем нужно где-то остановиться, и передохнуть, и перекусить, и лихую погоду переждать — а вот и постоялый двор, милости просим. Чисто, сухо, тепло, щи наваристы и густы, пироги с поду, и, главное

— нет мучителей человечества, насекомых, за этим Фомины следили особо.

Однако скоро стала «железка» показывать зубки, все больше народа предпочитало проехать на паровичке, на тракте остались одни ломовики да местные крестьяне, и какой с них навар? А подросшие детки нуждаются в выделении, дочкам — приданое, пришлось продавать часть земель, а там и вовсе ужаться до однодворства. Ни Артемий, ни Варварушка, слава Богу, до этого не дожили, но их дети уже писались мещанами, и от бывшего богатства постепенно не осталось следа.

Все вышеозначенное опять-таки непосредственным образом соприкасается с темой нашего повествования, поскольку, во-первых, праправнуком Артемия и Варварушки стал пишущий вот эти строки, а во-вторых, от того стола, где эти строки пишутся — всего четверть версты в строго южном направлении до того места, где стоял Фоминский постоялый двор. Сейчас там звенят детские голоса, и слава Богу, мы же отметим странную гримасу судьбы, так плотно сведшую вместе сестер Шишковых и их потомство. Не заметить этого чрезвычайно чувствительный к такого рода сближениям беллетрист VV просто не мог. И он, конечно, заметил.

Совершенно необъяснимое внимание к своей скромной особе я впервые отметил в тот период жизни, который досужие публицисты именуют «возрастом Христа», то есть немногим за тридцать. Улетело детство, ведомое бабушкой Татьяной (на заднем плане видны усатые и почему-то грустные немецкие солдаты), отрочество прокатилось, бряцая, по маленьким армейским гарнизонам с офицером-отцом, и юность в обнимку с теперь уже собственными романтическими авантюрами промчалась, и молодость на палубе крейсера, а потом в веселом сумасшествии студенческих отрядов отошла, отпала, и тогда вернулся я, любезные мои государи, в родную деревню с твердым намерением никуда больше не уезжать до конца своих дней. И здесь все как-то сложилось само по себе, что занялся я реставрацией, благо руин вокруг было много, более чем много. Вот

именно тогда появилось и стало все более укрепляться сознание того, что за мной наблюдают. Само по себе такое ощущение не может быть названо приятным, однако в этом случае явно читалась благорасположенность к объекту наблюдения, и даже некоторое его как бы поощрение. Последнее, очевидно, потребует некоторых объяснений, — я их представляю.

Дело в том, что состояния такого рода («быть под колпаком» — выражаясь вульгарно) — были вовсе не в новость вашему покорному слуге, еще с флотской моей молодости таковой колпак наличествовал, время от времени материализуясь в виде какого-нибудь гладкого и чрезвычайно вежливого молодого человека или двух одинаково гладких молодых людей, произносящих очень правильные и совершенно незапоминающиеся слова. Насколько серьезные были их намерения относительно моей персоны, я судить не могу, разве что исключен был в свое время из... Антисексуальной лиги юниоров (скажем так, воспользовавшись терминологией Дж. Оруэлла), но дальше, слава Богу, дело не пошло. Так что различать соглядатайство и дружественное внимание к себе я был в состоянии, опыт имелся.

Примерно в это же время стали посещать меня странные сны, странность которых заключалась в несвойственной обычным снам четкости, а также в их настойчивой последовательности, как-бы многосерийности. Ночь за ночью, с небольшими перерывами, проходил один сюжет, причем в сопровождении некоторого Некто, видеть которого я не мог, но отчетливо слышал им произносимые округло-тяжелые и, опять-таки, совершенно незапоминающиеся слова. Мне была показана моя деревня, знакомая с детства «как собственное кровообращение», — но совсем в другом свете, в иной форме своего существования, в некой параллельной реальности. В иных своих точках две реальности соприкасались, поэтому можно было конкретно привязать странные большие дома с непонятными конструкциями на крышах — к северному концу моей деревни, а таинственный подземный монастырь с неведомыми, там хранящимися сокровищами, — к восточному.

Забавно, но спустя годы и годы фантазмагии этих снов стали странным образом реализовываться, — на северном конце деревни действительно появились большие по деревенским меркам дома и сооружения, и они все множатся, а на восточном конце случайные раскопки дали целый кошель старинных монет и чугунную копию знаменитого скульптурного портрета работы Торвальдсена.

Была еще одна серия снов, посвященная «моему» дому, совершенно отличному от реального моего дома, построенного мною сорокалетним на берегу нашей благословенной реки, но по поводу этого «дома снов» нет у меня по сей день никакого мнения, впрочем, уверен, в нужный момент и тут все объяснится. Странно, что не было никаких сонных откровений относительно содержимого металлических ящиков, которые немцы утопили в большом придорожном пруду на южном конце деревни, уходя отсюда в конце 1943 года. Что ж, дух снов дышит, где хочет.

Размышляя над происходящим, я пришел к заключению, что если все эти странности что-то и значат, то они — не более чем приуготовление к событиям еще более необычным. Что в действительности и произошло.

В те поры своей жизни все время, которое так или иначе выдавалось свободным, я посвящал многочисленным походам по окрестным лесам и болотам, и могу без ложной скромности заявить, что в любом направлении от своей деревни верст на тридцать мне знакомы все ручьи, поляны, болотные озерца и глухие урочища окрестных лесов. Такие походы ценны ими предоставляемой свободой, а еще невыразимым ощущением того, что ты тут свой, каждая сосенка на болоте знает, кто ты и откуда, и зачем пришел — морошку брать или проверить здешний брусничник на виды осеннего урожая, а может просто поискать прямую дорогу к старым торфяным выработкам с карасями. Длинная, да еще хорошо знакомая дорога тем особо ценна, что можно, так сказать, включить «автопилот», а самому целиком отдаться фантазиям самого неограниченного свойства

— скажем, изобретать вездеход с шестью шагающими лапами вместо колес, или в подробностях представлять жизнь в пещерке на берегу речки Иленки, где рядом на елке закреплена табличка: «Свободная от коммунизма территория России», или еще что-то, столь же безобидное, сколь и бессмысленное. Порой я так увлекался, что в фантазийной прострации пролетал, не заметив, цель своего путешествия и, потом спохватившись, поворачивал назад.

Во время одного из таких походов и состоялся первый контакт.

Помню, идти надо было шесть километров, через соседнюю деревню, потом через поля, а потом лесом, где на отвалах вдоль старых лесных канавок росли дивной красоты алые подосиновики, которые, собственно, и были оправданием и целью этого похода. Где-то на полпути, еще в поле, я почувствовал стороннее присутствие, хотя был один, наполненное через верх свежей радостью летнее утро было моим единственным попутчиком. Но присутствие было, и оно длилось молча какое-то время, потом раздался голос, но это был не внешний звук, скорее колебания в моем ухе, как будто говорящий приблизился настолько, что воздушный промежуток между нами отсутствовал. Тем не менее то, что воспринимал мозг, было человеческим голосом — мягким, довольно приятным, с заметным грубированием, которое как-то затушевывалось, смягчалось говорящим, как будто говорящий этого грубирования стеснялся.

«Позвольте быть с вами знакомым — произнес голос, и, после некоторого молчания: — Представиться я пока, простите, не могу, во избежание быть не так понятым. Форма моего теперешнего существования требует долгих объяснений ... но вы сами в свое время все поймете... в свое время. Если я буду вами воспринимаем как дух, то спешу заверить, что я дух не буйный, не злонамеренный и вовсе не праздношатающийся. На сближение с вами меня подвинуло ... я давно к вам приглядываюсь и нашел возможность соприкосновений, да мы с вами и по крови имеем... к счастью, весьма отдаленное. Не люблю, знаете, всяких родственников, но надо же с кем-то

общаться. Как у вас тут стало скучно, да еще эти нетки...»

Голос замолк, я продолжал шагать, боясь и желая продолжения, — присутствие невидимого собеседника было явным, — и не выдержал: «Но все же — кто вы?»

«Я вам сказал, — в голосе слышалось легкое раздражение, — это будет объяснено, в свое время. Вообще, задавайте меньше вопросов, я этого не люблю. Еще вот что. Я буду приходить и говорить с вами тогда и там, когда и где сочту нужным. Не пытайтесь проявлять инициативу, ничего это не даст. Теперь, пока, во всяком случае. Прощайте».

Ровно ничего не произошло, но теперь я был один, разве что с некоторым опустошением в голове. А вокруг был лес, знакомый до последнего пня, и я занялся подосиновичками, которых в том году народилось изрядно. Путь обратный был отягощен корзиной грибов и довольно неприятными размышлениями относительно своего умственного здоровья. Должен признать, что в продолжение жизни я два или три раза вплотную подходил к той темной, шевелящейся преграде в сознании, за которой улавливалась визгливая какофония, а подход к которой сопровождался мощным и все нарастающим басовым крещендо. Но эти разы были провокацией моей воли, следствием чрезвычайного мозгового усилия там, где делать этого было не нужно, — вследствие полной неспособности мозга решить поставленную перед ним задачу. Скажем, в попытке объемно представить себе шестое измерение пространства, или при старании вогнать в привычный гармонический ряд отрывок из оперы Шенберга.

Эти упражнения могут показаться столь же опасными, сколь и бессмысленными, однако они дают драгоценный, не приобретаемый иными путями опыт в распознавании той границы, за которую нельзя переступать, да и приближаться к которой нужно с большой осторожностью. И вот, этот мой опыт с полной уверенностью свидетельствовал об отсутствии опасности! То есть то, что только что произошло, не только не могло быть следствием некоего «искривления мозгового пространства»,

но и само не несло этому пространству какой-либо опасности. И поскольку я привык доверять своей в этом смысле интуиции, будучи неоднократно убеждаем в ее способности правильно оценить ситуацию, постольку мне осталось признать, что теперь, кроме реалий обыденной жизни, где я строил дома, бродил по лесам и «спасал Россию» в полунощных толковищах с друзьями, и кроме феерического фантазийного пространства, — появилось еще одно, ни под какие категории не подпадающее, но тоже вполне реальное.

Занимался я тогда восстановлением почтовой станции девятнадцатого столетия, в центре моей деревни расположенной, и собою представлявшей на ту пору дом-руину, бывший колхозный склад минеральных удобрений, еще дом — сельский клуб с киноустановкой, а позади них — заросшую травой воронку от авиабомбы с пристроенной сбоку небольшой цистерной — пункт продажи керосина. Тогда много ходило разговоров о том, что станция эта как-то уж очень связана с Александром Сергеевичем Пушкиным и потому являет собой чрезвычайную историческую ценность. Последнее потом оказалось... не совсем правдой, скажем так, но в те годы общий интерес к истории Отечества, к собственной истории был необычайный, а имя Пушкина, как «наше все» — успешно открывало двери кабинетов и ведомственные кошельки, обычно для культуры закрытые.

Вся эта кампания по восстановлению станции была начата вовсе не мной, должен я признать, начал ее рядовой слесарь Оптического института Иван Ларин, колоритнейший мужик с широким русским лицом, с роскошной бородой «лопаты», добрыми лазоревыми глазками и, при этом, с удивительно корявой и невразумительной речью. Несмотря на звучную значимость своей фамилии, Иван Дмитриевич купился вовсе не пушкинским акцентом в истории этой станции, а много более поздними событиями, относящимися уже к Гражданской войне. История эта стоит того, чтобы о ней рассказать хотя бы вкратце.

При втором наступлении армии Николая Юденича на Петроград в мае 1919

года встречу ему оказались брошены части, еще вчера бывшие элитой императорской армии, ее гвардией, а теперь спешно подновленные красными командирами и комиссарами и объявленные «пролетарскими полками». Два батальона таких свежеспеченных пролетариев, еще вчера бывшие Лейб-гвардии Семеновским полком, поставлены были в виде заслона в нашей деревне, и расположились они как раз на территории тогда уже бывшей почтовой станции и около нее. Семеновцы, вдоволь насмотревшиеся в Петрограде на безобразия и зверства новой власти, вовсе не горели желанием за нее воевать и лить кровь тех, кого они с полным основанием считали своими. И когда к ним ночью пришли парламентарии от Юденича, они извлекли припрятанные гвардейские знамена и погоны, арестовали новых командиров и пошли брататься с теми, против кого назначены были воевать.

Пятеро арестованных «партийцев» были расстреляны у стены почтовой станции, шестой, комиссар бригады Александр Раков, покончил с собой. Признаюсь — я все порывался поставить памятник этим погибшим и даже что-то довольно жалкое сочинил, и уже потом узнал, что эти пятеро были чекисты из латышских красных стрелков, и у них руки уже были в крови по локоть, если не выше. Единственно порядочным среди них являлся комиссар Александр Раков, но его имя долгие семьдесят лет носила одна из красивейших улиц Ленинграда, а вечный огонь над его могилой на Марсовом поле горит и по сей день... немало для человека, который что и успел сделать в своей жизни, так это достойно умереть.

Что ж семеновцы? Да ничего, ровным счетом. Под развернутыми знаменами дотопали они до Пулкова, а уже в октябре поспешно протопали назад, до самых эстонских болот, где тихо сгнили, всеми преданные и забытые. Раньше надо было думать, господа гвардейцы, не радоваться гнилому февралю и не предавать равнодушно своего Государя на распятие, а теперь — что уж!

Ах, почтовая станция, почтовая станция, всякий раз отправляющая своих постояль-

цев по маршруту бесславия! Будет ведь еще столбец в твоём свитке, через двадцать четыре года будет, и он словно в насмешку почти повторит тот, с семеновцами. Именно здесь, на станции, в 1942 году разместится штаб лагеря военнопленных, через который пройдут все высшие командиры несчастной Второй ударной армии, все, от майора и выше, и всем им будет тут предложено служить Великой Германии и вместе сокрушать иго жидобольшевизма. Немало их, этих офицеров, стали потом ядром и основой власовской РОА, и всех их впереди ждала бесславная смерть.

Одно у меня, старого, осталось желание, — большой, огромный крест поставить у стен этой станции, крест вечной памяти всем, правым и левым, белым и красным, так по-разному видевшим славу России и так одинаково сложившим за нее свои головы. Ей, Господи, да будет.

Однако, далеко вперед занесло меня, и неправомочно занесло, тогда ведь я почти ничего из вышесказанного не знал, да и хорошо, пожалуй, что не знал — не помогли бы мне в работе эти недобрые знания, а разве, пожалуй, помешали бы с чистым сердцем делать свое дело и не задавать лишних вопросов. Тогда путеводствовался я единственно звонким именем Пушкина, им размахивая перед носом удивленных чиновников и его произнося как заклинание в уши чиновниц, и это все, что у меня было, но оно — работало. Каким-то образом находились деньги, шло финансирование и никому из начальства, по сути, не нужный «объект» поднимался, обрастал плотью и уже самостоятельно открывал рот и пищал, прося себя покормить.

Едва ли не главной своей задачей считал я тогда установление доверительных отношений с возрождаемой станцией, уже понимая, что это определит успех реставрации, да мало того, — и всю дальнейшую судьбу станции определит. Отношения, к счастью, сложились, я как мог поддерживал их, стараясь почаще бывать со станцией наедине — вечерами, в нерабочие дни, сидя на бревнах пятого венца южного конюшенного корпуса, вслух делясь текущими проблемами — и втайне ожидая «контакта».

И он составлялся, предвелясь легким покашливанием за спиной, и мягкий голос с чуть заметной хрипотцой начинал:

— Эта станция очень скоро преподнесет вам сюрпризы. Ведь Пушкин здесь никогда не бывал, да и не мог бывать, станция строилась уже после его смерти.

— Как? Но в документах четко прописано, что ее перевели из Рождествена в 1800 году!

— Именно так и было. Только станции этой не существовало. Несколько приспособленных изб, рядом кузница, сзади амбар. Все так неопрятно, знаете. Но именно там Пушкин останавливался, лошадей менял и пил чай со смотрителем. Импульсивный был человек, африканская кровь не пустяк, то лорда надменного изображал, а то в пляс с цыганами; за графиней волочился, но молодую дворовую девку не пропустит ... гений, одним словом.

— И где же все это было, раз не здесь?

— Вот, удивитесь, пожалуй. Ровно за вашим новым домом. Там странная терраска у старой дороги, приглядитесь, да и покопайтесь, рекомендую. Через дорогу кузница, справа насыпь и сваи старого моста. А через речку вашего прапрадеда постоянный двор. Такой вот ансамбль...

Ошеломленный, я не сразу понял, что разговор закончен. Да и какой мог быть теперь разговор — теперь нужно было определять себя и свое детище в новом качестве, уже не в сиянии пушкинского имени, а в скромной рамочке, скажем — памятника дорожного быта России, и только. Уже то хорошо, что станция подросла и дышит вполне самостоятельно.

Это было осенью, пожалуй, в октябре, а в январе ворвался в бригадную бытовку вместе с клубами морозного воздуха архитектор проекта и с порога начал:

— Слушай, старик, сядь, а то упадешь. Нашлись чертежи в архиве, не этой станции, но совершенно однотипной, Пулковско-Подгорная. Ну да, типовый проект, архитектор Висконти, 1836 год. А вот документы уже по нашей красавице. Начало строительства — июнь 1839 года, срок сдачи 1840-й, но обнаружены недоделки, окончательная приемка — март 1841-го. Вот так. А ты говоришь — Пушкин...

Я вежливо изобразил изумление и предложил обсудить ситуацию. Бегать никуда не понадобилось, поскольку предусмотрительный Марк все учел, а стаканы, конечно, нашлись. Постановили — шума не поднимать, умный не скажет, дурак не поймет, а оттого, что в России появится единственная в полноте восстановленная почтовая станция первой половины 19 столетия — от этого никому худо не станет. Повисал в воздухе, правда, главный герой, станционный смотритель Самсон Вырин, но тут Марк беспомощно разводил руками. А вот, мол, так. То есть — никак.

Пожалуй, через неделю после того достопамятного сидения и в самый неподходящий момент услышал я за спиной характерное покашливание. Пришлось воткнуть топор, заткнуть за пояс рукавицы и отойти к костеру.

— А вы напрасно беспокоились, к этим вашим документам Симеон Вырин никакого отношения не имеет. Это разные территории — станция с этим ее двором и бумажный лист, из которого вышел смотритель Вырин. Тут пространство литературное, у него свои законы, в нем Симеон самостоятелен и от Александра Сергеевича вполне независим. Скажем, настолько:

За грюневальдским лесом курил трубку у своего окна похожий на Симеона Вырина смотритель, и так же стояли горшки с бальзаминами... — последнее было моим собеседником произнесено с несколько иной интонацией.

Так что первый в России музей литературного героя, что-то вроде музея Холмса на Бейкер-стрит 19, не так уж плохо...

Что за бред, подумалось, какой грюневальдский лес, это ведь, кажется, в Берлине, хотя бальзамины пушкинские... ну почему — Симеон? — и уже как-будто издали:

— Так в черновиках у Пушкина...

Что ж, логично. Станция и его отправил в бесславие и бессмертие. Преданный любимой дочерью, вытолканный взашей зятем, изгнанный со службы и тихо замерзший у дверей кабака, в ожидании его открытия, с пятаком, зажатом в ледяном кулаке ... пятак, впрочем, нуждается в объяснении. Я ведь тогда увлечен чрез-

вычайно был этой своей первой большой работой, бегал по местным бабушкам, все выпытывал и ворошил старые альбомы. Одна из бабушек, царствие ей небесное, Пелагея Дубинина, и напела мне старую балладу, как смогла. Там все было вроде как у Пушкина, да только финал другой, вместо покаянного плача «доброй барыни» на могиле отца был «ненавистный» осенний день с мокрым снегом, и жалкий старик с протянутой рукой у дороги, и летящая карета, из окна которой белая рука бросает старику под ноги, в грязь, монету. Тот вскидывает глаза и на миг видит за стеклом профиль своей дочери, карета улетает, старик рыдает, вот и Пелагеюшка вытирает глаза кончиком платка, и у меня засвербело в носу, а за окном все тот же мокрый снег, и конца ему не видать.

Немного отпущено было тогда новой почтовой станции быть собою, погубила ее та же железная дорога, которая разорила прапрадеда — все переместилось туда, на «железку», станции закрывались одна за другой, становясь чем угодно — жилищем пивовара, волостной конторой, или, как наша, земской народной школой. В семидесятые годы в южном корпусе жили, а в северном преподавали две сестры, две молодые женщины, совершенные шестидесятницы, ушедшие «в народ» — служить народу и тем оправдаться перед ним, хотя народ вовсе не спрашивал с них никакого оправдания, и в их оправдании не нуждался. Сестры учили два десятка местной белоголовой детворы обоего пола, русских и чухонцев, и были, судя по всему, вполне довольны своей судьбой. Во всяком случае, когда вышла в свет поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», из которой явствовало, что никому на Руси жить не хорошо, одна из сестер, Анна, не выдержала и написала автору письмо, где утверждала, что есть на Руси люди, которым все-таки жить хорошо, и приводила в пример себя.

Николай Александрович замешкался, но потом все-же ответил Анне, что, дескать, о таких счастливых он хотел писать во второй части своей поэмы, да видно, не судьба. Некрасов, действительно вскорости умер, а сестры еще долго несли свое, как

они сознавали, счастливое служение, пока Господь их не прибрал к себе — да там, у Него, тоже деток немало.

— Литературные герои, знаете, явление удивительное, иной раз не знаешь, с кем имеешь дело, пока не последует объяснение. Но еще путаннее, если человек жил, да помер и стал литературным героем. Все, о нем пишущие, конечно, видят его различно, и оттенки мнений накладываются на его образ, переливаясь и мерцая, не духовное существо, а, простите, елочное украшение. Они сами от того страдают, но что теперь могут?

Но особенно посмертие вождей, при жизни боготворимых, а потом пинаемых ногами черни, незавидно. Там, действительно, мрак. Плата за выданные при жизни авансы, так сказать.

— Но вы-то, простите меня, не умерли, как вы можете это все знать?

— По существу. Имеется в виду — вопрос. Да, я по своему состоянию не могу с ними общаться. Но вижу как вас, даже лучше, пожалуй, потому что в них все высвечивается...понимаете меня? Они тоже могут меня видеть, если захотят. Очень заняты собой, им не до чего, сосредоточены, что-то силятся разрешить, от чего, по-видимому, зависит их дальнейшее. Некоторые потом исчезают, становятся невидимы. Но там уже не мой уровень.

— Ну, ладно, это люди, хотя бывшие. Но литературные герои? Ведь это выдумки, фантомы, пар мысленный, как они могут существовать... в том затомисе?

— Читали Даниила Андреева. Не приветствую, большинство его откровений смело можете отправить в мусорную корзину. Большое воображение, знаете, и тяжелая наследственность. А по поводу литературных героев — в другой раз. Пока подумайте вот над чем — насколько реален Калигула? Или Оссиан? Или Кретьен де Труа? Прощайте...

Вопросы вместо ответов. Хотя смысл их стал мне понятен — после обращения к справочной литературе. Из трех названных имен два существовали в реальности, а один — выдумка Дж. Макферсона. Но и об этих двух мы что-то знаем исключительно

но через литературу, чем же они тогда отличны от третьего, скажем — де-юре? Ну, факт реальности Калигулы может быть подтвержден, скажем, монетой с его профилем, а с Кретьеном сложнее — миннезингеры не записывали, как правило, свои баллады. Так что два последних имени равновесны, хотя носитель одного — человек, другого — фантом, — вот и ответ вам, сударь.

Наступила зима, и она, та далекая теперь зима, выдалась снежной и метельной. Морозы стояли умеренные, снегопады превращали лес и прибрежные заросли черемухи в белые кружевные чертоги, но очередная метель сокрушала это великолепие, и голые черные ветви металась на ветру неприкаянно, все к чему-то зывая, как хор в античной трагедии. На завтра было тихо, шел снег, черемухи дремали, закутавшись в легкие шали. Я объезжал лошадь.

То есть не совсем объезжал, объезжала она была еще с осени, теперь я ставил ее на санный путь, приучая ходить по своему следу, не сбиваясь, и с ходу пробивать снежные наметы. Что удавалось не всегда, приходилось помогать Вербе не только словом, но и снежной лопатой. Верба была молодая каурая кобылка из тех двух последних жеребят, что народились в совхозной конюшне в соседней деревне. Меньше чем через год ту конюшню разорили, оставшихся лошадей раскупили откуда-то набравшиеся цыгане и татары, причем последние тут же своих лошадей зарезали, погрузили в фургоны и увезли неведомо куда. А Вербу, тогда еще жеребенка без имени, подарили мне родственники на какой-то юбилей. Теперь это юное полуторалетнее существо, уже избалованное общим восторженно-пугливым к ней вниманием, предстояло постепенно превратить в рабочую скотинку, сломав ее самовольство, а потом, даст Бог, сделать членом семьи. Все, как у людей, — до семи лет ребенок — общий любимец, идол, от семи до четырнадцати — раб, с четырнадцати до двадцати одного — ученик, а далее — товарищ.

Объездить лошадь, ее психику совсем не травмируя, невозможно, и хотя кобылка

легче переносит насилие над собой, она по-женски может затаить обиду и потом отомстить, чего, пожалуй, нужно опасаться больше, чем гонора жеребца или тупого упрямства мерина. Тут, как и в общении с женщиной, важна определенная, деликатная последовательность. Сначала лошадь привыкает к тебе, потом к недоуздку, потом к привязи, потом к седелке с супонью, потом к хомуту... так и зима первая проходит, а летом, на вольном выпасе, нужно так стреножить, чтобы не страдали ноги, да вовремя чистить копыта, да привязать на выпасе так, чтоб не сорвалась — много бед соседским огородам может принести это сорвавшееся и ошалевшее от избытка сил и свободы молодое существо.

Еще — сено на зимний прокорм, много сена, хорошего, зеленого и в самую меру высушенного. А как угадать погоду в наших краях? — не успел съесть тарелку борща, как уже бегут домашние — дождь полил, да откуда и взялся, а ты все бросай и беги разметывать копейки под вновь вспыхнувшим солнышком.

Ну вот, пожалуй, все готово. Пора.

Верба обычная крестьянская лошадка, и объезжать ее нужно под то, и, желательно, тем, что она будет работать. Летом, однако, для этого нужна не телега, а сани, да еще и самому в сани сесть. Чем скорее выматается лошадь, носясь с этими санями по зеленому лугу, тем скорее она начнет слушаться вождей, и тем лучше для нее и для меня. Обессиленную, всю в пене, с подрагивающими мышцами, ее нужно отвести в конюшню, щедро задать овса и пожалеть, пожалеть лошадку, говоря ей всякие утешительные слова про то, что такова уж лошадиная доля и что на этой земле всяк тянет свою ношу, ни для кого исключения нет.

Да и не одни ведь ноши на этой земле, есть и радости. Каково, например, поскакать летом по полю, по-кольцовски сшибая головки цветов и вопя от восторга, а то вот — купание в реке, в жаркий денек, когда торпедой летишь в воде, держась за лошадиную гриву, пока она, задрав голову и кося на тебя лиловым глазом, мощно загребаёт ногами, переплывая широкий омут. Но ни с чем не сравнима зимняя снежная

дорога! Сияет, искрится, рубинами и яхонтами полыхает снег, огромная луна повисла над лесом, звякает колокольчик в такт лошадиной рыси и ударам моего сердца, и так бывает хорошо, что нужно петь, чтобы не заплакать, и тогда вся полнота жизни обнимает меня, и лошадь, и всю снежную дорогу, и весь Божий мир. Как я люблю тебя!

— Знаете ли, сударь, что за дом стоял вот на этом месте... нет, слева, — вдруг слышал я знакомый голос, — здесь жил, представьте, Федор Рылеев с семейством. Да, рядом со старой почтовой станцией, которую он сам тут устраивал. Это входило в его обязанности, он служил тогда управляющим деревнями у Петра Малютина, своего незаконнорожденного сына. Ситуация: все все знают и помалкивают, генерал-лейтенант Малютин в благодеяниях, подполковник Рылеев и Анастасия в облагодетельствованных и вовек обязанных. Сбежишь тут в Киев...

Мои немые вопросы повисли в воздухе, продолжения не было. Кажется, я должен уже привыкнуть к довольно бесцеремонной манере своего незримого собеседника вести разговор и, особенно, его заканчивать, но, признаюсь, всякий раз меня это несколько коробило. Пройдет немало времени, прежде чем я пойму, что это вовсе не способ держать дистанцию, но мгновенный импульс, барская прихоть, — что угодно, и с этим придется мириться. Нужно уметь ждать, об этом меня предупреждали. Действительно, через пару дней последовало продолжение:

— Вас, наверное, интересует, как Рылеевское семейство оказалось в Батово? Ну да, «Петродар» и так далее. Но вообще этот жест Малютина современники считали оскорбительным для Рылеева. Только ленивый тогда не болтал о подозрительно близких отношениях Малютина и жены Рылеева, Анастасии. Она, кстати, из рода Эсенов, при шведах владевших Руновской мызой. Как тут все тесно...

Потом, добрый час спустя:

— Вскоре после смерти Малютина, его вдовушка, прогрессистка и эмансипе, соблазняла уже Кондратия Рылеева, и безуспешно. Вся эта история до финальной

петли на Кронверкской куртине, была бы достойна Шекспира, если б не этот ворох грязного белья. А я брезглив, признаюсь...

Последнее прозвучало как-бы укором, да это и был укор, без всяких как-бы. В тот год страна шумно отмечала круглую годовщину декабристского мятежа, в Батово устанавливали памятную стелу, ровно против фасада сгоревшего еще в 1922 году усадебного дома. Общий проект был мой, текст, как и положено, райкомовский, и он гласил, что здесь, де, родился, вырос и потом неоднократно бывал выдающийся поэт-декабрист К.Ф.Рылеев. Про то, что родиться в Батово Кондратий никак не мог, я знал и до того, но так утверждала Большая Советская Энциклопедия, и поди с ней поспорь! Зато свою работу, то есть саму стелу, я выверил до сантиметра, с учетом ее перспективы от подъездной липовой аллеи. Сознаюсь — я тогда ничего не знал о последующих владельцах Батова, в чем семейном лексиконе эта аллея значилась не иначе как «аллея висельника»!

Как все мои сверстники, я был воспитан на трех идейных абсолютах: Ленин, Победа, Декабристы. Идол наших отцов, Сталин, был дезавуирован, когда нам было пятнадцать — он отступил от заветов Ленина и потому стал тираном и создателем культа себя. Годы спустя пришел черед «дедушки Ильича», оказавшимся на редкость малосимпатичным субъектом. Потом как-то поблекла Победа, искупленная народом кровью и жизнью тридцати своих лучших миллионов, но присвоенная режимом — себе... остались доблестные рыцари без страха и упрека, и это был последний редут, сдав который, надлежало застрелиться. Поэтому последовавшее глухое брюзжание моего бестелесного, ставшего вдруг словоохотливым, собеседника, — весьма, должно признать, меня раздражало, но одновременно... освобождало, что ли, от навязшей в зубах патоки.

— Испорченные мальчишки, лавры Буонапарте им спать не дают, да сомнительные лавры отцов, весь предыдущий век по своему усмотрению сменявших на троне одних грудастых императриц на других, еще более этим гвардейским жеребчикам привле-кательных. Особей мужеского

пола они просто давили шнурами, эдак по-семейному, знаете. Вот, их сыновья и племянники сбиваются в шайки, а там свои законы, такой самозавод — кто смелее скажет, кто дерзновеннее! Друг друга распевают, и что вчера произнесено, сегодня уже не идет, нужно кровожаднее, чтоб дух захватывало. Род коллективного психоза, если угодно. Терпеть не могу этих наших робеспьеров, там каждый сам по себе мелок и жалок. Напакостили, подставили под картечь ни в чем не повинных солдат — обратите внимание, сударь, на наших сукиных сынах ни одной царапины, — выяснили на деле, что ни на что не способны, кроме болтовни, так хоть ответьте за все достойно и по-мужски. Я, знаете, Николаю в этой истории способен сострадать — выслушивать эти общие всхлипывания, визги Каховского, мазохистские самонаговоры Рылеева, рассудительное словоблудие Трубецкого, паранойю Якубовича или доморощенный байронизм Лунина — крепкие надо нервы иметь. Пожалуй, один Пущин вел себя достойно, да и тот в конце концов назвал всех. Николаю именно Пущин казался главным злодеем, но петли не удостоился, нужно было казнить именно пятерых, как пугачевцев при бабке. Николай и тут подстраховался.

— Ну, а Пушкин?

— А что, собственно, Пушкин? — он сам по себе, они все недаром ему не доверяли, тот же Пущин не доверял. Он не их стай, не их завода, он царь, живет один. Ну да, фразами звонкими побряцать, что-нибудь из Анри Шенье, знаете, или нервы пощекотать эпиграммой, это Александр Сергеевич горазд, но участвовать в заговорах в видах царевубийства — помилуйте. На Сенатскую площадь он бы, пожалуй, вышел, постоять рядом с Пушиным, но не более. Пушкин умный был человек, ни себе, ни России худого не желал. «Пока свободой горим...» — это за бутылкой «вина кометы», знаете, а коли всерьез, так «Клеветникам России». Вообще, народоправство — это для барковых, не для пушкиных.

Собеседник умолк, а я, боковым зрением что-то уловив, скосил глаза и увидел контур человеческой фигуры с неявной внешней границей, контур, заполненный

подобием серого тумана, при этом вполне просвечивающего сквозь себя дорожку, зеленую траву и корни деревьев — мы шли по парку.

— Это мое настоящее теперь обличье, — голос отчетливо исходил теперь из туманной фигуры, из той ее части, где должна быть голова, пока зрительно неразличимая, — сейчас, это требует определенного времени, и усилия. То есть усилия требует как-раз невидимость, но и назад, сами понимаете...

Контур действительно прояснялся, постепенно стала видна и голова — огромный покатый лоб, тяжелый подбородок, мощный с горбинкой нос, лицо римского сенатора, если угодно. Только угадывались светлые глаза и подобие русых, а может, седоватых, волос.

— Это Батово — родина моего отца, да и сам я наполовину тут вырос. Это пока, впрочем, неважно. Тут я почти дома, поэтому позволяю себе, что называется, расслабиться. Бедный висельник порою здесь появляется, белые ночи предпочитая, но мы условились друг друга не замечать, ни ему это не полезно, ни мне. Я ведь не то, что дух, гейст, спиритус, я... эманация более высокого порядка, по своим возможностям. Вы должны были уже догадаться, кто я. Не хочу примерять на себя роль учителя литературы в вечерней школе рабочей молодежи, простите.

Последнее сказано было с некоторым раздражением в голосе, и понять это раздражение, увы, было не трудно. Пришлось некоторое время поискать, по крупницам собирая сведения о послерылеевской истории Батова. Она оказалась такова. После казни несчастного поэта вдова Наталья Михайловна долго не могла продать усадьбу, дом повешенного нес впереди себя свою мрачную славу. Дело осложнялось еще тем, что казненный оставил после себя немалые долги, что-то больше 30 тысяч, и продать усадьбу нужно было дорого, чтобы сверх долгов что-то осталось дочери Настасье. Наконец, в 1837 году усадьбу купил коллежский асессор В.С. Тимофеев за 52 с половиной тысячи, а у того через несколько лет — статский советник Зверев, а у наследников того в 1848 году — кол-

лежская советница Евдокия Галченкова.

Дух беды, несчастья, выветривался постепенно из дома, Батово все более становилось рядовой оредежской усадьбой, и в таком качестве приобретено было в 1854 году женой Фединанда Мориц-Виктора барона фон Корфа, — Ниной Александровной, урожденной Шишковой! Дальнейшая судьба усадьбы была этой покупкой определена.

Красавица Нина была, как уже говорилось, дамой эксцентричной, совмещающей в себе похотливую кошечку с матроной-пуританкой, вкупе с присущей пуританам деловой хваткой. Такова была, увы, общая тенденция в славном ее веке, если вспомним, и очаровательная Наташа Ростова превратилась со временем в жадную и набожную барыньку, что ж за спрос с реальных барышень! Сидели они до Петра в своих светелках и повалушах, никого не трогая и занимаясь делом, так вытащил их Петр на позорище ассамблей, где им было объяснено, что отныне их назначение — распалять и разжигать страсти в мужчинах. А тем, соответственно, надлежало распаляться и совершать глупости, с восторгом обсуждаемые в свете, опять-таки, дамском.

— Именно. Пока этот, средней руки публицист изображал Сонечек Мармеладовых, большие художники видели совершающееся — мадам Карениных, способных отравить жизнь любому мужчине, и «Кокоток в пролетке», уже с откровенным презрением на нас смотрящих: что, мол, господа, женской эмансипации захотели? Получите и не вздрагивайте, то ли еще будет! И это еще — стало, вы не заметили, сударь, что во всех террористических шайках, включая ленинскую, женщины играют главную роль? Нет, не главную, а именно главную, они идеологи экстремизма, от которого даже упыря Ильича подбрасывало. Все это на фоне все более истончающихся мужчин, заметьте. Я, знаете, готов де-факто принять то грандиозное кровопускание, которое предприняли большевики, как акт определенно медицински-необходимый, да только они сами в ускоренном порядке прошли весь тот путь, прошли за пятьдесят лет вместо хотя бы

тех трехсот. Селекция «человека новой формации» явно удалась. Это и к вам, сударь, относится. То, что вас не упрятали за решетку в свое время, показывает, что власть сочла вас — своим, несмотря на, — последовало хмыканье, — несмотря на вашу частичную непрозрачность, что есть род гносеологической гнусности в глазах любой власти, но особенно — этой.

Собеседник замолк и исчез.

Да уж. Я сам немало думал, почему судьба моя не закончилась где-нибудь в убогом бараке, на сто первом километре, после семи лет отсидки...

Леонида Ильича Брежнева спросили однажды, есть ли в его стране диссиденты. Нет, ответил Генеральный секретарь, диссидентов у нас нет. У нас есть до-сиденты, сиденты и от-сиденты. То, что я не прошел последовательно эту цепочку, объяснялось, пожалуй, тем, что именно такие «олухи идеи» позволяли власти выглядеть сколько-то прилично в глазах «мирового сообщества» — вот, мол, памятники восстанавливаем, вот, музеи открываем, болтунов терпим, не сажаем... Я сам себя презирал порою за ту двойственность, — наши ночные кухонные посиделки заканчивались, как правило, так: «Опять и опять, господа сенат, я обращаюсь к вам: Карфаген должен быть разрушен!», а утром я шел в этот Карфаген на работу, где был тупейным художником — делал красному зверю человеческое лицо.

При этом сознавая, что стать диссидентом — значит стать по преимуществу разрушителем, то есть, попасть в одну обойму с гладкими мальчиками из Комитета Глубинного Бурения. Лейтенант-комитетчик и диссидент-антисоветчик есть аверс и реверс одной монеты — первый напрямую зависит в плане карьеры от активности второго, а второй столь же зависит от служебного рвения первого в плане своей весомости для «мирового общественного мнения» и, опять-таки, успешности дальнейшей карьеры за границей. Играть в эти игры мне вовсе не хотелось, да и то сказать — это был правильный выбор. Красный зверь в конце концов издох, а человеческое лицо досталось России. Ну, а мне довелось нащупать под рукой спасительное бревно,

при ближайшем рассмотрении оказавшееся шпангоутом большого, очень большого корабля.

Но, опять-таки, Батово. Дочь Нины, Мария Фердинандовна баронесса фон Корф откровенно гордилась тем, что ее далекий предок был участником первого крестового похода и в его честь в Средиземноморье назван остров Корфу. В остальном она была улучшенной копией матери, не забыв взять от отца, кроме титула, довольно прозорливый ум. В свои пятнадцать лет она была объявлена в Европе одной из красивейших девиц-аристократок, они жили тогда в Париже, и Мария сообразила, что веселой «столице мира» быстро наскучивает красота, не освежаемая время от времени эпатажными выходками. Образовался кружок юных бестий, Мария была там заводилой, и она планировала их очередную «шалость», заканчивающуюся всякий раз шумным скандалом. Чего, например, стоила их выходка в Гранд-опера, когда пятеро «шалуньи» явились в свою ложу совершенно голыми и откровенно наслаждались произведенным эффектом.

— Знаешь, это было чудесно! Сидеть в ложе и наблюдать, как все бинокли отворачиваются от сцены и устремляются на нас! — скажет она много лет спустя своему внуку. Забавно, но Нина Александровна, ее мать, возмущавшаяся, как мы помним, глубоким декольте на платье дочери, во все не реагировала на такие ее, дочери, шалости. Впрочем, нет, реакция была, она быстренько выдала дочку замуж — за своего любовника. Конечно, последнее слово оставалось все же за Марией, но мы не зря говорили о прозорливости девушки, она сумела увидеть в сухом и скучном педанте с заурадной внешностью блестящие карьерные способности, что для Марии означало лишь гарантию ее безбедного существования, не более того. Но теперь для нее времени «пошалить» просто не существовало, потому что она была перманентно, если позволено так сказать, беременна. За шесть первых лет замужества она родила четверых детей, всего же их было девять, но по поводу отцовства последних пяти существуют самые фантастические предположения, список имен включает и

Государя Александра II, с которым Мария была очень дружна, и ее, Марии, камердинера... впрочем, это все не более чем предположения. Нас это может интересовать лишь потому, что любимым сыном Марии являлся Владимир, а он был шестым ребенком в семье.

В эмиграции, в Берлине, она именно у Владимира и жила, в его скромной квартирке, до того, как в 1922 году тот был застрелен на митинге в зале Берлинской филармонии, после чего судьба забросила ее в Дрезден, а потом на румынскую королевскую виллу на берегу Черного моря, где в 1926 году и закончился бурный век этой воистину замечательной женщины.

Батовский дом при новой власти стал клубом с неперменным ленинским уголком, таковая роль ему не пришлась, и он подверг себя аутодафе, полыхнув внезапным ночным пожаром — ровно через полгода после убийства Владимира Дмитриевича, своего потенциального нового владельца (как видно, не скоро тогда добирались известия из Берлина до Батова). Что ж, это был его, дома, выбор, и его нужно уважать.

По роду своих занятий мне много раз приходилось наблюдать, как не схожи характеры старых домов и сколь по-разному они ведут себя в одинаковых ситуациях. Попадались среди них угрюмые меланхолики, равнодушно принимающие все, что им посылает судьба, с такими мало интереса работать — их хоть украшай, хоть уродуй, они одинаково бесстрастны. Это, как правило, дома, пережившие глубокую психологическую травму, скажем, дом профессора Академии художеств, в котором Репин, Серов, Врубель, Рерих бывали запросто и немало лет, он потом, по манию властей, становится семейным общежитием, в него набивается дюжина неопрятных баб с орущими сопливыми ребятишками и регулярно пьяными мужьями, и вот следствие — шок, переходящий в хроническую депрессию.

А вот еще типаж, восторженный оптимист, чаще всего женского рода, что понятно и извинительно. Тут радостный встречный трепет — ах, возьми меня, реставратор, да убери поскорее этот рабо-

чий фартук, эти ужасные сапоги, эту безвкусную косынку, у меня такие роскошные кудри волют прописаны по тимпану, такие ясные, венецианского стекла, очи, такие кружева на балконах! Тут реставратору и делать ничего почти не нужно, все как-бы само собой совершается, и с большим нетерпением.

Бывают старые ворчуны, вечно чем-то недовольные, — вчера балку новую положили, ночью балка упала, хотя упасть никак не могла, старику не понравилось, видите ли, что не сплавная заонежская сосна положена, а рядовая карельская елка. И что вы думаете — приходится заменять!

Но хуже всего с теми, кто после смерти хозяев сам решил умереть, тут уж сделать, как правило, ничего не удастся — его в реанимацию, а он капельницу из вен выдирает, бинты рвет и молча кричит беззубыми ртами оконных проемов: Да пошли вы все! Дайте умереть по-людски! Иные нетерпеливые идут на крайность, на самосожжение, но это бывает и с отчаяния — полыхнул ночной пожар, и нет ничего. Другие умирают долго, как-бы мучительно, да только заметно, если всмотреться, что никакая ему не мука умирать, а, напротив, мазохистское наслаждение. Те, что по-настоящему не хотят умирать, они стараются себя всячески продлить, все на что-то надеясь, они в глаза заглядывают... за версту таких обходить приходится, соизнавая полную свою невозможность помочь бедолаге.

Вот и он, угрюмый ламповский старовер, все стоит перед глазами, сколько не оправдывая себя, — не захотел жить гордый старик, не захотел иметь дело с никонианами, табачищем воняющими и щепотью крестьянскими, умер вольно, с поднятой головой, за одну зиму, весной только кучка досок да груда камней метили то место, где стоял. А был красив и крепок, казалось — сноса не будет. Не захотел.

— Все, что вы говорите, излишне красиво, а потому неправда. Что в пустом доме искать живого, кроме мышей? Не понимаю я и вашу специальность, простите. Вы реставрацией стали заниматься потому, что никакой возможности делать хорошую архитектуру не имели, или, опять простите,

не умели. Вот и занялись реставрацией старья, вместо того, чтобы строить лучшее новое. Все потому, что вы все не можете сознать себя законными наследниками, вольными старое снести и построить новое, у вас трепет благоговейный перед тем, до чего дотянуться не смогли.

Ничего ведь нет тоскливее вашего классицизма с его солдатским строем колонн, или убогого петровского барокко. Вы дерзать не смеее, вечные подмастерья, а если и сподобитесь дерзнуть, рождаете уродов. За последние пять десятков лет я в России видел два или три новых сооружения, на которые не стыдно посмотреть. На таком фоне, конечно, даже бездарный Руска будет архитектурным откровением, вот вы и заняты — заполняете вчерашними раками нынешнее безрыбье. Еще раз простите.

После такой отповеди проще всего было бы счесть себя оскорбленным и долго тешить уязвленное самолюбие, да только не разглядеть в ней горькой правды значило признать свою несостоятельность уже и умственную. Ведь знал про себя, что не гений, и в реставрацию пошел именно затем, чтобы питаться вдохновением прошлых мастеров, предлагая им себя в сотворцы, в чем и сейчас не вижу плохого. Разбрасывать камни и озорно и эффектно, плохо лишь, если некому будет их собирать. Красивости, да, грешен, не без того, но в самом-то реставрационном деле красоты мало, зато грязи много и пыли, да и ругани тоже. И честолюбия там мало, потому как высшей оценкой реставратору будет скорое и полное забвение его имени: как, мол, стоял тут от века ампиный особнячок, так и стоит... о чем это вы?

Да мы, собственно, о Марии Фердинандовне.

Теперь, по прошествии лет, я научен осторожно, даже бережно относиться к такому явлению природы, каковой была Мария. Ее знаменитый внук отзывался о ней в автобиографии, как о фарфоровой куколке из исторического музея, да много ли в том правды? По моему разумению, Мария была то, что мы называем — женщина, даже, пожалуй, Женщина, и все значение свое, от Бога ей данное — любить,

рожать детей и быть любимой этими детьми она выполнила вполне. А если мы прибавим сюда ее приемы, о которых потом неделю говорил Петербург, ее привычку спать зимой с распахнутыми на ореежскую ширь окнами, ее азартное участие в охоте на волков в Батовском парке, то от образа фарфоровой куколочки вообще ничего не остается. Ее капризы — ну, судари мои, вы слишком многого хотите от красивой женщины, довольно того, что ее капризы никому жизни не отравили, что же до остального... «Она была незлобивая грешница и была убеждена, что милосердный Бог простит ей вольные и невольные грехи». Эти слова А.О. Смирновой сказаны совсем о другом человеке, но вполне могут быть отнесены к Марии Фердинандовне, урожденной баронессе фон Корф.

Ее муж, Дмитрий Николаевич, внешне был тип Алексея Каренина — чиновник до мозга костей, педант и сухарь, безусловной честности и не лишенный благородства, кто бы мог предполагать в нем еще и пламенного любовника? — а ведь Дмитрий Николаевич им был — для Нины, не для Марии: «Ноги у него были холодные, как у лягушки, — зябко поводя плечами, рассказывала она внуку, — мне это скоро наскучило».

Министром юстиции Дмитрий Николаевич стал после оглушительного скандала, вызванного оправданием судом присяжных Веры Засулич, 30-летней террористки из «Земли и воли», покушавшейся на петербургского градоначальника Ф.Трепова. После чего тогдашний министр юстиции граф Пален подал в отставку, а назначен был на тот момент всех устраивавший наш пылкий любовник с холодными ногами. Министерское кресло оказалось ему, тем не менее, весьма впору, и он добросовестно нес свое служение, стойко отбивая атаки как слева, так и справа, до своей отставки в 1885 году. Нам не в чем упрекнуть Дмитрия Николаевича, он был честной рабочей лошадью, тащившей телегу российской государственности через пни и колоды отечественного бездорожья.

— Именно чего следует избегать, так это обобщений. Русскому человеку если что откроется, он поднимает перст и начина-

ет вещать, как об истине конечной. Национальная болезнь, знаете, и она уже на вашей памяти превращала людей в воодушевленных скотов. Скажите просто — Дмитрий Николаевич, мой дед, был чиновник по призванию, ничего другого он не знал, не умел и не желал уметь. Он нащупал свою жизненную нишу, его счастье, что ниша оказалась ровно по нему. В остальном, я думаю, он был скучный человек с гипертрофией «чувства долга» — кто бы мне объяснил, что это такое... нет, нет, не вы, сударь, увольте.

Теперь о литературных персонажах, или героях, если угодно. Они действительно существуют в этом мире теней, большинство только тенью и являются — бледные анимичные существа со страдальческим выражением того, что можно назвать лицом ... неприятное зрелище. Зато иные живее живых, типа несчастного венецианского мавра или Павлуши Чичикова. Тот все куда-то торопливо разъезжает, а мавр ищет свою Дездемону, чтобы извиниться. Очень активны, знаете.

— Андрей Болконский...

— Причем тут Андрей? Он у Толстого умер, а значит ушел в небытие. Может, он был чьим-то персонажем раньше, а потом напросился к Льву Николаевичу, чтобы именно умереть и свое постыдное существование прекратить.

— Понимаю. Поэтому Отелло не может найти Дездемону?

— Вот именно. С этими героями бывают большие проблемы. Иные отстают от своих создателей сразу, как Онегин, или, там, Ноздрев, но бедокурить они продолжают, и все повисает на авторе — ты их породил, ты и отвечай! Другие, еще хуже, виснут на шее, от них не отвязаться, особенно девицы, да и дамы.

— А что же ваши ... персонажи?

— Но я в ином качестве тут пребываю, не забывайте. Потом — давно толкнуло меня — нельзя их оставлять неприкаянными, нельзя бросать, надо определить или в смерть, или хоть в тихую жизнь с верной подругой, чтобы уж никого не тревожили и никому не мешали.

— Имеется в виду Мастер...

— И он тоже. Самое лучшее окончание

романа, это, знаете, — они жили долго и счастливо и умерли в один день. Все. Автор умыл руки, с него никакого спроса. А те, брошенные, бывают мстительны, тут автору не позавидуешь. Автору криминальных романов, скажем...

Я как бы пришел в себя, — стоящий на узком мостике, на месте плотины бывшей тут водяной мельницы. Тяжелая осенняя, темная вода неслась, поблескивая, всего в метре внизу. Уже вечерело, тропа круто поднималась вверх, в лес, и это был лес моего детства. Разлапистые сосны, кустики можжевельника, куртинки исландского мха, вереск, плотно-песчаные проплешины, густо посыпанные сосновыми шишками, — эта лесная дорожка была для нас, восьмилеток, прежде всего местом сбора самоварного топлива, а сосновая шишка в этом качестве вне конкуренции. Потом по этой дорожке ездил я на тугих мешках с зерном, — дядька работал трактористом в МТС, зерно давали в оплату, его возили молот, на мельницу. Я ее хорошо помню, эту мельницу, я смогу ее описать подробно, и тогда она, может быть, проявится в той полуреальности, о которой только что говорил мой визави, и в которой присутствую двенадцатилетний я сам, — на осклизлом сливе плотины, с ореховым удилищем в руках, жду поклевки хариуса.

Еще потом я приводил сюда девушек, заставляя их всем восхищаться, и убеждал их и себя, что именно тут Иван Шишкин писал свой маленький шедевр — «Сосны, освещенные солнцем». Девушки чаще всего были малознакомые, случайные, из числа обитателей соседнего профсоюзного дома отдыха трудящихся, и ожидать от них эстетского трепета ноздрей было глупо, да и были для меня эти экскурсии способом отвлечься от переживаний куда более серьезных.

Попил я тогда всласть отравленного меда именем любовь, попил, все выгребая противу судьбы: хочу, вот это — хочу! — не желая слушать сердце, увещающее: да не твое это, отстань, не желая слушать разум, говорящий то же, только взбесившееся самолюбие слушаая, как оно колотится об пол: хочу, хочу!! Удивительно —

поживи мы с Наташей годик, не знали бы, как разбежаться, но и сознание этого не действовало отрезвляюще, напротив, еще истощнее вопил тупой эгоизм: хочу! Как посмело это — не быть моим!

Наташа...что Наташа? Наташа девочка благоразумная, моя угрюмая страсть ее пугает, найдет она свое. Найду и я, отмаявшись и отскулив все в таких случаях положенное. А все же бывают ночи, когда она снова является мне во всей неотразимости своего семнадцатилетия, и я говорю, говорю ей безумные слова ... чтобы утром вложить разум и осознать, что ей сейчас шестьдесят три, а сколь горьки бывают такие встречи, увы, хорошо известно: «Создатель, то была Наина!»

— И все давным-давно просрочено, и я молюсь, и ты молишь, чтоб на утоптанной обочине мы в тусклый вечер не сошлись ...как видите, тема знакомая. Около пятидесяти... у кого как... накатывает еще одна, последняя волна, только тогда надо любить совсем не то, что в двадцать ...никогда не возвращайтесь туда, где был счастлив. И я как раз пример того, чего делать не следует. Сестра Елена предупреждала, что здесь все очень плохо, но чтобы настолько... Я, честно говоря, в недоумении — зачем вам понадобилось захватывать власть, если вы не в состоянии ей распорядиться? Преступно истребили лучшее, что в России было, вернули крепостное право, но без помещиков, которые худо-бедно, но были хозяева, бездарно воевали, положив вчетверо больше народа, чем побежденные, наконец, развалили все то, что с таким трудом построили ... театр абсурда, простите, а все ждут появления Годо, то есть Светлого будущего, в вашей терминологии, который все устроит. Чем усадьбы виноваты? Ладно, отобрали, так пользуйтесь сами, зачем, простите, гадить. Психология холуя, который зарезал барина, а теперь пакостит всюду в видах прежних обид, чаще всего придуманных.

— Ну, если и придуманных, то не вами ли, господа писатели?

— В точку. Должен вам рубль, или, как там у вас, тысячу. Нет ничего омерзительнее русского мужика, который скулит и кочевряжится при народе, выжимая жа-

лостливую слезу из баб. А уж если аудитория внемлющих — он соловьем залетится, и, пожалуй, всех прослезит, чтобы собрать мзду, да пропить в кабаке под рассказ, как лапошил чистеньких дураков. Много поработал отечественный литератор на этой ниве, и много преуспел в своей работе — себе же во зло. Помнится, где-то читал, что все войны, затеваемые Европой против России, спровоцированы великой русской литературой, в которой, как известно, нормальных героев нет, они русскому писателю и читателю не интересны, зато в обилии водятся неврастеники, болтуны и мятущиеся бездельники, не знающие, куда себя деть. Ну, да еще — безвинно страдающий народ. У нормального европейца все это способно вызвать желание придти и навести какой-то порядок в доме этих несчастных, которые сами ничего не могут, и потому мучаются еще больше. И то, что я сейчас вижу, пожалуй, соответствует...

— Так ли уж все скверно? И потом — не сами ли вы в своих лекциях так вдохновенно славили эту великую литературу?

— Есть, знаете, хорошая английская поговорка ...но вы не владеете английским, насколько я понял...в русском переводе это звучит примерно так же, как ваша, про Божий дар и яичницу. Я категорически не принимаю социальных тем в литературе, и говорил, и говорю только о художественной стороне нашего ремесла. А вас все советское время учили обратному, для вас Божий дар — абстракция, а яичница — реальная материальная ценность, и вы, сами того не сознавая, исходите из примата материи над сознанием даже в тех случаях, где делать этого совершенно нельзя. Простите меня за этот... «категорический императив».

Еще, по поводу — так ли скверно. Увы, так. Можно долго перечислять, чего вам недостает. Пожалуй, деловитости, предприимчивости — больше всего. Ну, да, Илюша Обломов и Андрюша Штольц... может, действительно, немцев пригласить, как то делали и Петр, и Екатерина? Опять-таки, зачем было нужно их выгонять? Я немцев весьма не жалую — в Германии, хотя и прожил там двадцать лет. Но вы посмотрите на список помещиков здесь, у

нас, в Ингерманландии, каждый второй — русский немец. В Петербурге, из образованных — каждый четвертый.

— И ваш единственный в России друг — Юрий Рауш фон Траубенберг.

— И двоюродный брат, кстати. Вижу, читали. Юра действительно был гораздо более русским, чем я. Он славно умер.

— Да. В отчаянной атаке, с шашкой, на коне, бросился на пулемет красных. Безумству храбрых... Простите за вопрос — а вы?

— Почему не пошел в Добровольческую? Что ж, отвечу. Струсил. Прощайте.

Я шел дивными полянками вдоль реки, их там пять, одна другой краше, но последнее время молодые, очень густые и очень настойчивые сосны захватывают их, все отжимая к середине пространство мелкой травки — кошачьи лапки, полевая гвоздика, калган, мелкая щучка и астрагал. Сколько лет, нет, десятилетий держали они полянки за собой, может — благодаря коровам держали? — коровам тут есть нечего, но, проходя, они не преминут ухватить сосновый проросток, выдрать его и задумчиво сжевать, шагая на дальнюю, шестую поляну с травой, где будут пастись. Теперь коров нет, последнюю в деревне сдали на мясо три года назад, и сосна одушевилась и пошла на захват территории.

На средней, самой красивой, полянке, возвращаясь после очередной неудачной рыбалки, на мягком и прогретом солнце бугре так сладко и так страшно было совершать полеты в небо — лечь навзничь, и, неотрывно глядя в синюю даль, вдруг ощутить себя маленьким зверком, висющим над бездной, и краткий обморок ужаса... как хорошо, что сэр Исаак Ньютон изобрел земное тяготение, и можно благодарно прижаться лицом к улыбающейся, теплой земле! А вот там, чуть левее — это я вычислил намного позже — есть маленький обрывчик над рекой, и вот именно на нем сидел сбежавший со станции Саша Лужин и сосредоточенно мучил жука, а потом раздавил его, со сдобным хрустом, словно в жуке узнал причину всех своих бед. Бедный жук, конечно, был не при чем, на шахматной доске фигур таких нет и никогда не было, а то, что свою основную, глав-

ную партию он проиграет, Лужин понял уже тогда, мальчишкой. Играть с самим Хозяином игры и при этом на что-то надеяться — уже безумие, ведь Он ошибок не совершает, а ты всего лишь человек, хотя и великий гроссмейстер, да простится мне эта ...тавтология.

— Прощается. Вы знаете, кстати, что в шахматном мире после публикации романа появился термин «защита от Лужина»? Если не заклинание, то оберег. Я сам в молодости был чрезвычайно увлечен этой великой игрой, да вовремя разглядел ее капкан. Как вы правильно изволили заметить, абсолют игры — любой, кстати, игры, — абсолютная вечная ничья, но кто из играющих может с этим согласиться? — а вот на этом нас и ловят. Я попытался на доступном мне уровне смоделировать эту ловушку, получился Лужин и его смертный крик в пустоте. Нужно было оставить игру вовсе, или пытаться ее обезвредить, и я нашел! Надо заставить Игру играть в себя, ее на себя замкнуть, предложить змею проглотить собственный хвост! Так получились шахматные задачи, знаете: белые ходят Е2-Е4 и выигрывают.

Предвижу ваш вопрос по роману и отвечаю — нет, роман не является зашифрованной шахматной партией с матом Лужину в конце. Хотя я этот след обозначил. Приятно, знаете, почувствовать себя хитрым лисом, мимо которого с азартными воплями проносятся обманутые им собаки. Кстати, так поступил и сэр Льюис Кэрролл — Доджсон в своей прелестной книжке для детей. Я ее перевел, вернее, переложил на русский лад. У Льюиса есть еще одна ...подтема, я ее извлек, чтобы не было ненужных ассоциаций. Это, впрочем, моя кухня, там сторонним делать нечего.

Честно говоря, я не помнил, чтобы говорил, или думал об Абсолюте Игры, ну да ладно. По существу все верно. Правда, я это понял по прочтении другого великого романа об Игре (примечательно, что Великий магистр Игры погибает, пытаясь, как и Лужин, выйти из Игры!), но это потому, что у Гессе все много прозрачнее. Тема настолько увлекательна, что несколько лет я посвящал изысканиям взаимного проникновения Игры в Симметрию и Символы

и наоборот. Это было мощное увлечение, тоже род игры, должно признать, я всем успел надоесть своими откровениями, не уставая всех уверять, что это, мной сейчас произносимое, лет через сорок будут изучать в школах. О, эти *Idee fix* вовсе не так безобидны, какими представляются вначале!

Но вот, деревня. Свободно, крестом простерлась моя красавица по сторонам света на двух основных дорогах, одна из которых, называемая Федеральной трассой М-20, напрямую соединяет моря Балтийское и Черное (из варяг в греки), а вторая, много более скромная — Волхов с Нарвой. Деревня большая, на три сотни домов, и с часовней во имя святых Космы и Дамиана, то есть Космодемьянской, так что по старой грации должна бы числиться селцом, да таковым и числилась уже пятьсот лет назад. Происхождение селца — во мраке древности, ясно лишь, что аборигенами тут были местные финны, называемые Ижорой, или *Inkerilaiset*, они и называли поселение по-своему — *Vuorigula*, что значит — деревня на горке. Горка эта есть не что иное, как покатым высокий берег нашей благословенной реки, и распахнулся этот берег встреч не особо щедрому на тепло северному солнцу. С южной и западной сторон деревня подперта сосновыми борами, с востока — почти непроходимыми зарослями черемухи, ивы и ольхи по берегам реки. Короче говоря, трудно придумать лучшее для жительства место, да и зачем, собственно, придумывать — вот оно, живи.

Родительский дом, построенный дедом из бани после того, как в революцию все отобрали, располагался как раз в южной части деревни, рядом с лесом. А напротив, через дорогу, было невеликое поле, посреди которого возвышался солидный, с ломаной чухонской кровлей и вальмами дом, иначе как дом Дуни-барыни в деревне не называемый. И была эта Дуня-барыня, а, точнее, Евдокия Петровна, грозой и наказанием всего нашего конца деревни — неусыпный страж общественных интересов и активный доноситель властям обо всем, что ей казалось подозрительным. А времена тогда были строгие, Евдокию боя-

лись все, боялись и ненавидели, и от всей полноты сердца желали ей скорейшего отправления на тот свет.

Говорили, что Евдокия эта вовсе не Евдокия, а толи Элеонора, толи Эльза, и что она из шведских колонистов допетровской поры, и что она по семейной традиции пакостит «этим русским» где и как только может, и что фамилия у нее — Волонд. Последнее оказалось сущей правдой, и я, помнится, ахнул — ведь именно так в скандинавской мифологии именуется к ночи не поминаемый персонаж. Герой известного, нами уже поминаемого романа тоже носит это, чуть измененное Булгаковым, имя, а номограмма его — W, и она, об этом тоже говорилось, легко превращается либо в M, либо в VV.

Ее, Евдокии, единственная дочь учительствовала в соседней деревне, и при немцах она продолжала учить местную славяно-финскую белоголовую поросль, теперь только вместо дедушки Ленина с не меньшим пиететом поминался дедушка Гитлер. После войны она продолжала учить детей, как-то все ей сошло, да и то сказать — если бы за такое ссылали или сажали, то наш край полностью бы обезлюдел. Здесь между оккупантами и местным населением установились отношения своеобразные — не только терпимые, но, пожалуй, добрососедские.

Наша семья, вернее, та ее часть, что осталась в деревне — бабушка Таня, ее младшенькая Маруся, которой тогда едва исполнилось шестнадцать, да двухлетний я — оказались в отчаянном положении. Хозяйства у нас никакого не было, все наши либо на фронте, либо в блокадном Ленинграде, и мы спасались тем, что бабушка собирала на немецких помойках мороженые картофельные очистки и делала из них какие-никакие оладышки, называемые у нас дерунами. Потом немцы организовали общественные работы, там давали хлеб, стало легче. Впрочем, если бы я был постарше, мог бы получать свою пайку — в ту первую тяжелую зиму немецкая полевая кухня в обеденное время, накормив своих, выезжала в центр деревни, и толстый немец разливал похлебку, называемую Зуппе, в миски, подставляемые

детьми. Очередь была детская, и Зуппе выдавался один раз в день в одни руки. Но я по малолетству допускаем туда не был, взрослые были на работах, я сидел дома, зверком забившись в теплый угол на русской печке, и думал — о чем же я тогда думал? Что-нибудь фантазировал, наверное. Во всяком случае, мне не было скучно.

— Забавно. Значит, боши чувствовали себя здесь, как дома.

— Не совсем, конечно. Хотя, думаю, большинство местных ничего против такого *Status quo* не имело бы. По планам нашего земляка Розенберга Ингерманландия вместе с Прибалтикой входила в состав Великой Германии на правах протектората, а недовольные переселялись за Урал — живите там. В принципе, эти методы немногим отличались от методов Отца всех народов. Тут хотя бы намерены были спрашивать.

— Тем более гадость. Я вижу, вы, сударь, весьма лояльны к этой нации мясников и лавочников, и я намерен предупредить, что питаю к ним неприязнь, сродни отвращению. Да, несмотря на пятнадцать лет в Берлине. Пошлость бурша может быть перекрыта разве что жизнерадостным американцем, но у тех хотя бы нет штурмовиков.

— Нет зато и великой литературы...

— Вот это оставьте. Я никогда не мог принять этих шиллеров с их благородными разбойниками, страдающими юными вертерами и волшебными горами за порядочную литературу. Равно как их философию, где казарменное кантианство порождает угрюмых шоппергауэров и утыкается носом в тупик имени герра Хайдеггера. А в соседней луже барахтается венский шарлатан с, как я подозреваю, любимым вами Юнгом, все это под скрипы и вопли вагнеров. Делается, знаете, рвотный позыв. Ничего, кроме фашизма, все это породить не могло.

— Что ж вас фашизм так напрягает? — вы, насколько я знаю, от него не пострадали, Гитлера переждав в Америке. А что до теории, которая ставит одну общность людей выше других общностей, так это, простите, вовсе не выдумка немцев, первая теория такого рода появилась около

трех тысяч лет тому назад, и она не отменена до сего дня. А потом, позже, кто только не мнил себя богоизбранным народом! Тут и светлые эллины, тут и brutальные римляне, и воины Пророка тут, и вероломные ромеи-византийцы, и наша православнейшая Русь туда же, все потешили свою гордыню.

Да вы сами от рождения не принадлежали ли к избранной расе, к расе господ, называемой аристократией? Но тогда вам должна быть понятна логика фашистов, вернее, нацистов, объявивших свою нацию избранной повелевать, а равно должна быть понятна логика большевиков, таковой расой избранных объявивших пролетариат. Схема, простите, везде одна, ветхозаветная. Нацисты потому и гнобили евреев, что не может, в самом деле, в одном государстве быть два богоизбранных народа, а еврейский народ никогда не забывал, что он богоизбранный. У нас в стране последовательно и настойчиво истребляли «бывших», то есть аристократию, той же логикой руководствуясь. Обе схемы равно кровавы, гнилы и порочны.

Что до литературы, то позвольте «выкрик из зала»: у меня мнение, что в Европе новейшего времени только и были две великие литературы, питавшие идеями мир, и друг с другом общавшиеся поверх всех голов — германская и русская. Остальные просто присутствовали. Не нужно только забывать, что Шекспир и Байрон — тоже немцы, как и Андерсен с Кнутом Гамсунном.

— Опять обобщения. Если с чем и могу согласиться, так это с отдающей идиотизмом синхронностью действий — вверзться в совершенно ненужную обоим войну, потерпеть в ней поражение, одновременно свергнуть своих монархов, там и тут пройти через гражданскую бойню — затем лишь, чтобы опять одновременно, посадить на трон там — контуженного ефрейтора, а тут — недоучившегося семинариста, и начать все сначала... мало чести в таких стадных параллелях. И это, заметьте, после Ясперса и Бердяева! Нет, увольте, я намерен гулять сам по себе, как та кошка у Киплинга.

— Ну вот, Ясперс! Да он хоть к покая-

нию призвал свой народ, чего не сделал ни один наш умник. Теория трансценденции, выхода за пределы своего Я, конечно, сподручна вам, поскольку вы являетесь ее живым подтверждением. Да еще потому, что она — для избранных, да только кто же теперь посмеет считать себя рядовым? — все в избранных желают ходить, и уж коли не получается с парадного подъезда, всегда есть черный ход, всякие там средства ... глядишь, и полетели по миру радужные чайки по имени Джонатан Как-его-там, прошивая собой скалы и стены.

— И собственные черепа. Со своей колокольни вы видите свое, но вы не творец, а созерцатель, вам никакие трансценденции не показаны и даже вредны. Для вас создана «Бритва Оккама», не велящая вводить новые категории без крайней на то нужды. Но творцы только тем и заняты, что вводят в мир новые категории... сродни мутациям в живом организме - не все полезны, не все приживутся, но без них невозможна эволюция. А для этого, согласись, нужно выйти за пределы того, что есть привычная норма.

— Вы, творцы, постоянно выговариваете себе право «быть вне», хотя, как выяснил прошедший век, даже какая-нибудь безобидная физика элементарных частиц внезапно порождает чудовищ, и на первый план вылезает не отвлеченное — существуют кварки или нет, а моральные и этические вопросы, касающиеся жизни и смерти. Что уж говорить о литературе или философии. Любоедские теории рождаются не на рабочих митингах и не в баварских пивных, а в тиши профессорских кабинетов, среди почтенных лысин и ухоженных бород. Вам это известно лучше, чем мне.

— Ну, конечно. Вы подталкиваете к тому, что нужна постоянная сверка с Нагорной проповедью. А вам не приходило в голову, что пока эта сверка осуществлялась во всей полноте, то есть в Средневековье, ни литературы, ни науки не существовало? И, пожалуйста, не надо о Вольфраме фон Эшенбахе, о Святом Граале — это вовсе не в традиции христианства. Как и «Слово о полку...» или «Песнь о Роланде», или «Старшая Эдда». В лучшем случае они были «ассимилированы» христианством, в

худшем — были уничтожены инквизицией. Я могу согласиться с тем, что Четвероевангелие — великая литература, но никогда не соглашусь с тем, что это — навсегда и единственно великая литература.

— Инквизиция... Вы знаете, некоторое количество лет тому назад я был почти убежден, что беды России происходят от того, что у нас не было инквизиции. В Европе эти «псы Господни» выгрызли все волчье отродье, или, иначе выражаясь, пропололи человеческую грядку, выдирая сорняки. В результате получился законопослушный народ, чего нам так не хватает.

— Особенно послушны были, знаете, эсэсовцы. Нет, я не приемлю воодушевленную идеей толпу, равно противна мне и толпа законопослушных, зорко следящих за тем, чтобы сосед не нарушил параграфа. Оставьте человечество во всем его разнообразии — не так ли задумал его ваш Демиург? Попытки «сузить человека», а то он, дескать, излишне широк, известны и вам, по личному опыту. А европейец... я его знаю лучше, простите. Ненавистный Константинолю Леонтьеву «средний европейец» — это про него. И еще. Вопрос веры — а это самое интимное из того, что есть в человеке, — не может быть задан, поскольку на него нет, не может быть ответа... *Credo, ano absurdum est*. Тертуллиан, кажется. Прощайте.

Незадолго до этого знаменательного разговора произошло одно событие, которое иначе как providенческим я назвать не могу, — впрочем, все по порядку. Случай свел меня с неким молодым человеком, назвавшимся потомком известного декабриста, и, после некоторой с моей стороны проверки, действительно таковым потомком оказавшимся. Назовем его Андрей. Был этот Андрей чрезвычайно вальяжен, столь же чрезвычайно словоохотлив, но, нужно отдать ему должное, он не был пустым болтуном, его немалых размеров голова была набита различными фактами, а также сомнениями относительно трактовки этих фактов, и идеями — как привести трактовки фактов в соответствие с сомнениями. Он первым, кажется, открывал миру древнюю, дохристианскую цивилизацию славян, находил подлинное место захоронения декабристов, обнаруживал

несомненного автора «Слова о полку», он отыскал ключ к расшифровке Шестоднева и вывел счисление «серебряного сечения», куда как более изящного, нежели пресловутое «золотое».

Беда Андрея, весьма скоро становящаяся бедой всех его знакомых и друзей, заключалась в том, что он, находясь под гипнозом очередной своей идеи, ни о чем не мог говорить, как только о ней, — он мог вещать шесть, а то восемь часов подряд, умоляя своих валяющихся в сон собеседников выслушать еще один словесный пассаж, окончательно утверждающий столп его истины. За которым, как легко догадаться, следовал еще один, наипоследний, и так далее. Днем Андрей отсыпался, к вечеру он опять был в полной боевой готовности, чем повергал в глухое отчаяние прежде всего хозяев дома, где гостевал. Его, тем не менее, любили — за незлобивость, за обломовскую барскость, за хорошо подвешенный язык, за сам его наивный эгоизм любили, относясь к доставляемым им неудобствам ... как к сопутствующей добродушному делу неприятным подробностям — скажем, сидению в нашем уличном туалете в двадцатиградусный мороз.

Именно этот Андрей, сам — тогда — будучи московским жителем, приобщил к нашему деревенскому дому добрую дюжину своих приятелей-москвичей, среди которых было немало людей интересных, а то и вообще замечательных. Все они были моложе меня, все блистали (по крайней мере — пытались блистать) всевозможными талантами, так что порой меня охватывало недоумение — что они ищут, и, главное — что находят в нашей чухонской богоспасаемой деревне и, конкретно, в моем доме. Потом я предположил, что тут они восполняют свою, ими ощущаемую ущербность — во всей этой компании я был один, кто умел работать руками. При этом со мной можно было поговорить, что особо привлекало, — известно, умничать в деревенской кухне куда приятнее, чем в надоевших московских.

И вот теперь, с седой вершины своих лет, я шлю благодарный поклон этим ночным беседам, столь многое мне давшим, — поклон за вдруг зазвеневший восторг душев-

ного резонанса, за драгоценное сознание, что ты не один в этом мире, за схоластический опыт, за саму школу общения, наконец. А еще — были книги! Их было немало, разных, но Эти — они ворвались в дом в январскую полночь вместе с клубами морозного воздуха, в сопровождении московских друзей, румяных, с сияющими глазами ... два небольших, но увесистых тючка, тщательно упакованных в крафт-бумагу, торжественно шлепнуты были на стол при многозначительном, прямо-таки гремющем от радости шепоте: «Открывай...». То были книги Владимира Набокова, их было двенадцать.

Это были дешевые издания — мягкие обложки, серенькая бумага, клееная брошюровка, и это были все набоковские книги, которые на то время издательство «Ардис» успело выпустить. О. незабвенный Карл Проффер! Этот сумасшедший американец (как нетрудно догадаться, немецкого происхождения) издавал книги на русском языке совершенно себе в убыток, причем не только классику, где можно было сыграть на имени, но выпуская тогда почти не известных авторов вроде Битова, Аксенова или Зиновьева. Время от времени «Ардис» взволновывал книжный мир каким-нибудь роскошным альбомом, посвященным Марине Цветаевой или Сергею Есенину, этим он «отбивал деньги» — и опять работал в минус. Как мне было сообщено, Проффер сам комплектовал эту посылку, а границу она пересекла вместе с дипломатической почтой. Эта дружеская рука через океан была протянута как нельзя вовремя и кстати — уже обозначилась и все громче заявляла о себе некая лакуна, черная дыра в отечественной литературе, никакими серафимовичами и гладковами (даже катаевыми!) не заполняемая, требовалось нечто гораздо более объемное и весомое.

Должен сознаться, что первое знакомство с этой удивительной прозой, в которую я бросился, как уверенный в себе пловец в воду, оказалось странно осложнено тем, что я не узнал самой этой воды, вокруг плескалось мне незнакомая субстанция, живое серебро, сцеженная белая ночь, над которой трещали и звенели крыльями стрекозы, эльфы и мне вовсе неведомые

существа. Это была увеличенная проекция моего мира, мира моего детства, с невероятной четкостью в деталях, с радужными тенями предметов и непривычной обратной перспективой, увеличивающей дальнее и высвечивающее находящееся рядом. К этому, впрочем, оказалось довольно легко привыкнуть.

К чему оказалось привыкнуть много труднее, так это к невероятной спрессованности текста. В русскоязычных, ранних романах автора, язык был изначально доступен, и легко прочитывалась фабула, и вся география моей, его, земли легко прочитывалась, но чем дальше (а я старался читать романы, придерживаясь их естественной хронологии), тем тяжелее, тем насыщеннее становился текст, это уже не был диалог с читателем, но напряженный монолог это был, с привлечением мирового литературного наследия ... вернее, это был диалог, но только не со мной, читателем, а поверх моей головы — с Толстым и Оскаром Уайльдом, с Честертоном и Бодлером, Гоголем и Кафкой, Прустом и Камю, я, читатель, только допускался в этот чертог великих, и всем им не было никакого дела до того, понимаю я что-нибудь, или нет. Но даже ничего не понимая. невозможно было оторваться от этой тягучей, мерцающей, завораживающей прозы, - я способен понять негра йоруба, впадающего в тихий экстаз при чтении стихов Пушкина, при том что чтение происходит на неведомом ему русским языке.

Это было наслаждение и полнота жизни, и было морозное окно в нашей с женой спальне, на верху дома, а на кровати, раскрытый, лежал «Дар», и было минус двадцать шесть за окном, и живая бабочка была, вдруг материализовавшаяся где-то в углу комнаты, и слетевшая на книгу, и распластавшая на ней тихо трепещущие крылья... Ina his io, дневной павлиний глаз. Что это было? Привет от вас, Мастер? Благословение?

Мой вопрос повисает в пустоте. Мастера нет.

Мне надлежало пережить трудные времена, и пережить их в одиночестве. Что,

как не элементарный инстинкт жизни и чувство самосохранения отталкивают нас от тех, кто пережил катастрофу? Да еще, пожалуй, понимание того, сколь жалки, убоги, даже оскорбительны будут всякие слова, да что там, даже стороннее сочувственное присутствие будет оскорбительно для пережившего катастрофу, и оно будет тем более оскорбительным, чем тоньше и деликатнее будет оформлено. Тут лучше уж без обиняков, что-нибудь этакое: «Ну что, доигрался, сукин сын?!», или вроде того, но это могут сказать только чистые сердцем, и где их взять?

Однажды в моей стране наступила настоящая оттепель, все радовались, еще не понимая опасности — накопившиеся за долгие годы глыбы льда вскорости дадут столько воды, такой будет паводок, что снесет он все дамбы и плотины, и прорвет немалые овраги и даже непроходимые ущелья. Но начало оттепели с весьма обаятельным и очень говорливым теплотворцем на трибуне - было воистину прекрасно, образовались всякие послабы, вроде кооперативов, товариществ на паях и артелей, и не воспользоваться этим было грешно и глупо. Наша, уже хорошо сработавшаяся бригада, ушла на вольные хлеба, а я даже дал себе зарок, что больше в Систему не вернусь. Увы — никогда не говорите «никогда»! Вернуться пришлось, всего-то пару лет погуляв, да еще вернуться в самое что ни на есть поल्या.

Как уже ранее говорилось, в трех верстах к югу от благословенной нашей деревни расположилось большое, старинное и красивое село Рождествено, центр которого украшен мощной излучиной нашей многославной реки. Собственно, селом Рождествено стало с 1713 года, когда живший тут царевич Алексей Петрович построил деревянный храм во имя Рождества Богородицы, до этого было оно и не селом даже, а Большой Грезной (или Грязной) деревней. Местные финны, будучи не в состоянии выговорить столь длинное, со множеством звонких согласных (которых в финских языках попросту нет) название, звали ее Possata, что означало — Посад, и только.

Справедливости ради нужно отметить,

что никакой такой особой грязи в Большой деревне отнюдь не было, во всяком случае ее было никак не больше, чем в окрестных деревнях, а имя деревни восходило к речке Грезне (или, опять-таки, Грязне), что впадала здесь в Оредеж. Речка эта истекала из большого болота юго-восточнее села, и несла свою буроватую торфянистую воду в светлые оредежские струи. Опять-таки, никакой грязи эта вода в себе не содержала, в качестве свидетелей последнего я могу представить местных форелек, охотно заходивших в Грезну на нерест еще совсем недавно, — пока не в меру умножившиеся бобры не перегородили речку плотинами во многих местах. Не лишне будет сказать, что путешествие по этой, носящей столь неблагозвучное имя, речке, доставило бы вам, судари мои, неизъяснимое удовольствие вследствие открывающихся там красот — весь левый берег речушки обрывист, и скалы красноцветного песчаника с буквально висящими на них соснами испещрены большими и малыми гротами, а десятилетия местных родников недаром стяжали каньону Грезны славу радоново-озоново-железисто-магнезиевого заповедника.

Даст Бог, нам еще доведется погулять здесь, пока же устремимся к устью этой речушки, где на одном ее берегу вздымается краснокирпичная, четкого силуэта, церковь постройки 1885 года, а на другом струит вверх свои колонны бело-серо-сизый ампирический особняк, на сто лет старший церкви, современник города (Sic!) Рождествена. Да, наш пострел Possata и городом успел побывать, ровно 16 лет, к счастью, Павел Петрович таковой город упразднил, а назначил быть городом Гатчинский посад. Именно для рождественского градоначальника, бургомистра, и строился этот великолепный, в палладианском вкусе миниатюрный дворец, и именно с ним оказалась связана вся моя дальнейшая жизнь.

Первое впечатление от него, впрочем, смазывалось, едва вы приближались к зданию поближе — обшарпанные колонны, провалившиеся балконы, фанерки, вставленные вместо стекол — безжалостно возвращали в советскую реальность. При входе вовнутрь чувствительных вовсе ожидал шок — перед ними разворачивалось мрач-

ное, слепое пространства перегородок, каких-то фанерных дверей, выношенных, с торчащими мозолями сучков половиц и с пластинами отвалившейся штукатурки потолков. Дом был фактически бесхозен, числился он в аренде у местного совхоза, но и сам этот совхоз дышал на ладан, да вскоре и помер.

Вот это сокровище и сосватали мне две весьма симпатичные и очень убедительные в своих речах дамы из областного культурного управления. Да что лукавить, я сам был рад вот это, с детства мне родное, сокровище заполучить, эту обузу, этот клубок проблем, эту, будь она неладна, красоту ненаглядную. Я забыл сказать, что дом был деревянный, то есть относился к тому, теперь уже редчайшему типу деревянного ампира, коих по стране если и набралось бы с пяток, так хорошо, и от этого проблем становилось еще больше. После войны крыша пробита была во многих местах, и латать ее было нечем, а сколько губительна для дерева такая ситуация, объяснять не нужно. В те годы дом был наполнен детским ором, здесь была школа, я учился в ней в пятом и шестом классах, и воспоминания о светлых, в шесть больших окон, классах, темных коридорах и вовсе мрачной межэтажной лестнице, где единственным источником света была тусклая электролампочка, — еще были живы во мне, как был жив и ни с чем не сравнимый запах школы — легкий угар от горячих круглых печей, кисловатый дух овчины, запах чего-то свежеекрасочного и настоя ароматов, издаваемых двадцатью шестью детскими телами, разгоряченными беготней, раз в неделю мытыми в бане и одетыми во что Бог послал.

Теперь все это было мое, как в армии говорят, хозяйство, и нужно было с чего-то начинать. Основная трудность в подобных случаях таковая: для того, чтобы выяснить, в каком состоянии находятся несущие конструкции здания, то есть стены, то есть бревна сруба, а также балки всех трех перекрытий, необходимо:

а) ободрать всю внешнюю деревянную обшивку здания,

б) снять всю внутреннюю штукатурку стен и потолков,

в) поднять все чистые полы,
г) разобрать кирпичные накаты по черному полу.

Но — Д) — и кто же вам, господин хороший, разрешит все это совершить с памятником федерального значения, конца 18 столетия, охраняемого государством?

— Это, простите, вандализм!

— А вы предлагаете вылупиться цыпленку, не нарушая скорлупы!

— А вы предлагаете лишить памятник его подлинности!

— Значит, делать ничего нельзя? Зачем тогда звали?

В бесплодных такого рода препирательствах прошло какое-то время, мы с напарником расчищали стены на втором этаже, и вот, в юго-западной комнате из-под наслоения красок вылез на свет Божий рисунок, сделанный безвестным солдатом *Vermacht's* прямо на штукатурке стены: бравый солдатик присел с чарочкой на деревянную плаху, слева лопата, справа топорик, воткнутый в эту плаху, рядом бутылка. Не без изящества сделанный неоготическим шрифтом текст объяснял ситуацию:

«*Hat er keine Bier, hat keinen Wein, kann es dazwischen ein Schnapschen sein*» (У него нет пива, нет вина, в таком случае он поближе знакомится с водочкой — что-то в этом роде). Во время оккупации здесь стояла немецкая инженерная часть. Наверное, эти немецкие парни радовались тому, что они не на передовой, что их разместили в добротном красивом доме, что есть чистая речка с форелью и сероглазые местные девушки, иные из которых вовсе не имели ничего против знаков внимания со стороны вовсе не уродливых молодых вояк Третьего рейха. Жизнь продолжалась, и многие из местных были уверены, что такая жизнь — всерьез и надолго.

Днем 10 апреля дом загорелся.

Был выходной, в доме никого не было, кроме сторожа, мужика вполне справно, который сидел в своей комнатке на первом этаже и знать не знал, что у него наверху горит. Потом началось нечто очень русское

и безобразное — огнетушители работали при условии, что тушить надо внизу, вверх они струю не поднимали; воды рядом нет, речка рядом, но до нее 15 метров крутого, почти отвесного склона. Пожарные машины приехали пустые — и уехали искать место, где можно заправиться водой. Позвонили военным в соседний аэродром, там больше часа бились, пытаясь завести пожарный вертолет с углекислотными бомбами, но так и не завели. А пламя яростно полыхало уже на всем втором этаже. Собралось полсела, многие плакали. Восемь брансбойдов поливали дом, толкаясь, перепутывая шланги и мешая друг другу, но в конце концов огонь начал отступать. Тлеющие головешки внутри добивали уже в темноте. Черный, страшный остов дома парил, дымился и время от времени сыпал искрами. Оставив дежурную машину у пожарища, огнеборцы разбежались. Разошелся по домам и народ. Все было кончено.

Едва ли стоит описывать то, что за этим последовало, эти сопли и вопли, отчаяние и злорадство — все было как в мутной воде сна, и сам себе я казался участником стороннего действия, а вид черного, изломанного остова, торчащего посреди села заставлял вжимать голову в плечи. *Mea culpa...*

Последовавшая затем наша возня в пепле и саже воспринималась всеми без исключения, как дело может и героическое, но совершенно безнадежное. Я говорю — наша, потому что слепилась, составила невеликая бригада из местных парней, вначале самых отчаянных, а потом и не самых, потом и девицы местные стали приходить, присоединяться к этому чумазому, в рванье одетому и неприлично выражающемуся (невзирая на мои запреты), неунывающему собранию молодежи, с вызовом всему свету и самому здравому смыслу именующему себя реставрационной бригадой.

Славные мальчишки, как прекрасны были они в минуты первых, еще со стороны незаметных побед: подняли правый угол до отметки плюс семь двадцать — ура! Поставили межэтажные балки левого ризалита — ура! По первому этажу выставили новую

оконную окосячку — ура!

Главная сложность заключалась в том, чтобы максимально использовать «родной» материал, а он, как нетрудно догадаться, являл собой если и не головешки, то хорошо поджаренные или обугленные бревна, которые нужно было очистить — о, если бы только от угля! В каждом этом бревне содержалось столько гвоздей всех эпох, культур и народов, что наши топоры через пару часов работы начинали быть похожими на пилу или верх кремлевской стены. Но открывающаяся при этом плоть красной боровой сосны с сумасшедшим (до сих пор!) запахом смолы свидетельствовала лучше всех экспертных заключений — это единственно правильный ход.

Был ли я счастлив тогда, в эти два первых лета отчаянной, почти безнадежной, слепой и святой работы? Пожалуй, да. Трудно объяснить стороннему человеку восторг из угля и праха созидających усилий, еще труднее выразить словом все нарастающую, горячую, азартную рабочую злость поперек стихии Черного ангела-разрушителя: врешь, не возьмешь, наша будет! Наверное, я был счастлив.

Относительно исхода этих, да простится мне предыдущее высокопарие, «созидających усилий» — сомнений у меня уже тогда никаких не было, поскольку явлен был знак, скорее даже символ грядущей победы, после чего всякие сомнения были бы сродни паникерству. Знак этот был не что иное, как написанная на медной доске икона Архистратига Небесных сил бесплотных Михаила, поражающего Змея, или Дракона. Найдена она была мною в бесформенной груде кирпича, бывшей до пожара печным стояком восточной части левого ризалита, во время пожара обрушенного, и не столько огнем, сколько струями воды из брансбойдов. Как она туда попала, откуда вообще взялась и почему не обгорела в страшном пожаре ... честно говоря, меня не особо интересовало, главное — огненный дракон будет повержен, с нами Бог и Архангел Михаил — кого убоимся?!

Спустя некоторое время, однако, возникло и все более укреплялось во мне подозрение того, что все происходившее и происходящее является частями хорошо

срежиссированного действия, частью которого вольно и невольно являюсь я сам, а вышеупомянутая икона — что-то сродни программки, которую вручают участникам этого действия с целью их успокоить: никто не умрет, все будет хорошо, совершайте вам положенное, ничтоже сумняшеся и ничтоже бояшеся. В самом деле, все обстоятельства и самого этого пожара, и времени его, и последовавших затем событий явно свидетельствовали — совершается операция, цель которой — вернуть дому былую молодость и красоту, и мы с парнями вынуждены эту операцию осуществить, и не задавать себе лишних, и, главное, ненужных вопросов.

Уже сияла свежим, голубоватым цинком кровля дома, уже курилась дымком первая из пяти труб, уже блистали стеклышки в окнах пары комнат первого этажа, когда я сподобился визита Гостя. Славный тогда был май, славный денек был в том мае, речка Грезна опушилась свежей осокой, желтели пятна калужницы, звонко трескались почки берлинского тополя, скорлупки их шелкали о железо, и я, на крыше сидя, наслаждался нежным солнцем и этой, на глазах набирающей силу весной.

— Что ж, поздравляю. Нет, не с трудовыми успехами. Вы, в конце концов, ремесленник, это ваш хлеб и ваша обязанность. Да и успехи пока не велики. Я с общим успехом... трудно, знаете, было ожидать такой общий порыв, особенно — у ваших чиновников... я худшего о них был мнения, признаюсь. Правда, что русских людей соединяет общая беда. Большевики точно это просчитали. Теперь по поводу «срежиссированности», простите неологизм. Вы должны понять — никакого общего замысла не было, все вместе так сложилось, что стало неотменимым. Я старался, как мог, помочь, но... мои возможности теперь ограничены.

— День пожара, десятое апреля — день вашего рождения...

— Да. Простите, это был намек, что вы не будете оставлены. Что я недалеко, здесь, и буду, чем смогу... Я все же хозяин этого дома.

— Но ваш сын в свой первый сюда приезд от этого дома фактически отказался.

Он сказал...

— «Это — ваше». Я знаю. И хотя не уполномочивал его, подтверждаю — это ваше. Дмитрий... он бездетен, умрет после 2010 года, наш род на этом закончится. Что ж добру пропадать...

— Спасибо. За доверие. И все же...

— Хорошо, слушайте. Вы, надеюсь, прочитали «Pale fire»? Ну, да, «Бледное пламя». Надеюсь, вы поняли, что это не плод воспаленного воображения. Только не считите меня Кинботом, я гораздо более Джон Шейд, особенно после его гибели. Этот убийца Градус не промахнулся, сорок два с половиной — чистая смерть, никто ничего не заподозрил. Между тем выстрел был, там, в Альпах, во время охоты на бабочек. Я сорвался тогда в крутизну каменной осыпи. Все так болело, но в госпитале никто не заметил маленького синего пятнышка под правой лопаткой. Даже Вера. Я понимал, что это смерть, но сделать было все равно ничего нельзя, да и пора, пожалуй. Уточню: тенью, — Тенью, — был все-таки Кинбот, а Джон, этот довольно упитанный американский профессор, стал скандально известным писателем, живущим в Швейцарии. Он не был больше Владимиром Сириным, из него, по весьма удачному выражению одного вашего критика, вынули некий стержень... вам предоставлено догадаться, какой. Мы воссоединились время от времени, чтобы создать шедевр — «Лолиту», например, или то же «Бледное пламя». Конечно, «Другие берега», то есть «Speak, memory». Попытка Джона в одиночку управиться с автобиографией — «Conclusiv Evidens» — полностью провалилась.

Остальное время я пребывал преимущественно в России, никогниго. Вначале с гадливостью, потом с чисто научным интересом наблюдал, как из российских дурней делают коллективных насекомых. Тем более что вскоре процесс пошел вспять, к недоумению товарища Падука и иже с ним. Правда, это коснулось части интеллигенции, так называемый народ успел стать советским новообразованием. Сегодня я рад тому, что хоть в частностях — ошибался. Прощайте.

Конечно, я прочитал «Бледный огонь»

(именно так роман назывался в издании Ардис). Конечно, этот великий роман совершенно напомнил великого Сирина — его «Дар», его «Приглашение на казнь», его «Подвиг» ... представим незнакомый город, кудаходишь настороженно, и вдруг оказываешься в гуще карнавала — общая радость, доброжелательное внимание всех ко всем, воплощенная свобода, — только это карнавал слов, радующихся тому, как Устроитель правильно определил каждому его место и функцию. Редкой формы наслаждение, замирающее на кончике языка — видеть совершенный текст и погружаться в него.

Сам роман состоит из поэмы в стихах и прозаическому к ней комментарию, причем поэма написана великим американским поэтом Джоном Шейдом (Shade — тень), а комментарий — неким Кинботом (анаграмма — Боткин), уверяющим всех, что он — изгнанный король некой Зембли, где совершилась революция. Как легко догадаться, поэма ничего общего (кроме габаритов самой книги) с комментарием не имеет, хотя ... как посмотреть. Что я, впрочем! — читайте сами, государи мои, читайте и наслаждайтесь. Для затравки — только один авторский ход, только один.

Вначале я был уверен, что таинственная Зем-бля — не более чем фи́га в кармане англоязычному читателю, что все романы Мастера предназначены к прочтению именно русскими, при этом над англосаксами можно слегка, этак походя, поиздеваться. Однако Мастер не смел бы называться Мастером, если бы в эту словесную матрешку он не вложил бы вторую, а в нее — третью, и так до тех пор, пока последняя не будет понятна одному только ему ... да еще тому Даймону, который из-за спины нашептывает ходы этой изысканной игры-обманки.

Вторую матрешку извлечь не составило особого труда, Земблей в древних скандинавских сказаниях именуется страна на севере, где тепло, много растений, животных и рыб. Судя по всему, именно там растет Древо жизни Иггдрассиль (Игг — от Heilig — светлый, святой; Дра — древо, дерево; Яссил — ясень; позволю себе эту фантазию), там растет Ива (Embla), из ствола

которой Один сотворил первую женщину, там же расположен остров Thule, мистический рай избранных — увы, увы, не плебейская Вальхалла! Репутация этого острова оказалась подмочена в начале прошлого столетия тайным мистическим «Обществом Туле», в котором состояли почти все фашистские бонзы, а, возможно, и Гитлер, но сам остров, согласимся, тут явно не причем.

Что касемо столицы Земблы Онхавы (анаграмма Навахо вызывает в памяти любимые детские игры нашего героя в индейцев, прочие варианты предлагаются сконструировать любомудрым читателям), — с ее, Онхавы, двумя дворцами, их соединяющим подземным ходом с тайниками, — смотри, читатель, план «Нашей Выры» и села Рождествено, — где цвела, туманилась и пребывала в любовной истоме юность моего визави.

— Которой он предпочел быть верным. И, как видите, жив, хотя в непривычном для чувств обличье. Там, в Швейцарских Альпах, становилось все тесней и безнадежней. Последние годы Вадим Вадимович — он так назвал себя в последнем романе — писал преимущественно о конвульсиях своей распадающейся плоти, это было грустное зрелище. Поучительный финал апатрида — как сказали бы советские литературоведы.

— Что ж так безжалостно? Была ведь «Ада» — роман не менее великий, чем «Лолита», да и поболее, пожалуй, и не только объемом.

— Ну да, Аделаида. Она нас развела окончательно, как тех двух сестер, в романе. Меня Вадим утопил в Атлантике, если помните. А началось все с «Пламени», там есть вами не названная героиня, Сибилла, жена Шейда, и она уж никак не тень. Вера Евсеевна простить мне этой Сибиллы так и не смогла. Чтобы ее утешить, Вадим поставил ее имя над моим русским переводом книги. Не помогло. Это женщины...

— Но ведь правда, что она спасла «Лолиту»? Ведь правда?

— Мы тогда оба понимали, какую ... дохлую крысу подбрасываем в спаленку пуританствующего американского буржуа. В какой-то момент VV струсил, простите

вульгаризм, а Вера спасла положение. Тогда мы еще были заодно, правда, цели были разные. Вера хотела славы и денег, я желал погромче хлопнуть дверью, покидая Америку.

— Но это неблагодарно, вообще говоря. Она вас приютила...

— Видите ли, в какой-то момент в Америке становится тяжело дышать. Это трудно передать — воздуха много, даже слишком, и вдруг астматический синдром, хочется забиться в норку, сжаться и замереть. Да, вы в Америке совершенно свободны, пока отправная точка любой вашей мысли — что вы совершенно свободны в этой свободнейшей стране и уже потому не можете не быть счастливы. Америка вполне тоталитарная страна, знаете...

— В Швейцарии оказалось не намного лучше, насколько я понял по вашему этому «подведению итогов»:

Средь этих лиственниц и сосен, под горностаем этих гор

Мне был бы менее несносен существования позор:

Однообразнее, быть может, но без сомнения честней,

Здесь бедный век мой был бы прожит вдали от вечности моей.

— Нет. Там как раз никого не интересует, что вы думаете о Конфедерации. И думаете ли вообще. Разреженный воздух способствует писанию — если есть о чем, конечно. Идеально для самоубийства. Что касается смутившего вас позора существования — помилуйте, сударь, я не поверю, что вас не посещают такие ... состояния ума и чувств. Не настолько же вы примитивны, чтобы постоянно радовать собою свою жизнь!

— Не верю, простите. Не могу верить. Пятьдесят лет чувственного, даже эротического наслаждения — через литературу — жизнью в этот позор никак не укладываются. Что-то здесь другое...

Мог бы это не говорить. Вызывать Мастера на откровения — дело не только безнадёжное, но и опасное. Он ушел, и надолго, судя по всему. Лишь бы не совсем...

Двадцатые числа мая из года в год посвящены бывают семейной рыбалке в шхерах Выборгского залива. На мероприятие это, занимающее неделю, допускается

только мужская половина семьи, право на то пришлось отстаивать годами, но теперь это право защищено традицией и женщинами больше не оспаривается. Неделя эта может считаться акцентом года, с нее начинается отсчет лета и производится оценка зимы — часы наедине с лениво ворочающимся на мелкой волне поплавром заполняются тягучими размышлениями, где одновременно присутствует недавнее прошлое и недалекое будущее. Все это совершается на фоне изысканного северного пейзажа: узкая бухта почти пресной здесь воды, скалистые острова, сосны, песок и валуны берегов, солнце и тихий плеск волны о борт лодки.

Из года в год лагерь разбивается у огромного камня, обломка гранитной скалы, и наш костер, который не угасая горит тут неделю, уже заставил треснуть этот обломок, отметив этим наше участие в геологической истории планеты. Пожалуй, через сотню лет одна эта трещина станет свидетельствовать о шумной мужской ватаге с ее вечерними тостами «под уху» и упованиями на то, что «завтра будет клевать лучше».

Утром я уходил на лодке далеко, в центр бухты, где из воды поднималась каменная гряда, а один из больших камней в форме совершенного куба обозначивал проход в этой гряде, там порой изрядно клевала крупная густера, чехонь и подлещик. Сидеть здесь часами было истинное наслаждение, покойным течению мысли мешали разве что нечастые поклевки крупной рыбы. Я думал о Мастере, о его великом даре, о счастье и проклятии этого дара, я дерзал примерить к себе эту ношу, и воспарял, и ужасался.

Как четко смог он наметить основную свою линию еще в первом романе, в «Машеньке», и как выдержал эту линию до конца, имя ей — Освобождение, и как это освобождение оказалось капканом совершенного одиночества в конце ... того Мастера. И насколько логично было освобождение ... этого Мастера от плоти и от самого того Освобождения, чтобы получить истинную свободу — возможность просто созерцать. Да только — так ли это? Я не мог не видеть того, как плотно его паль-

цы лежали на пульсе родины, как все ее движения и конвульсии ему передавались, как он пытался помочь, подсказать, забрав вперед, предупредить, — сохраняя при этом совершенное внешнее равнодушие и надменность олимпийца. Как вовремя появилось «Приглашение на казнь», как раз перед Великими чистками, и как единственно правилен оказался совет Мастера: чтобы разрушить кровавый кошмар, нужно разрушить большевика в себе. По сути, «Лолита» была предупреждением о надвигающейся сексуальной революции, тогда как «Ада» — заявка на будущее, репортаж из двадцать второго века, где произошло спасительное слияние трех великих культур — славянской, германской и романской воедино и совершилась новая география мира, где мир старый или Тера стал, увы, Татарией...

Собственно, я всегда считал, что русскому человеку невозможно перестать быть русским, даже того желая, есть некое табу, клеймо, невыразимое нечто, метка в генетическом коде, в глазах мира скорее уродство, чем благо, но оно есть, и с ним нужно научиться жить. Здесь, у нас, среди дрязг и соплей, мятежей и крови рождаются и воплощаются самые дерзкие замыслы, и совершенно бывает непонятно, как мы смогли создать огромную империю, великую литературу, атомную сверхдержаву и что там на очереди еще ... оставаясь по-прежнему в соплях, дрязгах и совершенном презрении к нами же написанным законам ... простите, но у меня клюет!

Наступила дивная пора белых ночей, когда сон кажется ошибкой, системным сбоем — настолько прекрасны эти легкие жемчужные сумерки, в полной тишине совершающие таинство летнего солнцестояния. Все замирает в эти часы, не поют птицы, не шумят деревья, только неугомонные авто время от времени шелестят шинами по шоссе, да столь же неугомонные соловьи старательно пересвистывают, перешелкивают друг друга, видимо, развлекая сидящих внизу, на кладках яицек, подруг.

В такие часы надо быть у реки, ее

ртутно-поблескивающая вода тоже как будто замирает, и не торопится нести в мировой океан свои светлые струи, слушает белую ночь, растворяется в ней. Если и есть в мире иллюстрация Вечности, то это ледяные скалы Севера и белая ночь, предвещающая эти скалы, да вот эта теплая, возвышающая грусть: это я, это я, Господи, стою здесь и жажду молитвы. Только молитва, да и то на короткий миг, способна впустить меня в это пространство Божьего совершенства, и вдохнуть его воздух, и задохнуться им ... только миг, больше не выдержат. Тоска о Боге, это тоска пса о хозяине, — как выразился однажды мой Гость, что ж, я соглашусь, пожалуй, ничего плохого не видя ни в этой тоске, ни в самом псе. Последователи Святого Доминика со смиренной гордостью именовали себя DOMINI CANIS — псы Господни. Все намного строже и проще, чем то обозначили наши условности.

— Я никогда не приму этой формулы. В моей, вами обрубленной цитате, есть продолжение: ... дайте мне огромные сапоги, и я поклонюсь им. Умаление себя до пса прямо провоцирует появление хозяина, в виде Вождя, Фюрера, Дуче, Команданте и далее. Нельзя быть рабом и быть свободным в пределах собственной личности, рабство растлит душу, и вы потребуете себе новые огромные сапоги, едва успеете пережить предыдущие.

— Помилуйте, да кто свободен? Я волен мнить о себе что угодно, пока у меня не заболит зуб, - и все, свобода кончилась, я раб зуба и готов идти на муки, лишь бы... впрочем, унижительная зависимость от тела — еще не самое большое несчастье. Вашему американо-швейцарскому alter ego довелось испытать большее — он посреди себя воздвиг трон, посадил туда свое Я, и ходил вокруг, пританцовывая и восхищаясь. Все ваши герои — рабы страстей, один Цинциннат вроде бы свободен, но за это он должен заплатить жизнью — ваша правда. Только и плата эта может быть двойка: смертью в жизнь, как у христианских мучеников, или смертью в смерть, что есть род дезертирства, согласитесь. А насчет Хозяина жизни ... скажем лишь, что наличие Его автоматически отменяет

вождей и фюреров, превращает их просто в удачливых авантюристов, одержимых Libido dominandi, похотью властвования, и только.

— Что не помешало им вами манипулировать. Вот вы увидели в Цинциннате инструкцию, руководство к действию и не поняли, что это и есть несвобода, — ваша, а теперь и Цинцинната. Свободен, и в смерти свободен был, скажем, Гумилев, но это была свобода его выбора, вашим бонзам в конце тридцатых годов уже недоступная. Ну, а ваша трансформация из рабов коммунизма в «рабов Божиих» определенно закономерна, и я допускаю, что это не худший для вас вариант.

— А вы не допускаете, что Система просто заполнила тот вакуум, который вы образовали в русских головах, отменив «рабов Божиих»? Хорошо, не вы, но ваши отцы. Согласитесь, это был помимо прочего намордник на Звере и на том звере, которым становится русский человек без Христа, как говорил нелюбимый вами «публицист». Зверь явился, и вы ужаснулись ему с той же мерой готовности, с какой до того видели в нем «Богоносца», но вот — нашли для себя...

Я понял, что говорю в пустоту. Но было не остановиться, меня толкал в спину и требовал сатисфакции эпизод из давнего интервью (журналу «Плейбой», кстати), где VV отвечает на ему в лоб поставленный вопрос: «Вы верите в Бога?». Удовольствуйтесь ответом, милостивые государи, и насладитесь им:

«Буду совершенно искренним — я собираюсь сказать сейчас нечто, чего никогда прежде не говорил, и, надеюсь, это вызовет легкий приветственный трепет, - я знаю больше, чем могу выразить словами, и то немного, что я могу выразить, не было бы выражено, не зная я большего».

Оно, может, и изящно, это многословие, да только лукаво. Куда как проще было сказать по-русски: «Да пошли вы! Не ваше дело». Я уж не поминаю сакраментальное «Да» или «Нет». Очень трогательно автор озабочен проявлением лояльности к тем американцам, которые желали бы слышать «да», равно как к тем, кто предпочел бы услышать его «нет». Что ж, за все

надо платить, господа, - за приют, за хлеб с маслом...

«Бессовестный империализм СССР и честная и бескорыстная помощь, которую США предоставляют попавшим в беду народам». Да уж...

Впрочем, я сейчас имею дело не с 70-летним американским гражданином и бывшим русским писателем, а с писателем, отнюдь не переставшим быть русским и вовсе не жаждущим быть американским гражданином. А в таком случае не говорить о Боге и Его замысле относительно нашей страны — значит вообще ни о чем не говорить. Русский человек не может не чувствовать постоянное Божие присутствие, Его плечо, подпирающее нашу страну, не дающее ей рухнуть и рассыпаться, что при наших метаниях из крайности в крайность непременно должно было произойти. И, пожалуй, не раз. Сама возможность нашего с Мастером общения может быть объяснена через это ... Присутствие, иного объяснения у меня нет.

Пожалуй, именно прежняя широкая публичность моего собеседника привила ему такую стойкую нелюбовь к «водочкам, закусточкам, и сердечным беседам» - к последнему особенно. Немного, на первый взгляд, не по-русски, да только так стало считаться в советское время, когда нужно было быть прозрачным до кишочек, особенно в беседах с «понимающими друзьями». Не беседуйте, да не судимы будете. И еще про блаженного мужа сказано, что он не ходит на совет, так что правда на стороне моего визави.

Я-то не мог, конечно, позволить себе такую роскошь уже потому, что работал с бригадой, и мои мальчики были весьма чувствительны к невниманию к ним, я их прекрасно понимал: не платишь, мол, денег, так хоть поговори по-людски. Платить было не с чего, месяца по три-четыре перебивались крохотными случайными авансами, потом приходила очередная денежная «пайка», я раздавал накопившиеся долги, и мы опять садились на мель. Вообще, надобно признать, вся эта восстановительная эпопея была чистой воды авантюрой, и лишь очевидная, но в весьма деликатной форме осуществляемая сторонняя помощь

позволяла этой авантюре совершаться.

Я увлекся тогда символогией, причем начало тому положило вовсе не желание превращать олово в серебро, а медь в золото, но совершенно естественное стремление понять символы христианства, встречающиеся в церкви. Почему, например, допускается в храме только нечетное число нефов, престолов и главок? Что в оригинале означало так называемое «Всевидающее око»? Что за аббревиатура IEVE в треугольнике тимпана? Что обозначает нижняя, косяя перекладина креста и почему она узаконена только в Православии? Почему так часты цифры 3, 9, 12, 40, в чем их смысл? Понятно, сколько с трудом добываемых книг пришлось проштудировать, прежде чем наступала какая-то ясность в предмете. Оказалось, существует обширная на эту тему литература, мне была доступна только та ее часть, что имела в русском переводе, от Фабра д'Оливье до Кроули, - включая сюда, конечно, великих еврейских мистиков. Там было немало оккультного тумана, подпускаемого, я думаю, более для иллюзии многозначительности умолчания, чем действительно для отсева профанов, но время от времени попадались совершенные бриллианты, блеском своим высвечивающие сокрытые в этом тумане простые истины. Я, помнится, очень увлекся тогда всеми этими рискованными изысканиями, искренне полагая, что некогда сказанное царем Давидом: «Безвестная и тайная премудрости Твоя явил им еси» - распространяется и на меня тоже.

В таком настроении, размышляя над очередной загадкой, заданной очередным глубокомысленным автором (как вам понравится, скажем, такая: в чем принципиальная разница между мандалой Тибета и аналогичной конструкцией у майя?) — я шагал по лесной тропе, направляясь на ближнее «круглое» болотце, потому что по срокам (середина июля) морошка должна быть совсем спелой, учитывая довольно жаркий июнь. Нужно со всей возможной убедительностью заявить, что наши болота в эту пору года неотразимо прекрасны. В истоме раннего летнего утра настоящий на мхах и багульнике воздух недвижим, он слегка пьянит и дурманит, зловредная

мошкара если и проснулась, то не высушила тяжелые от росы крылья и не докучает, морошка вот она, ее по кромке леса довольно, собирай, не ленись. Первые ягоды, конечно, в рот, их терпкая сладость напоминает детство, знойный на болоте полдень, и уже подзабытое ощущение того, что этот прекрасный мир не просто твой, но что он специально сделан для тебя ... может, позавчера, настолько он свеж и радостен.

Когда-то я водил на болота большие компании, теперь хожу один, народ обленился и предпочитает за морошкой сходить на рынок, а мне бывает неловко перед ней, этой ягодой, так доверчиво тянувшейся к рукам, - будто, не придя на болото, я обману чистую девушку, ждущую свидания. Взлетают из-под рук отяжелевшие мотыльки ... по-моему, Мастера только они и интересовали на наших болотах, о морошке у него и слова не нашлось. А вот Пушкин, умирая, просил именно морошки ... во всем знал толк Александр Сергеевич, во всем — знал.

— Да, лепидоптерии, вы уж не судите строго, каждому свое. Здесь, знаете, чудное создание встречается, *Colias palaeno*, желтушка, полет стремительный, как у птицы, поймать ее — триумф пятнадцатилетнего того, что был я. Еще *Boloria aquilonaris*, перламутровка, но та кормится на клюкве. Пожалуй, голубянка, *Vacciniina*, вас ведь интересует именно морошка, как я понимаю? Встречается тут и *Callimorpha* с чудным именем Хозяюшка, красавица в черно-пятнистом плаще и ало-красном платье. Или *Ravonia*, павлиноглазка, вылетающая из кокона только затем, чтобы спариться, они вообще не питаются. Но большинство наших крупных бабочек из всего изобилия предпочитают простенькие крапиву и щавель. Удивительно, их окраска вовсе не камуфляж, скорее наоборот.

Должен признать, что сэр Чарльз — да, тот, с «Бигля» — потропился со своими выводами. Природа действительно совершенствует все сущее до допустимого предела, процесс этот всесторонен. Он касается не только приспособления выюрков к среде обитания. С не меньшим старанием совершенствуется красота предмета, ча-

сто не нужная самой природе. Кто оценит красоту подводных цветов в океане? Или совершенство кристалла снежинки? Или вот, красоту камня, попираемого ногами? Разве человек с аквалангом, или человек с микроскопом, или огранщик камней, то есть художник. То же с бабочками. *Vanessa atalanta*, в России именуемая Адмиралом, кормится на безликой крапиве и в целях мимикрии должна была иметь невзрачный вид, но она — ярчайшая из летающих красавиц. Ей мало уступают Аглая и Инахис ио, тоже большие любители жгучей травы. Они заметны, их красоту увидит художник, для пролетария, унылое бытие которого определило его сознание, они вредные существа. Гусеницы едят капусту, которую ест и пролетный арий, они конкуренты. Впрочем, так же рассуждает бауэр с зауэром и бюргер с люггером. Для них Гейне прежде всего еврей, а уж потом все остальное. Простите.

— Нет, позвольте. Я не за бауэра с зауэром, в конце концов он ничуть не хуже Смита с Вессоном, или Родиона с топором, но за того пролетного ария, который должен вашего художника обслуживать. Ну да, строить ему жилье, делать мебель, растить и готовить еду, менять исподнее, наконец. Сами поэты и художники считают такое положение вещей само собою разумеющимся, и юродство Толстого осмеивают, а я очень понимаю Льва Николаевича в его порывах тачать сапоги, или пахать землю. Даже, знаете, приветствую. Дело не в сапоге, он, может, и плох для носки окажется, а в правильной постановке души. Чтобы за нахлебничество стыдно стало, до этого дорости нужно.

Еще, по поводу бабочек и видового отбора. Раньше вы по-другому смотрели на предмет. Напомню:

...Ужель нельзя там притулиться и нет там темного угла,

где темнота могла бы слиться с иероглифами крыла?

Так бабочка не шевелится пластом на плесени ствола.

Мое любимое, кстати, стихотворение.

— Спасибо. Напомнили мне меня, тридцатипятилетнего. Там тоже все правильно. Есть такая *Catocala nupta*, иначе на-

зывается Красной орденой лентой, ее передние крылья совершенно сливаются с корой дерева. Но если ее напугать, она внезапно раздвигает их, и вспыхивают багрово-красные, с черной оторочкой задние крылья, до того закрытые. Агрессор в испуге убегает восвояси. То же, знаете, совершенство, с одной стороны защитная реакция, с другой — чистое эстетство: под убогим пальцем роскошное бальное платье. И, пожалуйста, оставьте свою классовую мораль. Давно нужно понять, что не мы выбираем путь, а он выбирает нас. Единственно важно не уклоняться...

Дался всем этот ханьский мудрец! Прямо-таки, — идеи Дао живут и побеждают. А я видел в них только известное: и от судеб спасения нет, то есть героический фатализм.

«Достойный муж не уклоняется от своего предназначения».

Остается сущее ничто — правильно определить это свое предназначение. А тут и спрятан узелок судьбы. Выбрать дело, Дело, которому будешь служить (и которое потом будет служить тебе) — это, пожалуй, главный в жизни выбор, но будет ли он твоим выбором? Мой опыт говорит, что чаще выбирают тебя, ломая сопротивление своеволия. Потому ли, что я рожден под знаком Девы? Или потому, что, многократно убедившись в благорасположенности судьбы, начинаешь все больше руководствоваться доверием к ее выбору?

Я никогда не мог принять принцип У Вэй — мудрого неделания, дабы неразумными действиями своими не натворить бед. Строя отношения с собственной судьбой на До-верии, можно ли сомневаться в том, что Пославший тебя в мир желает тебе блага? А тогда, действительно — путь выбирает нас, это и есть Дэ Дао. И хватит об этом.

Мой собеседник, столько красивых слов посвятивший материнской страсти — грибной охоте, отмахнулся от всех пластинчатых, считая их недостойными внимания. И очень, знаете ли, зря. Ничего нет вкуснее, я бы сказал, изысканнее рыжика, если его

приготовить так, как готовили в нашей семье задолго до того, как я появился на свет. Ничего особенного: свежие грибы протирают тряпочкой (ни в коем случае не мыть, тем более горячей водой!), укладывают в эмалированную кастрюльку с круто посоленной водой, немного специй (немного!), три минуты кипятить, потом в дуршлаг, чуть оливкового масла — и на стол. Рыжик сохраняет при этом весь свой аромат и всю, простите за грубый материализм — гастрономическую ценность, а она у него, кстати, выше рыбы, мяса, и вровень с хлебом, судя по справочникам.

Лес Панов угол своим северо-восточным углом упирается в мою деревню, именно в этом Углу и нужно искать рыжик. Он высыпает обильно где-то в первой половине сентября, хотя, если лето теплое и дождливое, это может быть и август. Благословенное то время, государи мои, и посчастливилось мне именно в это время родиться. В день рождения назначается с утра поход за рыжиками, и корзиночка этих славных оранжевых ребят мне лучший подарок. Среди молодых сосен и елочек висят кружева паутинок с капельками росы, трава туманится легкой сединой, воздух наполнен грибным ароматом и запахом корицы, ясно, светло, тихая благодарность лесу, и немного грустно.

— А вы, я замечаю, склонны к сентиментальности. Это, пожалуй, больше достоинство, чем недостаток. Я этим грешил в молодости, стеснялся, но в стихах прорывалось:

В неволе я, в неволе я, в неволе...

Это в Кембридже, в старой доброй Англии, о которой мечтал с детства. Вот и попал... трудно было тогда. В России плохо, оттого становилось еще хуже.

— И тогда вы отправили на родину Мартына Эдельвейса.

— Я многих сюда отправлял, и себя тоже. Заходишь, знаете, в музей, запутываешься там...

— И попадаешь в Россию. Да, это «Посещение музея». А еще, по совету Качурина, с подложным паспортом на имя Никербокера...

— Да. И десятки раз — в стихах, во сне и наяву. Но вот — состоялось.

— Зачем? Травите себе душу...

— Нет, не так. Я тут почти счастлив, мое положение гарантирует мне безопасность — и не требует комфорта. Могу свободно перемещаться и общаться, в период вашей Оттепели с поэтами, некоторыми, — было интересно. Именно тогда писался «Pale fire».

По существу могу сказать вам вот что. Слово требует почвы, чтобы жить. На гидропонике изгнания его тоже можно культивировать, но недолго. Хиреет, знаете, чахнет. Сколько литераторов было в эмиграции вначале? — каждый третий. Но к началу войны почти никого ... кто умер, кто спился, кто тихо растворился в Европе, а кто стал орать «Sieg heil!» ...

Хочу объяснить. Вот, вы написали на листе бумаги слово «собака». И она, собака, это вербальное четвероногое, замахало хвостом и на вас смотрит. Присмотритесь к нему и вы, увидите — это русская собака, даже, скорее, сабака — вы ведь так произнесете. Она никогда не будет — Dog, Hund или Canis, у нее другая история, и поведение, у нее другой взгляд, она — русская собака, она съ-боку, она не отстраняется, как Dog, и не глядит настороженно, как Canis, потому что она — сабака. Не знаю, насколько это вас убедит...

Понятие через слово приобретает национальность. В самом понятии его нет, но в слове, и мысленно произнесенном, оно появится. И потребует себе привычные условия обитания, опаять-таки национальные. Сабака, бегающая по Wald'у, или Forest'у — нонсенс, для этого у нее есть лес, увал, хворост. Потому так трудны переводы, особенно стихов.

— «Евгений Онегин»?

— Да, Пушкин особенно. Мороз и солнце — для нас чудесный день, но английское буквальное — солнечно, но холодно — вовсе не чудесно, зябко. Хочется домой, к камину, а не в санки. И так везде, пушкинская простота не переводима, а именно в ней — Россия. Мне, знаете, доставил удовольствие перевод «Слова о полку Игореве», там нет уголовной ответственности перед словом, за слово, — русский текст Майкова или Заболоцкого уже переводы, с ними можно соглашаться, а можно — нет. Но

там запах лошадей, дыма, зной, степное марево, облака, ковыль, — одним Далем не обойтись. Поэтому я здесь. Надеюсь, удовлетворил ваше любопытство. Прощайте.

Завершался, замыкался очередной годовой круг. Еще будут октябрьские походы на болота за клюквой, еще будет ноябрьский первый лед и первая рыбалка на льду, деревенский престольный праздник Козьмы и Демьяна состоится в нашей часовенке, и будет потом шумное застолье в трактире, и оснеженный зимний Никола придет с пирогами-рыбниками ... много всякого совершится, прежде чем принесу я мохнатую елочку с лесной просеки и поставлю у западного окна в доме. Благословен венец лета Твоего, Господи!

Но будет и прощание с Мастером.

Он плохо выглядел последнее время — да будет позволено так сказать о человеко-тени, — плотность его стала заметно уменьшаться, образ блекнуть, и по нему время от времени пробегала какая-то рябь, короче, с ним что-то происходило, и, по всей видимости, это что-то было не из приятных. В разговоре это, впрочем, никак не отражалось, и я вначале относил все с ним происходящее то к состоянию атмосферы, то к настроению собеседника, то к собственному восприятию, пока до меня не дошло, что это — финал. Уже то, что он пережил на многие годы свою американско-швейцарскую ипостась, было чудом, но и чудо когда-нибудь заканчивается. Что поддерживало его в эти годы? — инерция бытия, силовые поля родной земли, собственная воля или чья-то настойчивая молитва — этого я не узнаю никогда, да это, собственно, и неважно. Когда-то давно он написал:

«Верь: вернутся на родину все...».

Вера, знаете ли, способна на многое...

— Да, мой срок, выкупленный у вечности, заканчивается, я ухожу. Для видений отсрочки смертной тоже нет — я это написал в тридцать восемь лет, не подозревая, что пишу о себе теперешнем. Все оказалось не зря, я почти счастлив тем, что меня читают в этой новой России, что идиотская химера рассыпалась, умудрившись при этом не раздавить сколько-то миллионов. Что дом красуется над рекой, и что ему прочат

славное будущее. И что закат отражается в реке, можно купаться и ловить голубую плотву... уже не мне. Вокруг руины, их много, дом сожжен, и вырублены рощи, где моя туманилась весна, все так, но это представляется платой за вашу и нашу неправду, и плата эта не неподъемна. Вы верите в Бога, и давай вам Бог удачи. Пожелайте и мне того же. Прощайте.

Он ушел, то зыбкое нечто, что являлось им в последнее время, тихо растворилось в воздухе. Как мне будет не хватать его, моего язвительного и внимательного со-

беседника, — скоро покажет время. Но я верю в посмертие, в которое не верил он ... впрочем, так ли уж не верил? Там, в «Даре», есть продолжение стиха об «отсрочке смертной»:

«Продленный призрак бытия синее за чертой страницы,
как завтрашние облака, и не кончается строка».

Так что — до свидания, Мастер. И дай вам Бог - Там — удачи.

2012 год, апрель. Выра.

Наталья Пунжина

Черемухи

Земля давно, что было сил,
Тепла просила вдохновенно.
И дивный май преобразил
Чудесно уголки вселенной.

А до рассвета — облака
Идут к реке широкой поймой.
И нерожденный луч пока
Росой молочною не пойман.

И не согреться до поры,
И не избыть весенней влаги.

Черемух белые шары
В туманном плавают овраге.

Их треплет ветерок речной,
Луна их нежит, солнце — холит.
И знает соловей ночной,
Откуда в горле этот холод.

Не льдинки ль шелкают: «Люблю!»
Но мир в зеленом облаченье
Не вечно дарит соловью
Черемух чистое свеченье.

Евгения Корниенко

Сиверская

Веселым криком журавлиных стай
Весна на землю Сиверской вернулась.
Зазеленел, расцвел наш дивный край,
И речка зажурчала, встрепенулась.

И, заливаясь трелью, соловьи
Расцвет Весны, расцвет любви пророчат.
Как хороши прогулки у реки
И посиделки у костра средь белой ночи.

Рассвет над речкой Оредеж встает,
Лучами солнца землю согревая.
И времени застыл небесный ход
На белых крыльях журавлиной стай.

Благодарю, судьба, благодарю.
Не зря меня по свету ты мотала.
Я всей душою этот край люблю.
Мне Сиверская Родиной стала.

ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРОКОЙ

...строку диктует чувство...

Б. Пастернак

Андрей Павлов

Вот солнце запуталось в кудрях сирени.
Уж день вечереет. Спадает жара.
Стремятся к востоку и падают тени.
Клубится как дым от костра мошара.
Вот ветер утих, и неистовы птицы.
Закат одевается в розовый цвет.
Назавтра все это опять повторится...
Любуйся... Дыши... Вдохновляйся, поэт.

Распускаются и тают
Звезды в дымке синей.
На деревьях расцветает
Белокурый иней.
Все застыло в томной неге,
Сковано морозом.
По колено в рыхлом снеге
Хрупкие березы.
Величава, холодна,
Над соседской крышей
Бледно-желтая луна
Прогуляться вышла.
От щемящей тишины
Больно перепонкам.
Лишь отчетливо слышны
Сердца стуки звонкие.

Под куполом тьмы звенящей
Рассыпаны звезд соцветья...
Вдыхая озон пьянящий,
Плыву я луне навстречу
По желтой дорожке зыбкой,
Макая чуть слышно весла.
Взлетают златые рыбки
В искрящихся брызгах-блестках.
Над Орлинским пар клубится,
Сжимаясь туманом в устье.
А что тебе, озеро, снится?
Меня в свои тайныпустишь?
Вода шелестит лениво.
Ни слова не отвечает.
Покатой волной отлива
Лишь лодку в ночи качает.
Опять докучает мошка:
Кусает виски, запястья.
Плыву я по лунной дорожке
На встречу с рыбацким счастьем.

Галина Осипова

*К картине
В. Осипова
«Дорога к Богу»*

Над покоями русских погостов,
Звон церковный по небу разлит,
В этом мире мы все только гости,
Дух наш вечный пусть Бог сохранит!

Любовь

По Божьему промыслу каждому
В подарок Любовь дается,
Как воздух, как небо с птицами,
Как запах цветов и полей.

Приходит Любовь однажды,
Но только у тех остается.
Кто может в ней раствориться,
И служит всей сутью Ей.

Людмила Сойту

Ореол

...Отыскивать следы
Былого превосходства,
Разглаживать морщин
Запутанную сеть.
Мы встретимся с тобой
В метро на Маяковской,
Чтоб Невский с высоты
Сегодня рассмотреть.

Под сводами Дворцов
Дождемся дня Рожденья;
Мы принесем цветы
И именинный торт.
Хранитель белый твой,
Твой Ангел Воскресенья
Без помощи людской
Тебя спасти придет.

Все будет впереди:
И пир, и танец белый;
Мы пригласим тебя
На вальс и рок-н-ролл;
Полковник боевой,
Отчаянный и смелый,
Блестящий Петербург,
Мы все — твой Ореол!

Ариадна Вандышева

Мандарины, имбирь и корица

В воздухе, на снегу, на руках
Запах праздничный лентой струится,
И туманятся в снежных шелках
Мандарины, имбирь и корица.

Золотится окно янтарем,
Иней хрупким узором ложится,
И опять пряным запахом в нем
Мандарины, имбирь и корица.

Ветка хвойная в звонких огнях
В золотое окошко стучится,
Сказкой, праздником пахнут хвоя,
Мандарины, имбирь и корица.

Вкус вина, блеск шаров, мишуры,
Свет в бокалах хрустальных дробится,
Постоянство среди суеты —
Мандарины, имбирь и корица.

Татьяна Иванова

Осенние листья

Не летите, листья, не кружите!
Не спешите осень торопить.
На ветвях деревьев задержитесь,
Дайте лесу все дожди допить.
Разве вам приятно будет в лужах,
Где под утро — острое стекло?
Разве вам понравится, как стужа
Превратит все ветки в помело?
Не спешите, листья. Еще с лета

Разноцветный, пестрый крепдешин
Примерялся. А одежда эта
Надевалась медленно с вершин...
Вдруг холодный ветер, злой, колючий
Налетит и все преобразит?
На тряпье порвет! Из темной тучи
Вас засыпать снегом пригрозит?
Не летите, листья...

Владимир Подвязкин

Во славу стойкости и веры
К 200-летию Отечественной войны 1812 года

Когда в былые лихолетья
Терзал Отчизну лютый враг,
Русь становилась под знамена,
И сердце грел Державный стяг.
Он — символ доблести и чести,
Оценка ратного труда,
Один на всех и с ним мы вместе
В знак единенья навсегда.

Во славу русского оружия,
Во славу русского штыка,
Друзья, поднимем кубки наши,
И чтоб не дрогнула рука.
Своими brave сынами
Всегда богата наша Русь.
Пред их великими делами
Встав на колени, преклонюсь.

Как устоять пред супостатом,
Где силы, стойкости занять,
Гордится Русь своим солдатом,
Надежды, Веры не отнять.
И все с мольбой и смиреньем
Взгляд устремляли к небесам,
Проя поддержки и опоры,

Благословенья на дела.

Во славу воинского духа,
Что был присущ всегда Руси,
За мудрых, чутких командиров,
Бойцам, что были как отцы,
За кирасиров и драгунов,
И за стремительных гусар,
И за пехоту, что штыками
Свела на нет войны пожар.

Отпор назойливым французам
Смогли тогда достойный дать,
Уроки прошлого впредь надо
Себе во благо извлекать.
И ордена, что заслужили,
Не потускнеют никогда -
Они как память о народе,
Что победить вовек нельзя.

Во славу русского оружия,
Во славу воинского духа,
Во славу доблести и чести
Перед героями Отчизны,
Встав на колено, преклонюсь!

Александр Фаловский

Французам не понять...

Не знал наполеон причины краха:
И пушки новые, и конница — огонь!
Москва в дыму, а русские без страха:
Смеются, шутят, бережат гармонию.

Не знал, что русские совсем не любят,
Когда в пустые храмы ставят лошадей,
И на святых иконах мясо рубят,
И не считают русских за людей.

Французам не понять, какая сила
Солдат бросала на каленые штыки,

И как картечь густая не косила,
И как стоять умели мужики.

Россия, непокорная Россия,
Торила снежный путь коварному врагу,
Она в последний раз его просила
Не замерзнуть в чарующем снегу.

Не знал француз, что русским служит небо,
И что России славной долго-долго жить,
Детей растить, своей краюшкой хлеба,
Как и земной свободой, дорожить!

Виктор Шутилов

Петербургье

«Потерявший лицо свое город
С областной заурядной судьбой...»
А я рад лик увидеть твой скоро —
Скоро я возвращаюсь домой.
Пусть сегодня все бедствия пуще,
Чем когда-то - забуду о них.
Как люблю я тебя, Петербуржье,
С горстью пригородов золотых.

Здесь с надеждой всегда мне надежней.
Здесь и верится проще всего.
И любовью, почти невозможной,
Здесь болеют все до одного.
И хотя описал тебя Пушкин
Своим легким, небесным пером, —
Я тебя воспою, Петербуржье,
С Суйдой, Гатчиной, Царским Селом.

У коней цвета выцветшей меди,
На гранитах, прошитых травой,
Хорошо мне о жизни и смерти
Размышлять, Петербург мой, с тобой.
Нам, бессмертным, пусть головы вскружит
Петербургенка в шарме обнов...
Неизбывны во мне Петербуржье,
Павловск, Гатчина и Петергоф.

Если вдруг жизнь земная растает —
Сверху край мой любимый видней.
Подымаюсь, лечу, отлетаю
От Отчизны несчастной своей.
Но печалиться очень не нужно,
Знаю, что упрошу всех святых
Посещать иногда Петербуржье
С горстью пригородов золотых.

Владимир Гореликов

Пусть этот мир ничуть не сказка,
Но доля чуда есть и в нем:
Пыль перемен, застоя ряска
Сойдут, а выбранная маска
Твоим останется лицом.
Все мысли, мысли, мысли —
Круговорот тяжелых чувств:
Что я пройду орбиту жизни,
Не подарив отчизне
Ни светлых знаний, ни искусств.
Опять сентябрь. Над старым лесом
Повисли в небе журавли.
А мы спешим по новым рельсам,
Смешав с невежеством и сексом
Свободу слова и любви.

Александр Кряжев

Последний день осени

Заиндевелый лес, красивый, как из сказки,
Да черная асфальта полоса.
Знакомые зимы грядущей краски,
Скупая поздней осени краса.

И первый снег, слегка голубоватый,
Всю землю мягким пологом покрыл
Воздушным, нежным, как ковер из ваты,
И голубого шелка соткан был.

Бежит навстречу черная дорога.
Мелькают километры, как огни.
А в сердце зарождается тревога —
Так пролетают нашей жизни дни.

Виктор Иванов

Северяне

Здесь живут россияне,
Мужа Севера – северяне,
Мужа – камни, вода, штормы,
Мужа, судьбам своим непокорны.
А еще здесь живут россиянки,
Женщины Севера – северянки.
Наши жены, подруги верные,
Что в любви к нам всегда безмерные,
Своей преданностью – примерные.

Северные раздумья

Курю до обалдения,
Глотая сизый дым.
И никакого рвения,
Я стал совсем другим.
В любовь играть не хочется.
Обманывать? Зачем?
А если уж захочется –
С тобой сроднюсь совсем.

Замело, завьюжило

Замело, завьюжило.
Мельтешит опять.
Все бело, все в кружево
Снег стал одевать.
Ночи стали длинными,
К нам зима пришла,
С выюгами целинными
Стужу принесла.
Но не страшен холод,
Нам мороз – не вновь.
Я, как прежде, молод,
Молодит любовь.
Замело, завьюжило,
Но иду гулять.
И оденусь в кружево
Снежное опять.

Лариса Киселева

Наследство

Закрит на ключ хранитель мелочей - Старинного серванта верхний ящик, Вместилище безделиц и ключей, Сквозь патину времен едва блестящих.	Вместить не сможет даже стол Неисчислимость женских накоплений: От бусинок до пуговиц пальто, Принадлежавших паре поколений.
---	--

Необходимое от центра по углам Расположилось хаотично, тесно... Не раз желала выкинуть весь хлам, Полезности освобождая место.	Наборы здесь для кройки и шитья, И для вязания крючки и спицы. Оставлю все!.. Еще добавлю я Того, что непременно пригодиться.
--	---

Елена Кройтор

Суйде

Вот неожиданно и стала
Ты, Суйда, родиной и нам.
Ты позвала, ты приковала
Своей сердечностью к сердцам.

Ты нам рассказываешь были.
Ты рада встрече каждый раз.
Когда-то мы судьбу просили,
Чтобы соединила нас.

И мы о том не пожалели.
Как будто чувствовали мы,

Что эти сосны, эти ели,
И эта травка, и дубы

Для нас друзьями станут вскоре.
И Пушкин нам чрез века
Протянет в тайном договоре
Пожатье друга. И рука

Коснется вечности, и Лира
Вновь запоет в осенней мгле.
И в Суйде, словно в центре мира,
Пути сойдутся в тишине.

Сергей Елецкий

Осеннее тучо

Клен, оранжево одетый,
В середине октября,
Вдруг запел как будто летом,
Разгоняя тучи дня.
Это сюрреалистично!
Этого не может быть!
Ведь в природе все логично,
Летом петь, а в осень стыть.
Но, наверное, не знали

Голосистые скворцы,
Что каноны нарушали-
Хулиганы, сорванцы.
И неслись задорно трели,
И звенел у клена ствол,
И Орловой рощи ели
Танцевали рок-н-ролл!

Растворяется Гатчина в белых ночах

Растворяется Гатчина в белых ночах,
Невесомый туман над озерами,
И пьянящий жасмин у домов и в садах
Вдаль плывет над ночными просторами.
В легком мраке, как призраки, клены стоят,
И от лип ароматы медовые,
И как будто кварталы сейчас воспарят,
В белой ночи совсем невесомые.
Славят белые ночи певцы-соловьи,
Выводя трели рая до самой зари.
Так вот летом реально, не в сказках и снах
Растворяется Гатчина в белых ночах...

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСЕЕВА Лариса Степановна, работает инструктором лечебной физкультуры в санатории-профилактории города Гатчины. Член клуба авторской песни «Шхуна» города Гатчины.

АНДРИЯНОВА Ирина Александровна, директор муниципального учреждения культуры «Пудомягский сельский дом культуры». Пишет стихи. Живет в поселке Пудомяги.

АРШАКУНИ Артур Маратович, заместитель генерального директора ООО «Унипак», живет в поселке Вырица.

БАДАМШИНА Екатерина Александровна, старший научный сотрудник Гатчинского филиала ГБУК ЛО «Музейное агентство» - музей-усадьба П.Е. Щербова, живет в Санкт-Петербурге.

БАЛЫКОВА Лариса Яковлевна, педагог, живет в городе Гатчина.

БАСКАКОВ Александр Иванович, член Союза журналистов России, живет в г. Гатчина.

БОБКОВА Зоя Степановна, журналист, член Союза писателей России (СПб отделение), живет в городе Гатчина.

БУРЛАКОВ Андрей Вячеславович, краевед, член Союза музейных работников СПб и Ленинградской области, заместитель директора по развитию Информационно-краеведческого музейного центра Гатчинского района, живет в городе Гатчина.

ВАНДЫШЕВА Ариадна, молодой поэт, учащаяся, живет в поселке Вырица.

ВИШНЕВСКИЙ Иван, ученик 11 кадетского класса Гатчинской школы-интерната.

ВОРОНОВ Александр Павлович, краевед, живет в деревне Верево.

ГЛЫБИНА Елена Николаевна, директор МОУ «Гатчинская СОШ № 9 с углубленным изучением отдельных предметов», депутат Совета депутатов МО «Город Гатчина», живет в городе Гатчина.

ГОЛДОБИН Андрей Борисович, член Союза журналистов СПб, в 2005–2007 годах - главный редактор альманаха «Оредеж», живет в городе Санкт-Петербург.

ГОРЕЛИКОВ Владимир Георгиевич, преподаватель, доктор наук, живет в поселке Семрино.

ГРЕСЬ Юлия Михайловна, преподаватель кафедры графического дизайна института декоративно-прикладного искусства, преподаватель спецдисциплин на технологическом факультете в ГИЭФПТ, живет в городе Гатчина.

ДЕКОНСКАЯ Аля, Деконская Аля, окончила СПбГУКИ, является членом СПб ВООПИК, художник, краевед, член сообщества «Ингрия-Арт».

ДАВЫДОВА Наталья Петровна, заведующая Вырицкой поселковой библиотекой им. И.А. Ефремова (МКУ «ВБИК»), живет в поселке Вырица.

ДЬЯКОНОВ Валерий Григорьевич, врач высшей категории, живет и работает в городе Гатчина.

ЕЛФИМОВА Галина Михайловна, журналист, литературный редактор газеты Гатчинского благочиния «Нечаянная радость», член Союза журналистов России, лауреат премии российской просветительницы Е.Р. Дашковой, живет в городе Гатчина.

ЕРЖАКОВСКАЯ Галина Николаевна работает в «Музее города Гатчины», живет в поселке Высокоключевой.

ЕФИМЧУК Сергей Федорович, преподаватель дополнительного образования в Доме детского творчества «Измайловский» Санкт-Петербурга, живет в Санкт-Петербурге.

ЗИМИНА Лариса Ивановна, филолог. Член творческого объединения «Долина» при Вырицкой поселковой библиотеке им. И.А. Ефремова, живет в п. Вырица.

ИВАНОВ Виктор Васильевич, капитан I ранга, член Союза писателей Ленинградской области и СПб, живет в городе Гатчина.

ИВАНОВА Татьяна Павловна, учитель Большеколпанской средней общеобразовательной школы, живет в п. Елизаветино.

ИВАНЮК Сергей Викторович, преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета путей сообщения, живет в городе Гатчина.

КАЙКОВА Виктория Николаевна, заведующая Вырским филиалом ГБУК ЛО «Музейное агентство» - музей «Дом станционного смотрителя», заведующая Гатчинским филиалом ГБУК ЛО «Музейное агентство» — музей-усадьба П.Е. Щербова, живет в деревне Батово.

КИНОВИЧ Антонина Ивановна, преподаватель истории искусств и скульптуры ДХШ города Гатчины.

КИРИЛЛОВА Маргарита Германовна, руководитель студии рисования и дизайна «Наша студия», живет в городе Гатчина.

КИСЕЛЕВА Елена Львовна, народный пушкинист, преподаватель русского языка и литературы в МБОУ «Кобраловская основная общеобразовательная школа», живет в поселке Кобралово.

КИСЕЛЕВА Лариса Петровна, методист по экспозиционно-выставочной работе в «Мемориальном доме-музее композитора Исаака Шварца», живет в поселке Сиверский.

КИСЛОВ Владислав Аркадьевич, врач, краевед, автор книг, живет в городе Гатчина.

КОРНИЕНКО Евгения Владимировна, поэт, действительный член Российского межрегионального Союза писателей, член Академии русской словесности и изящных искусств имени Г.Р.Державина, живет в поселке Сиверский.

КОСТАРИНОВ Валерий Владимирович, член Союза художников России, преподаватель живописи в МОУ ДОД «Детская школа искусств» поселка Войковицы.

КРОЙТОР Елена Ивановна, преподаватель истории, обществознания и философии на технологическом факультете ГИЭФПТ, живет в поселке Суйда.

КРОЙТОР Ирина Ивановна, преподаватель живописи, рисунка и истории в Государственном институте экономики, финансов, права и технологии, ведет кружок рисования в Центре Творчества Юных, живет в поселке Суйда.

КРЫЛОВ Павел Валентинович, пастор евангелическо-лютеранской церкви Святой Екатерины Скворицкого прихода, живет в городе Санкт-Петербург.

КРЯЖЕВ Александр Николаевич, по профес-

сии — инженер-механик, пенсионер, работает гравером, живет в поселке Сиверский.

КУЛЯХТИНА Любовь Федоровна, работает старшим научным сотрудником в Гатчинском филиале ЛО ГУК музея-усадьбы П.Е. Щербова, живет в городе Гатчина.

ЛЕЙКИН Михаил Иосифович, сценарист и режиссер, Заслуженный работник культуры России, заведует кафедрой режиссуры массовых праздников в Ленинградском областном колледже культуры и искусства, поэт, живет в Санкт-Петербурге.

ЛЬВОВА Елена Викторовна, музыкальный работник в детском саду, член Гатчинского Товарищества Художников, поэт, живет в поселке Белогорка.

МИТЕНЕВ Александр Аркадьевич, краевед, публицист, живет в городе Гатчина.

МИТЮКОВА Татьяна Александровна, учитель литературы и русского языка МБОУ «Сусанинская средняя общеобразовательная школа».

МИХАЙЛОВА Валерия Владимировна, начинающий фотограф, живет в поселке Кобринно.

МИХЕЕВ Геннадий Михайлович, по профессии — радиоинженер, краевед, публицист, член ЛИТО «Поэтов Сиверское братство», пенсионер, живет в городе Гатчина.

НАЙДЕНОВ Игорь, частный предприниматель, фотограф, живет в поселке Вырица.

НИКОЛАЕВ Владимир Иванович, член Союза журналистов СПб, корреспондент газеты «Гатчинской правды», Почетный член Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры, живет в городе Гатчина.

ОСИПОВА Галина Александровна, по образованию инженер-экономист, пишет стихи, живет в городе Гатчина.

ПАВЛОВ Андрей Викторович, пишет стихи, заведующий складом ООО «Сидак-ПК» в поселке Сиверский, живет в поселке Дружная Горка.

ПЕСТРЯК-ГОЛОВАТЫЙ Василий Петрович, краевед и филокартист, Всемирный Казачий Дед Мороз, член комиссии по организа-

ции работы с казачьей молодежью, военно-патриотическому, духовно-нравственному и физическому воспитанию подрастающего поколения совета при президенте РФ по делам казачества, живет в городе Гатчина.

ПОДВЯЗКИН Владимир Евгеньевич, по образованию военный летчик, старший контролер Центрального банка России, член ЛИТО «Сиверское братство», живет в поселке Сиверский.

ПУЗАТЫХ Сергей Юрьевич, творческий псевдоним — Сергей Елецкий, член Гатчинского Товарищества Художников, поэт, работает в Петербургском Институте Ядерной Физики, живет в городе Гатчина.

ПУНЖИНА Наталия Викторовна, филолог по образованию, член Союза Писателей России, живет в городе Гатчина.

РАДЮКЕВИЧ Иван Николаевич, член Гатчинского Товарищества Художников, живет в поселке Сиверский.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Нина Петровна, член Международной организации «Русская культура», член «Всемирного клуба петербуржцев», эксперт по русскому зарубежью. Награждена орденом Российской православной церкви Святой равноапостольной княгини Ольги III степени, орденом Морского собрания «За заслуги в Морской деятельности III степени». Живет в городе Санкт-Петербурге.

РУБЦОВА Дарья Владимировна, молодой художник, живет в городе Гатчина.

РЫБАКОВ Константин Павлович, моряк, механик плавмастерской на Средне-Невском судостроительном заводе, живет в городе Гатчина.

РЫЖЕНКО Ирина Эдуардовна, филолог по образованию, заведующая сектором документальных фондов (научным архивом) Гатчинского музея-заповедника, живет в городе Гатчина.

РЯБОВ Дмитрий Сергеевич, специалист по информационным технологиям, руководитель проектов автоматизации одной из компьютерных фирм, краевед, внештатный сотрудник музея-усадьбы «Рождествено», публицист, живет в городе Санкт-Петербурге.

СЕРОВА Елена Николаевна, по образованию

педагог, главный специалист/главный хранитель архивных фондов архивного отдела администрации Гатчинского муниципального района, живет в деревне Большие Колпаны.

СЕМОЧКИН Александр Александрович, по образованию архитектор, кавалер Ордена почета, лауреат Горьковской премии по литературе Российского фонда культуры, Почетный гражданин Гатчинского муниципального района, живет в деревне Выра.

СКОРНЯКОВА Зинаида Васильевна, лауреат премии имени Екатерины Дашковой в номинации «Журналист», член Союза журналистов России и Гатчинского Товарищества Художников, обозреватель отдела культуры на сайте администрации Гатчинского района, живет в мызе Ивановка.

СКОРОБОГАТОВА Людмила Евгеньевна, художник-дизайнер, прихожанка Гатчинского собора св. ап. Павла, сотрудничает с газетой «Гатчина. Район», живет в городе Гатчина.

СМОРОДИНА Марина Евгеньевна, по образованию — библиотечкарь, краевед, публицист, живет в городе Гатчина.

СОКОЛОВА Ольга Леонидовна, заведующая отделом информации и краеведения Межпоселенческой центральной районной библиотеки им. А.С. Пушкина, живет в городе Гатчина.

СОНИНА Лилия Васильевна, краевед, публицист, живет в деревне Белогорка.

СОЙТУ Людмила Михайловна, член ЛИТО «Поэтов Сиверского братства», живет в поселке Сиверский.

СТОЛЯРЕНКО Вера Адамовна, председатель Приходского совета храма святого Александра Невского в д.Александровка Гатчинского района, живет в поселке Тайцы.

СУВОРКИНА Александра Алексеевна, творческий псевдоним — Винокурова Светлана, поэт, педагог дошкольного образования, живет в поселке Сиверский.

ТАРАСОВА Таисия Тихоновна, пенсионер, член гатчинского литературного общества при библиотеке им. А.И. Куприна, живет в городе Гатчина.

ТОЛЧИН Владислав Григорьевич, физик, кандидат технических наук, работает в ПИЯФ

РАН, фотокорреспондент «Гатчинской правды», живет в городе Гатчина.

ТРИШИНА Алена Александровна, главный библиотекарь отдела обслуживания Центральной городской библиотеки им. А.И. Куприна, краевед, публицист, лауреат премии им. Е.Р. Дашиковой в номинации «Журналист».

ФАЗАНОВА Марина Альбертовна, член Союза дизайнеров, преподаватель ИЗО ДХШ города Гатчина, живет в городе Коммунар.

ФАЛОВСКИЙ Александр Васильевич, кандидат с/х наук, пенсионер, член Союза писателей России, живет в деревне Белогорка.

ФИЛАТОВА Елена Савватиевна, самодеятельный художник, член Гатчинского Товарищества Художников, живет в городе Гатчина.

ФИЛИПОВА Валентина Ивановна, руководитель строительства храма «Воскресения Христова», член Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, живет в поселке Высокоключевой.

ХОХЛОВА Галина Гертрудовна, кандидат с\х наук, селекционер, автор поэтических сборников, внештатный корреспондент районных газет, живет в деревне Белогорка.

ШЕВЧЕНКО Валерий Владимирович, скульптор и художник. Автор бронзовой скульптурной композиции Арины Родионовны и маленького Александра в с. Воскресенское, живет в г. Гатчина.

ШУМИЛИН Дмитрий Николаевич, предприниматель, издатель, фотограф, живет в Санкт-Петербурге.

ШУТИЛОВ Виктор Алексеевич, поэт, лауреат конкурсов авторской песни, автор поэтических сборников, живет в городе Гатчина.

ЮРКО Татьяна Болеславовна, заместитель директора по учебно-воспитательной работе; учитель русского языка и литературы муниципального общеобразовательного учреждения «Гатчинская средняя общеобразовательная школа № 9 с углубленным изучением отдельных предметов», награждена медалью «За труды в просвещении».

ЮРОНЕН Наталья Викторовна, заведующая отделом информационного обеспечения и би-

блиографической работы Центральной городской библиотеки им. А.И. Куприна, автор книг, публикаций, живет в городе Гатчина.

ЯКИМЧУК Александр Сергеевич, заслуженный врач России, подполковник медицинской службы в отставке, председатель правления Гатчинского Товарищества Художников, живет в городе Гатчина.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Любушкина Елена Викторовна, Глава администрации Гатчинского муниципального района, Ильин Андрей Иванович, Глава Гатчинского муниципального района	3
Корниенко Евгения. Излучина реки и донник с мятой... ..	4

НАРОДНАЯ ПУШКИНИАНА.....5

Кайкова Виктория. Дороги Пушкина, дорога к Пушкину.....	6
Киселева Елена. «...Маленькая литография с моей особы...»	10
Лейкин Михаил. Невольник чести.....	16
Андрянова Ирина	
Пушкинский праздник	26

ПИСАТЕЛИ НА ГАТЧИНСКОЙ ЗЕМЛЕ.....27

Бурлаков Андрей. Зинаида Гиппиус: «Наша дача этим летом, небольшой старый дом, уединенный, в имении Кобрино»	28
Андрей Белый: «Мережковские, приехавшие из Парижа и проводящие лето под Петербургом, — зовут меня: еду к ним, в Суйду...»	31
Юронен Наталья. Вся жизнь — поэзия	37
Куляхтина Любовь. Константин Михайлович Фофанов в Гатчине.....	45
Давыдова Наталья. Иван Ефремов — ученый-палеонтолог, писатель-фантаст	47
Кройтор Елена	
В Суйде	54
Кройтор Ирина	
Любимому Поэту — А. Блоку	54
85-ЛЕТИЮ ГАТЧИНСКОГО РАЙОНА	55
Серова Елена, Соколова Ольга. От Троицкого уезда до Гатчинского района.....	56
Тришина Алена. «Хочу в Гатчину!»	67
Бурлаков Андрей. Советская история развития Сиверского края. 1917-1922 г.	73
Иванов Виктор	
Славься, милая Гатчина!	82

КРАЕВЕДЕНИЕ.....83

Воронов Александр. Веревские края.....	84
Митюкова Татьяна. Сусанино	92
Кислов Владислав. Дом санитарного просвещения в Гатчине (Троцке, Красногвардейске) 1925 - 1941.....	97
Пестряк-Головатый Василий. Были ли казаки в Петербурге?	100

ИМЕНА В ИСТОРИИ.....103

Скоробогатова Людмила. Дневник эмигранта	104
--	-----

ИМЕНА И УСАДЬБЫ	111
<i>Рождественская Нина. О доме моего прадеда</i>	
<i>Степана Ивановича Рождественского.....</i>	112
С ВЕРОЙ И НАДЕЖДОЙ.....	123
<i>Елфимова Галина. Вехи истории.....</i>	116
<i>Столяренко Вера. История продолжается... ..</i>	118
<i>Филиппова Валентина. Храм у дороги</i>	122
<i>Скорнякова Зинаида. Посох, помогающий в пути.....</i>	126
<i>Скорнякова Зинаида. Записки паломника.....</i>	129
ИНГЕРМАНЛАНДИЯ	135
<i>Крылов Павел. Рождественский мир</i>	136
<i>Михеев Геннадий</i>	
<i>Финская земля</i>	138
ЛЮДИ ИСКУССТВА	139
<i>Скорнякова Зинаида. Валерий Шевченко:</i>	
<i>«Скульптура продолжает мою жизнь»</i>	140
<i>Шевченко Валерий. Как «создавалась» «Няня» поэта</i>	143
<i>Митенев Александр. От пионерского оркестра до великорусского</i>	144
<i>Тришина Алена. Воспоминания о «Золотом городе»</i>	151
<i>Хохлова Галина. С этюдником по Сиверской</i>	157
И ВЕРЕН НЕБУ, ВЕТРУ ВЕРЕН... ..	203
<i>Бадамшина Екатерина. Герои Гатчинского аэродрома.....</i>	162
<i>Рябов Дмитрий. Сиверский аэродром в годы войны.....</i>	164
МОРСКАЯ СЛАВА ГАТЧИНЫ	173
<i>Рыженко Ирина, Михеев Геннадий. Гатчинские гардемарины.....</i>	174
<i>Вишневский Иван. Морская слава Гатчины.....</i>	177
К ПОРТРЕТУ СОВРЕМЕННОГО	189
<i>Баскаков Александр. Своевременные диалоги</i>	190
<i>Зимина Лариса. К портрету Елены Петровны Калюжной.....</i>	195
<i>Глыбина Елена. О таком учителе можно только мечтать.....</i>	197
<i>Юрко Татьяна</i>	
<i>Учитель входит в класс</i>	198
<i>Хохлова Галина. Наследница династии Елисеевых.....</i>	199
<i>Смородина Марина. Память сердца.....</i>	204
1812... ЧТО БЫЛО ИСТИННО ВЕЛИКИМ, ОСТАНЕТСЯ ВЕЛИКИМ	
НАВСЕГДА!	207
<i>Рыбаков Константин. «Скажи-ка, дядя, ведь не даром»... ..</i>	208
<i>Сонина Лилия. «Хвала тебе, герой, что град Петров спасен тобой!».....</i>	211
<i>Киселева Лариса.</i>	
<i>Забыть — не дано</i>	214
<i>Корниенко Евгения.</i>	
<i>Героям 1812 года</i>	214

ВОЙНЫ И ПАМЯТИ ПРИКАЗ... ..	215
<i>Николаев Владимир. Подвиг в небе Калмыкии</i>	216
<i>Голдобин Андрей. Два рассказа из жизни маленького мальчика</i>	
<i>в годы большой войны</i>	227
<i>Бобкова Зоя. Забвению не подлежит</i>	232
<i>Тарасова Таисия. Хлебные карточки</i>	234
<i>Андрянова Ирина</i>	
<i>Обелиски</i>	236
КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ	237
<i>Бурлаков Андрей. Гатчина снимается в кино</i>	238
<i>Ержаковская Галина. Дела музейные</i>	248
<i>Кройтор Елена</i>	
<i>Словно дождик с неба льются строчки</i>	252
<i>Алексеева Лариса</i>	
<i>Обращение к людям</i>	252
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ	253
<i>Семочкин Александр. Колыбель не качается над бездной</i>	254
<i>Аршакуни Артур. Абракадабра, или Всякая всячина.....</i>	261
<i>Семочкин Александр. Диалоги</i>	267
<i>Пунжина Наталия</i>	
<i>Черемухи</i>	302
<i>Корниенко Евгения</i>	
<i>Сиверская</i>	302
ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРОКОЙ	303
<i>Павлов Андрей</i>	
<i>Вот солнце запуталось в кудрях сирени... ..</i>	304
<i>Под куполом тьмы звенящей</i>	304
<i>Распускаются и тают... ..</i>	304
<i>Осипова Галина</i>	
<i>К картине В. Осипова «Дорога к Богу»</i>	304
<i>Любовь</i>	304
<i>Сойту Людмила</i>	
<i>Ореол</i>	305
<i>Вандышева Ариадна</i>	
<i>Мандарины, имбирь и корица</i>	305
<i>Иванова Татьяна</i>	
<i>Осенние листья</i>	305
<i>Подвязкин Владимир</i>	
<i>Во славу стойкости и веры</i>	306
<i>Фаловский Александр</i>	
<i>Французам не понять... ..</i>	306
<i>Шутилов Виктор</i>	
<i>Петербужье</i>	307

<i>Гореликов Владимир</i>	
Пусть этот мир ничуть не сказка...	307
<i>Кряжев Александр</i>	
Последний день осени	307
<i>Иванов Виктор</i>	
Северяне	308
Замело, завьюжило	308
Северные раздумья	308
<i>Киселева Лариса</i>	
Наследство	308
<i>Кройтор Елена</i>	
Суйде	309
<i>Елецкий Сергей</i>	
Осеннее чудо	309
Растворится Гатчина в белых ночах	309
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	310
СОДЕРЖАНИЕ	315

ОРЕДЕЖ

Литературно-краеведческий альманах
Гатчинского муниципального района
Ленинградской области

Выпуск 9

Издательство «ЛЕТОПИСЬ»
Санкт-петербург, Клинский проспект, 25
Телефон: 777-05-17

Формат 165х230. Гарнитура Literaturnaya. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз.